

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 2073-2929
DOI 10.22394/2073-2929

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:

ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА
Международный научно-аналитический журнал

Том 19, № 2 • 2025

Тема номера:
ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА НА ФОНЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРА

Партнеры журнала: Евразийская экономическая комиссия
Координационный совет Евразийского информационно-аналитического консорциума

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки), 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки); 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки); 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки), 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки), 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки).

Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде. Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,
В. О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
<https://www.eijournal.ru>

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2025
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2025
- © Редколлегия журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» (составитель), 2025
- © Все права защищены

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
NORTH-WEST INSTITUTE OF MANAGEMENT

ISSN 2073-2929
DOI 10.22394/2073-2929

EURASIAN INTEGRATION:

ECONOMICS, LAW, POLITICS
International Scientific and Analytical Journal
Vol. 19 No 2 • 2025

Topic of the Issue:
**THE GREAT VICTORY AGAINST THE BACKGROUND
OF THE TRANSFORMATION OF THE WORLD**

Partner of the journal: Eurasian Economic Commission
Coordinating Council of the Eurasian Information and Analytical Consortium

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE: 199004, St. Petersburg,
V.O., 8th line, 61
Ph.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Fax: (812) 335-42-16
Website: <https://www.eijournal.ru>

- © Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2025
- © North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2025
- © Editorial Board of the Journal „Eurasian Integration: economics, law, politics“ (compilation), 2025
- © All rights reserved

 It is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич, Государственный секретарь Союзного государства России и Беларуси, академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КЕФЕЛИ Игорь Федорович, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции СЗИУ РАНХиГС, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, эксперт РАН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

МЯСНИКОВИЧ Михаил Владимирович, член-корреспондент НАН Беларуси, доктор экономических наук, профессор

ШАМАХОВ Владимир Александрович, научный руководитель международного научного совета, научный руководитель СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса

СЛУЧЕВСКИЙ Вячеслав Владимирович, заместитель научного руководителя международного научного совета, советник научного руководителя Северо-Западного института управления РАНХиГС, кандидат исторических наук

АЛИМБЕКОВ Мусабек Тургынбекович, почетный профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук (Казахстан)

БЕБЕНИН Сергей Михайлович, Председатель Законодательного собрания Ленинградской области

БОНДУРОВСКИЙ Владимир Владимирович, заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, кандидат юридических наук

БОРДЮЖА Николай Николаевич, председатель Координационного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума (ЕИАК)

КОГУТ Виктор Григорьевич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального собрания Республики Беларусь в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук, доцент

КУЧЕРЯВЫЙ Михаил Михайлович, доктор политических наук, доцент

ЛОКЯН Арсен Багдасарович, ректор Академии государственного управления Республики Армения, доктор психологических наук

МАКСИМЦЕВ Игорь Анатольевич, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор

РАХИМИ Фарход Кодирович, действительный член, президент Национальной академии наук Таджикистана, доктор физико-математических наук, профессор

САТВАЛДИЕВ Нурбек Абдурашитович, директор Бишкекского филиала Международного института мониторинга развития демократии, парламентаризма и защиты избирательных прав граждан государств — участников МПА СНГ (МИМРД МПА СНГ), кандидат политических наук

САФАРЗОДА Бахтовар Амирали, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Таджикистан в Республике Беларусь, полномочный представитель Маджлиси Оли — парламента Республики Таджикистан в ПА ОДКБ, доктор юридических наук

ХАНЬ Лихуа, старший научный сотрудник Университета международного бизнеса и экономики (Китай), PhD, профессор

ЧИЛИНГАРЯН Айк Марселолич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального Собрания Республики Армения в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат экономических наук

ШУХНО Сергей Степанович, заместитель начальника отдела Департамента развития интеграции Евразийской экономической комиссии

ЭРКЕБАЕВ Абдыганы Эркебаевич, академик Национальной Академии наук Кыргызской Республики, председатель совета Ассамблеи народа Кыргызстана, доктор филологических наук

ЯКУНИН Владимир Иванович, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АБАЙДЕЛЬДИНОВ Ербол Мусинович, профессор кафедры международного права Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук, профессор (Казахстан, Астана)

АКАЕВ Аскар Акаевич, доктор технических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, иностранный член Российской академии наук (Кыргызстан)

АСАУЛ Максим Анатольевич, доктор экономических наук (Россия, Москва)

ВЕТРЕНКО Инна Александровна, заведующая кафедрой социальных технологий СЗИУ РАНХиГС, директор Исследовательского аналитического центра «Русская мечта», доктор политических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич, директор Института Европы Российской академии наук, доктор политических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Россия, Москва)

ДЕНИСОВ Андрей Иванович, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам, кандидат экономических наук (Россия, Москва)

ЕНГОЯН Ашот Пайлакович, заведующий кафедрой теории и истории политической науки Ереванского госуниверситета, доктор политических наук, профессор (Армения, Ереван)

КАЗАНЦЕВ Андрей Анатольевич, директор аналитического центра Института международных исследований Московского государственного института международных отношений, доктор политических наук (Россия, Москва)

КАШКИН Сергей Юрьевич, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

КАЮМОВ Нуриддин Каюмович, академик Национальной академии наук Таджикистана, доктор экономических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

КОЖОШЕВ Арзыбек Орозбекович, Член Коллегии (министр) по энергетике и инфраструктуре Евразийской экономической комиссии, доктор экономических наук, профессор (Кыргызстан, Бишкек)

КРОТОВ Михаил Иосифович, Полномочный представитель Федерального Собрания Российской Федерации — заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва, Санкт-Петербург)

КУЗНЕЦОВ Алексей Владимирович, директор Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, доктор экономических наук, член-корреспондент РАН (Россия, Москва)

КУКЛИНА Евгения Анатольевна, профессор кафедры бизнес-информатики СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, профессор, редактор раздела «Экономика» (Россия, Санкт-Петербург)

ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна, заведующая кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений, доктор политических наук, профессор (Россия, Москва)

ЛИВЕРОВСКИЙ Алексей Алексеевич, научный руководитель юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, заведующий кафедрой конституционного права, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

МЕЖЕВИЧ Николай Маратович, исполнительный директор Ассоциации внешнеполитических исследований им. А. А. Громыко (Россия, Москва), доктор экономических наук, профессор

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, профессор кафедры международного и гуманитарного права СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических и юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

НОВИКОВА Ирина Николаевна, декан факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

РЕМЫГА Владимир Николаевич, генеральный директор Координационного центра «Экономический пояс Шелкового пути», доктор экономических наук (Россия, Москва)

СЕРГЕВНИН Сергей Львович, декан юридического факультета СЗИУ РАНХиГС, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, редактор раздела «Право» (Россия, Санкт-Петербург)

СКВОРЦОВ Олег Юрьевич, профессор кафедры коммерческого права СПбГУ, доктор юридических наук (Россия, Санкт-Петербург)

СТАРОВОЙТОВ Александр Александрович, эксперт юридического факультета СЗИУ РАНХиГС, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

ТОРОПЫГИН Андрей Владимирович, профессор кафедры международных отношений СЗИУ РАНХиГС, доктор политических наук, редактор раздела «Политика» (Россия, Санкт-Петербург)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права РАН, главный редактор Евразийского юридического журнала, доктор юридических наук (Россия, Москва)

ХАШ-ЭРДЭНЭ Самбалхундэв, председатель общества «Знание» Монголии, доктор социологических наук, профессор (Монголия, Улан-Батор)

CHIEF EDITOR

GLAZYEV Sergey, State Secretary of the Union State of Russia and Belarus, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

DEPUTY CHIEF EDITOR

KEFELI Igor, Leading Researcher of the Research Laboratory Institute for Strategic Planning and Eurasian Integration, North West Institute of Management, RANEPa, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Expert of RAS

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

MYASNIKOVICH Mikhail, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Economics, Professor

SHAMAKHOV Vladimir, Scientific Supervisor of the Council, Research Supervisor of the North-West Institute of Management — branch of the RANEPa, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class

SLUCHEVSKY Vyacheslav, Deputy Scientific Supervisor of the Council, Advisor to the Research Supervisor of North-West Institute of Management of RANEPa, PhD in Historical Sciences

ALIMBEKOV Musabek, honorary professor of the L. N. Gumilyov Eurasian National University, Doctor of Laws

BEENIN Sergey, Chair of the Legislative Assembly of the Leningrad Region

BONDUROVSKY Vladimir, Deputy Executive Secretary of the CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Law

BORDYUZHAN Nikolai, Chairman of the Coordinating Council of the Eurasian Information and Analytical Consortium

KOGUT Viktor, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Belarus in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Sciences, Associate Professor

KUCHERYAVY Mikhail, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

LOKYAN Arsen, Rector of the Academy of Public Administration of the Republic of Armenia, Doctor of Psychology

MAKSIMTSEV Igor, Rector of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics, Professor

RAHIMI Farhod, President of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Doctor of Physics and Mathematics, Professor

SATVALDIEV Nurbek, Director of the Bishkek branch of the International Institute for Monitoring Democracy Development, Parliamentarianism and Suffrage Protection of Citizens of IPA CIS Member Nations (IPA CIS IIMDD), PhD in Political Sciences

SAFARZODA Bakhtovar, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Tajikistan to the Republic of Belarus, Plenipotentiary Representative of Majlisi Oli — Parliament of the Republic of Tajikistan in the CSTO PA, Doctor of Laws

HAN Lihua, Senior Researcher of University of International Business and Economics (China), PhD, Professor

CHILINGARYAN Ayk, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Armenia in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Economics

SHUKHNO Sergey, Deputy Head of the subdivision of the Department for the Development of Integration of the Eurasian Economic Commission

ERKEBAYEV Abdygany, Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Doctor of Philology

YAKUNIN Vladimir, Head of the State Policy Department of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences, Professor

EDITORIAL BOARD

ABAYDELIDINOV Erbol, Doctor of Laws, Professor, Department of Integrational Law, Faculty of Law, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Kazakhstan, Astana)

AKAEV Askar, Doctor of Technical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Kyrgyzstan)

ASAUl Maksim, Doctor of Economics (Russia, Moscow)

VETRENKO Inna, Head of the Department of Social Technologies of the North-West Institute of Management of the RANEPA, Director of the Research Analytical Center "Russian Dream" (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Political Sciences, Professor

GROMYKO Alexey, Director of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences, Professor

DENISOV Andrey, First Deputy Chair of the Federation Council Committee on Foreign Affairs (Russia, Moscow), PhD in Economics

ENGOYAN Ashot, Head of the Department of Theory and History of Political Science of Yerevan State University (Armenia, Yerevan), Doctor of Political Sciences, Professor

KASHKIN Sergey, Head of the Department of Integration and European Law of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Professor, Department of "Zhan Monnet" (European Union) (Russia, Moscow), Doctor of Laws, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

KAZANTSEV Andrey, Director of Analytical Center, Institute of International Studies of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences

KAYUMOV Nuriddin, Academician of the National Academy of Sciences of Tajikistan (Tajikistan, Dushanbe), Doctor of Economics, Professor

KOZHOSHEV Arzybek, Member of the Board — Minister for Energy and Infrastructure of the Eurasian Economic Commission (Kyrgyzstan, Bishkek), Doctor of Economics, Professor

KROTOV Mikhail, Plenipotentiary Representative of the Federal Assembly of the Russian Federation — Deputy Executive Secretary of the CSTO PA (Russia, Moscow, Saint Petersburg), Doctor of Economics, Professor

KUZNETSOV Alexey, Director of Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Doctor of Economics

KUKLINA Evgenia, Chair of Business Informatics of North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), Editor of the "Economics" section, Doctor of Economics, Professor

LEBEDEVA Marina, Head of the Department of World Political Processes of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences, Professor

LIVEROVSKY Alexey, Scientific Director of the Faculty of Law of St. Petersburg State University of Economics, Head of the Department of Constitutional Law (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Laws, Professor

MEZHEVICH Nikolay, Executive Director of the A. A. Gromyko Association for Foreign Policy Studies (Russia, Moscow), Doctor of Economics, Professor

MISHALCHENKO Yuri, Professor of the Department of International and Humanitarian Law of the North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Economics, Doctor of Laws, Professor

NOVIKOVA Irina, Dean of the Faculty of International Relations of St. Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg), Doctor of History, Professor

REMYGA Vladimir, Director-General of the Coordination Center "Economic Belt of the Silk Road" (Russia, Moscow), Doctor of Economics

SERGEVNIN Sergey, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of History and Theory of State and Law, North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), editor of the "Law" section, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor

SKVORTSOV Oleg, Professor of the Department of Commercial Law, St. Petersburg State University, Doctor of Laws (Russia, Saint Petersburg)

STAROVOITOV Alexander, Expert of the Law Faculty, North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor

TOROPYGIN Andrey, Professor North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), editor of the "Politics" section, Doctor of Political Sciences

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Laws, Leading Researcher, Sector of International Legal Studies, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Editor-in-Chief of the Eurasian Law Journal

KHASH-ERDENE Sambalhundev, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chairman of the society "Knowledge" of Mongolia (Mongolia, Ulan-Bator)

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
экономика, право, политика
Международный научно-аналитический журнал
Том 19, № 2 2025

Содержание

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Глазьев С. Ю.

Союзное государство как оптимальная форма нового мирохозяйственного уклада 9

ГЛАВНОЕ

Баева Л. В.

Аксиология Победы в Великой Отечественной войне: культурно-историческая память в России и странах Запада..... 12

Козьменко Ю. С.

Морские и континентальные контуры геополитического статуса современной России..... 23

ЭКОНОМИКА

Бойко И. В.

Взаимная торговля стран БРИКС в логике интеграционного взаимодействия 33

Зубова Л. В.

Рискоустойчивость международной производственной кооперации стран БРИКС 44

Ягья Т. С., Баранова Л. Ю.

К вопросу о внедрении искусственного интеллекта в Германии..... 56

Гетман А. Г., Голубейкова Е. А.

Актуальные вопросы технического регулирования в ЕАЭС в условиях легализации параллельного импорта товаров..... 67

ПРАВО

Дроздова М. А.

Единая терминология для международных перевозок в рамках ЕАЭС 78

Ларютина И. А., Ларютина А. С.

Правовые формы международной экономической интеграции 86

Игнатьев М. А., Федосов И. В.

Особенности тайландского законодательства о праве обладания собственностью на недвижимость..... 96

ПОЛИТИКА

Андреева В. И., Васильева Н. А.

Политическая активность России в достижении целей устойчивого развития..... 106

Крупина А. А.

Человеческий капитал как драйвер развития стран Большого Евразийского партнерства 118

Белая Е. К., Кашина М. А.

Политика привлечения иностранных студентов странами Северо-Восточной Азии 131

Михеева Н. М., Богатуров Д. С.

Основные тенденции развития миграционной ситуации в Республике Крым в период 2014–2021 гг..... 144

Величко А. И.

Реализация молодежной политики в условиях цифровизации Союзного государства России и Беларуси 157

Харитонов Н. И., Шебанов А. В.

Интеграционные стратегии Союзного государства России и Беларуси: практика политического взаимодействия..... 169

Лю И., Степанов С. А.

Сравнительный анализ политики зеленых умных городов в России и Китае на основе SWOT-анализа 180

ЕВРАЗИЙСКАЯ ХРОНИКА

Волкова О. А., Исаков В. Б., Волчков В. Ю., Тюрин И. А.

Молодежь стран — членов ЕАЭС объединяется для содействия здоровому долголетию..... 190

EURASIAN INTEGRATION: Economics, Law, Politics

International scientific and analytical journal

Vol. 19, No. 2 2025

Contents

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Sergei Yu. Glazyev Union State as the Optimal Form of a New World Economic Order	9
--	---

MAIN

Liudmila V. Baeva The Axiology of Victory in the Great Patriotic War: Cultural and Historical Memory in Russia and Western Countries.....	12
Sergey Yu. Kozmenko Maritime and Continental Contours of the Geopolitical Status of Modern Russia	23

ECONOMICS

Irina V. Boiko Mutual Trade of BRICS Countries in the Logic of Integration Cooperation	33
Lyudmila V. Zubova Risk Resilience of International Production Cooperation among BRICS Countries.....	44
Talie S. Yagya, Lubov Yu. Baranova On the Issue of Introducing Artificial Intelligence in Germany	56
Anastasia G. Getman, Ekaterina A. Golubeikova Current Issues of Technical Regulation in the EAEU in the Context of the Legalization of Parallel Imports of Goods	67

LAW

Maria A. Drozdova Unified Terminology for International Transportation within the EAEU.....	78
Irina A. Laryutina, Anastasia S. Laryutina Legal Forms of International Economic Integration.....	86
Mikhail A. Ignatiev, Ivan V. Fedosov Peculiarities of Thai Legislation on the Right to Own Real Estate.....	96

POLITICS

Viktoriya I. Andreeva, Natalia A. Vasilyeva Russia's Political Activity in Achieving the Sustainable Development Goals	106
Anna A. Krupina Human Capital as a Driver of Development in the Greater Eurasian Partnership Countries.....	118
Ekaterina K. Belaia, Marina A. Kashina Policy of Attracting International Students of Northeast Asian Countries.....	131
Natalia M. Miheeva, Dmitry S. Bogaturov Main Trends in the Development of the Migration Situation in the Republic of Crimea in the Period 2014–2021	144
Anton I. Velichko Implementation of Youth Policy in the Context of Digitalization of the Union State of Russia and Belarus	157
Natalia I. Kharitonova, Alexander V. Shebanov Integration Strategies of the Union State of Russia and Belarus: Practice of Interaction	169
Liu Ying, Sergey A. Stepanov Comparative Analysis of Green Smart Cities Policies in Russia and China Based on SWOT Analysis	180

EURASIAN CHRONICLE

Olga A. Volkova, Vladimir B. Isakov, Vitalij Yu. Volchkov, Igor' A. Tyurin The Youth of the EAEU Member States Unite to Promote Healthy Longevity	190
---	-----

Союзное государство как оптимальная форма нового мирохозяйственного уклада

Союзное государство Беларуси и России (далее — СГ) состоялось как интеграционное образование нового типа, в котором национальные и наднациональные начала сочетаются оптимальным образом. При этом наднациональные функции регулирования единого экономического пространства (далее — ЕЭП) и Россия, и Беларусь делегировали еще одному интеграционному образованию, членами которого они являются, — Евразийскому экономическому союзу (ЕАЭС). В самом Союзном государстве это общее экономическое пространство дополняется целевыми программами совместной реализации перспективных направлений научно-технического прогресса (далее — НТП), а также наднациональными форматами работы союзного правительства и объединенных коллегий отдельных министерств и ведомств. Последнее позволяет снять сохраняющийся пока в ЕАЭС существенный барьер, препятствующий свободному передвижению людей, капиталов, а в некоторых случаях услуг и товаров.

СГ имеет общую с ЕАЭС систему регулирования ЕЭП, включающую общие рынки товаров, услуг, капитала и труда, которая дополняется функцией его развития на передовой технологической основе. Обе интеграционные структуры построены на одинаковых принципах: добровольности, взаимовыгодности, прозрачности, уважения суверенитета сторон, дополняемости конкурентных преимуществ. В этом они воплощают характерные черты нового мирохозяйственного уклада (далее — МХУ), приходящего на смену либеральной глобализации однополярного мира.

Этот новый мирохозяйственный уклад назван нами «интегральным»¹. В отличие от предыдущего, имперского МХУ, основанного на глобальных вертикально интегрированных структурах двух антагонистических типов — социалистических научно-производственных объединений и капиталистических транснациональных корпораций, новый МХУ сочетает преимущества централизованного планирования и рыночной самоорганизации, государственного контроля за финансово-банковской системой и широкого кредитования добросовестного предпринимательства, государственной собственности на инфраструктуру и частного бизнеса в конкурентных секторах экономики. Характерная для этого МХУ система управления в наиболее полном виде создана в КНР, многие ее элементы присутствуют в системах управления развитием экономик Индии, Южной Кореи, Японии, Вьетнама и других стран Восточной и Южной Азии. Она опирается как на опыт социалистического строительства в СССР, так и на институты организации капиталистической экономики, определяющие глобальную конкуренцию.

По сути, это — конвергентная модель, появление которой предвидели многие советские и американские экономисты, включая Питирима Сорокина, который более полувека назад определил ее как «интегральный строй». В рамках этого строя государство выполняет роль интегратора разнообразных интересов различных социальных групп, снимая классовые антагонизмы на основе подчинения всей системы экономического регулирования целям роста народного благосостояния на основе роста производства и повышения конкурентоспособности экономики. В международных отношениях интегральный МХУ проявляется в переходе от либеральной глобализации к восстановлению разнообразия национальных систем регулирования экономики и уважения к национальному суверенитету, а содержание сотрудничества перемещается от взаимной торговли к совместным инвестициям. Не прибыль в игре

¹ Глазьев С. Мировозрастные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. 2016. Т. 52, № 2; Глазьев С. Прикладные результаты теории мировозрастных укладов // Экономика и математические методы. 2016. Т. 52, №3; автором настоящего материала зарегистрирована научная гипотеза «Гипотеза о периодической смене мировозрастных укладов» (свидетельство №41-Н о регистрации Международной академией авторов научных открытий и изобретений под научно-методическим руководством Российской академии естественных наук выдано в 2016 г.).

с «нулевой суммой», когда передовые страны выигрывают за счет завоевания рынков отстающих, а синергетический эффект от сочетания конкурентных преимуществ в совместных инвестиционных проектах по формированию межстрановых технологических цепочек по производству товаров с высокой добавленной стоимостью становится стержнем региональной интеграции.

Именно на этих принципах строится СГ. Со стороны идеологов либеральной глобализации оно подвергалось жесткой критике, которая сводилась, главным образом, к упрекам в дотировании белорусской экономики за счет России. В действительности в рамках сложившейся в России фискальной системы альтернативой единому рынку энергоносителей в СГ могло бы стать только увеличение вывоза нефтедолларов за рубеж в офшорные зоны и стабилизационные фонды. Как показывает элементарная статистика, это было бы куда менее выгодно для развития российской экономики, чем расширение производственной кооперации, достигаемое в ЕЭП. Так, в депрессивный период начала нулевых годов рост российского сельхозмашиностроения обеспечивался за счет поставок комплектующих для сборки белорусских тракторов.

Принципиальным отличием интегрального МХУ от имперского является сложность. Имперский МХУ существовал в двух исторических формациях: социалистического народнохозяйственного комплекса стран СЭВ и КНР, основой которого были финансируемые посредством Госбанка производственные объединения, и американоцентричного спрута транснациональных корпораций, кредитуемых за счет эмиссии мировых фиатных валют. Советский и американский блоки политически были антагонистами, но внутри они строились на однообразных моделях организации крупного промышленного производства на основе вертикально интегрированных систем управления, подчинявших своему воспроизводству труд сотен тысяч людей в различных регионах мира. После краха СССР американоцентричная модель ТНК под прикрытием ультралиберальной идеологии попыталась распространиться на весь мир. Но она исчерпала свою эффективность: несмотря на пятикратное увеличение количества долларов в течение последнего десятилетия, экономика США и их сателлитов почти не растет, а избыточная долларовая масса связывается в гигантских финансовых пузырях. Ядро же формирующегося нового МХУ, состоящее из политически антагонистических, но схожих по системам управления развитием экономики Китая и Индии, опережающим образом расширяется, концентрируя уже большую часть глобального производства товаров.

СГ так же, как и ЕАЭС, строится на принципах нового МХУ. Сегодня, спустя треть века после распада СССР, можно сравнить эффективность различных интеграционных моделей. Страны Прибалтики были поглощены ЕС, который по сути является бюрократической империей, выстроенной по архитектуре уходящего МХУ, и превратились в экономическую пустыню. Экономика Украины, которую спецслужбы НАТО принудили путем антиконституционного государственного переворота подписать дискриминационное соглашение об ассоциации с ЕС и сделали своим форпостом для войны против России, практически разрушена. На этом фоне развитие белорусской экономики, которая производит в полтора раза больше ВВП, чем в советское время, предьявляет свой пример успешного развития. От этого развития российская экономика также выигрывает за счет синергетического эффекта производственной кооперации и сочетания конкурентных преимуществ.

Сохранение высоких темпов роста экономики СГ обеспечивается успешной адаптацией к внешнеэкономическим вызовам, в том числе за счет экономических мер поддержки, принятых и реализуемых правительствами. Положительное воздействие на темпы экономического роста СГ оказывает углубление взаимной интеграции. Взаимный торговый оборот Российской Федерации и Республики Беларусь возрастет с 57,1 млрд долл. в 2024 г. до 65 млрд долл. в 2027 г. Совокупный интеграционный эффект в 2025–2027 гг. будет составлять 1,2% от ВВП Союзного государства.

Повышение интеграционных эффектов с 2021 г. определяется ростом взаимной торговли, который был обусловлен интенсификацией интеграционных процессов на фоне усиления внешнеэкономических ограничений на Беларусь и Россию со стороны недружественных стран. По данным Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, для Беларуси годовые оценки эффектов интеграции увеличатся с 7–10% ВВП (5–6 млрд долл.) в период 2015–2019 гг. до 21% ВВП (17–20 млрд долл.) в период

2025–2027 гг. Для России оценки вклада интеграции в ВВП также растут — с 0,2% ВВП (3–4 млрд долл.) до 0,5–0,6% ВВП (11–14 млрд долл.). Суммарный интеграционный эффект на ВВП СГ — средневзвешенный за 2000–2027 гг. — составляет 0,8% от ВВП Союзного государства за этот период (341 млрд долл.). Помимо обуславливающих прирост ВВП СГ эффектов взаимной торговли и углубления кооперационных связей между промышленными предприятиями важнейшим фактором успеха союзного строительства являются программы Союзного государства. Это — эффективный инструмент создания высокотехнологичной наукоемкой продукции, которая отвечает требованиям нового технологического уклада, а в сочетании с рациональной промышленной политикой становится элементом формирования и развития единого научно-технологического и экономического пространства Союзного государства.

По оценкам того же Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, удельные полные эффекты на ВВП Республики Беларусь в расчете на 1 руб. расходов по всей совокупности совместных программ (25 программ с 2012 г.) составляют 1,17 руб., удельные полные эффекты на ВВП Российской Федерации — 1,58 руб., удельные полные эффекты на ВВП Союзного государства — 1,42 руб. по широкому кругу секторов. Это расчет прямых эффектов по таблице межотраслевого баланса. Косвенные эффекты по некоторым программам на порядки больше. Например, научно-техническая программа по использованию стволовых клеток в здравоохранении породила новую отрасль в медицинской промышленности Беларуси, производящую нужные для лечения многих болезней препараты, а также позволила создать принципиально новые высокоэффективные и щадящие методики лечения многих болезней. А реализация программ СГ по космической тематике стала технологической основой Белорусской космической системы дистанционного зондирования Земли (ДЗЗ). Проектирование перспективного развития СГ как нового центра силы и экономического притяжения на евразийском континенте, помимо реализации документов средне- и долгосрочного планирования, а также массива целевых программ совместной реализации перспективных направлений НТП, требует формирования мощной подпорки в виде институтов развития и определения источников финансирования совместных приоритетов.

Целенаправленная экономическая политика, предусматривающая углубление научно-технологической кооперации, структурную перестройку и модернизацию народного хозяйства Беларуси и России на современной технологической основе, увеличение инвестиций в развитие технологий и расширение производств нового технологического уклада, позволяет рассчитывать на темпы роста СГ выше среднемировых (до 6–8%). Для этого необходимо увеличение капитальных вложений за счет расширения кредита, организуемого центральными банками под обязательства государства и предприятий в целях финансирования инвестиций в модернизацию, развитие и расширение перспективных производств.

Главный редактор
Сергей Глазьев

Аксиология Победы в Великой Отечественной войне: культурно-историческая память в России и странах Запада

Баева Л. В.

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, Астрахань, Россия

e-mail: baevaludmila@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7137-9458

РЕФЕРАТ

Цель и задачи. Раскрыть ценностный смысл Победы советского народа в Великой Отечественной войне как важный фактор формирования исторической памяти, гражданского самосознания и социальной идентичности. Задачей исследования является выявление источников формирования ценности Великой Победы, форм ее проявления в общественном сознании в России на основе сравнительного анализа с представлениями о результатах Второй мировой войны на Западе.

Методы. На основе компаративного анализа представлен вторичный анализ результатов общественного мнения в России и странах Запада в оценке значимости Победы над фашизмом в 1945 г. и вклада в нее отдельных стран. Выявлены особенности общественного мнения россиян в оценке Великой Победы, их причины и проявление.

Результаты. На основе применения экзистенциально-аксиологического подхода к феноменам и событиям исторического развития обоснована взаимосвязь исторически значимых процессов и экзистенции личности и культуры на основе формирования когнитивного и ценностно-смыслового основания мировоззрения. Представлены взаимосвязи теорий исторической памяти, социального конструктивизма, идентичности личности, символического пространства культуры и экзистенциально-аксиологического подхода к изучению значимых исторических событий. Дана характеристика с позиции ценностного подхода феномену победы в отечественных войнах как отражению источника роста национального самосознания и коллективной памяти. **Выводы.** Государственная политика в области укрепления исторического просвещения создает мировоззренческое основание для связи поколений и консолидации современного общества на основе единых ценностей, важнейшей из которых является ценность Победы. В условиях информационной войны историческое просвещение становится условием ценностного суверенитета, когнитивной и экзистенциальной безопасности.

Ключевые слова: победа в Великой Отечественной войне, ценности, экзистенциально-аксиологический подход, культурно-историческая память, идентичность, символ, когнитивная безопасность, ценностный суверенитет

Для цитирования: Баева Л. В. Аксиология Победы в Великой Отечественной войне: культурно-историческая память в России и странах Запада // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 2. С. 12–22. EDN: RRCYSS

The Axiology of Victory in the Great Patriotic War: Cultural and Historical Memory in Russia and Western Countries

Liudmila V. Baeva

Astrakhan Tatishchev State University, Astrakhan, Russia

e-mail: baevaludmila@mail.ru

ORCID: 0000-0001-7137-9458

ABSTRACT

This work is devoted to the analysis value meaning of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War as an important factor in the formation of civic consciousness. **Aim and tasks.** The purpose of the research is to identify the sources of the formation of the value of the Great Victory and the forms of its manifestation. **Methods.** Based on a comparative analysis, a secondary analysis of the results of public opinion in Russia and Western countries is presented in assessing the significance of the Victory over Fascism in 1945 and the contribution of individual countries to it. The peculiarities of public opinion of Russians in assessing the Great Victory, their causes and manifestations are revealed. **Results.** The research methodology is related to the application of an existential-axiological approach to the phenomena and events of historical development, which makes it possible to identify the connection between historically significant processes and the existence of personality and culture based on the formation of a cognitive and value-semantic basis of the worldview. The study presents the interrelationships of the theories of historical memory, social constructivism, personal identity, the symbolic space of culture and the existential-axiological approach to the study of significant historical events. The author characterizes the phenomenon of victory in the patriotic wars from the standpoint of a value approach as a reflection of the source of the growth of national identity and collective memory. **Conclusions.** The state policy in the field of strengthening historical education creates a worldview basis for connecting generations and consolidating modern society based on common values, the most important of which is the value of Victory. In the context of the information war, historical enlightenment becomes a condition for value sovereignty, cognitive and existential security.

Keywords: Victory in the Great Patriotic War, values, existential-axiological approach, historical memory, identity, symbol, cognitive security, value sovereignty

For citation: Baeva L. V. The Axiology of Victory in the Great Patriotic War: Cultural and Historical Memory in Russia and Western Countries // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 12–22. (In Russ.). EDN: RRCYSS

Введение

На протяжении всей истории человечества формировались ценности социальной жизни, значимость которых умножается от того, что их разделяют не только отдельные индивиды, но и вся социальная группа, нация, государство, человечество. Наиболее значимыми среди социальных ценностей оказываются те, которые способствуют единению, сближению, консолидации людей в составе той или иной общности. Сильными интегрирующими ценностями могут стать и значимые исторические события, которые приобретают в общественном сознании статус символов единства, мощи, высшего появления блага. Именно такой ценностью является Победа в Великой Отечественной войне, ставшая важнейшей основой гражданского самосознания в Советском Союзе, а затем в России. Целью нашего исследования является осмысление аксиологии феномена Великой Победы и его места в системе социальных ценностей общества как в России, так и в мире. Актуальность этой проблемы обусловлена подъемом национального самосознания российского народа, связанного как с 80-летним юбилеем Великой Победы, отмечаемом в 2025 г., так и с осознанием гражданской консолидации в условиях противостояния России и Запада в отстаивании традиционных социальных и нравственных ценностей, ценностного суверенитета. Эти факторы актуализируют в коллективном сознании события Великой Отечественной войны и победу в ней советского народа, с одной стороны, и проблему оценки в общественном сознании вклада СССР в победу во Второй мировой войне, с другой. Методология исследования связана с экзистенциально-аксиологическим подходом к изучению значимых исторических событий.

Историческая память и ценности

В современных исследованиях вопросы ценностного восприятия исторических событий связаны с несколькими концептуальными подходами.

Это теории исторической памяти [7], социального конструктивизма [1], символической политики [5] и т. д. Прежде всего, вопросы «отнесения к ценности» исторических событий соприкасаются с теоретическими разработками в области изучения феномена исторической памяти, который получил широкое развитие после трудов П. Нора [7] как в мире, так и в России. П. Нора и представители «Новой исторической школы» отмечали, что исторические события присутствуют в жизни нынешних поколений не как таковые, а как трансформация в сознании и памяти людей. П. Нора подчеркивал значение «мест памяти» как единства духовных и материальных символических элементов, ставшее со временем и по воле людей значимым для коллективного наследия и национальной памяти общности [Там же]. «Местами памяти» становятся различные объекты, обретающие ценность в общественном сознании: памятники, значимые даты, события прошлого, праздники и торжества в честь героев, в которых кристаллизуется историческая память. «История — это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память — это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим. История же — это репрезентация прошлого... она чувствительна ко всем трансферам, отображениям, запретам или проекциям», — пишет П. Нора в статье «Проблематика мест памяти» [Там же, с. 20]. Изучение исторической и коллективной памяти становится после П. Нора важным исследовательским направлением в исторической науке и в социогуманитарном знании в целом.

Историческая память подвержена направленной и естественной трансформации. Она может нивелироваться, стираться, ослабевать от поколения к поколению, что является неизбежным и естественным, если ее не поддерживать. Однако она может и подвергаться направленному изменению путем информационного воздействия, манипулятивных практик и др. Как отмечала российский исследователь исторической памяти Е. А. Яблокова, «естественный процесс забывания нередко становится предметом манипулирования со стороны представителей тех или иных социальных групп. Различие их интересов, находящее выражение в идеологических и политических установках, обуславливает заинтересованность в сохранении в памяти одних единиц информации и в изъятии из памяти других. Идеологические и политические установки влияют не только на то, какая информация выбрасывается, какая остается, но и на то, как подаются те или иные события и факты из прошлого. Все это находит выражение в различном отношении к событиям и фактам прошлого, а иногда и в переписывании истории, ее фальсификации» [12, с. 97].

Т. В. Евгеньева в свою очередь связывает историческую память с проблемами идентичности и мифологизации символической реальности. Исследователь отмечает: для формирования национально-государственной идентичности важную роль играет целенаправленная деятельность «по “возвращению” в массовое сознание, в сознание молодежи исторических образов и символов, позволяющих формировать представление о национальной истории как о целостном, неразрывном процессе, в котором современный человек может найти обоснование и оправдание собственному существованию и в качестве личности, и в качестве гражданина» [3, с. 35].

Исследование ценностей исторических событий и явлений ведется и в контексте проблемы идентичности. Традиционно идентичность рассматривается как обусловленная этно-конфессиональными, национально-гражданскими, социокультурными факторами. При этом ряд исследователей отмечает и связь проблемы идентичности с ценностным подходом. Здесь, прежде всего, следует отметить подход, связанный с пониманием процесса формирования национальной идентичности как поиска идей, ценностей и образов, определяющих облик нации [2]. Исследователи отмечают взаимосвязь системы ценностей граждан с когнитивной сферой и символическим пространством, что отражается в общественном сознании через систему значимых для идентичности национальных и государственных символов, среди которых различают «символы-сигнификаторы» и «символы-интеграторы» [9]. Если первые связаны с наиболее узнаваемыми символами для того или иного сообщества, то вторые — с отраже-

нием идейной связи сообщества, разделяющего общие ценности, идеалы, традиции, цели и смыслы. А. В. Рудаков и А. Н. Миронов подчеркивали, что поиск «объединяющей все российское общество системы ценностей, которая должна являться одновременно основой государственной политики и объектом ее защиты, непосредственно связан с такими взаимообуславливающими понятиями, как общенациональная идентичность и традиции» [10].

В современных условиях информационной войны, где с новой силой проявился феномен «культуры отмены» (известный еще со времен холодной войны), историческая память становится объектом влияния политических сил, прежде всего это проявляется через историческое образование. Как отмечают современные исследователи, «культура отмены» становится инструментом конструирования необходимой национальной идентичности, соответствующей интересам национальных правящих элит [11].

Эти подходы характеризуют формирование исторической памяти как процесс, имеющий высокий уровень внешней регуляции, прежде всего, связанный с конструированием ценностной картины (аксиосферы), символического социокультурного пространства и идеологическими социальными заказами.

Экзистенциальный и аксиологический смысл Победы

Изучение исторических событий как феноменов памяти в коллективном и личностном сознании предполагает оценку их роли и значимости для настоящего, «отнесение к ценности». Наиболее значительными при этом оказываются те события, которые повлияли на жизнь и смерть наибольшего количества людей (1), определили вектор последующего развития общества (2), сыграли роль для социального прогресса или регресса (3), стали квинтэссенцией духовно-нравственных сил и социального единства (4), повлияли на внешнюю и внутреннюю жизнь и политику (5). Именно таким событием для исторической памяти народов России стала Победа в Великой Отечественной войне. Как и Победа в Отечественной войне 1812 г., она стала импульсом мощного подъема национального и гражданского самосознания. Россия в войне с Наполеоном противостояла самой передовой и образованной в тот период империи и победила ее силой и героизмом своего народа. В середине XX в. Советский Союз вновь противостоял одной из передовых в технологическом отношении стран мира, которая при этом создала мощную коалицию и применила весь арсенал сил разрушения, прибегая к самым массовым и бесчеловечным методам войны и истребления мирного населения, которых не знали даже варварские народы. Масштаб и жестокость этой военной кампании стали беспрецедентными в новейшей истории, а в отношении ряда народов, которые нацисты вермахта поставили целью истребить, эта война имела характер экзистенциальной угрозы, поставив на грань их существование и идентичность.

Победа в этой экзистенциальной для советского народа войне обрела статус высшей гражданской ценности, связанной с достижением ряда других ценностей различного уровня: от витальных (ценности жизни, здоровья, безопасности, продолжении рода и др.) до социальных и правовых ценностей (мир, свобода, равенство прав людей и др.).

Победа стала ценностью и по основанию, связанному с ценой, которую за нее пришлось заплатить жизнями десятков миллионов людей, разрушенными городами и населенными пунктами, произведениями культуры и т. д. Для советского народа эта цена была самой высокой, несмотря на то, что территории других стран были полностью оккупированы¹. С точки зрения экономической теории ценности наиболее значимыми в иерархии становятся те ценности, которые получены с наибольшими затратами труда и человеческих ресурсов. Победа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., в которой значительную роль сыграла не только армия и профессиональные войска, но и гражданское население, стала мощным фактором роста национального самосознания и получила высшую духовно-нравственную оценку в коллективной памяти. Великая Отечественная война стала не только войной государств и коалиций, она стала и войной идеологий, систем ценностей, ментальности, противостоянием «духа» народов. Способность к самопожертвованию ради своей земли стала воплощением высшей антропологической

¹ Потери СССР во Второй мировой войне составили 26,6 млн чел., США — 417 тыс. чел., Франции — 665 тыс. чел., Великобритании — 380 тыс. чел.

и моральной ценности. По словам И. Ильина, «война учит нас жить всегда так, чтобы быть готовым встать на защиту того высшего, которое мы любим больше себя» [4].

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. стала, по словам поэтов, «священной» войной, что подчеркнуло ее символический характер, связанный с высшей значимостью и духовно-нравственным содержанием. Отстаивание суверенитета, независимости и оборонительный и освободительный характер войны укрепили ее значение как важнейшего основания в ментально-символической системе культуры советского и затем российского народа. Места сражений армий и гибели мирного населения стали важнейшими для поствоенной эпохи «местами памяти», формировавшими не только непримиримость к врагу, но и ценности самоотверженности, мужества, патриотизма и верности Родине. Памятники героизму воинов Великой Отечественной войны (священный огонь, монументы героям) становились центрами культурной жизни советских городов и народа, обретая статус особых ценностей, показывающих связь поколений, формируя гражданские идеалы и нормы, начиная с самого младшего возраста. Культура всей советской и российской поствоенной эпохи была тесно связана с темой войны и Победы: в художественной литературе и изобразительном искусстве, в музыке и театре, кино и др. Произведения культуры, созданные в Советском Союзе, посвященные памяти и героям Великой Отечественной получили международное признание: «Симфония № 7» («Ленинградская») Д. Шостаковича, написанная в блокадном Ленинграде в 1941 г., песни «Священная война», «Темная ночь», «Журавли», стихотворение К. Симонова «Жди меня», фильм М. Калатозова «Летят журавли», романы М. Шолохова «Они сражались за Родину», Ю. Бондарева «Горячий снег» и многие другие.

Выдающиеся произведения, посвященные памяти погибших и их подвигам, в свою очередь, тоже становились культурными ценностями, источниками, формирующими чувство сопричастности с событиями прошлого для последующих поколений (1), высшие смыслы жизней жертв и героев войны для жизни последующего поколения (2), чувство долга и стремление «жить достойной жизнью» перед памятью поколения героев войны (3), сострадание ко всем погибшим и потерявшим своих близких (4), уважение и благодарность потомков к старшему поколению, прошедшему тяготы войны (5) и др.

Символы, определившие образ страны в условиях войны и в последующем, были связаны с главными ценностями сознания человека — Родина-мать, государство как Отечество, город-герой, крепость-герой (Брест), город воинской славы, город трудовой доблести. Эти образы способствовали сближению личной истории и истории своей страны, придавая высшее значение Победе в Великой Отечественной войне и как народной победе, и как военно-политической. Высокая значимость Победы стала результатом того, что в ней соединились личное и государственное, социальное и экзистенциальное, аксиологическое и праксиологическое измерения. По оценкам современных исследователей, Победа в Великой Отечественной войне стала основанием для восхождения «русского мира» к обретению высшего цивилизационного этапа саморазвития [6].

Аксиологическая значимость Победы над фашизмом имеет непосредственную связь с когнитивной безопасностью личности и государства в условиях современной информационной войны. И. Ф. Кефели выделяет виды информационной войны, среди которых называются «информационно-психологическая война, объектом которой является общественное сознание, психология масс и политической элиты противоборствующей стороны, и когнитивная война, объектом которой являются когнитивные способности и духовный мир человека» [8, с. 335–336]. В современном мире развернута борьба за сознание и память человека, его систему ценностей, от которых зависят его социальная, гражданская позиция и социально-политическая активность.

Ценность Победы в общественном мнении в России и на Западе

Победа в Великой Отечественной войне стала важнейшим военно-политическим достижением СССР, продемонстрировав всему миру лидерство страны и ее способность отстаивать свою безопасность и брать на себя ответственность за освобождение других государств и народов. Именно этот фактор формирует неоднозначную оценку Победы у политических противников России, стремящихся сформировать

общественное сознание, в котором вытесняется ее главная роль в победе над нацизмом. Историческая память о Второй мировой войне от поколения к поколению трансформируется, ослабевая, с одной стороны, и в определенной степени идеологизируется, с другой. Источники, свидетельствующие о том, как воспринималась и воспринимается роль каждой из стран-союзников в достижении победы в 1945 г., показывают, что непосредственные свидетели событий того периода, на которых оказывали влияние только факты и события, а не идеологические механизмы, были убеждены в определяющей роли СССР.

Если обратиться к анализу опросов общественного мнения в европейских странах, то хорошо заметна динамика в изменении оценки вклада в победу стран-союзников: чем дальше от исторических событий, тем больше возникает искажений и сильнее оказывается идеологическое воздействие, меняющее оценку политических сил. Так, по данным опросов во Франции 1945 г., 57% респондентов в Европе считали, что главный вклад в победу над фашизмом связан с решающим вкладом СССР. К 1994 г. респонденты во Франции уже были убеждены, что главную роль в победе над Германией сыграли США (49%), в то время как решающую роль СССР отмечали лишь 25%. В 2004 г. 58% респондентов во Франции считают, что главную роль в Победе 1945 г. сыграли США и только 20% называют СССР (табл. 1)¹.

Таблица 1

**Опрос во Франции: Какая страна внесла наибольший вклад
в разгром фашистской Германии в 1945 г.?**

Table 1 Poll in France: Which country contributed most to the defeat of Nazi Germany in 1945?

Дата опроса	Вклад СССР, %	Вклад США, %	Вклад Великобритании, %
Май 1945 г.	57%	20%	12%
Май 1994 г.	25%	49%	16%
Июнь 2004 г.	20%	58%	16%

Источник: [Электронный ресурс]. URL: https://www.reddit.com/r/europe/comments/6zaqbq/poll_with_the_question_who_contributed_most_to/?rdt=52213 (дата обращения: 12.03.2025)

Если обратиться к опросам общественного мнения в европейских странах и США последних лет, то становятся очевидными факторы воздействия государственной идеологической системы разных стран на формирование исторической памяти и смещения акцентов в сторону возвышения роли западных союзников и снижения либо вытеснения роли Советского Союза². Это подтверждают опросы в Великобритании, где в 2024 г. 39% респондентов называют решающим вклад своей страны в достижение Победы во Второй мировой войне и лишь 15% респондентов называют решающей роль СССР.

Опрос в США также свидетельствует о том, что в общественном сознании, преобладающем сегодня, отражается позиция о доминирующей роли своей страны в достижении Победы 1945 г., — такую позицию имеют 59%. Роль СССР в Победе сегодня признают лишь 13% американцев. Роль Великобритании оценили как решающую 6%.

Опрос во Франции показывает, что 47% признают решающую роль в Победе США, 17% — СССР и 10% — Великобритании. Как можно видеть, по сравнению с опросом в 1945 г. позиция Франции в оценке роли СССР и США кардинально изменилась.

Что касается Германии, то по оценкам западных респондентов, роль США и СССР в Победе практически равная (34% и 31%). При этом роль Великобритании высоко оценили только 6% респондентов (как и в США). Примечательно, что во всех странах практически четверть опрошенных ничего не смогли сказать по данному вопросу, демонстрируя незнание ключевых событий истории XX в.

¹ Poll in France: Which country contributed the most to the defeat of Germany in 1945 [Электронный ресурс] // Reddit, 2017. URL: https://www.reddit.com/r/europe/comments/6zaqbq/poll_with_the_question_who_contributed_most_to/?rdt=52213 (дата обращения: 12.03.2025).

² Who Did Most to Win WW2? The British say the UK, and the French Give Very Different Answers Now than they Did in 1945 [Электронный ресурс] // Reddit, 2024. URL: https://www.reddit.com/r/dataisbeautiful/comments/1d9g7ek/oc_who_did_most_to_win_ww2_the_british_say_the_uk/ (дата обращения: 12.03.2025).

Результаты этих исследований (табл. 2) свидетельствуют о том, что в западных странах историческая память о Победе 1945 г., с одной стороны, ослабевает, деформируется, а с другой, политизируется и намеренно конструируется в интересах политических сил и акторов. Основная тенденция этих воздействий очевидна: девальвация роли СССР в Победе 1945 г. на фоне превалирующей идеологии демонизации России в общественном мнении.

Таблица 2

Кто больше всего сделал для победы во Второй мировой войне? (по данным опросов 2024 г., %)

Table 2. Who did the most to win World War II? (According to surveys of Europeans in 2024)

Респонденты стран	Вклад СССР	Вклад США	Вклад Великобритании	Другие страны	Не знаю
Великобритания	15	20	39	1	25
США	13	59	6	1	21
Франция	17	47	10	2	24
Германия	31	34	6	3	27

Источник: [Электронный ресурс]. URL: https://www.reddit.com/r/dataisbeautiful/comments/1d9g7ek/oc_who_did_most_to_win_ww2_the_british_say_the_uk/ (дата обращения: 12.03.2025)

По данным опроса, проведенного американскими исследователями из университета Вашингтона [13], респонденты отметили среди ключевых событий Второй мировой войны прежде всего: нападение на Перл-Харбор (68%), атомную бомбардировку городов Японии 1945 г. (67%), высадку союзников в Нормандии (D-Day) (64%) и Холокост (54%). Анализируя причины того, как изменилась оценка вклада союзников в Победу 1945 г. в западных странах и в мире (за исключением России), в этом исследовании отмечается высокая роль идеологии времен холодной войны, транслируемой в массовую культуру, в том числе с помощью американского кинематографа. Создание высококачественных фильмов в США, убеждающих зрителя, что ключевую роль в победе сыграли именно они, способствовало распространению этой позиции у массовой аудитории по всему миру. В то время как правдивые фильмы о войне, созданные в СССР (такие, например, как «Сталинград»), не получили широкого распространения в мировом прокате и остались малоизвестными.

Что касается отношения современных россиян к Победе в Великой Отечественной войне, то оно отражает твердость в однозначной положительной позиции респондентов и гордость за своих предков. Анализ социологических исследований, проводимых ВЦИОМ за последние годы, показал, что позиция россиян в оценке роли СССР в 1945 г. не вызывает сомнения, хотя результаты по годам имеют динамику к некоторому ослаблению. Согласно исследованию 2024 г., события, связанные с Великой Отечественной войной и празднованием Дня Победы, в общественном сознании россиян являются доминирующими и во многом формирующими систему гражданской идентичности. Празднование Дня Победы начиная с 2018 г. возглавляет рейтинг важных для россиян праздников, опережая Новый год и Пасху (2018, 2020 г. — по 71%, 2021 г. — 69%, 2022 г. — 67%, 2023 г. — 65%). В 2024 г. 61% россиян называет День Победы самым важным для себя праздником¹. Некоторое снижение роли празднования Дня Победы, в определенной мере связано с отказом от акции «Бессмертный полк», которая сыграла роль общегражданского патриотического движения, способствующего росту интереса к истории своей семьи и значимости Великой Победы. Следует отметить, что формирование исторической памяти о войне и Победе у современного поколения молодежи в значительной степени связано не только с семейной памятью, но и с информационными ресурсами и источниками (книги, кино, медиасреда). Это способствует деперсонализации восприятия войны и ее событий, с одной стороны, но отвечает потребностям поколения «информационного общества», с другой. Через восприятие произведений искусства, посвященных подвигу

¹ 9 мая — память о Великой Отечественной войне [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskiy-obzor/9-maja-i-pamjat-o-velikoi-voine> (дата обращения: 10.03.2025).

советского народа, сегодня транслируется историческая память, выполняющая важную роль в становлении мировоззрения новых поколений, уже не знающих лично участников войны 1941–1945 гг.

Сохранение памяти о Великой Отечественной войне во многом связано с семейными традициями россиян. Согласно результатам ВЦИОМ, 9 из 10 россиян-респондентов отметили, что в семье вспоминают события Великой Отечественной войны, рассказывают о родственниках — участниках войны, передают семейные архивы, письма, документы. Однако информированность о своих родственниках, участниках войны ослабевает с каждым новым поколением. Если среди поколения оттепели более 50% хорошо осведомлены о близких, участвовавших в Великой Отечественной войне (56%), то среди зумеров таких в два раза меньше (27%). При этом только 5% россиян ответили, что им не известно, участвовали ли их родственники в Великой Отечественной войне. Это свидетельствует о том, что история войны воспринимается как часть личной и семейной истории, что способствует укреплению ценности Победы как лично значимой, а не формальной, либо сформированной под влиянием СМИ и современной культуры. По данным опроса ВЦИОМ, респонденты отметили, что наиболее их затронули такие события, как блокада Ленинграда, Сталинградская битва, Курская битва, взятие Берлина, битва за Москву.

В России, согласно опросам ВЦИОМ с 2009 по 2019 г., оценка вклада СССР в победу во Второй мировой войне как «основного» остается наиболее высокой, однако имеет место тенденция к ее некоторому снижению: с 86% (2009 г.) до 69% (2019 г.) (табл. 3)¹. При этом увеличился процент респондентов, назвавших этот вклад как «очень значительный» (с 5% до 15%), что в совокупности дает такие значения: 91% в 2009 г. оценивают вклад СССР как основной или очень значительный и 84% — в 2019 г. Оценка вклада США российскими респондентами видится преимущественно как незначительная (30% в 2009 г. и 33% в 2019 г.) и как «довольно значительная» (30% и 29%). Оценка вклада в Победу 1945 г. Великобритании в общественном сознании россиян видится как главным образом незначительная (в 2009 г. — 36%, в 2019 г. — 48%), на втором месте оценка как «довольно значительная» (26% и 25%).

Таблица 3

Россияне о Второй мировой войне: причины, союзники, противники
Вопрос: Как Вы думаете, насколько серьезный вклад в победу во Второй мировой войне внесли следующие страны? (закрытый опрос, один ответ, % всех опрошенных)

Table 3. Russians about World War II: causes, allies, opponents
 Question: *How much do you think the following countries contributed to the victory in World War II?*
 (closed survey, one answer, % of all respondents)

Вклад	СССР 2009	СССР 2016	СССР 2019	США 2009	США 2016	США 2019	Великобритания 2009	Великобритания 2016	Великобритания 2019
Основной	86	81	69	4	3	1	2	1	2
Очень значительный	5	11	15	14	7	8	10	3	4
Довольно значительный	2	3	10	30	22	29	26	22	25
Незначительный	1	0	1	30	41	33	36	40	48
Практически никакого	1	0	1	8	14	19	9	17	17
Затрудняюсь ответить	5	5	4	14	13	10	17	17	14

Источник: [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyane-o-vtoroj-mirovoj-vojne-prichiny-soyuzniki-protivniki> (дата обращения: 10.03.2025)

Как можно отметить, роль США и Великобритании в России оценивается в целом более благоприятно, чем оценка вклада России в тех же странах, что свидетельствует о гораздо более жестком

¹ Россияне о Второй мировой войне: причины, союзники, противники (29.08.2018) [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyane-o-vtoroj-mirovoj-vojne-prichiny-soyuzniki-protivniki> (дата обращения: 10.03.2025).

идеологическом и информационном воздействии в этих странах, формирующих негативный образ России путем стирания памяти о ее заслугах в мировой истории.

Если в России вклад Советского Союза в Победу над фашизмом не вызывает сомнения, то в общественном сознании европейцев эта картина существенно изменилась за последние годы. Намеренное искажение исторических фактов и памяти о Второй мировой войне, о победе союзников в 1945 г. имеет социальные, политические, когнитивные, ценностные последствия. Целью переписывания истории и искажения фактов об этих важнейших событиях является девальвация роли СССР (так называемая отмена) в достижении победы над фашизмом и стремление к созданию мифа о роли тех или иных отдельных стран, сыгравших в этой победе решающую роль. При этом каждая нация стремится к возвеличению собственной значимости за счет участия в общей победе, что в условиях современных информационных войн принимает характер когнитивной войны, войны за «истинную», «единственно верную» позицию, которая конструируется и транслируется через образовательные системы, учебные пособия и медиакультуру.

Заключение

Историческая память — комплексный феномен, имеющий различные источники и подверженный трансформации, как внешней, так и внутренней. При этом историческая память оказывает влияние как на мировоззрение и систему ценностей личности, так и на политическую активность, гражданскую позицию, имеющие не только личное, но и социальное, аксиологическое, когнитивное значение. В ее трансляции играют роль семейные традиции и внешнее информационное воздействие, медиакультура. Ее сохранение или изменение становятся отражением политических процессов, цивилизационных конфликтов и информационных и ментальных войн.

Великая Отечественная война имела для советского и современного российского народа глубокий ценностный и экзистенциальный смыслы, являясь защитой свободы и идентичности, отстаиванием права на собственный мир и экзистенцию. Историческая память о войне и Великой Победе продолжает жить сегодня в сознании россиян, оставаясь одной из базовых ценностей, скрепляющих гражданское единство и самосознание как великого народа. Попытки нивелировать значение Великой Отечественной войны и обесценить вклад СССР в Победу 1945 г. осуществлялись на протяжении холодной войны и переживают активную фазу в условиях современного противостояния России и Запада. Это отражается в общественном сознании западных стран, которое подвергается деформациям под влиянием идеологических факторов, получая отражение в медиакультуре и образовательной политике.

Сохранение исторической памяти тесно связано с современными задачами государства, прежде всего, с его стремлением к консолидации гражданского единства. От того, насколько правдиво и полно будут передаваться новым поколениям знания о Великой Отечественной войне и Победе над фашизмом, будут зависеть его самосознание, социальная идентичность и гражданская позиция.

Для укрепления и сохранения исторической памяти и духовно-нравственных ценностей, объединяющих народы России, ценность Великой Победы сегодня имеет исключительное значение. В условиях информационной войны все большее внимание в России уделяется развитию исторического образования и социально-гуманитарных наук, которые направлены на обоснование и укрепление ценностей и знаний о российской и мировой истории у современного молодого поколения. Основные цели исторического просвещения были поставлены Президентом России В. В. Путиным в Указе от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения», где подчеркивается необходимость патриотического воспитания, сохранение памяти о защитниках Отечества и обеспечение доступа граждан России к достоверным, научно обоснованным историческим знаниям о роли России и ее месте в мировой цивилизации¹.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405080001> (дата обращения: 05.04.2025).

Для современного цифрового поколения молодежи важным компонентом обучения является качественный медиаконтент, отвечающий особенностям ее восприятия информации. Полагаем, что подготовка образовательных документальных фильмов о Великой Отечественной войне и роли советских воинов в достижении Победы в 1945 г. с учетом возраста аудитории, имеет не меньшую значимость, чем постановка художественных фильмов. Как показывает практика, наибольшая эмоциональная вовлеченность достигается в межличностном диалоге, поэтому важно, чтобы обучение по ключевым дисциплинам, направленным на формирование ценностей и смыслов обучающихся, проводилось не в формате онлайн-курса, а в живом общении с аудиторией, с применением интерактивных методик, визуальных методов и индивидуального подхода.

Государственная политика в России сегодня способствует не только сохранению знаний об истории и ее достижениях, но и создает важнейшую смысловую основу взаимосвязи между поколениями, наполняя ценностью жизни предков в памяти их потомков, чтобы не допустить «манкуртизма», забвения своих истоков.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.
2. Горшков М. К. Модернизационный потенциал идентичности (Вместо предисловия) // Россия реформирующаяся. Вып. 12 : ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый хронограф, 2013. С. 3–20. URL: https://www.isras.ru/files/File/ezhegodnik/2013/Ejegod_2014.pdf.
3. Евгеньева Т. В. Историческая память и национально-государственная идентичность в современной России // Ценности и смыслы. 2012. № 5 (21). С. 27–36. EDN: PHGGRD.
4. Ильин И. А. Духовный смысл войны. М. : Типография товарищества И. Д. Сытина, 1915. 48 с. URL: http://www.odinblago.ru/duh_smisl_voyni.
5. Кассирер Э. Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры. Проблема человека в западной философии / ред. Ю. Н. Попов. М. : Прогресс, 1988. С. 3–30. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/kassirer-e/opyt-o-cheloveke-vvedenie-v-filosofiyu-chelovecheskoy-kultury>.
6. Муравьев А. Н. К философско-правовому понятию отечественной войны // Вестник СПбГУ. Сер. 17. 2016. Вып. 3. С. 39–46. EDN: WKVERP. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2016.305.
7. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. С. 17–50. ISBN: 5-288-02318-2.
8. Прологомены когнитивной безопасности : коллективная монография / под ред. И. Ф. Кефели. СПб. : ИД «Петрополис», 2023. 487 с. EDN: MRECBЕ.
9. Пушкарева Г. В. Идеи и ценности как способ конструирования символического пространства национальной идентичности // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 156–173. EDN: ZGSQLD. DOI: 10.17976/jpps/2017.05.11.
10. Рудаков А. В., Миронов А. Н. Ценности, традиции и идентичность как концептуальные основы политики России // Вестник Московского государственного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 4. С. 293–302. EDN: YMJSNV. DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-293-302.
11. Хлыщева Е. В., Тихонова В. Л. «Культура отмены» как механизм конструирования национальной идентичности стран каспийского макрорегиона (на примере анализа учебной литературы Казахстана и Туркменистана) // Концепт: философия, религия, культура. 2023. Т. 7, № 2. С. 104–123. EDN: BYGFKM. DOI: 10.24833/2541-8831-2023-2-26-104-123.
12. Яблокова Е. А. Историческая память как феномен духовной культуры // Государственная служба. 2010. № 3. С. 94–98. EDN: NXSAFF.
13. Roediger H. L., Zerr C. L. (2022). Who Won World War II? Conflicting Narratives among the Allies // Progress in Brain Research. 2022. Vol. 274, No. 1. P. 129–147. DOI: 10.1016/bs.pbr.2022.06.003.

Об авторе:

Баева Людмила Владимировна, и. о. декана факультета истории и социальных коммуникаций Астраханского государственного университета им. В. Н. Татищева (Астрахань, Россия), доктор философских наук, профессор;
e-mail: baevaludmila@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7137-9458

References

1. Berger, P., Lukman, T. Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge. Moscow : Medium, 1995. 323 p. (In Russ.).
2. Gorshkov, M. K. Modernization Potential of Identity (Instead of a Preface) // Russia Reforming. Issue 12: yearbook / ed. by M. K. Gorshkov. Moscow : New Chronograph, 2013. P. 3–20. URL: https://www.isras.ru/files/File/ezhegodnik/2013/Ejegod_2014.pdf. (In Russ.).
3. Evgenyeva, T. V. Historical Memory and National Identity in Contemporary Russia // Values and Meanings. 2012. No. 5 (21). P. 27–36. (In Russ.). EDN: PHGGRD.
4. Ilyin, I. A. Spiritual Meaning of War. Moscow : Printing House of I. D. Sytin,, 1915. 48 p. URL: http://www.odinblago.ru/duh_smisl_voyni. (In Russ.).
5. Cassirer, E. Human Experience: An Introduction to the Philosophy of Human Culture. The Problem of Man in Western Philosophy / ed. by Yu. N. Popov. Moscow : Progress, 1988. P. 3–30. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/kassirer-e/opyt-o-cheloveke-vvedenie-v-filosofiyu-chelovecheskoy-kultury>. (In Russ.).
6. Muravyov, A. N. Towards the Concept of Patriotic War as the Concept of the Philosophy of Law // Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 17. Philosophy. Conflict Studies. Culture Studies. Religious Studies. 2016. Issue 3. P. 39–46. (In Russ.). EDN: WKVERP. DOI: 10.21638/11701/spbu17.2016.305.
7. Nora, P. Problematics of Memory Locations // France-memory. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. 1999. P. 17–50. ISBN: 5-288-02318-2. (In Russ.).
8. Prolegomena Cognitive Security : collective monograph / ed. by I. F. Kefeli. St. Petersburg : Publishing house "Petropolis", 2023. 487 p. (In Russ.). EDN: MRECBЕ.
9. Pushkaryova, G. V. Ideas and Values as a Method of Constructing Symbolic Space of the National Identity // Polis. Political Studies. 2017. No. 5. P. 156–173. (In Russ.). EDN: ZGSQLD. DOI: 10.17976/jpps/2017.05.11.
10. Rudakov, A. V., Mironov, A. N. Values, Traditions and Identity as Conceptual Basis of the Policy of Russia // Bulletin of Moscow State University. Series: History and Political Sciences. 2018. No. 4. P. 293–302. (In Russ.). EDN: YMJSNV. DOI: 10.18384/2310-676X-2018-4-293-302.
11. Khlyshcheva, E. V., Tikhonova, V. L. 'Cancel Culture in Constructing National Identity of the Caspian Macro-region Countries (on the Example of Textbooks in Kazakhstan and Turkmenistan)' // Concept: Philosophy, Religion, Culture. 2023. Vol. 7, No. 2. P. 104–123. (In Russ.). EDN: BYGFKM. DOI: 10.24833/2541-8831-2023-2-26-104-123.
12. Yablokova, E. A. Historical Memory as a Phenomenon of Spiritual Culture // Public Administration. 2010. No. 3. P. 94–98. (In Russ.). EDN: NXSAFF.
13. Roediger, H. L., Zerr, C. L. Who Won World War II? Conflicting Narratives among the Allies // Progress in Brain Research. 2022. Vol. 274, No. 1. P. 129–147. DOI: 10.1016/bs.pbr.2022.06.003.

About the author:

Liudmila V. Baeva, Acting Dean of the Faculty of History and Social Communications of the Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev (Astrakhan, Russia), Doctor of Science (Philosophy), Professor;
e-mail: baevaludmila@mail.ru; ORCID: 0000-0001-7137-9458

Морские и континентальные контуры геополитического статуса современной России¹

Козьменко С. Ю.

ФИЦ «Кольский научный центр РАН», Апатиты, Россия

e-mail: fregat306@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3728-8357

РЕФЕРАТ

Позиционирование современной России, занимающей большую часть Евразийского континента (Северная Евразия), характеризуется периодическим сближением с Европой, начало которого было положено еще в эпоху Петра Великого, а также охлаждением отношений с последней, о чем свидетельствуют войны, включая две мировые, и военные конфликты различной интенсивности прошедшего периода. В то же время развитие России как крупной континентальной державы, имеющей огромную береговую линию и практически неограниченный выход к трем океанам, сталкивается с противостоянием со стороны такой же по значимости морской державы, в частности, США. Поэтому и возникает ментальная проблема: в Евразии, как сердцевинной земле континентальной цивилизации, больше европейского или азиатского? И с другой стороны: насколько Северный Ледовитый океан и арктические моря являются евразийскими, сопряженными с Евразией как с материком или континентом? **Цель.** Выявление особенностей позиционирования Евразии как континента в динамике мирового развития в координатах Европа — Азия и контурах формулы «океан-vis-континент».

Задачи. Для достижения цели решаются следующие задачи: обосновать самостоятельную независимую позицию Евразии в динамике мирового развития как континента, а также выявить морскую составляющую в логике евразийской архитектуры. **Методология.** В работе применяется методологический подход стратегического планирования в сочетании с инструментарием пространственной экономики и западной версии последней, известной как теории новой экономической географии. Это позволяет выстроить основные контуры евразийской архитектуры. **Выводы.** Современная Россия как самобытное государство-цивилизация, обширная евразийская и евро-тихоокеанская держава создает логику и географическую конфигурацию Евразии как континента, имеющего неотъемлемую морскую составляющую в пространстве трех океанов — Северного Ледовитого, Тихого и Атлантического.

Ключевые слова: Евразия, морская и континентальная цивилизация, концепция «океан-vis-континент», евразийская архитектура

Для цитирования: Козьменко С. Ю. Морские и континентальные контуры геополитического статуса современной России // Евразийская интеграция: экономика, право, политика, 2025. Т. 19, № 2. С. 23–32. EDN: SCQHHQ

Maritime and Continental Contours of the Geopolitical Status of Modern Russia

Sergey Yu. Kozmenko

Federal Research Center “Kola Research Center of the Russian Academy of Sciences”, Apatity, Russia

e-mail: fregat306@mail.ru

ORCID: 0000-0002-3728-8357

¹ Работа выполнена в рамках темы FMEZ-2023-0009 «Стратегическое планирование развития Арктики в новых геоэкономических и политических условиях» по государственному заданию ФИЦ «Кольский научный центр РАН».

ABSTRACT

The positioning of modern Russia, which occupies most of the Eurasian continent (Northern Eurasia), is characterized by periodic rapprochement with Europe, which began in the era of Peter the Great, as well as a cooling of relations with the latter, as evidenced by wars, including two world wars, and military conflicts of varying intensity in the past period. At the same time, Russia's development as a major continental power with a huge coastline and virtually unlimited access to three oceans is facing opposition from an equally important maritime power, in particular, the United States. Therefore, a mental problem arises — in Eurasia, as the core of continental civilization, is there more European or Asian? And on the other hand — to what extent are the Arctic Ocean and the Arctic seas Eurasian, associated with Eurasia as a continent or a continent? **Aim.** The purpose of the article is to identify the features of the positioning of Eurasia, as a continent, in the dynamics of world development in the coordinates of Europe-Asia and the contours of the formula “ocean-vis-continent”. **Tasks.** To achieve the goal, the following tasks are solved: to substantiate the independent position of Eurasia in the dynamics of world development, as a continent, and to identify the maritime component in the logic of Eurasian architecture. **Methods.** The work uses a methodological approach of strategic planning in combination with the tools of spatial economics and the Western version of the latter, known as the theory of new economic geography. This allows us to build the main contours of the Eurasian architecture. **Conclusions.** Modern Russia, as an original state-civilization, a vast Eurasian and Euro-Pacific power, creates the logic and geographical configuration of Eurasia as a continent with an integral maritime component in the space of three oceans - the Arctic, Pacific and Atlantic.

Keywords: Eurasia, maritime and continental civilization, the concept of “ocean-vis-continent”, Eurasian architecture

For citation: Kozmenko S. Yu. Maritime and Continental Contours of the Geopolitical Status of Modern Russia // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 23–32. (In Russ.). EDN: SCQHHQ

Введение

Максимой геополитической эпопеи «Большая игра», элегантно названной противостоянием «властелинов моря» и «повелителей суши» [3], является единство морского и континентальных параметров динамики цивилизационного развития, объединяемого общим понятием геополитического статуса государства-цивилизации, каковым является современная Россия¹.

О. Н. Быков, справедливо указывая на подвижность и переменчивость геополитической конфигурации современного мира и геополитического статуса отдельных государств, подчеркивает, что ныне «меняется сама “технология” геополитики. Убывающая эффективность прямого силового действия вынуждает искать более изощренные, многоплановые невоенные модели геополитического поведения. Упор перемещается с “жесткой силы” на “мягкую силу”, то есть с сугубо военной доминанты на преимущественное использование политических, экономических, энергетических, финансовых, технологических, научных, информационных, культурных, гуманитарных и других ненасильственных средств реализации геополитического влияния» [2, с. 7–8]. Подобная «геополитическая трансформация» оказывает непосредственное влияние на историческую парадигму противостояния континентальных и морских держав, что достаточно четко прослеживается на фоне празднования 80-летия Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне.

Морская и континентальная цивилизации сосуществуют в единстве как противоположные части единого целого, противодействуя одна с другой и в то же время оказывая поддержку друг другу, обес-

¹ В «Концепции внешней политики Российской Федерации» (утвержденной Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) четко заявлено, что более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности определил «особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 30.05.2025).

печивая устойчивость мироздания. При этом стратегическое поражение одной из сторон приведет к потере устойчивости мироздания, следствием чего станет появление веера войн и военных конфликтов, и созданию волны нестабильности планетарного масштаба. Чрезмерное сближение сторон приведет к такому же результату: безоглядное стремление России в сторону «коллективного Запада» на рубеже веков составило основу и содержание геополитической драмы России того периода [4].

Это в общем виде составляет содержание концепции (формулы) «океан-vis-континент», максимум которой является поддержание баланса единства и борьбы противоположностей двух сторон геополитической истории в контексте определения возможностей (политика как искусство возможного или «искусство компромисса»¹) достижения доминирования в планетарном пространстве.

А события на Украине? Это не война между цивилизациями, а межконтинентальный (региональный) конфликт между Европой и Евразией за лимитрофную территорию России, связанную с последней многовековым опытом единой государственности. Этот конфликт долго созрел и приобрел контуры по существу внутреннего евразийского даже не конфликта, а территориального «спора славян между собою, домашнего старого спора, взвешенного судьбою, которого не разрешите вы» (Европа). Однако вмешательство Европы, как не раз случалось в истории, может обернуться поражением как Украины, так и самой Европы.

При этом деструктивное участие европейских стран в «Большой игре» сводится к созданию веера *casus belli* (лат. «повод для войны») великим державам в контурах современной гибридной войны. Результатом этой войны становятся разрушения военного масштаба, причиненные с применением невоенного (гибридного, часто террористического) инструментария [7, с. 40] с целью нанесения вероятному или явному противнику неприемлемого для него ущерба [15, с. 506–507]. Таким образом, со времен Петра Великого европейцы развязали две мировые и серию межконтинентальных войн, однако в период холодной войны в Европе сложился так называемый «стратегический паразитизм», когда от перманентного бряцания оружием в обстановке череды *casus belli* сложилась иллюзия потери страха перед реальной, хоть и гибридной, войной².

Такое либеральное начало привело к существенному сокращению европейских национальных армий по сравнению с вооруженными силами времен Второй мировой и холодной войн в основных странах, прежде всего, в Германии, Франции и Великобритании, а в лимитрофных странах, в прошлом членах Варшавского договора, и периферийных странах НАТО модернизация армий не проводилась вовсе. В результате страны Евросоюза собрались под зонтиком США и НАТО. При этом отношения в Альянсе (НАТО) таковы, что США могут запросто фактически совершить «акт промышленного терроризма» (это тоже элемент гибридной войны) против второй по значимости страны Альянса Германии (имеются в виду взрывы «Северных потоков» в сентябре 2022 г.), а последняя молча проглотит этот факт. Сегодня практически все страны имеют армии мирного времени. Российская армия учится в боях, сначала в Сирии, затем на Украине, — противостоять этому опыту не может никто: Европа не в состоянии обеспечить действия на поле боя ни вооружениями, ни военной техникой, а также, что самое главное, собственным воинским контингентом, готовым воевать за призрачные невнятные цели.

В год 80-летия Победы Советского Союза во Второй мировой войне следует признать, что победа над нацизмом была не полной и не безоговорочной. В противном случае не возникли бы в Европе планы проведения операции «Немыслимое» и не началась бы сразу после войны изнурительная гонка вооружений. Наверное, это понимали и И. В. Сталин, и все советское руководство того времени, ведь не случайно День Победы стал действительно всенародным праздником только через 20 лет, в 1965 г., когда удалось выиграть не только ядерную, но и космическую гонку. Это следует, очевидно, учесть при выработке условия завершения специальной военной операции.

Что касается Америки, то в данном случае все как обычно — “business as usual”.

¹ Итоги года с Владимиром Путиным. 19 декабря 2024 г. [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/75909> (дата обращения: 20.02.2025).

² Караганов С. А. Сломать хребет Европе: какой должна быть политика России в отношении Запада [Электронный ресурс] // Деловой журнал «Профиль». 21.01.2025. URL: <https://profile.ru/abroad/sloamat-hrebet-evrope-kakoj-dolzha-byt-politika-rossii-v-otnoshenii-zapada-1651213/> (дата обращения: 21.02.2025).

Евразийская интеграция: понимание логики геополитической архитектуры

Евразийство как геополитическая концепция приобрело определенные очертания в 1920-х гг. и сложилось в европейских белоэмигрантских кругах, ведущим представителем которых является П. Н. Савицкий, взгляды которого на проблемы развития Евразии как континента и евразийства обобщены и представлены в ряде публикаций [11; 12; 13].

В логику евразийской архитектуры закладываются два начала — европейское и азиатское, тогда фраза «евразийская интеграция» может пониматься как взаимное проникновение и полагание этих двух начал. Так, разворачивается дискурс о преемственности Евразией европейских и/или азиатских традиций планетарного развития, то есть просматривается определенная цикличность: на фоне усиления тяготения к Европе (и к коллективному Западу), которое наблюдалось в России особенно явно последние тридцать лет и закончилось разочарованием в начале 2020-х гг., наблюдалось отторжение отношений к Азии. Повышательная волна отношений с Европой сменилась понижательной — Европа не ответила на сближение России, и тогда произошел резкий поворот России на Восток, в сторону Китая.

Такая цикличность в логике построения евразийской архитектуры восходит к истокам зарождения евразийства как геополитической концепции, предполагающей (в частности, по П. Н. Савицкому [11] и Н. С. Трубецкому [14]) как европейское, так и ордынское (азиатское) ментальное преемство России. Это последнее подтверждается и в наши дни при поощрении российским мусульманским духовенством расширения потока мигрантов из стран мусульманской Азии¹.

При этом максимум евразийства является возрождение единого Российского государства в сложившихся к началу XX в. контурах великой державы. Однако достижение державности видится в сочетании, то есть вместе либо с Европой, либо с Азией. В этом состоит логика развития практически всех европейских государств, не прошедших в своей эволюции имперский период.

А таких, имеющих вековой имперский опыт, в начале XX в. было не так много. Это, прежде всего, Британская и Российская империи, державы, составляющие партии известной геополитической эпопеи «Большая игра» и сохранившие свои имперские державные контуры в том или ином виде до наших дней. Эти государства способны самостоятельно отвечать на вероятные вызовы и угрозы, исходящие от других таких же держав или альянсов, то есть участвовать в разрешении не только региональных, но и межконтинентальных и даже планетарных военных либо гибридных конфликтов.

При этом следует понимать, что российская идентичность предполагает отделенность (или отстраненность) как от западных, так и от восточных канонов цивилизационного развития. Здесь выбирается собственный путь. То есть отвернуться от Европы — не означает повернуться к Азии (Китаю), а знаменует возвращение к собственной внутренней логике цивилизационного развития. На доктринальном уровне особое положение России определяется «как самобытное государство-цивилизация, обширная евразийская и евро-тихоокеанская держава»², по существу являющаяся системообразующим основанием Русского мира. Это определение особого положения России на геополитическом атласе современного мира отчетливо устанавливает контуры сложившейся архитектуры: основу Российского государства составляет известная сердцевинная земля (Heartland [16; 17; 18]), Евразия. Эта континентальная конфигурация ограничивается плавающими линиями соприкосновения с геополитическими морскими образованиями — на западе с Европой, тяготеющей к Северной Атлантике, на востоке с побережьем морей Тихого океана примерно в границах современного Дальневосточного макрорегиона России.

Это позволяет представлять пространственную организацию (архитектуру) России и Евразии как континента в сложившейся логике «Большой игры» как противостояние двух цивилизаций («властелинов моря и повелителей суши») за мировое доминирование.

¹ Россия как наследница Византии: историческая правда и мифы // Аргументы недели, 2025. № 4. С. 3.

² Концепция внешней политики Российской Федерации. Указ Президента РФ № 229 от 31.03.23. Ст. 4 [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/copy/70811> (дата обращения: 25.02.25).

Континентальная основа пограничья Евразии

В геополитической традиции достижения мирового доминирования (по существу, мирового господства) с позиций обладания макрокритическим континентальным пространством превалирует учение Х.-Д. Макиндера о сердцевинной земле (Heartland) — «кто владеет Heartland — владеет мировым островом», то есть Евразией как материком, а кто владеет этим островом — владеет всем (миром). И, по существу, это утверждение является классической максимой современной геополитики с начала XX в. [17] до наших дней.

При этом факт остается фактом: наибольшей территорией в мире (в том числе и на материке Евразия) обладала как в 1904 г. [Там же] и 1943 г. [18], так и сегодня Россия; в начале XX в. это Российская империя, затем Советский Союз и Российская Федерация — государство, имеющее трехсотлетний опыт имперского развития, способное противостоять межконтинентальным (Европа — Евразия) вызовам и угрозам. При этом в [18] подтверждалась значимость Союза ССР в Победе над европейским нацизмом во Второй мировой войне.

Определение западных границ Евразии представляется чрезвычайно актуальным, поскольку именно на этих границах из глубины веков в исторической ретроспективе передаются из поколения в поколение тенденции и особенности противостояния цивилизаций — европейской и евразийской — с нынешним рецидивом в форме специальной военной операции как разновидности гибридной войны.

В учении Х.-Д. Макиндера о сердцевинной земле (по существу, Евразии как континента) указывается на некое предполье Heartland — это сложившаяся как Восточная Европа территориальная общность без четкого определения границ последней.

В начале XX в. при формировании геополитики как системы взглядов на тенденции мирового развития устойчивой формулой считалось противопоставление западных цивилизаций (Великобритании, Франции и других, входящих в собирательное понятие «англосаксы») восточным (варварским) империям [19]. То есть цивилизованный Запад противопоставляется не совсем развитому Востоку (представленному на рубеже XIX и XX вв. в основном Российской и Германской империями), несущему в себе выраженный элемент азиатской отсталости. Поэтому ожидаемо и разделение Европы на западную и восточную по меридиану р. Эльбы.

Понятно, что продолжением Восточной Европы, как предполья Heartland, является Евразия, западная граница которой совпадает с европейской границей Российской империи начала XX в. по р. Висла — входящего в состав России до 1915 г. Варшавского генерал-губернаторства, состоящего из девяти Привислинских губерний [17].

Таким образом, используя инструментарий геополитической эпопеи «Большая игра» следует признать, что в пространстве между реками Эльба и Висла располагается так называемый диконтинуальный пояс — это пространства (территории), ориентированные либо внутрь континента, тяготеющие к континентальной цивилизации, либо в обратную сторону (overseas — за море), к Северной Атлантике и атлантическим морям, омывающим Европу. Ориентация этого ареала полностью или частично на запад либо на восток зависит от складывающейся на макрорегиональном уровне геополитической конъюнктуры.

В период холодной войны оформилось понимание Восточной Европы (в смысле неЕвропы в цивилизационном понимании) как совокупности стран, тяготеющих к Союзу ССР, то есть не разделяющих базовую парадигму развития Запада в части глобализации и сопряженных геополитических и экономических императивов, таких как «энергетический переход», декарбонизация экономики и т. п. В 1990-е гг. в поле Восточной Европы выделилась группа стран так называемой Центральной Европы, которые самим этим термином подчеркивают собственную непричастность как к Востоку в целом, так и к Русскому миру в частности¹.

При построении геополитического и экономического атласа современного мира на основе сопряжения пространства в системе «океан-vis-континент» с позиций П. Н. Савицкого [11, с. 266–267]

¹ Политолог Александр Бовдунов: «Восточная Европа — ключ к гегемонии» [Электронный ресурс] // Аргументы недели. 2023. № 5. С. 3. URL: <https://argumenti.ru/interview/2023/02/813321> (дата обращения: 25.05.2025).

и современных представлений И. Ф. Кефели [5, с. 12–25] Европа «от Лиссабона до Урала» не является единой геополитической конструкцией. При этом идентификация плавающей линии соприкосновения морской и континентальной цивилизаций на границах западной (Европа) и восточной (Евразия) частей является геополитически конъюнктурной.

Кроме того, следует подчеркнуть географическое сходство евразийского пространства, расположенного к востоку от линии соприкосновения двух цивилизаций [17]. Отмечается существенное сходство географической природы евразийских Восточно-Европейской (или Русской, в России — Беломорско-Кавказской), Западно-Сибирской и Туркестанской равнин в пределах, ограничивающих это пространство гор, Восточной Сибири, Дальнего Востока, Центральной Азии и Кавказа [6, с. 121–129; 17].

В пределах этого пространства создается отличный и обособленный от стран, лежащих к западу, в Европе, и к юго-востоку и югу (в Азии), особый мир, известный как «мир-экономика» [13]. Этот мир «ввиду недостижимости для заокеанской торговли будет независим от морских (заокеанских) держав и станет для них постоянным раздражителем» [Там же].

Таким образом, в координатах «Большой игры» выделяется морская Европа, прилегающая к побережью морей Атлантического океана и, собственно, к Северной Атлантике, и континентальная Евразия; плавающая граница между ними проходит примерно в диапазоне от р. Эльбы до р. Вислы.

Логика включения в архитектуру Евразии Германии (в сложившихся в свое время имперских границах) состоит в том, что в пространстве Евразии сосуществуют *vis-a-vis* две континентальные державы, состоящие в перманентном военном конфликте за распределение жизненного пространства. Это неизменная геополитическая максима, которая подтверждает сложившийся вековой порядок вещей.

Обеспечение единства евразийской архитектуры на основе развития морских коммуникаций

В геополитических традициях «Большой игры» критерием определения конкурентной позиции государства в динамике мирового развития является уровень доминирования либо морской силы [8; 9; 10], либо земной массы [16; 17; 18], то есть морского или континентального начала.

В обоих случаях реальный (гарантированный) доступ к пространствам и ресурсам обеспечивается посредством установления контроля над сетевой разносторонней системой коммуникаций. Эта максима пространственной экономики считается общепризнанной в динамике мирового развития и в геополитической традиции формулируется так: «кто владеет коммуникациями (или имеет гарантированный доступ к ним) — владеет миром».

При этом возникает законный вопрос о мировом доминировании — доминирует тот, кто владеет морем (то есть имеет самый мощный флот в мире), или тот, кто владеет сердцевинной землей, то есть Евразией? При этом владение Евразией как континентом предполагает наличие гарантированного доступа к прилегающим акваториям морей Северной Атлантики, а также Северного Ледовитого (СЛО) и Тихого океанов? И означает ли доминирование в пространстве СЛО и арктических морей также господство в Евразии хотя бы частично?

В отличие от Heartland, являющейся в целом постоянной локацией, объект морского доминирования изменчив вслед за смещением стратегических морских коммуникаций и центров контроля над последними (это проливы и каналы, соединяющие крупнейшие морские акватории — океаны) в зоны максимальной интенсивности торгового мореплавания.

Если в XVIII в., а особенно (после открытия Суэцкого канала в 1869 г.) в XIX в. средоточие торговых путей было локализовано в Средиземном море, то в начале и середине XX в. фокус борьбы за морские коммуникации по той же причине сместился в Северную Атлантику.

В этот период сложилось новое направление морской геополитики — атлантизм — «кто владеет Северной Атлантикой — владеет миром», поэтому не случайно битва за Атлантику была центральным

основным сражением на море в годы Второй мировой войны. Затем, к концу XX — началу XXI в. противостояние за доминирование на море сместилось в зону концентрации морских коммуникаций в северной части Индийского океана, известную как Южный Шелковый путь.

Однако в начале XXI в. Южный Шелковый путь, особенно в водах, прилегающих к Аравийскому полуострову, не представлялся достаточно комфортным с точки зрения безопасности мореплавания в этом регионе. С этих позиций оптимальной является система арктических морских коммуникаций, составляющая основу Северного морского пути (СМП), или в более широком смысле — Полярного Шелкового пути, который, помимо трасс СМП (южной и северной), включает высокоширотный Центральный фарватер СЛО и простирается от Тихого океана до Северной Атлантики.

Следует подчеркнуть, что в пространстве Российской Арктики, секторе, ограниченном с юга Северным полярным кругом, а с запада и востока границами полярных владений России, 35% приходится на сушу, которая является частью континента Евразии, а 63% составляют прилегающие к Евразии акватории арктических морей (41%), включая трассы СМП, и собственно СЛО (22%). Таким образом, в пространстве континентальной России развивается регион Российской Арктики, который имеет выраженные черты морской цивилизации. Поэтому формула мирового доминирования может быть преобразована в максимум: «владение Heartland и прилегающим морским пространством обеспечивает доминирование на геополитическом атласе современного мира» или «кто владеет Heartland и прилегающим морем, тот владеет миром».

При этом арктические морские коммуникации обеспечивают связанность и территориальную целостность евразийского побережья в стратегическую глубину.

Сложившееся к 2020 г. значение Арктики в контурах мирового доминирования как на море, так и на суше, в частности в Евразии, ожидаемо предопределило активность США в этом регионе: американцы стремятся к интернационализации акватории как СЛО, так и арктических морей, включая СМП, в то время как Россия придерживается внутреннего статуса СМП как национальной транспортной магистрали [1, с. 59–67].

Такой подход обосновывается началом структурных преобразований в системе обеспечения гегемонии США в динамике мирового развития. Если со второй половины XX в. практически до наших дней неизменно считался приоритет доллара (точнее, нефтедоллара) при проведении мировых расчетов (геоэкономический аспект мирового доминирования), то сегодня устойчивость этой валюты все чаще ставится под сомнение ввиду избыточного перенакопления внешнего долга США до 36,0 трлн долл. и более. Бумажно-долларовый стандарт начинает рассыпаться, что уже становится заметным в торговле энергетическими ресурсами в национальных валютах, в частности, нефтью и природным газом в рублях, юанях и рупиях. И эта тенденция нарастает.

Поэтому, по всей видимости, намечается поворот обратно от бумажно-долларового стандарта, но не к золотодолларовому или золотому (золота не хватит для обеспечения мирового экономического порядка), а энергетическому. Это означает контроль над экономическим оборотом основных энергоемких энергетических ресурсов — нефти, природного газа и в какой-то степени угля.

В этом контексте также значимо обеспечение гарантированного доступа (доминирования) к этим ресурсам посредством контроля над стратегическими морскими коммуникациями и центрами локализации основных мировых торговых путей силами военно-морского флота, эскадры которого и сегодня обеспечивают мировой баланс сил в пользу США, часто даже без применения оружия.

Следовательно, контроль над морскими коммуникациями имеет существенное значение как для морских, так и для континентальных цивилизаций.

При этом следует подчеркнуть, что геополитическое и экономическое развитие морских и прилегающих приморских районов органично связано и системно зависимо. В частности, Арктика в современных геополитических условиях является наиболее актуальным для России регионом с позиций осуществления контроля над мировыми морскими коммуникациями с выходом в Северную Атлантику и Тихий океан. Поэтому сейчас Арктика становится геополитическим «полигоном будущего», и России надо быть «сверхсильной», чтобы безусловно обеспечивать свои интересы в этом регионе. При этом

экономическое развитие этого полигона обеспечивается на основе ядерной энергетики малой мощности с использованием мощного транспортно-логистического потенциала великих сибирских рек¹.

Геополитическое могущество России как континентальной и морской державы в Арктике прирастет не только за счет дальнейшего развития СМП, Северного флота и создания ледокольного флота, но и в связи с реализацией крупного проекта создания сети опорных пунктов Арктики, в число которых войдут 16 агломераций, расположенных в девяти регионах: Кемско-Беломорская (Карелия), агломерация Воркуты (Коми), Тикси — Найба (Якутия), Норильск — Дудинка, Диксон и Игарка (Красноярский край), Архангельская (Архангельская область), Мурманская, Кировско-Апатитская и Мончегорская (Мурманская область), агломерация Нарьян-Мара (Ненецкий автономный округ), агломерации Певека и Анадырская (Чукотский автономный округ), агломерации Нового Уренгоя, Ноябрьска и Салехард — Лабытнанги (Ямало-Ненецкий автономный округ). На реализацию мастер-планов опорных населенных пунктов Арктической зоны планируется направить более 3 трлн руб.²

Заключение

Продолжая дискурс о морских коммуникациях в Арктике, следует подчеркнуть, что начиная с ноября 2024 г. в США была запущена новая геополитическая эпопея за доминирование на мировых морских коммуникациях по максиме “Make America Great Again”. В это время в американской прессе появились статьи типа “Make Greenland Great Again” и “Make Arctic Great Again”, из которых следует, что американская территориальная экспансия Гренландии и Канады свидетельствует о том, что новая администрация США собирается контролировать Северный полюс³. И не только Северный полюс как таковой, а морские коммуникации СЛО и арктических морей в целом, как восточной, так и западной Арктики, проходящие в зонах национальной юрисдикции России (СМП) и Канады с Гренландией (Северо-западный проход) соответственно. Это две морские магистрали, соединяющие северные районы Тихого и Атлантического океанов, где сконцентрировано более 80% экономики США⁴. И третья коммуникация — Панамский канал.

Велик соблазн получить позицию глобального превосходства на этих морских коммуникациях планетарного масштаба. Конечно, для этого нет необходимости покупать земли Канады и Гренландии, но получить эти территории, пока еще доллар (точнее нефтедоллар) доминирует на мировых рынках, означает создать запас прочности на будущее, когда доллар, может быть, потеряет свое нынешнее значение.

Таким образом, несмотря на некоторое потепление отношений, уже начинается активная подготовка арктической партии «Большой игры».

Список литературы

1. Брусицын В. Н. Арктика в политике США // Морской сборник. 2024. № 1 (2122). С. 59–67. EDN: MQNWEC.
2. Быков О. Н. Геополитический статус России (в двух книгах). Кн. 1. М. : ИМЭМО РАН, 2015. 200 с. ISBN: 978-5-9535-0434-8. EDN: UDFNVR.
3. Ивашов Л. Г. Геополитика русской цивилизации. М. : Институт русской цивилизации, 2015. 800 с. EDN: XDCIJT.
4. Ивашов Л. Г. Геополитическая драма России. Выживет ли Россия в XXI веке? М. : Аргументы недели, 2021. 528 с. ISBN: 978-5-6046510-4-9.
5. Кефели И. Ф. Евразийская цивилизация: от идеи к современному дискурсу // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15, № 2. С. 12–25. EDN: LFJFIX. DOI: 10.22394/2073-2929-2021-02-12-25.

¹ Арктический бюллетень. Мониторинг социально-экономического развития Арктической зоны России. 2025, январь. № 107. С. 8–9.

² Мониторинг социально-экономического развития Арктической зоны России // Арктический бюллетень. 2025, март. № 109. С. 7.

³ Андрей Угланов. Чемодан без ручки: Украина в новой геополитической реальности [Электронный ресурс] // Аргументы недели. 2025. № 1. С. 6. URL: <https://argumenti.ru/politics/2025/01/933669> (дата обращения: 25.05.2025).

⁴ Дональд — завоеватель [Электронный ресурс] // Наша версия. 13.01.2025. № 01 (969). С. 2. URL: <https://versia.ru/gazeta-nasha-versiya-1-ot-13-yanvarya-2025> (дата обращения: 25.05.2025).

6. Козьменко С. Ю. Современный гамбит в евразийской партии «Большой игры» // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. № 4 (42). Т. 16. С. 121–129. EDN: OMSIBS. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-04-121-129.
7. Козьменко С. Ю., Козьменко А. С. Геоэкономика Арктики: мобильность стратегических ресурсов нефти на закате глобализации // Арктика и Север. 2022. № 49. С. 38–54. EDN: SFRCES. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.49.38.
8. Коломб Ф. Морская война, ее основные принципы и опыт. Москва — Санкт-Петербург : АСТ; Terra Fantastica. 2003. 668 с. ISBN: 5-17-016752-0.
9. Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на историю. 1660–1783. СПб. : Terra Fantastica. 2002. 634 с. ISBN: 5-7921-0467-0.
10. Мэхэн А. Т. Влияние морской силы на Французскую революцию и империю / пер. Н. Л. Кладо; в 2-х т. СПб. : Terra Fantastica, 2002.
11. Савицкий П. Н. Евразийство. Основы евразийства / под ред. А. Г. Дугина. М. : Арктогея-центр, 2002. 624 с.
12. Савицкий П. Н. Научные задачи евразийства. Статьи и письма / сост. и вступит. ст. К. Б. Ермишина. М. : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына. Викм-М, 2018. 687 с.
13. Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиною в век (к 100-летию образования СССР и становления евразийства) : колл. моногр. / под ред. И. Ф. Кефели. СПб. : ИД «Петрополис», 2022. 532 с. EDN: APWULA.
14. Трубецкой Н. С. Евразийство. Общевеэвразийский национализм. Мы и другие. М. : Директ-Медиа, 2023. 132 с.
15. Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. New York : Random House. 1987. 540 p. ISBN: 0-394-54674-1.
16. Mackinder H. J. Democratic Ideals and Reality. New York : Henry Holt and Co., 1942.
17. Mackinder H. J. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. 1904. Vol. 23, No. 4 (Apr., 1904). P. 421–37. DOI: 10.2307/1775498.
18. Mackinder H. J. The Round World and the Winning of Peace // Foreign Affairs. Vol. 21, No. 4 (Jul., 1943). P. 595–605. DOI: 10.2307/20029780.
19. Wallerstein I. M. The Politics of the World-Economy. The States, the Movements and the Civilizations. Cambridge : Cambridge University Press, 1984. 191 p. ISBN: 9780521277600.

Об авторе:

Козьменко Сергей Юрьевич, профессор, главный научный сотрудник Института экономических проблем им. Г. П. Лузина — обособленного подразделения ФГБУН «Федеральный исследовательский центр КНЦ РАН» (Апатиты, Российская Федерация), доктор экономических наук; e-mail: fregat306@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3728-8357

References

1. Brusnitsyn, V. N. The Arctic in US Politics // Collected Naval. 2024. No. 1 (2122). P. 59–67. (In Russ.). EDN: MQNWEC.
2. Bykov, O. N. Geopolitical Status of Russia (in 2 books). Book 1. Moscow : IMEMO, 2015. 200 p. ISBN: 978-5-9535-0434-8. (In Russ.). EDN: UDFNVR.
3. Ivashov, L. G. Geopolitics of Russian civilization. Moscow : Institute of Russian Civilization, 2015. 800 p. (In Russ.). EDN: XDCIJT.
4. Ivashov, L. G. Geopolitical Drama of Russia. Moscow : Arguments of the Week, 2021. 528 p. ISBN: 978-5-6046510-4-9. (In Russ.).
5. Kefeli, I. F. Eurasian Civilization: From Idea to Modern Discourse // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2021. V. 15, No. 2. P. 12–25. (In Russ.). EDN: LFJFIX. DOI: 10.22394/2073-2929-2021-02-12-25.

6. Kozmenko, S. Yu The Modern Gambit in the Eurasian Version of the “Great Game” // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2022. Vol. 16, No. 4 (42). P. 121–129. (In Russ.). EDN: OMSIBS. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-04-121-129.
7. Kozmenko, S. Yu., Kozmenko, A. S. The Arctic Geo-Economy: Mobility of Strategic Oil Resources at the End of Globalization // Arctic and North. 2022. No. 49. P. 38–54. (In Russ.). EDN: SFRCES. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.49.38.
8. Kolomb, F. X. Naval warfare, its basic principles and experience. Moscow — Saint Petersburg : AST; Terra Fantastica, 2003. 668 p. ISBN: 5-17-016752-0. (In Russ.).
9. Mahan, A. T. Influence of Sea Power upon History. 1660–1783. Saint Petersburg : Terra Fantastica, 2002. P. 634. ISBN: 5-7921-0467-0. (In Russ.).
10. Mahan, A. T. The Influence upon the French Revolution and Empire. Saint Peterburg : Terra Fantastica, 2002. (In Russ.).
11. Savitsky, P. N. Eurasianism. Fundamentals of Eurasianism / ed. by A. G. Dugin. Moscow : Arktogeya-Center, 2002. 624 p. (In Russ.).
12. Savitsky, P. N. Scientific Tasks of Eurasianism. Articles and letters / ed. by K. B. Ermishina. Moscow : House of Russian Abroad named after A. Solzhenitsyn. Vikm-M, 2018. 687 p. (In Russ.).
13. Soviet Civilization and the Eurasian Idea: Two Stories Spanning a Century (on the 100th Anniversary of the Formation of the USSR and the Establishment of Eurasianism) : coll. monograph / ed. by I. F. Kefeli. St. Petersburg: Petropolis, 2022. 532 p. (In Russ.) EDN: APWULA.
14. Trubetskoi, N. S. Eurasianism. Pan-Eurasian nationalism. Us and others. Moscow : Direkt-Media, 2023. 132 p. (In Russ.).
15. Kennedy, P. The Rise and Fall of the Great Powers. New York : Random House. 1987. 540 p. ISBN: 0-394-54674-1.
16. Mackinder, H. J. Democratic Ideals and Reality. New York : Henry Holt and Co., 1942.
17. Mackinder, H. J. The Geographical Pivot of History // The Geographical Journal. 1904. Vol. 23, No. 4 (Apr., 1904). P. 421–37. DOI: 10.2307/1775498.
18. Mackinder, H. J. The Round World and the Winning of Peace // Foreign Affairs. Vol. 21, No. 4 (Jul., 1943). P. 595–605. DOI: 10.2307/20029780.
19. Wallerstein, I. M. The Politics of the World-Economy. The States, the Movements and the Civilizations. Cambridge : Cambridge University Press, 1984. 191 p. ISBN: 9780521277600.

About the author:

Sergey Yu. Kozmenko, Professor, Chief Researcher at the Institute of Economic Problems named after G. P. Luzin — a separate subdivision of the Federal State Budgetary Institution “Federal Research Center KSC RAS” (Apatity, Russian Federation), Doctor of Science (Economics);
e-mail: fregat306@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3728-8357

Взаимная торговля стран БРИКС в логике интеграционного взаимодействия

Бойко И. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Россия

e-mail: boyko-iv@ranepa.ru

ORCID: 0000-0003-1442-7526

РЕФЕРАТ

Укрепление взаимодействия между странами, входящими в интеграционный союз БРИКС, приобретает особенную значимость в условиях усиления мировой волатильности как в торгово-экономической, так и в валютно-финансовой сферах. Усиление центростремительного взаимодействия между странами предполагает постепенное углубление международных экономических отношений в сфере торговых отношений, а затем и в сфере перемещения капиталов, что обеспечит условия для создания единого валютного союза. **Цель.** Обоснование необходимости укрепления торгово-экономических связей между странами БРИКС как основы для постепенного перехода к высшей форме международной экономической интеграции. Основная гипотеза исследования: эффективность интеграции между странами БРИКС связана, прежде всего, с ростом доли продукции с высокой добавленной стоимостью во внутриблочном торговом обмене, что способно углубить взаимодополнение между ними и стать основой для решения других интеграционных задач, в том числе перехода к введению собственной системы взаимных расчетов. **Задачи.** Анализ экономики стран БРИКС и их экспортного потенциала; определение роли внутриблочной торговли в общем торговом обороте стран БРИКС; определение направлений межстрановой конвергенции и — на этой основе — усиления центростремительного взаимодействия между странами. **Методология.** Методологической основой для выполнения исследования являлись теории международного разделения труда и конвергенции; теории сравнительных преимуществ стран во взаимной торговле; теории «догоняющего роста», а также теории пространственного развития. Методы исследования: статистический, эмпирический, метод сравнительного анализа. **Результаты.** В результате проведенного исследования были сделаны выводы об односторонней специализации стран, сложившейся во взаимной торговле: на экспорте готовой промышленной продукции специализируется преимущественно Китай, на экспорте сырьевых товаров — остальные страны, входящие в БРИКС. Кроме того, между странами БРИКС сохраняется глубокий разрыв в достигнутом уровне экономического развития при несомненной лидирующей роли Китая, экспорт которого ориентирован преимущественно на третьи страны. Это усиливает центробежные тенденции между странами БРИКС, ускоряет процессы дивергенции между ними и тем самым сдерживает развитие интеграционного взаимодействия. **Выводы.** В заключении приводятся рекомендации по совершенствованию торгово-экономических связей между странами БРИКС и, прежде всего, улучшению структуры внешней торговли за счет производства и экспорта технологически сложных товаров с высокой добавленной стоимостью. Это будет способствовать созданию условий для «догоняющего роста» менее развитых стран, стимулировать конвергенцию между ними и в целом позволит укрепить экономическую кооперацию между странами БРИКС, необходимую для формирования прочного экономического союза.

Ключевые слова: БРИКС, взаимная торговля, центростремительные тенденции, конвергенция, диверсификация товарных потоков

Для цитирования: Бойко И. В. Взаимная торговля стран БРИКС в логике межстранового интеграционного взаимодействия // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 2. С. 33–43. EDN: SHMHCH

Mutual Trade of BRICS Countries in the Logic of Integration Cooperation

Irina V. Boiko

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Nord-West Institute of Management of RANEP), Saint Petersburg, Russia

e-mail: boyko-iv@ranepa.ru

ORCID: 0000-0003-1442-7526

ABSTRACT

The BRICS is playing an increasingly important role as a new international initiative to counter growing global economic instability. To achieve that mission and to reach the highest form of economic integration — an introduction of a single currency system — the BRICS countries need to start by improving mutual trade relation, which is a prerequisite for creating a common capital and labor markets, which, in turn, is necessary for the formation of a strong economic union. **Aim.** The aim of the article is to explain a crucial role of improving BRICS mutual trade for further development of economic integration among the member states. The research hypothesis is the following: for strengthening the BRICS integration the member states should change the trade structure in a way of increasing the share of value added commodities in the mutual trade. It will make the complementarity between the countries robust and creates the ground floor for introduction of the own currency and international calculation systems. **Tasks.** The research tasks comprises analyses of the BRICS' countries position in the world trade, specifically in merchandise trade, their export potential, the structure of their mutual merchandise trade. **Methods.** Methodologically the research is based on the theories of convergence and the international division of labour; theories of the "national comparative advantageous"; spatial development of national economy; theories of catching up growth. Statistical, empirical and comparative analyses represent the main methods of the given research. **Results.** Results of the research are the following: China plays a key role in the production and trade of final manufacturing goods, while the rest of the BRICS countries specialize primarily on the export of raw materials. Moreover, while China's export is oriented primarily to third country rather than to the BRICS market, the rest of the BRICS countries rely heavily on the import of Chinese goods. The significant gap in the level of economic development of the BRICS countries hinders centripetal interaction between them. **Conclusions.** In conclusion the author offers a number of recommendations for improving the scale and scope of trade cooperation among BRICS countries. In addition to expanding traditional export it is very important to change its structure towards the production and trade of more technologically complex goods with higher value added. When all BRICS countries move towards achieving this strategic goal, it will deepen their complementarity, and allow less developed member states to catch up with the leading BRICS countries, thereby making this integration more robust and convergent. In this way imports from third countries will be replaced by goods produced and sold on the BRICS market, which can also strengthen mutual trade and economic cooperation between the BRICS countries.

Keywords: BRICS, mutual trade, centripetal processes, convergence, trade diversification

For citation: Boiko I. V. Mutual Trade of BRICS Countries in the Logic of Integration Cooperation // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 33–43. (In Russ.). EDN: SHMHCH

Введение

В последнее время значительно усилилось понимание значения интеграционного союза Бразилии, России, Индии, Китая и Южно-Африканской Республики, Объединенных Арабских Эмиратов, Ирана, Египта, Эфиопии и Индонезии (БРИКС)¹ в создании торгово-экономического и валютно-финансового пространства, альтернативного тому геоэкономическому раскладу, во главе которого сегодня находятся США. Стремительно растущий долг США (к началу 2025 г. превысивший 36 трлн долл.), неспособность оживить промышленность и конкурировать с такими странами, как Китай, на мировом товарном рынке, манипуляции с долларом — одной из основных мировых резервных и расчетных денежных единиц, — все это усиливает волатильность во всех без исключения странах мира в достаточно непростой период их экономического развития. Очевидно, что выбраться из столь опасной экономической (и, как следствие, политической) зависимости от США отдельно взятой стране, даже с такой крупной экономикой, как Китай, очень непросто, требуется объединение усилий и согласованность действий нескольких стран. И в этом отношении БРИКС является на сегодня единственным интеграционным соглашением, который данную — эпохальную — задачу может выполнить. Как отмечает П. П. Яковлев, «возникновение БРИКС и расширение этого объединения пришлось на этап системной перезагрузки геоэкономических и геополитических связей, отмеченной обострением глобальной конкуренции и развертыванием борьбы альтернатив, носителями которых являются, с одной стороны, коллективный Запад, а с другой — Глобальный Юг во главе с БРИКС» [7].

Страны БРИКС демонстрируют готовность сообща реагировать на новые глобальные вызовы, формировать позитивную, сбалансированную и четкую экономическую повестку дня, в том числе в сфере внутриблокового сотрудничества. Как отмечают авторы исследования «Торговый потенциал и транспортная взаимосвязанность стран БРИКС после расширения 2024 года», «в условиях роста международно-политической неопределенности и сокращения возможностей многосторонних институтов по управлению глобальными торгово-экономическими потоками все большее значение приобретают межгосударственные платформы взаимодействия, такие как БРИКС»².

Основной темой, доминирующей в экономических разработках БРИКС, является введение альтернативной системы международных расчетов. Как отмечают зарубежные эксперты, «во-первых, диктатура доллара нанесла и продолжает наносить ущерб развивающимся странам посредством обесценивания недолларовых валют, неблагоприятных последствий для доходов и связанного с этим разрушительного воздействия на кредитные рейтинги и инвестиции. Во-вторых, расширенное использование односторонних “санкций” США и ЕС (односторонних принудительных мер) налагает парализующую осадную войну на более чем 20 стран, серьезно подрывая возможности свободной торговли третьих стран» [9, с. 45]. Поэтому «создание альтернативных диктатуре доллара финансовых механизмов стало необходимым для возможностей развития экономик Глобального Юга в Азии, Африке и Латинской Америке, а вес и решимость группы БРИКС+ представляют собой наилучший шанс для создания таких альтернатив» [Там же].

Однако, несмотря на значимость задачи формирования новой системы международных расчетов, ее решение затрагивает не только валютно-финансовые отношения между странами БРИКС, но и требует изменения динамики и качества торгово-экономических связей между ними. Именно расширение и углубление торговли между странами БРИКС является первичным условием для создания собственной системы взаиморасчетов и постепенного решения сложной задачи введения собственной расчетной и даже резервной валюты, подкрепленной реальными ценностями, перемещающимися между странами. Данную задачу очень четко артикулируют Л. С. Ревенко и Н. С. Ревенко: «Обеспечение стабильного экономического роста стран БРИКС предполагает активизацию взаимного внешнеторгового оборота...» [6, с. 70]. Развитие торгово-экономических связей между участниками БРИКС может создать

¹ Индонезия присоединилась к БРИКС 6 января 2025 г.

² БРИКС и новая архитектура международной торговли [Электронный ресурс]. URL: <https://1520international.com/content/2024/sentyabr-2024/brics-and-the-new-architecture-of-international-trade/> (дата обращения: 20.03.2025).

условия для дальнейшего развития экономических отношений между странами, «торговля должна открывать новые пути для экономического роста, поскольку она облегчает перемещение товаров, капитала и технологий через границы, позволяя странам получать доступ к ресурсам и рынкам, которых у них может не быть внутри страны. Это, в свою очередь, приведет к повышению производительности, увеличению инвестиций и, в конечном итоге, к экономическому росту» [11].

Результаты исследования

Логика интеграционных процессов, как мы отмечали ранее, заключается в постепенном сращивании экономических систем интегрирующихся стран от «простого» преференциального соглашения о торговле и зоне свободной торговли до общего таможенного союза, общего рынка и, наконец, экономического союза [2]. Именно на последней, высшей, стадии интеграционного взаимодействия завершается создание предпосылок к формированию единого валютно-финансового союза. Несмотря на всю сложность данного процесса, четкость в постановке задач и определении этапов укрепления интеграционного взаимодействия между странами потенциально позволяет сформировать стратегические направления центристского взаимодействия в сфере перемещения товаров, капиталов, технологического сотрудничества и накопления интеллектуальных ресурсов как для выполнения внутренних задач объединения, так и для осуществления миссии нового глобального экономического и политического лидерства, потребность в котором становится критической в современных международных условиях.

В данной логике усиления интеграционного взаимодействия между странами БРИКС и укрепления внутренних центристских процессов первостепенное значение приобретает совершенствование торгово-экономических связей между ними. Рассмотрим эту проблематику в трех ее составляющих: 1) внешнеторговый потенциал стран БРИКС; 2) «вес» взаимной торговли стран БРИКС во внешней торговле стран-членов; 3) внешнеторговая специализация стран БРИКС.

На страны БРИКС приходится менее 40% всей мировой торговли (рис. 1). Существенный разрыв в уровне накопленного потенциала во внешней торговле среди стран БРИКС свидетельствует о том, что только Китай обладает необходимым весом в мировой торговле. При этом, по данным OEC World, в 2023 г. доля стран БРИКС в экспорте Китая составляла всего 14,34%, а в импорте — 13,61%, что позволяет сделать вывод о том, что Китай в большей степени ориентирован на торговлю со странами, не входящими в интеграционный союз БРИКС.

Методологически мы исходим из того, что торговля услугами более эластична по динамике мировой экономики и мирового промышленного производства, чем мировая товарная торговля, поэтому, исходя из критерия устойчивости внешнеторговых связей, важное значение приобретает анализ торговли стран БРИКС, «очищенный» от услуг, т. е. перемещения товарных потоков между странами (рис. 2).

Анализ участия стран БРИКС в мировом экспорте товаров позволяет сделать вывод о том, что на данную интеграционную группировку приходится около 30% мировой торговли товарами, при этом Китай вносит существенно более значимый вклад в мировой экспорт — 17,55%. Со значительным отрывом вторую позицию в мировом товарном экспорте занимает Индия — 3,89%, третью — Объединенные Арабские Эмираты (2,79%). И если на три страны-лидера (Китай, Индия и ОАЭ) приходится более 24% мирового экспорта, то на три страны, имеющих наименьшее значение (Иран, Египет и Эфиопия), — всего 0,8%. Что свидетельствует о значительном разрыве в уровне накопленного экспортного потенциала внутри БРИКС и существенной дивергенции между ними.

Важно также отметить, что, за исключением России, внутренняя торговля между странами БРИКС не является для них более значимой, чем торговля с третьими странами (рис. 3, с. 38). На страны БРИКС приходится 56,37% экспорта России, 42,79% экспорта ЮАР, 38,4% экспорта Бразилии. В меньшей степени на экспорт товаров в страны БРИКС ориентированы Иран (8,45%), Китай (14,34%) и Египет (15,31%). Как справедливо отмечают зарубежные эксперты, «хотя на долю БРИКС+ приходится около 25% мирового экспорта, только 15% этого экспорта приходится на других членов БРИКС+» [8, с. 10].

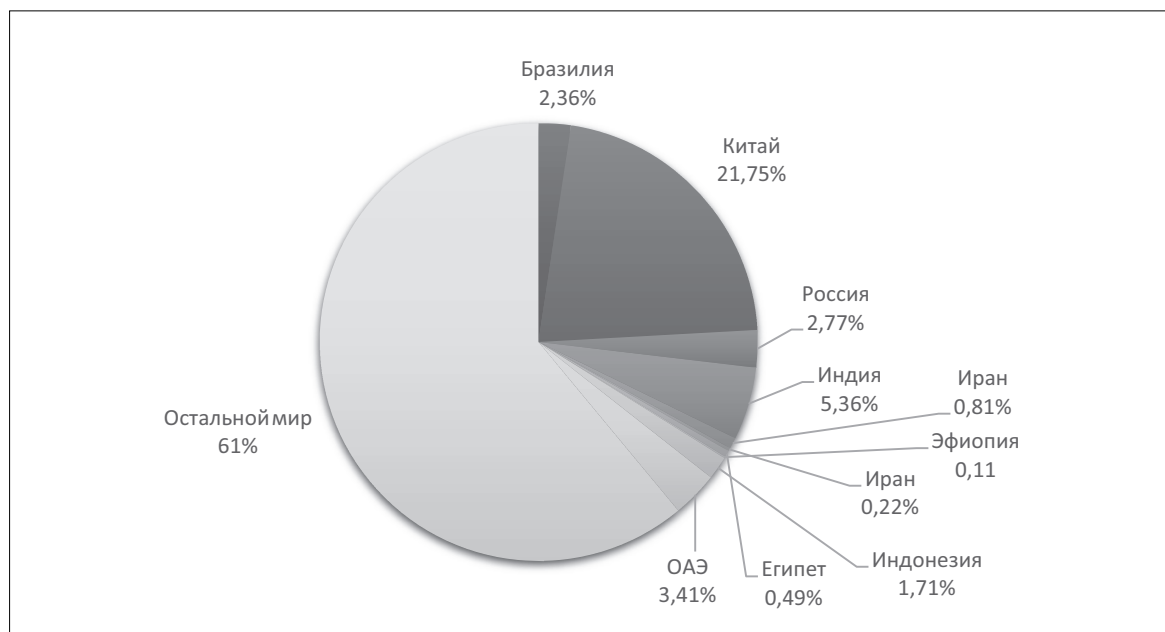

Рис. 1. Доля стран БРИКС в мировой торговле, 2023 г., %

Fig. 1. BRICS member states in the global trade, 2023, %

Источник: составлено автором на основе данных: BRICS joint statistical publication 2024. URL: [BRICS_Joint_Statistical_Publication_2024.pdf](https://brics-joint-statistical-publication-2024.pdf); Santander Trade Portal. URL: <https://santandertrade.com/en/portal/analyse-markets/brazil/foreign-trade-in-figures#:~:text=According%20to%20the%20latest%20available,and%20%2B12.1%25%20y%2Do%2Dy;World%20Integrated%20Trade%20Solutions>; World Integrated Trade Solutions. URL: <https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/ETH/Year/2022/SummaryText>; World Trade Statistics. URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/statistics2023_e.htm

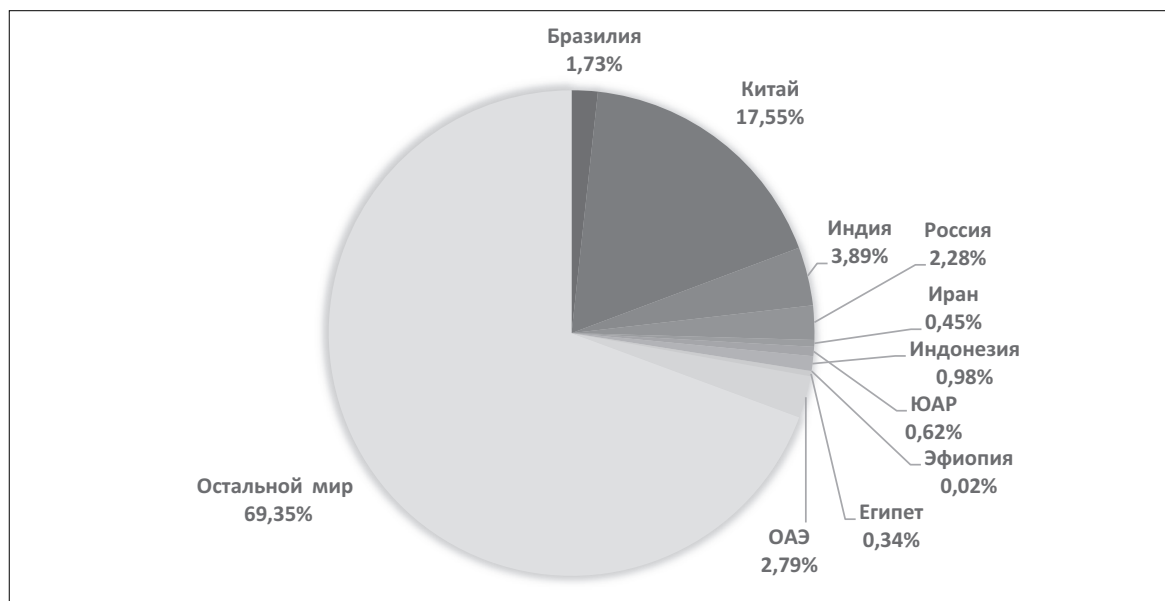

Рис. 2. Доля стран БРИКС в мировом экспорте товаров, 2023 г., %

Fig. 2. BRICS member states in the global merchandise trade, 2023, %

Источник: составлено автором на основе данных: BRICS joint statistical publication 2024. URL: [BRICS_Joint_Statistical_Publication_2024.pdf](https://brics-joint-statistical-publication-2024.pdf); Эфиопия экспорт товаров в 2023г. OEC World. URL: <https://oec.world/en/profile/country/eth>; Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/294339/iran-export-of-goods>; Trend Economy. URL: https://trendeconomy.com/data/commodity_h2/TOTAL; BPS Reports 33.46% Drop in 2023 Trade Surplus. URL: <https://jakartaglobe.id/business/bps-reports-3346-drop-in-2023-trade-surplus>

Рис. 3. Взаимная торговля стран БРИКС, доля экспорта, 2023 г., %

Fig. 3. BRICS mutual trade, the share of total export, 2023, %

Источник: составлено автором на основе данных ОЕС World/ URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/eth/partner/chn>

По итогам 2023 г. наибольшую ориентацию внешней торговли на БРИКС показала Россия: на торговлю с участниками объединения приходится почти половина ее внешнеторгового оборота (49%), тогда как в среднем по странам БРИКС доля составила только 20%, что обусловлено стремительной переориентацией внешней торговли России с Запада на Восток в последние два года. На втором месте — внешняя торговля Эфиопии, наименьшей из экономик БРИКС. Это обусловлено высокой долей стран БРИКС в экспорте Эфиопии — 49%. Китай при абсолютном лидерстве в объемах торговли на пространстве БРИКС демонстрирует наименьший показатель ориентированности — по итогам 2023 г. только 14% внешней торговли КНР приходится на страны БРИКС¹.

Следует отметить и структурные дисбалансы в торговле стран БРИКС. Так, в экспорте стран БРИКС преобладают сырьевые товары (рис. 4). Явно выраженную сырьевую специализацию экспорта имеют Эфиопия (74,8%), Бразилия (53,6%) и ОАЭ (34,2%). В меньшей степени сырьевую специализацию экспорта имеют такие страны, как Китай (1,42%) и Индия (6,07%).

Что касается ввоза товаров в страны БРИКС, то существенную зависимость от импорта инвестиционных товаров имеют Россия (39,35%), Китай (34,44%) и Бразилия (29,34%) (рис. 5).

Странами, в большей степени зависимыми от импорта промежуточных товаров, являются Бразилия (36,29%), Эфиопия (33,53%) и Индонезия (33%). Потребительские товары преобладают в импорте таких стран, как ЮАР (40,28%), Эфиопия (38,28%) и Россия (32,2%). Данная статистическая картина отражает существенный разрыв в достигнутом уровне экономического развития между странами БРИКС, который отражается и во внешней торговле. В свою очередь, сложившаяся внешнеторговая специализация не только закрепляет второстепенность менее развитых стран БРИКС в мировой торговле, но и является причиной усиления их внутренних экономических проблем. Как отмечают А. К. Морозкина и В. Ю. Скрыбина, «для наименее развитых стран с высокой долей добывающего сектора, как правило, характерен высокий уровень безработицы и низкий уровень человеческого капитала, что препятствует диверсификации экономики и дальнейшему развитию, в том числе экспорта» [3, с. 99].

Китай является страной, которая импортирует значительные объемы сырья (31,44% от общего объема импорта страны), используемого для производства товаров конечного потребительского и инвестиционного назначения и их последующего экспорта в различные страны мира (доля в общем экс-

¹ БРИКС и новая архитектура международной торговли [Электронный ресурс]. URL: <https://1520international.com/content/2024/sentyabr-2024/brics-and-the-new-architecture-of-international-trade/> (дата обращения: 20.03.2025).

порте страны соответственно составляет 35,1% и 43,58%). Иными словами, Китай занимает лидирующие позиции в БРИКС не только по стоимостным объемам внешней торговли, но и по экспорту готовой промышленной продукции. Как справедливо отмечает П. П. Яковлев, «среди стран БРИКС лишь Китай ориентируется на отраслевое развитие, связанное с инновационными процессами. Остальные страны в соответствии с проведенным анализом сравнительных преимуществ реализуют сырьевую модель экономического развития» [7].

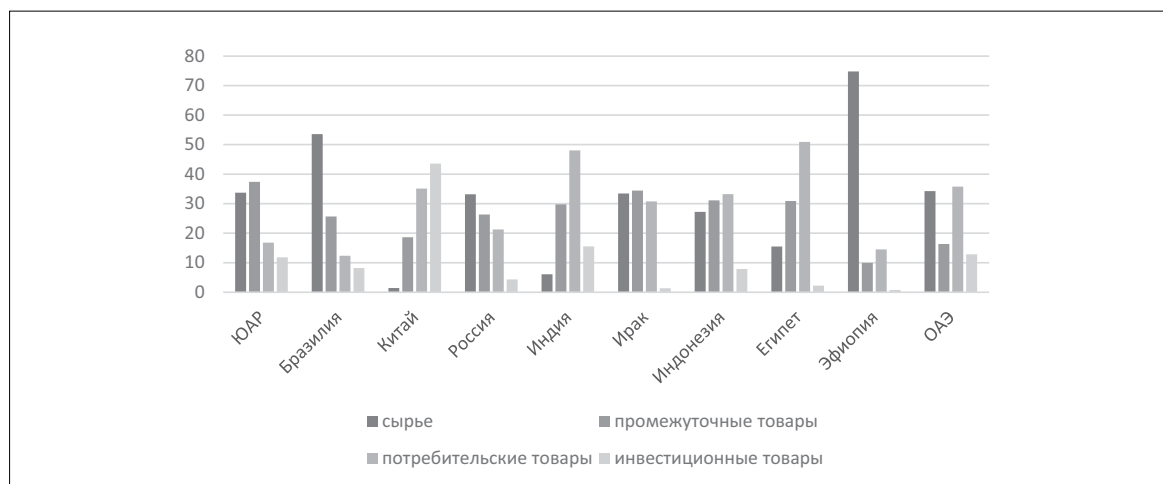

Рис. 4. Структура экспорта стран БРИКС, 2022 г. (общий объем экспорта = 100%)

Fig. 4. The export structure of BRICS, 2022 (the total export = 100%)

Источник: составлено автором на основе данных World Integrated Trade Solution. URL: <https://wits.worldbank.org/countrysnapshot/en/>

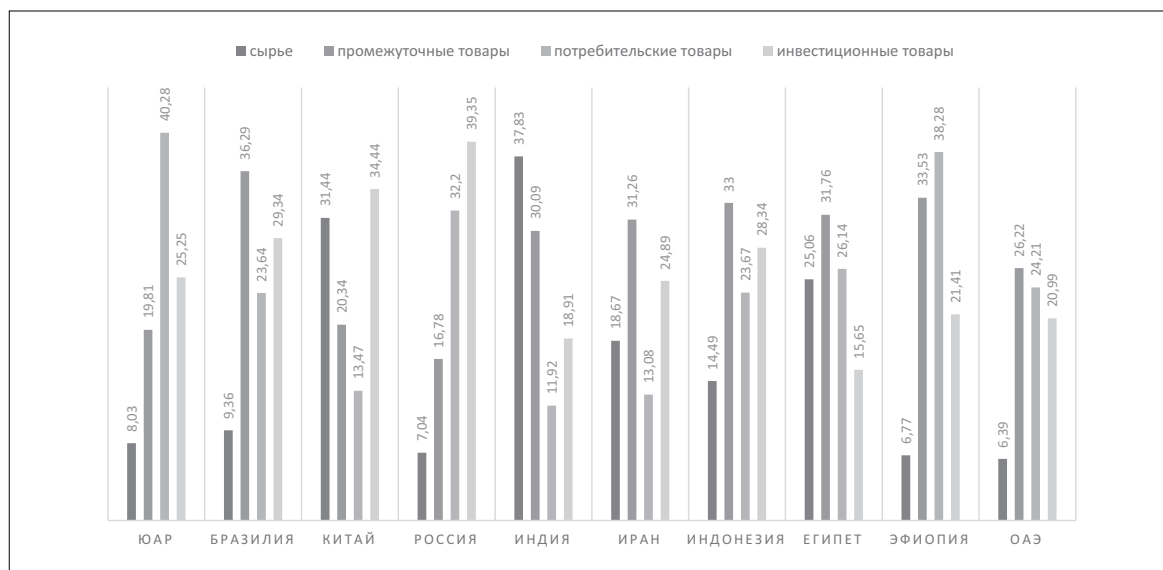

Рис. 5. Структура импорта стран БРИКС, 2022 (общий объем импорта=100%)

Fig. 5. The import structure of BRICS, 2022 (the total import=100%)

Источник: составлено автором на основе данных World Integrated Trade Solution. URL: <https://wits.worldbank.org/countrysnapshot/en/>

Приведенный анализ позволяет прийти к заключению о том, что Китай является экономическим локомотивом БРИКС. Однако в то время как страны БРИКС в значительной степени ориентированы на торговлю с Китаем, Китай ориентирован на внешнеторговые связи со странами, не входящими в БРИКС. Так,

что касается России, то «Китай основной торговый партнер России с долей в импорте товаров более 40%. Торговля с Китаем является достаточно сбалансированной (импорт примерно равен экспорту товаров). С Индией ситуация иная: поставки российских товаров примерно в десять раз превышают импорт индийских. Остальные члены БРИКС играют значительно меньшую роль в российском товарообороте»¹.

Укреплению внешнеторговых связей между странами — участниками БРИКС также препятствует значительный разрыв в уровне экономического развития, бремя внешних долгов, на обслуживание которых из национальной экономики многих стран БРИКС изымаются значительные финансовые ресурсы. Так, зарубежные эксперты отмечают, что «группа остается весьма неоднородной как с точки зрения ВВП на душу населения, так и чистого кредитования и заимствования. Страны — экспортеры нефти (Россия и Саудовская Аравия) и Китай имеют профицит текущего счета — другими словами, чистую кредитную позицию, — в то время как все остальные страны блока имеют дефицит текущего счета. Что касается их чистых международных инвестиционных позиций, Египет, Бразилия и Индия являются чистыми должниками по отношению к остальному миру, в то время как другие страны БРИКС+ являются чистыми кредиторами. Наконец, с точки зрения внешнего долга Китай является крупным кредитором некоторых других стран в группе, удерживая большую долю внешнего долга Эфиопии и меньшие, но все же значительные доли долга Южной Африки и Египта» [8].

Глубокие различия в достигнутом уровне экономического развития, накопленном производственном и внешнеторговом потенциале создают значительные ограничения на пути усиления интеграционного взаимодействия между странами — участниками БРИКС.

В этой связи важнейшее значение приобретает диверсификация внешнеторгового оборота между странами — участниками БРИКС, которая должна способствовать не только повышению экспортного потенциала всех стран-членов, но и укреплять между ними торгово-экономические связи, а также способствовать снижению зависимости от импорта готовой промышленной продукции из третьих стран. Именно эта целевая установка была заложена, как справедливо утверждают Л. С. Ревенко и Н. С. Ревенко, в самом начале формирования стратегического партнерства в рамках БРИКС [6, с. 70]. Эта же установка была подтверждена в «Стратегии экономического партнерства БРИКС до 2025 года», принятой на XII саммите стран — участниц БРИКС в 2021 г., в следующей формулировке: «Диверсификация торгового сотрудничества стран БРИКС в целях развития новых моделей производства, переориентации рынков и увеличения товарооборота внутри БРИКС»².

Для продвижения в данном вопросе методологически важно понимать ключевое значение взаимосвязи между пространственной и технологической диверсификацией при ориентации на расширение разнообразия торгуемых между странами БРИКС товаров [1]. Диверсификация торгово-экономических связей предполагает не только вовлечение в международный обмен тех товаров, в производстве и экспорте которых страна имеет статичные преимущества (что, к примеру, предопределяет сырьевую специализацию менее развитых стран и связанные для них с этим экономические проблемы), но и постоянное совершенствование промышленного производства во всех странах блока, углубление уровня технологического передела продукции и, как следствие, рост объемов торговли технологически все более сложными товарами. Как справедливо отмечают некоторые зарубежные ученые, «акцент на торговле товарами с высокой добавленной стоимостью отражает стремление стран двигаться вверх по цепочке создания стоимости, к развитию более сложного и экономически более ценного промышленного производства. Этот стратегический ориентир создает побуждения к росту инвестиций в разработку и внедрение новых технологий, совершенствование профессиональных навыков и развитие инфраструктуры» [10]. При формировании технологической траектории промышленного развития и — на этой основе — совершенствования структуры экспорта и импорта

¹ Тема дня: Торговый оборот России со странами БРИКС вырос в 2023 году до \$294 млрд [Электронный ресурс] // РАНХиГС Санкт-Петербург. 02.04.2024. URL: <https://spb.ranepa.ru/news/tema-dnya-torgovyj-oborot-rossii-so-stranami-briks-vyros-v-2023-godu-do-294-mlrd/> (дата обращения: 20.03.2025).

² Стратегия экономического партнерства БРИКС до 2025 г. [Электронный ресурс]. С. 5. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d30/obzory_i_analitika/minekonomrazvitiya_rossii_podgotovilo_novuyu_ekonomicheskuyu_strategiyu_briks_do_2025_goda.html (дата обращения: 20.03.2025).

важно принимать во внимание уникальность каждой страны, ее особенные «национальные сравнительные преимущества». Именно такой динамический подход к развитию торгово-экономических связей между странами БРИКС способен сформировать условия для расширения разнообразия перемещаемых товарных потоков между странами, усилить между ними дополняющие, центростремительные связи и, кроме того, как мы уже отмечали выше, сформировать альтернативу импорту товаров из третьих стран, не входящих в БРИКС. Поэтому мы не можем согласиться с тем, что уже в текущем моменте «рынки стран БРИКС можно назвать взаимодополняющими и дающими новые возможности для развития каждой отдельной страны» [5, с. 77]. Но солидарны с мнением о том, что «обоюдный интерес государств — членов БРИКС заключается в возможной взаимодополняемости экономик стран этого союза. Каждое государство БРИКС идет в направлении развития своих экономик и занимает важные позиции в своих регионах. У них есть огромный потенциал, который может создать синергетический эффект» [4, с. 45].

Заключение

Укрепление интеграционного взаимодействия между странами БРИКС имеет большое значение как для этих стран, так и для мировой экономики в целом, входящей в состояние повышенной волатильности и неопределенности. Успехи на пути построения единого торгово-экономического пространства и создание условий для формирования новой системы международных расчетов способно активизировать процессы присоединения к данному интеграционному объединению все новых стран и тем самым обеспечить их устойчивость в условиях нарастания масштабов и разнообразия вызовов, с которыми сталкивается современное общество. Последовательное решение данной эпохальной задачи предполагает в качестве первого этапа совершенствование внешнеторговых связей между странами БРИКС, увеличение объемов взаимной торговли и совершенствование ее структуры. Увеличение доли технологически все более сложных товаров во взаимной торговле не только способно ускорить «догоняющий рост» менее экономически развитых стран — участниц БРИКС и обеспечить рост их доходов (что необходимо в том числе для решения проблем, связанных с обслуживанием внешнего долга многих из них), усилить процессы конвергенции между ними, но и сократить импорт данных, критически важных товаров из третьих стран. Для решения данной стратегической задачи необходимо формирование единой промышленной технологической политики и объединение интеллектуального капитала стран БРИКС. В этой связи мы полностью согласны с мнением известного российского экономиста П. П. Яковлева, которому принадлежит следующее высказывание: «Соединение процессов накопления и развития интеллектуального капитала стран БРИКС, способного решать четко поставленные задачи промышленного развития, может стать правильным шагом на пути создания новой модели международного разделения труда как основы для повышения устойчивости мировой экономики в целом и самих стран БРИКС в частности, выработать и продвигать прорывные решения в таких жизненно важных вопросах, как обеспечение развивающихся стран необходимыми финансовыми, технологическими и другими ресурсами, а также предложить позитивное решение проблемы чрезмерной задолженности» [7]. Только на этой основе можно выстраивать дальнейшие этапы по укреплению и расширению интеграционного взаимодействия между странами БРИКС, в том числе введению собственной системы международных расчетов.

Научно-теоретическое и практическое развитие данной проблематики требует разработки методологии структурных изменений в экономике стран БРИКС в направлении увеличения доли технологически сложной продукции во внутреннем производстве и межстрановом обмене, что позволит не только преодолеть экономическое неравенство между странами и долговые проблемы многих стран — членов БРИКС, но и усилить взаимодополняющее притяжение между ними, что является условием для усиления интеграционного взаимодействия и переориентации торговых потоков на внутриблочный обмен. Первым решением на этом направлении может быть объединение масштабного научно-технологического потенциала стран БРИКС для решения данных задач.

Список литературы

1. Бойко И. В. Пространственная и технологическая диверсификация российской экономики // Управленческое консультирование. 2018. № 6. С. 68–76. EDN: UUFOIZ. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-5-68-76.
2. Бойко И. В. Экономика как система. Основы. ИНФРА-Инженерия, 2025. 288 с.
3. Морозкина А. К., Скрябина В. Ю. БРИКС и партнерство в интересах устойчивого развития: перспективы расширения торговли с наименее развитыми странами // Вестник международных организаций. 2021. Т. 16, № 1. С. 85–106. EDN: DFRXJU. DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-04.
4. Погодин С. Н., Ягья Т. С. Торгово-экономическое сотрудничество в рамках БРИКС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15, № 3. С. 44–54. EDN: GSKZYY. DOI: 10.22394/2073-2929-2021-03-44-54.
5. Растопчина Ю. Л., Ковалева Е. И., Жуковский А. Д. Промышленное развитие и сравнительный обзор специализации стран БРИКС // Международная торговля и торговая политика. 2024. Т. 10, № 1. С. 64–80. EDN: MAUDTJ. DOI: 10.21686/2410-7395-2024-1-64-80.
6. Ревенко Л. С., Ревенко Н. С. Взаимная торговля стран БРИКС: потенциал и направления развития // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. № 10. С. 70–81. EDN: YMCSLJ.
7. Яковлев П. П. Расширение БРИКС и новый этап борьбы глобальных альтернатив // Перспективы. Электронный журнал. 2023. № 4. С. 7–20. EDN: DNNTXZ. DOI: 10.32726/2411-3417-2023-4-7-20.
8. Afota Amandine, Burban Valentin, Diev Pavel [et al.]. Expansion of BRICS: What Are the Potential Consequences for the Global Economy // Bulletin de la Banque de France 250/2 — January-February. 2024. URL: https://www.banque-france.fr/system/files/2024-02/BDF250-2_BRICS_EN.pdf.
9. Anderson Tim, Yulianti Dina. The Developmental Case for BRICS // Global South Review. March, 2024. P. 45–64. DOI: 10.22146/globalsouth.90735.
10. Filho J. F. D. S., Ferreira dos Santos G., Ribeiro L. C. D. S., de Cerqueira R. B., Lima L. L. Global Value Chains and intra-BRICS Trade in Value-added // Journal of Government and Economics. Vol. 16. Winter 2024, 100127. DOI: 10.1016/j.jge.2024.100127.
11. Kumar S., Shahid A., Agarwal M. Is BRICS Expansion Significant for Global Trade and GDP? // BRICS Journal of Economics. 2024. No. 5 (4). P. 5–36. DOI: 10.3897/brics-econ.5.e139877.

Об авторе:

Бойко Ирина Викторовна, профессор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург, Россия), доктор экономических наук, профессор;
e-mail: boyko-iv@ranepa.ru; ORCID: 0000-0003-1442-7526

References

1. Boiko, I. V. Spatial and Technological Diversification of the Russian Economy // Administrative Consulting. 2018. No. 6. P. 68–76. (In Russ.). EDN: UUFOIZ. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-5-68-76.
2. Boiko, I. V. Economics as a System. The Basic Principles. INFRA-Inzheneria, 2025. 288 p. (In Russ.).
3. Morozkina, A. K., Skryabina, V. U. BRICS and Partnerships for Sustainable Development: Prospects for Trade with Least Developed Countries // International Organisations Research Journal. 2021. Vol. 16, No. 1. P. 85–106. (In Russ.). EDN: DFRXJU. DOI: 10.17323/1996-7845-2021-01-04.
4. Pogodin, S. N., Yagya, T. S. Trade and Economic Cooperation within the Framework of BRICS // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2021. Vol. 15, No. 3. P. 44–54. (In Russ.). EDN: GSKZYY. DOI: 10.22394/2073-2929-2021-03-44-54.
5. Rastopchina, U. L., Kovaleva, E. I., Zhokovskii, A. D. Industrial Development and Comparative Review of BRICS Specialization // International Trade and Trade Policy. 2024. Vol. 10, No. 1. P. 64–80. (In Russ.). EDN: MAUDTJ. DOI: 10.21686/2410-7395-2024-1-64-80.

6. Revenko, L. S., Revenko, N. S. BRICS Mutual Trade: Potential and Development Patterns // Russian Foreign Economic Journal. 2018. No. 10. P. 70–81. (In Russ.). EDN: YMCSLJ.
7. Yakovlev, P. P. The BRICS Enlargement and the New Stage in the Battle between the Global Alternatives // The Prospects. 2023. No. 4. P. 7–20. (In Russ.). EDN: DNNTXZ. DOI: 10.32726/2411-3417-2023-4-7-20.
8. Afota, Amandine, Burban, Valentin, Diev, Pavel [et al.]. Expansion of BRICS: What Are the Potential Consequences for the Global Economy // Bulletin de la Banque de France 250/2 — January-February. 2024. URL: https://www.banque-france.fr/system/files/2024-02/BDF250-2_BRICS_EN.pdf.
9. Anderson, Tim, Yulianti, Dina. The Developmental Case for BRICS // Global South Review. March, 2024. P. 45–64. DOI: 10.22146/globalsouth.90735.
10. Filho, J. F. D. S., Ferreira dos Santos, G., Ribeiro, L. C. D. S., de Cerqueira, R. B., Lima, L. L. Global Value Chains and intra-BRICS Trade in Value-Added // Journal of Government and Economics. Winter 2024. Vol. 16. 100127. DOI: 10.1016/j.jge.2024.100127.
11. Kumar, S., Shahid, A., Agarwal, M. Is BRICS Expansion Significant for Global Trade and GDP? // BRICS Journal of Economics. 2024. No. 5 (4). P. 5–36. DOI: 10.3897/brics-econ.5.e139877.

About the author:

Irina V. Boiko, Professor of North-West Institute of Management of RANEPa (Saint Petersburg, Russia), Doctor of Science (Economy), Professor;
e-mail: boyko-iv@ranepa.ru; ORCID: 0000-0003-1442-7526

Рискоустойчивость международной производственной кооперации стран БРИКС

Зубова Л. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Россия

e-mail: zl11@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2345-2504

РЕФЕРАТ

Цель и задачи. Исследование посвящено разработке методологии оценивания рискоустойчивости международной производственной кооперации (МПК) стран БРИКС от введения понятийно-категориального аппарата до практической апробации метода оценивания, выявлению ключевых проблем военно-экономического сотрудничества стран БРИКС и моделированию рисков, влияющих на уровень рискоустойчивости МПК, их группировке в кластеры для разработки стратегий повышения ее уровня. **Методология.** Основа и методы исследования: системный подход, SWOT-анализ, статистический, сравнительный и кластерный анализ и экспертные оценки. **Результаты и выводы.** Выявлены ключевые особенности военно-экономического сотрудничества стран БРИКС, предложен понятийно-категориальный аппарат и метод оценивания уровня рискоустойчивости МПК. Автор предлагает открывать в странах БРИКС центры по управлению рискоустойчивостью МПК, которые должны будут прогнозировать, производить мониторинг, оценивать и управлять рискоустойчивостью участников МПК с выявлением зон ответственности и достигнутых результатов в управлении. Также в центрах должны будут производиться научные исследования по интеграции форм отчетности России и международных стандартов финансовой отчетности и приведению их к общей «платформе». Объединение форм отчетности России и международных стандартов финансовой отчетности поможет создать единый подход к учету рисков, что повысит прозрачность и упростит взаимодействие между странами.

Ключевые слова: БРИКС, производственная кооперация, рискоустойчивость, цепочки поставок, глобализация, экономическая безопасность, локализация

Для цитирования: Зубова Л. В. Рискоустойчивость международной производственной кооперации стран БРИКС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 2. С. 44–55. EDN: SMVFDL

Risk Resilience of International Production Cooperation among BRICS Countries

Lyudmila V. Zubova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, RANEPА), Saint Petersburg, Russia

e-mail: zl11@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2345-2504

ABSTRACT

Aim and tasks. This study is devoted to the development of a methodology for assessing the risk resilience of international production cooperation (IPC) among BRICS countries. It covers the introduction of conceptual and categorical apparatus, practical testing of the assessment method, identification of key

problems in military-economic cooperation among BRICS countries, and modeling of risks that affect the level of IPC's risk resilience. These risks are grouped into clusters to develop strategies for enhancing resilience. **Methods.** The foundation and methods of the research include a systems approach, SWOT analysis, statistical, comparative, and cluster analyses, as well as expert evaluations. **Results and conclusions.** The key features of military-economic cooperation among BRICS countries have been identified, along with the proposed conceptual and categorical apparatus and a method for assessing the level of IPC risk resilience. The author proposes establishing risk resilience management centers for IPC in BRICS countries. These centers would be responsible for forecasting, monitoring, evaluating, and managing the risk resilience of IPC participants, identifying areas of responsibility and results achieved in management. Additionally, scientific research should be conducted at these centers on integrating Russian reporting forms with international financial reporting standards into a unified "platform", refined to a perfect level that allows risks to be reflected both across all accounts and business transactions within a single methodology. Only through such integration will accounting procedures be simplified in cross-country interactions, data will become transparent and easily understandable in accounting, leaving managers free to focus solely on genuine managerial activities without distractions.

Keywords: BRICS, production cooperation, risk resilience, supply chains, globalization, economic security, localization

For citation: Zubova L. V. Risk Resilience of International Production Cooperation among BRICS Countries // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 44–55. (In Russ.). EDN: SMVFDL

России нужна мобилизационная экономика
с рыночным инструментарием¹
С. Глазьев

Введение

Актуальность исследования. В современных условиях страны БРИКС играют все более важную роль в мировой экономике, особенно в области международной производственной кооперации. Учитывая глобальные экономические нестабильности, вызовы пандемий, торговые конфликты и изменения в цепочках поставок, повышение рискоустойчивости совместных производственных процессов становится ключевым фактором обеспечения стабильного развития и конкурентоспособности [1]. Поэтому исследование механизмов оценивания и управления рискоустойчивостью международной производственной кооперации в странах БРИКС приобретает особую практическую и теоретическую значимость.

Гипотеза исследования. Повышение рискоустойчивости международной производственной кооперации в странах БРИКС возможно через разработку и внедрение системного подхода, включающего модели оценки рисков, методов их кластеризации и адаптивных управленческих стратегий, направленных на минимизацию негативного воздействия внешних и внутренних факторов.

Задачи и цель

Обоснование методологических и практических предложений по оценке и повышению уровня рискоустойчивости международной производственной кооперации стран БРИКС на основе комплексного анализа рисков и моделирования возможных кризисных ситуаций с целью недопущения их комбинаций.

Проанализировать особенности и тенденции развития международной производственной кооперации в странах БРИКС; исследовать ключевые риски, влияющие на устойчивость совместных производственных процессов; разработать методику оценки уровня рискоустойчивости кооперации с использованием

¹ Сергей Глазьев: «России нужна мобилизационная экономика с рыночным инструментарием» [Электронный ресурс] // Ведомости. 24.08.2022. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/characters/2022/08/24/937299-rossii-nuzhna-mobilizatsionnaya-ekonomika?from=copy_text (дата обращения: 30.04.2025).

кластерного и системного анализа; предложить управленческие решения и инструменты повышения рискоустойчивости с учетом специфики совместной деятельности стран БРИКС.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили работы отечественных и зарубежных ученых [2; 3; 4; 5], посвященные вопросам рискоустойчивости и устойчивости к рискам международной производственной кооперации, а также управлению рисками в странах БРИКС. Методологической базой исследования послужили системный подход, анализ рисков, кластерный анализ, а также методы моделирования и экспертной оценки. В качестве инструментов исследования использовались статистический, сравнительный и контент-анализы. Информационную основу составили официальные данные национальных и международных статистических агентств, а также результаты профильных академических исследований и отчеты организаций, занимающихся развитием производственной кооперации в странах БРИКС.

Результаты

В настоящее время БРИКС представляет собой одну из крупнейших и самых динамичных групп стран, обладающих значительными экономическими и военными ресурсами. В условиях глобальных изменений и нестабильности международной политики военная экономика стран БРИКС приобретает все большее значение в процессах управления рисками обеспечения безопасности и укрепления военной мощи своих государств. Страны БРИКС формируют потенциал для значительного совместного роста и развития. Однако международная производственная кооперация (МПК) стран БРИКС, как и любая другая форма экономического сотрудничества, подвержена различным рискам и вызовам. Управление рискоустойчивостью международной производственной кооперации стран БРИКС является наиважнейшей задачей для различных направлений экономического развития данных государств [7], будет выступать прочным фундаментом в развитии их военно-экономического потенциала.

Страны БРИКС имеют различные уровни военных расходов. Например, Китай и Индия располагают одними из крупнейших военных бюджетов в мире, в то же время Бразилия и ЮАР, несмотря на меньшие расходы, также активно развивают свои вооруженные силы.

Уровень военных расходов в мире в 2024 г. вырос до нового рекорда. По оценкам Международного института стратегических исследований (ISS), британского аналитического центра, изучающего вопросы военно-политических конфликтов, общая сумма затрат в военной сфере с 2023 г. по 2024 г. увеличилась с 2,24 трлн долл. до 2,46 трлн долл. США. В совокупности военные расходы в мире в 2024 г. выросли на 7,4% и составили 2,46 трлн долл. США.

По данным Международного института стратегических исследований, данный рост оборонных бюджетов отражает растущие военные амбиции и возросшие уровни угроз безопасности [8; 9]. Основные страны, увеличившие свои военные бюджеты, это США, Китай и Россия, которые остаются лидерами по объемам военных расходов в мире (табл. 1).

Страны БРИКС активно развивают сотрудничество в области оборонной промышленности, что включает в себя различные совместные проекты:

- проекты по производству авиационных двигателей;
- военно-технологическое сотрудничество;
- совместные военные учения;
- космическое сотрудничество.

Совместные проекты по производству авиационных двигателей Россия реализует через свою компанию United Engine Corporation (UEC), которая предложила создание совместных проектов по разработке и производству авиационных двигателей с другими странами БРИКС, что включает в себя не только производство, но и послепродажное обслуживание современных авиационных двигателей¹.

¹ Russia's UEC Proposes Joint Aircraft Engine Projects with BRICS Countries [Электронный ресурс] // DefenseMirror.com. 23.08.2024. URL: https://www.defensemirror.com/news/37550/Russia_s_UEC_Proposes_Joint_Aircraft_Engine_Projects_with_BRICS_Countries (дата обращения: 30.04.2025).

Таблица 1

Военные расходы в мире в реальном выражении, трлн долл. США

Table 1. Global military spending in real terms, trillions of US dollars

Страна	Расходы в 2024 г.
США	916
Китай	296
Россия	109
Индия	83,6
Украина	64,7

Источник: Bloomberg: в 2024 году расходы на оборону в мире увеличились до \$2,46 трлн [Электронный ресурс] // RT. 12.02.2025. URL: <https://russian.rt.com/world/news/1433910-rashody-oborona-mir> (дата обращения: 06.04.2025)

Военно-технологическое сотрудничество активно развивается Бразилией, Россией, а также другими странами БРИКС, включая совместные разработки и производство вооружения.

«Рискоустойчивость международной производственной кооперации БРИКС» — способность международной производственной кооперации стран-участниц адаптироваться к различным группам внутренних и внешних рисков, которые могут возникнуть в процессе совместной деятельности.

На появление внутренних рисков влияют такие факторы, как политическая нестабильность, экономические проблемы, а также коррупционное проявление и неэффективное управление. По оценке С. Ю. Глазьева, ущерб от «управленческого абсурда» в 2014–2021 гг. составил более 30 трлн руб. непродуцированной продукции, в том числе 20 трлн руб. несделанных инвестиций¹.

К внешним рискам относятся такие процессы, как геополитическая напряженность, санкции и конкуренция на мировом рынке [10].

Изучение рискоустойчивости международной производственной кооперации стран БРИКС в настоящее время должно стать наиболее значимым направлением. Обусловленность необходимости изучения связана с несколькими ключевыми факторами:

1. Страны БРИКС, находясь в условиях растущих геополитических напряжений, сталкиваются с серьезными вызовами, которые могут негативно сказаться на их экономическом взаимодействии. В условиях глобальной нестабильности эффективное управление рисками в рамках международной производственной кооперации становится ключевым фактором, позволяющим минимизировать негативные последствия и адаптироваться к изменяющимся условиям.
2. Управление рисками необходимо рассматривать как стратегическую необходимость, а именно, страны, входящие в этот союз, должны разработать механизмы, которые позволят не только выявлять потенциальные угрозы, но и оперативно реагировать на них. Такой подход включает в себя создание систем мониторинга, которые будут отслеживать изменения в глобальной экономике и предсказывать возможные риски. Важно, чтобы эти системы были интегрированы в производственные цепочки, что позволит странам более гибко реагировать на внешние и внутренние негативные воздействия.
3. Углубление экономической интеграции между странами БРИКС способствует созданию более устойчивых производственных цепочек. Совместные проекты, обмен технологиями и ресурсами не только повышают общую устойчивость к внешним шокам, но и создают новые возможности для роста. Важно стремиться к созданию механизма, способного отслеживать образование добавленной стоимости на каждом этапе производственной цепочки, что позволит странам не только оптимизировать свои процессы, но и повысить уровень конкурентоспособности на международной арене.
4. Создание устойчивых производственных цепочек совместно с внедрением инновационных технологий и методов управления, а именно — использование цифровых платформ для анализа данных

¹ Сергей Глазьев: «России нужна мобилизационная экономика с рыночным инструментарием» [Электронный ресурс] // Ведомости. 24.08.2022. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/characters/2022/08/24/937299-rossii-nuzhna-mobilizatsionnaya-ekonomika?from=copy_text (дата обращения: 30.04.2025).

и оптимизации процессов, что позволит странам БРИКС более эффективно взаимодействовать друг с другом. Важно, чтобы каждая страна могла внести свой вклад в создание добавленной стоимости, что, в свою очередь, укрепит взаимозависимость и сотрудничество между участниками.

5. В условиях глобальных вызовов, таких как изменение климата и экологические проблемы, страны БРИКС стремятся к устойчивому развитию в данном направлении, что также требует внедрения инновационных технологий и успешных практик, которые могут повысить рискоустойчивость производственной кооперации.

Таким образом, страны БРИКС должны активно работать над созданием механизмов, которые позволят им не только справляться с текущими вызовами, но и строить устойчивое экономическое будущее. Эффективное управление рисками посредством оценивания рискоустойчивости кооперации и углубление экономической интеграции станут основой для достижения этих целей. Переход к цифровым технологиям открывает новые возможности для повышения эффективности и конкурентоспособности [11]. Страны БРИКС активно развивают цифровые технологии, что также способствует укреплению их производственной кооперации международного уровня и снижению различной природы рисков.

Оценка рискоустойчивости международной производственной кооперации стран БРИКС является, безусловно, актуальным направлением, требующим комплексного подхода и совместных усилий государств для достижения устойчивого экономического роста и совместного развития.

Развитие устойчивой военной экономики стран БРИКС требует создания эффективного *механизма управления рискоустойчивостью международной производственной кооперации*, который будет учитывать все возможные риски и внедрять реальную, действенную систему ответственности, что необходимо для повышения устойчивости и конкурентоспособности стран в условиях глобальных вызовов.

Внедрение механизма управления рискоустойчивостью международной производственной кооперации позволит минимизировать влияние экономических и политических нестабильностей и повысить экономическую эффективность сотрудничества стран БРИКС.

Создание данного механизма (центра по управлению рискоустойчивостью МПК стран БРИКС) с системой ответственности является ключевым шагом к повышению устойчивости и конкурентоспособности данных стран на глобальной арене к различной природе рисков, что требует комплексного подхода, включающего правовые, экономические и технологические аспекты, и позволит странам БРИКС эффективно справляться с современными вызовами (рис. 1).

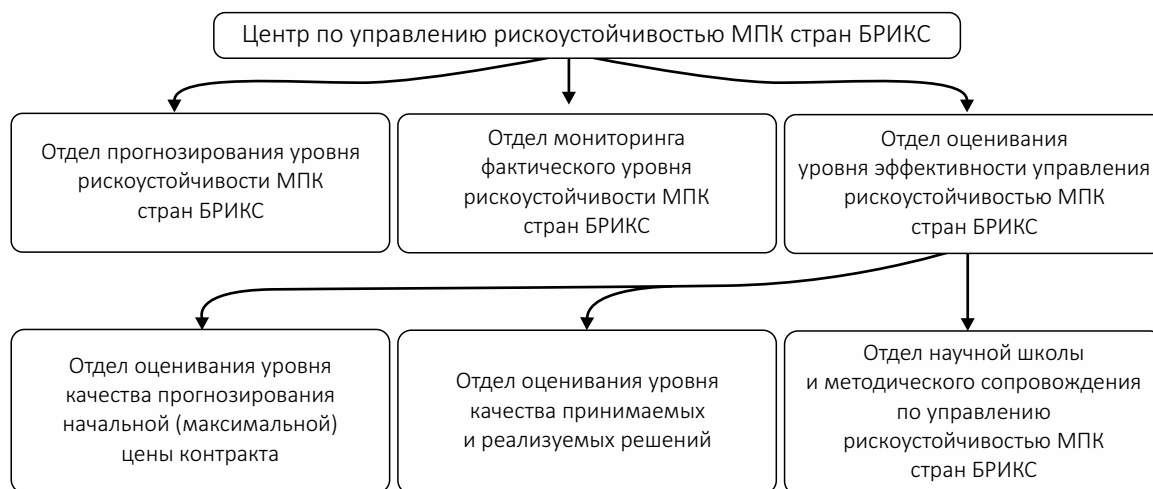

Рис. 1. Механизм управления рискоустойчивостью военной экономики стран БРИКС

Fig. 1. The mechanism for managing the risk tolerance of the military economies of the BRICS countries

Источник: составлено автором

Что необходимо для того, чтобы механизм управления рискоустойчивостью МПК стран БРИКС начал функционировать?

Конечно же, прежде всего необходимо создание центра по управлению рискоустойчивостью МПК стран БРИКС, в котором должны функционировать три подразделения:

- отдел планирования уровней рискоустойчивости МПК стран БРИКС;
- отдел мониторинга реализуемой ответственности во взаимосвязи с влиянием принятых мер на фактическую рискоустойчивость МПК стран БРИКС;
- отдел оценки эффективности управления рискоустойчивостью МПК БРИКС в рискованных и безрисковых условиях.

Для того чтобы функционировали данные три отдела, соответственно, необходимы научно-методический аппарат, обеспечивающий реализацию функций трех отделов, и учебно-методический комплекс для обучения специалистов заданного уровня.

В настоящее время рискоустойчивость как понятие очень важно и активно исследуется в нашей стране и за рубежом, существует методический подход к оцениванию рискоустойчивости исполнителей Гособоронзаказа [9], по результатам которого представляется возможным категорирование предприятий оборонно-промышленного комплекса на заключительном этапе, что позволяет установить их текущие рейтинги, определяет возможность участия в выполнении последующих разработок в рамках Гособоронзаказа [12]. Но для оценивания уровня рискоустойчивости кооперации международного уровня в целом методического обеспечения еще не разработано. Задача является стратегически важной и поэтому приоритетной.

Автором предлагается схема процесса оценивания рискоустойчивости МПК стран БРИКС (рис. 2).

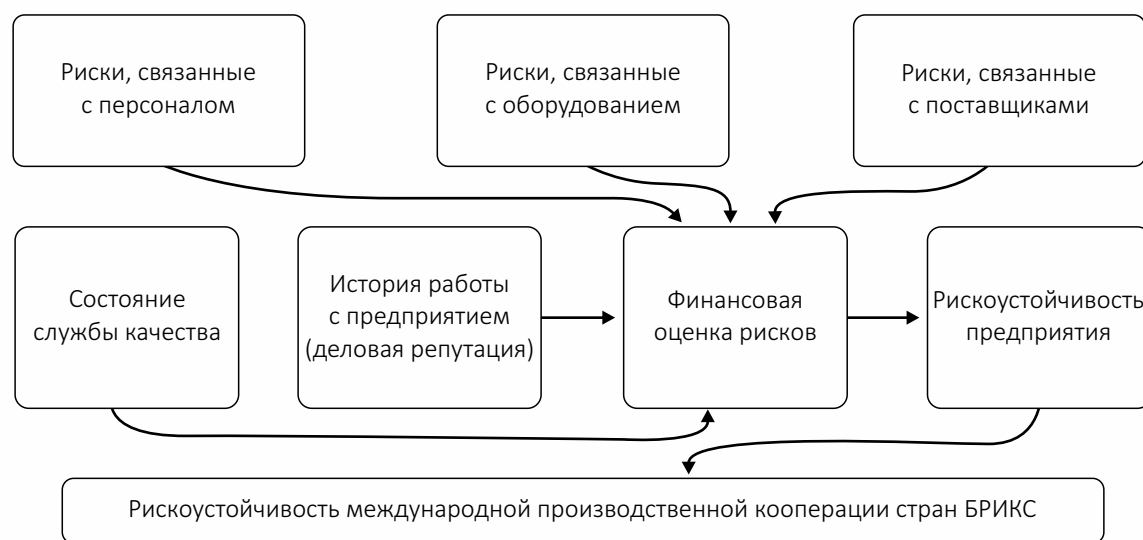

Рис. 2. Алгоритм процесса оценивания рискоустойчивости международной производственной кооперации (МПК) стран БРИКС

Fig. 2. Algorithm for the process of assessing the risk tolerance of international production cooperation of the BRICS countries

Источник: разработано автором по: Вооружение и экономика [Электронный ресурс]. URL: https://viek.ru/52_rus.html (дата обращения: 30.04.2025)

На схеме (рис. 2) представлены основные блоки. Рассмотрим каждый из них более подробно.

1. Риски, связанные с персоналом, оборудованием, поставщиками, охватывают широкий спектр факторов, которые, безусловно, влияют на функционирование предприятий. Управление рисками, связанными с поставщиками, включает в себя выявление и минимизацию потенциальных угроз, таких как задержки в поставках или некачественные материалы. Риски, связанные с персоналом, могут включать текучесть кадров и недостаток квалифицированных специалистов, что также требует внимания.

2. Служба качества играет критическую роль в оценке рисков, так как она отвечает за поддержание стандартов и предотвращение дефектов в продуктах и услугах. Эффективное управление качеством может снизить вероятность возникновения рисков, связанных с репутацией и финансовыми потерями.
3. История работы с предприятием показывает анализ прошлых взаимодействий с контрагентами и поставщиками, позволяет выявить паттерны и потенциальные риски, что может включать изучение финансовой отчетности и истории платежей и помогает оценить надежность партнеров.
4. Финансовая оценка совокупной стоимости рисков включает в себя анализ всех этапов жизненного цикла рисков проекта, что позволяет МПК более точно планировать свои финансовые ресурсы и минимизировать потери. Важно учитывать как прямые, так и косвенные затраты, связанные с управлением рисками и рискоустойчивостью исполнителей.
5. Рискоустойчивость $P_{уст\ пред}$ (предельная) определяется как способность предприятия справляться с рисками, что можно оценить с помощью формулы 1:

$$P_{уст\ пред} = CK_{доп} / CP_{пред} = 1 \quad (1),$$

где:

$CK_{доп}$ — допустимый уровень риска;

$CP_{пред}$ — совокупная стоимость рисков, включающая цену потерь (ЦР) и издержки (И_{пр}) от их последствий.

Формула для расчета рискоустойчивости (формула 2) МПК стран БРИКС ($P_{устМПК}$):

$$P_{устМПК} = (P_{уст1} \times v + P_{уст2} \times v + P_{уст3} \times v) / n \quad (2),$$

где:

$P_{устМПК}$ — рискоустойчивость международной производственной кооперации стран БРИКС;

$P_{уст1}$, $P_{уст2}$ и $P_{уст3}$ — рискоустойчивость предприятий отдельных стран;

v — весовой коэффициент участника кооперации исходя из доли капитала в общей сумме реализуемого проекта.

Таким образом, каждый из блоков играет важную роль в комплексной оценке рискоустойчивости МПК и управлении ею. Эффективное взаимодействие между данными элементами может значительно повысить рискоустойчивость и конкурентоспособность МПК.

Согласно проведенным исследованиям, соблюдение предельных значений стоимости рисков и рискоустойчивости как предприятий, так и МПК является критически важным для развития военной экономики стран БРИКС. В рамках анализа, представленного в табл. 2, можно выделить, что предельная рискоустойчивость (или предельный уровень риска) позволяет хозяйствующим субъектам МПК эффективно управлять собственными средствами ($CK_{доп}$). Эта величина определяется как разница между фактической стоимостью активов организации (А) и суммой наименее ликвидной части активов (Анл).

Таким образом, предельная стоимость риска формируется на основе допустимого капитала, который хозяйствующий субъект готов выделить для покрытия потенциальных убытков. Это позволяет не только минимизировать финансовые потери, но и оптимизировать использование ресурсов в условиях неопределенности. Важно отметить, что правильное определение и соблюдение данных предельных значений будет способствовать повышению общей рискоустойчивости предприятий стран БРИКС к рискам, что, в свою очередь, влияет на их рискоустойчивость МПК, конкурентоспособность и эффективность в долгосрочной перспективе.

Рискоустойчивость МПК (как среднее значение показателей рискоустойчивости предприятий) в рамках соблюдения условия предельной рискоустойчивости рассчитывается (формула 3):

$$P_{МПК} = (P_{уст1} \times v + P_{уст2} \times v + P_{уст3} \times v) / n \leq 1 \quad (3)$$

Апробируем разработанное методическое обеспечение для определения уровня рискоустойчивости МПК [6]. Предлагаемая комплексная методика носит универсальный характер, поскольку ее возможно использовать при определении, оценке, анализе, планировании, прогнозировании предельно допустимых показателей стоимости риска, рискоустойчивости и уровня риска как конкретной организации, независимо от вида ее деятельности, так и для МПК в целом (табл. 2).

Таблица 2

**Определение предельной рискоустойчивости МПК стран БРИКС во втором полугодии 2024 г.,
пример (млн руб.)**

Table 2. Determination of the maximum risk tolerance of the international industrial cooperation of the BRICS countries in the second half of 2024, example (million rubles)

Наименование показателя	Значение показателя / Расчет показателя
Блок 1. Определение предельных соответственно стоимости рисков, рискоустойчивости и уровня риска	
Стоимость постоянных активов	39 900,00
Стоимость наименее ликвидной части текущих активов	1460,30
Итого наименее ликвидная часть активов	$39\,900,00 + 1460,30 = 4136,30$
Всего необходимо собственных средств, покрывающих сумму наименее ликвидной части активов	$41\,360,30 = 41\,360,30$
Величина активов организации фактическая	53 200,00
Величина собственных средств, соответствующая ликвидной части активов	$53\,200,00 - 41\,360,30 = 11\,839,70$
Предельная стоимость риска	$53\,200,00 - 41\,360,30 = 11\,839,70$
Условие состоятельности предельной стоимости риска	$11\,839,70 = 11\,839,70$
Предельная рискоустойчивость, руб. / руб.	$11\,839,70 / 11\,839,70 = 1$
Предельный уровень риска, руб. / руб. (или %)	$11\,839,70 / 11\,839,70 = 1$ (или 100%)
Стоимость риска фактическая (потребный объем рискованных инвестиций)	9850,00
Рискоустойчивость предприятия «А» и проверка соблюдения условия равенства или превышения ее предельной величины, руб. / руб.	$11\,839,70 / 9850,00 = 1,20$
Уровень риска и проверка выполнения условия непревышения его предельного уровня, руб. / руб. (или %)	$9850,00 / 11\,839,70 = 0,83$ (или 83%)
Рискоустойчивость МПК стран БРИКС исходя из участников предприятия «А», «Б» и «В», руб./руб.	$1,20 \times 0,6 + 0,95 \times 0,3 + 1,4 \times 0,1 = 0,72 + 0,29 + 0,14 = 1,15$

Источник: составлено автором

Как видим из табл. 2, для МПК стран БРИКС во втором полугодии 2024 г. наименее ликвидная часть активов составляла 41 360,30 млн руб. Поэтому общий объем собственного капитала, соответствующий ликвидной части активов и одновременно определяющий предельно допустимую величину стоимости рисков, составил 11 839,70 млн руб. (53 200,00 млн руб. — 41 360,30 тыс. руб.). При этом показатель рискоустойчивости составил 1,20 руб. / руб. > 1 руб. / руб., который означает, что величина собственных средств, инвестированных в рисковое мероприятие, перекрывает предельную стоимость риска на 198,70 млн руб. (1183,70 млн руб. — 985,00 млн руб.) и тем самым обеспечивает устойчивость от хозяйственных рисков. Другими словами, фактическая рискоустойчивость 1,20 руб. / руб. превышает ее предельное значение на 0,20 руб. / руб. (1,20 руб. / руб. — 1 руб. / руб.). Фактический показатель уровня

хозяйственных рисков составил 0,8321 руб. / руб. или 83,21%. Это означает, что фактический уровень рисков ниже его предельного значения на 16,79% (83,21% — 100%).

Обсуждение

Методика оценки рискоустойчивости МПК включает в себя системный подход к идентификации и оценке рисков, а также расчет рискоустойчивости на основе соотношения капитала и стоимости рисков, что позволяет предприятиям и МПК более эффективно управлять своими ресурсами и минимизировать потенциальные убытки в условиях неопределенности. Соответственно, для масштабного внедрения данной методики необходимо прибегнуть к цифровизации МПК, что требует внедрения ряда ключевых технологий, которые могут значительно улучшить эффективность и устойчивость производственных процессов. Рассмотрим некоторые из наиболее важных технологий.

1. Искусственный интеллект (Artificial Intelligence, AI): AI играет центральную роль в оптимизации производственных процессов, повышении продуктивности и уровня качества принимаемых решений, помогает в автоматизации рутинных задач, анализе больших данных и прогнозировании потребительского спроса, что особенно важно в динамичных отраслях.
2. Блокчейн: данная технология обеспечивает прозрачность и отслеживаемость в цепочках поставок, что критически важно для таких секторов, как сельское хозяйство и горнодобывающая промышленность.
3. Облачные технологии: облачные решения позволяют странам БРИКС создавать совместные платформы для хранения и обработки данных, что способствует повышению уровня координации и обмену информацией между участниками производственной кооперации.

Данные технологии не только способствуют повышению эффективности деятельности, но и помогут странам БРИКС адаптироваться к изменениям в глобальной экономике, обеспечивая устойчивый рост и развитие.

Рискоустойчивость МПК и ее изменения в динамике смогут продемонстрировать уровень компетенции лица, принимавшего и реализовавшего решения, что поможет разработать инструментарий для выработки мер ответственности за неплановое снижение уровня рискоустойчивости как участника кооперации БРИКС, так и самой кооперации международного уровня. Здесь в дальнейшем необходима серьезная проработка такого методического обеспечения, которое способно произвести «увязку» между планами счетов Российской системы бухгалтерского учета (РСБУ) и международных стандартов финансовой отчетности (МСФО) до «совершенного уровня», а именно — возможности отражения уровня рисков изменений: сальдо начальных по счетам РСБУ и МСФО, оборотов по дебету и кредиту и сальдо конечных.

Создание центров управления рискоустойчивостью МПК позволит управлять и оптимизировать механизмы оценки и минимизации рисков, связанных с международной кооперацией, производить научные исследования для достижения вышеуказанной «совершенности». Центры смогут разрабатывать системы мониторинга и анализа, которые будут выявлять потенциальные угрозы и уязвимости в производственных цепочках и оперативной деятельности МПК, что позволит странам БРИКС заблаговременно принимать меры для снижения негативных последствий, вывести управление на превентивный уровень.

Центры управления рискоустойчивостью могут стать катализаторами для внедрения инновационных технологий и методов работы между странами БРИКС, что сократит воздействие негативных факторов на производственные процессы и послужит образцом для внедрения механизма по выявлению зон ответственности на основе такого нового комплексного показателя, как рискоустойчивость. Также предлагаемый автором подход позволит делиться опытом, информацией и лучшими практиками в управлении рискоустойчивостью исполнителей и кооперации, что, в свою очередь, поможет странам более эффективно реагировать на глобальные вызовы. Центры смогут разрабатывать стратегии, которые будут учитывать экологические, социальные и экономические факторы при принятии решений.

Наличие профессионально управляемых структур, отвечающих за рискоустойчивость МПК, увеличит доверие как со стороны инвесторов, так и со стороны населения государств и будет привлекать новые страны для вступления в БРИКС.

Заключение

В результате выполненного исследования сделаны следующие выводы.

1. В рамках концепции повышения рискоустойчивости международной производственной кооперации стран БРИКС выявлены ключевые факторы, определяющие устойчивость совместных проектов. Учитывая исходные условия каждой страны, развитие кооперации должно основываться на системном анализе рисков и имеющемся потенциале участников, а также на формировании гибких стратегий адаптации к внешним и внутренним угрозам.
2. Для повышения эффективности процедур оценивания и управления рисками в рамках международной производственной кооперации в странах БРИКС целесообразна интеграция современного опыта и инструментов российского и международного уровней, таких как кластерный анализ, системное моделирование и экспертные оценки. В качестве ключевого элемента системной работы предлагается создание центров управления рискоустойчивостью, где будут разрабатываться адаптивные стратегии и реализовываться программы мониторинга.
3. В реализации мероприятий по повышению рискоустойчивости рекомендуется выбрать пилотные области международного сотрудничества, включающие наиболее уязвимые и стратегически важные направления кооперации, такие как цепочки поставок и совместное производство критически важных технологий. Особое внимание необходимо уделить развитию кластеров и локализации производства, что позволит снизить внешние и внутренние риски.
4. Перспективным направлением дальнейших исследований представляется объединение усилий стран БРИКС по разработке единых стандартов оценки рисков и рискоустойчивости международной производственной кооперации, обмену информацией и совместному реагированию на кризисные ситуации, а также адаптация международных практик к специфике каждой страны. В рамках данной концепции возможно создание платформы коллективного мониторинга рисков, что значительно повысит уровень рискоустойчивости комплекса производства в целом.

Список литературы

1. Андриенко О. В., Беломытцева О. С., Бойко И. В. [и др.] Экономика в чрезвычайные периоды: вызовы и ответы. Бедствия, катастрофы, войны. СПб. : РАНХиГС, 2025. 338 с. ISBN: 978-5-89781-871-6. EDN: ZITAKT.
2. Асташенко А. Н., Зубова Л. В., Никитин Ю. А. [и др.] Особенности принятия управленческих решений для социально-экономического развития страны // Вестник национальной академии управления рискоустойчивостью науки и бизнеса. 2025. № 2. С. 5–9. EDN: VRYOJL.
3. Бычков А. В., Зубова Л. В., Зубов А. О. [и др.] Рискоустойчивость государственной системы управления минеральными ресурсами в условиях развития национальной экономики // Вестник национальной академии управления рискоустойчивостью науки и бизнеса. 2025. № 2. С. 34–42. EDN: XZRKAA.
4. Бычков А. В., Сидоренко В. В. Прогнозирование стоимости реализации строительного проекта — это сложная задача // Вестник национальной академии управления рискоустойчивостью науки и бизнеса. 2024. № 1. С. 31–43. EDN: ZIRBFT.
5. Зубова Л. В. Международные стандарты финансовой отчетности: ключ к успеху. СПб. : СПбГЭУ, 2024. 113 с. ISBN: 978-5-7310-6555-9. EDN: ENWKHA.
6. Зубова Л. В. Оценка и анализ хозяйственных рисков в предпринимательской деятельности : дис. ... канд. экон. наук. Ставрополь, 2011. 195 с. URL: <http://www.dslib.net/economika-xoziajstva/ocenka-i-analiz-hoziajstvennyh-riskov-v-predprinimatelskoj-deyatelnosti.html> .

7. *Зубова Л. В., Асташенко А. Н.* Инновационный метод принятия управленческих решений на основе управления рискоустойчивостью организаций различных отраслей экономики // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19, № 5. С. 139–145. EDN: CWFTYM.
8. *Зубова Л. В., Зубов А. О., Залюбовский А. Ф.* [и др.] Технология оценивания рискоустойчивости государственной системы управления минеральными ресурсами в условиях развития национальной экономики // Горная промышленность. 2024. № 55. С. 204–208. EDN: JQPXKI. DOI: 10.30686/1609-9192-2024-55-204-208.
9. *Зубова Л. В., Кузьмин В. Н., Петушков А. М.* Методический подход к оцениванию рискоустойчивости исполнителей Гособоронзаказа на этапах разработки ракетно-космической техники // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 12-1. С. 85–92. EDN: DVISUD. DOI: 10.17513/vaael.2620.
10. *Зубова Л. В., Кузьмин В. Н., Шерстюк А. В.* Комплексная оценка предприятий-участников кооперации при выполнении научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ на основе ориентированного подхода // Вооружение и экономика. 2020. № 2 (52). С. 95–102. EDN: KYXNHE.
11. *Ильин С. Н., Зубова Л. В.* Оценка и анализ хозяйственных рисков строительных организаций. СПб. : НПО ПБ АС, 2024. 92 с.
12. *Труш Е. В., Зубова Л. В.* Бухгалтерский учет как информационная база управления организацией: история, предмет и метод бухгалтерского учета // Вестник национальной академии управления рискоустойчивостью науки и бизнеса. 2024. № 1. С. 77–83. EDN: GCNZOW.
13. *Nedopil C.* China Belt and Road Initiative (BRI) Investment Report 2023 H1 — the first ten years // Green Finance & Development Center, FISF Fudan University, Shanghai, July 2023. DOI: 10.13140/RG.2.2.13892.19841.

Об авторе:

Зубова Людмила Витальевна, профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Россия), доктор экономических наук, доцент;
e-mail: zl11@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2345-2504

References

1. Andrienko, O. V., Belomytseva, O. S., Boyko, I. V. [et al.] Economy in Emergency Periods: Challenges and Responses. Disasters, Catastrophes, Wars. St. Petersburg : RANEPА, 2025. 338 p. ISBN: 978-5-89781-871-6. (In Russ.). EDN: ZITAKT.
2. Astashenko, A. N., Zubova, L. V. Nikitin, Yu. A. [et al.] Peculiarities of Managerial Decision-Making for the Socio-Economic Development of the Country // Bulletin of the National Academy of Risk-Resilience Management of Science and Business. 2025. No. 2. P. 5–9. (In Russ.). EDN: VRYOJL.
3. Bychkov, A. V., Zubova, L. V., Zubov, A. O. [et al.] Risk Resilience of the State System for Managing Mineral Resources under the Development of the National Economy // Bulletin of the National Academy of Risk-Resilience Management of Science and Business. 2025. No. 2. P. 34–42. (In Russ.). EDN: XZRKAA.
4. Bychkov, A. V., Sidorenko, V. V. Forecasting the Cost of Construction Project Implementation Is a Complex Task // Bulletin of the National Academy of Risk-Resilience Management of Science and Business. 2024. No. 1. P. 31–43. (In Russ.). EDN: ZJRBFT.
5. Zubova, L. V. International Financial Reporting Standards: The Key to Success. St. Petersburg : St. Petersburg State University of Economics, 2024. 113 p. ISBN: 978-5-7310-6555-9. (In Russ.). EDN: ENWKHA.
6. Zubova, L. V. Evaluation and Analysis of Economic Risks in Entrepreneurial Activity : dissertation ... PhD in Economics. Stavropol, 2011. 195 c. URL: <http://www.dslib.net/economika-xoziajstva/ocenka-i-analiz-hoziajstvennyh-riskov-v-predprinimatelskoj-deyatelnosti.html> . (In Russ.).
7. Zubova, L. V., Astashenko, A. N. Innovative Method of Managerial Decision-Making Based on Risk-Resilience Management in Organizations of Various Economic Sectors // Problems of Economics and Legal Practice. 2023. Vol. 19, No. 5. P. 139–145. (In Russ.). EDN: CWFTYM.

8. Zubova, L. V., Zubov, A. O., Zalyubovsky, A. F. [et al.] Technology for Assessing the Risk Resilience of the State System for Managing Mineral Resources under the Development of the National Economy // Mining Industry. 2024. No. S5. P. 204–208. (In Russ.). EDN: JQPXKI. DOI: 10.30686/1609-9192-2024-S5-204-208.
9. Zubova, L. V., Kuzmin, V. N., Petushkov, A. M. Methodological Approach to Assessing the Risk Tolerance of State Defense Order Performers at THE Stages of Development of Rocket and Space Technology // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2022. No. 12–1. P. 85–92. (In Russ.). EDN: DVISUD. DOI: 10.17513/vaael.2620.
10. Zubova, L. V., Kuzmin, V. N., Sherstyuk, A. V. Comprehensive Assessment of Enterprises Participating in Cooperation in Research and Development Based on a Risk-Oriented Approach // Armament and Economy. 2020. No. 2 (52). P. 95–102. (In Russ.). EDN: KYXNXE.
11. Ilyin, S. N., Zubova, L. V. Evaluation and Analysis of Business Risks of Construction Organizations. St. Petersburg : NPO PB AS, 2024. 92 p. (In Russ.).
12. Trush, E. V., Zubova, L. V. Accounting as an Information Base for Organizational Management: History, Subject, and Method of Accounting // Bulletin of the National Academy of Risk-Resilience Management of Science and Business. 2024. No. 1. P. 77–83. (In Russ.) EDN: GCNZOW.
13. Nedopil, C. China Belt and Road Initiative (BRI) Investment Report 2023 H1 — the first ten years // Green Finance & Development Center, FISF Fudan University, Shanghai, July 2023. DOI: 10.13140/RG.2.2.13892.19841.

About the author:

Lyudmila V. Zubova, Professor of the Department of Economics at the North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russia), Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor;
e-mail: zl11@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2345-2504

К вопросу о внедрении искусственного интеллекта в Германии

Ягья Т. С.^{1,2,*}, Баранова Л. Ю.²

¹ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

² Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», Санкт-Петербург, Россия

*e-mail: talie2006@mail.ru

ORCID: 0009-0001-7355-6435

РЕФЕРАТ

Современный этап экономического развития государств характеризуется новым технологическим скачком, связанным с переходом к Четвертой промышленной революции. Среди инноваций особое место занимает внедрение технологий искусственного интеллекта (ИИ) во все сферы жизни общества — от бытовых приборов до промышленного производства, финансов и медицины. Таким образом, технологии искусственного интеллекта стали одним из драйверов экономического и социального прогресса современного мира, имеют значение для решения сложных задач и улучшения качества жизни людей, а также для роста производительности и конкурентоспособности компаний. **Цель и задачи.** Исследовать формирование, распространение и состояние технологий искусственного интеллекта на примере одного из лидеров в этой сфере — Германии. Проанализировать историческую практику этой страны по развитию и использованию ИИ в разных отраслях экономики и жизнедеятельности общества. Рассмотреть методы, которые применяются в ФРГ с целью поддержки и продвижения этих технологий, создания международных альянсов в данной области, использования форм государственного регулирования экономики. **Методология.** Исследование проводилось с использованием методов единства исторического и логического анализа, синтеза и дедукции. **Результаты.** Освещены перспективы развития ИИ и его применения в разных секторах экономики Германии. Дается объяснение мощных усилий руководства этой страны в развитии данного направления желанием занять ведущее место в Европе и мире. **Выводы.** В заключение сделан вывод, что успех в деле развития технологий искусственного интеллекта в ФРГ достигнут во многом благодаря симбиозу усилий на всех уровнях — правительственном, бизнеса, научного сообщества, международного сотрудничества. Поэтому сделан прогноз ожидания дальнейшего прогресса в распространении ИИ в различных сферах жизнедеятельности немецкого общества.

Ключевые слова: искусственный интеллект, инновационное развитие, новые технологии, индустрия 4.0, Четвертая промышленная революция, исследования

Для цитирования: Ягья Т. С., Баранова Л. Ю. К вопросу о внедрении искусственного интеллекта в Германии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 2. С. 56–66. EDN: SZKCUC

On the Issue of Introducing Artificial Intelligence in Germany

Talie S. Yagya^{a,b,*}, Lubov Yu. Baranova^b

^a Peter the Great St. Petersburg University, Saint Petersburg, Russia

^b St. Petersburg State Electrotechnical University “LETI”, Saint Petersburg, Russia

*e-mail: talie2006@mail.ru

ORCID: 0009-0001-7355-6435

ABSTRACT

The current stage of economic development of states is characterized by a new technological leap associated with the transition to the Fourth Industrial Revolution. Among the innovations, a special place is occupied by the introduction of artificial intelligence (AI) technologies in all spheres of society — from household appliances to industrial production, finance and medicine. Thus, artificial intelligence technologies have become one of the drivers of economic and social progress in the modern world, are important for solving complex problems and improving the quality of people's lives, as well as for increasing the productivity and competitiveness of companies. **Aim and tasks.** To study the formation, distribution and state of artificial intelligence technologies using the example of one of the leaders in this field — Germany. To analyze the historical practice of this country in the development and use of AI in various sectors of the economy and society. To consider the methods that are used in Germany to support and promote these technologies, create international alliances in this area, and use forms of state regulation of the economy. **Methods.** The study was conducted using the methods of: unity of historical and logical analysis, synthesis and deduction. **Results.** The prospects for the development of AI and its application in various sectors of the German economy are highlighted. An explanation is given for the powerful efforts of the country's leadership in developing this area by the desire to take a leading place in Europe and the world. **Conclusions.** In conclusion, it is concluded that success in the development of artificial intelligence technologies in Germany has been achieved largely due to the symbiosis of efforts at all levels — government, business, the scientific community, and international cooperation. Therefore, a forecast is made for the expectation of further progress in the spread of AI in various spheres of life in German society.

Keywords: artificial intelligence, innovative development, new technologies, industry 4.0, Fourth Industrial Revolution, research

For citation: Yagya T. S., Baranova L. Yu. On the Issue of Introducing Artificial Intelligence in Germany // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 56–66. (In Russ.). EDN: SZKCUC

Введение

На протяжении веков ученые всех областей науки, предприниматели и сами работники размышляли о том, возможно ли заменить человека машиной. С течением прогресса, действительно, все большее число отраслей стали использовать именно механизированный труд — он заменил тяжелую ручную работу трудящихся. Такой процесс, охвативший постепенно весь мир, был назван промышленной революцией, ставшей, кроме того, важной ступенью к капитализации производств. Германия — как одна из ведущих стран Европы — была в числе первых государств, подвергнувшихся переходу от мануфактур к фабрикам. Таким образом, машины стали сильнейшим катализатором увеличения производительности труда. Прежде всего, они смогли выполнять большее количество операций по сравнению с возможностями человека. Кроме того, при использовании машинного труда стали применяться новейшие источники энергии (газ, двигательная сила пара, электричество). К тому же привлечение машин обеспечило возможность поставить науку на службу производству, что привело к росту власти человека над природой и открыло больше новых перспектив для повышения производительности труда. Все эти коренные изменения происходили еще в XVIII–XIX вв.

Сейчас же, в XXI в., прогресс ушел намного дальше привычного механизированного производства — машины стали замещать людей в инновационных сферах IT и Digital [2], в качестве обслуживающего персонала также стали использоваться роботы, для переводов и написания текстов стало проще и быстрее прибегнуть к помощи искусственного интеллекта (ИИ), чем обращаться к специалистам.

Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что искусственный интеллект во многом затрагивает жизнь каждого современного человека [1]. ИИ внедрен в подавляющее большинство всех привычных для каждого вещей и сфер жизнедеятельности: в смартфоны и медиапроигрыватели, медицину и финансы, есть на дорогах и метеостанциях. Сегодня достижения искусственного интеллекта занимают первые строки новостных каналов, рассказывающих о том, что появляется все больше и больше сфер, в которых человек поручает задачи ИИ, экономя посредством этого такие личные ресурсы, как, например, время, деньги и силы. В рамках данной работы рассмотрен искусственный интеллект как двигатель прогресса в Германии, где ему уделяется особое внимание и возлагаются большие надежды.

Степень разработанности проблемы. Тема искусственного интеллекта уже долгое время внимательно изучается и становится все более и более разработанной, а также продолжает привлекать внимание людей как в научных кругах, так и в бизнесе и обществе в целом. Развитие ИИ-технологий и их применение имеют потенциал для решения сложных задач и улучшения качества жизни людей, а также для повышения производительности и конкурентоспособности предприятий [6; 10]. Однако при этом возникают вопросы безопасности, этики, правовых аспектов и регулирования, которые требуют дальнейшего исследования и разработки [9]. Говоря о разработанности проблемы ИИ в Германии, стоит отметить, что, будучи продвигаемой с 1950-х гг., сейчас она является хорошо разработанной, и страна продолжает инвестировать в исследования и разработки в этой области, хотя для дальнейшего активного развития ИИ государство признает необходимость того, чтобы уделять еще большее внимание развитию квалифицированных кадров и правовых аспектов применения ИИ.

В основу представленной работы заложена немецкая стратегия в сфере искусственного интеллекта Artificial Intelligence Strategy of the German Federal Government, которая сейчас является направляющей для роста Германии в области ИИ. Кроме того, активно задействовалась статья Алана Тьюринга (A. M. Turing) "Computing Machinery and Intelligence", которая стала отправной точкой исследования. Использовался труд Р. Душкина «Искусственный интеллект», в котором он описал состояние современных технологий и сферы их применения; монография А. В. Остроуха «Введение в искусственный интеллект», в которой автор детально рассмотрел каждый аспект феномена ИИ и изложил концептуальные основы искусственного интеллекта; а также официальный сайт Немецкого исследовательского центра по искусственному интеллекту (DFKI), на котором представлены разнообразные проекты, осуществлявшиеся ранее или действующие сейчас в плане взаимодействия немецких ученых и общества с ИИ. Интересные факты о национальных стратегиях развития искусственного интеллекта Германии и Франции содержатся в работах О. А. Комаровой, И. Ю. Жилиной, С. Г. Камолова, А. А. Вароса, А. Крибница, М. Ю. Алашкевича. В статьях Б. Г. Ивановского, Е. А. Байкова, В. Г. Антоновой, Э. Ф. Камалетдиновой, М. А. Легашова уделено внимание прикладным аспектам и этическим проблемам использования искусственного интеллекта.

Цель данной статьи — изучение темы искусственного интеллекта с акцентом на историю и результаты его внедрения и применения в Германии, а также влияния ИИ на все сферы жизнедеятельности и жизнеобеспечения немецкого общества.

Для осуществления названной цели были поставлены следующие задачи.

1. Определить необходимую терминологию в рамках исследуемой темы искусственного интеллекта.
2. Определить сферы ИИ, в которых он используется приоритетно, а также те, в которых его только начинают применять, и те, где планируется внедрение искусственного интеллекта.
3. Выявить особенности способов формирования и прогнозы дальнейшего распространения искусственного интеллекта в Германии в различных областях жизни немецкого общества.

Методы исследования

Исследование проводилось с использованием различных методов: единства исторического и логического анализа, синтеза и дедукции.

Результаты и обсуждение

Теоретические аспекты искусственного интеллекта: сущность, задачи, тест Тьюринга

Рассматривая проблему искусственного интеллекта и, в частности, опыт Германии в сфере ИИ, считаем необходимым обратить внимание на его понятия и содержание задач.

Существуют различные трактовки относительно понятия ИИ. Например, признается, что ИИ является разделом информатики, главная задача которого состоит в воспроизведении электронно-вычислительными машинами (ЭВМ) различных интеллектуальных действий, свойственных человеческому разуму¹. При этом в энциклопедии эпистемологии и философии науки отмечается, что имитация и усиление интеллектуальных способностей человека — наиболее весомая цель искусственного интеллекта, которая может быть достигнута посредством продвижения в современной компьютерной науке². Другие определяют ИИ как комплекс технологических решений и способов, дающих возможность компьютерным системам решать задачи, которые не реальны были бы без умственных усилий человека³. Таким образом, по нашему мнению, искусственный интеллект является сложным и многогранным устройством, способным подражать людям в привычных им мыслительных действиях и порой превосходить уровень данных возможностей человека.

Поэтому ИИ способен выполнять множество задач, которые хотя и подвластны человеческому разуму, но требуют больших затрат ресурсов на их исполнение. Помимо простейшего поиска информации к таким задачам можно отнести следующие: машинное обучение и глубокое обучение — использование алгоритмов, позволяющих компьютерам самостоятельно обучаться на основе данных и опыта, а не заданных правил; обработка естественного языка — разработка алгоритмов, позволяющих компьютерам понимать естественный язык и взаимодействовать с людьми на человеческом языке; компьютерное зрение — разработка алгоритмов, предоставляющих возможность компьютерам анализировать и понимать изображения; робототехника — разработка роботов и систем, взаимодействующих с окружающей средой, решение задач по оптимизации и автоматизации процессов и др.; распознавание образов, шаблонов и трендов в больших объемах данных⁴.

В 1950 г. Алан Тьюринг предложил специальный тест, названный впоследствии его именем, который предназначался для установления принадлежности любой компьютерной системы к искусственному интеллекту. Он служит для того, чтобы оценить способность компьютера или ИИ производить интеллектуальную деятельность, неотличимую от умственной деятельности людей и превосходящую ее. В целом сущность теста заключается в том, что эксперт задает вопросы как человеку, так и компьютерной программе, не зная, кто из них отвечает. Если эксперт не может отличить ответы человека от программных, то считается, что программа прошла тест [16].

Следует отметить, что критериями отнесения системы к интеллектуальной считаются следующие: умение системы общаться с человеком адаптированно к его речи со всеми неопределенностями и умолчаниями; представление знаний, а также способность системы к непрерывной обучаемости этим знаниям; умение системы осуществлять правдивый логический вывод на основе полученной и проанализированной информации для формулировки корректного ответа; способность обучаться и адаптироваться к изменению ситуации и прочие.

Необходимо отметить, что данный тест призван определить, какие именно особенности человеческого разума искусственный интеллект должен имитировать, чтобы его признали интеллектуальным [4]. Однако тест Тьюринга является довольно спорным методом оценки интеллектуальных способностей ИИ и в настоящее время не считается исчерпывающим. В настоящее время для определения уровня ИИ

¹ Искусственный интеллект [Электронный ресурс] // Академик. Современная энциклопедия. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc1p/20318> (дата обращения: 15.03.2024).

² Искусственный интеллект // Энциклопедия эпистемологии и философии науки / под ред. И. Т. Касавина. М. : Канон+; Реабилитация, 2009. 1248 с.

³ What is Artificial Intelligence? Types, History and Examples [Электронный ресурс] // Great Learning. URL: <https://www.mygreatlearning.com/blog/what-is-artificial-intelligence/> (дата обращения: 15.03.2024).

⁴ Там же.

применяются и иные способы оценки. К примеру, проверка точности и эффективности алгоритмов, численные показатели, выражающие степень качества продукта или качества процессов и др. [16].

Функционирование искусственного интеллекта в Германии

Германии принадлежит одно из ведущих мест в сфере развития и использования ИИ. Стоит подчеркнуть, что за период его применения в немецком национальном хозяйстве ИИ стал важной составляющей в жизни самого общества, в функционировании и развитии отдельных отраслей, например, промышленности, программирования, медицины, экономики, финансов и других. Процесс становления искусственного интеллекта в Германии имеет свою историю, охватывая несколько этапов.

О развитии искусственного интеллекта в Германии в период с 1949 по 1989 г. известно из отчета конференции «Компьютер и искусственный интеллект в Германии (1949–1989)», которая прошла в мае 2019 г. в Берлине.

В первые годы после Второй мировой войны развитие компьютерных технологий и искусственного интеллекта было затруднено из-за экономических и политических проблем (разрушенные бомбардировками города, всеобщий дефицит, разделение Германии на четыре оккупационные зоны, устаревшая плановая система экономики, ранее подпитывавшаяся идеологией, и многие другие, в том числе и проблемы психологического характера), а также отсутствия технических ресурсов [11]. Однако уже в 1950-х гг. появились первые вычислительные машины, и в следующие десятилетия началось активное развитие компьютерных технологий.

В 1960-х гг. в Германии появились первые центры исследования в области компьютерного искусственного интеллекта, такие как Институт физики искусственного интеллекта в Ульме и Институт машинного обучения в Бонне. В этих институтах ученые занимались проектами в области машинного обучения, логического вывода и планирования, а также созданием экспертных систем.

В 1970-х гг. в немецком обществе стали активно внедряться технологии компьютерного ИИ в различных сферах: медицина, экономика, государственное управление, автоматизированное проектирование. Так, известна разработка экспертной системы для диагностики болезней кожи, что уже было большим шагом в будущее медицины.

В 1980-х гг. в Германии было создано несколько крупных исследовательских центров в сфере компьютерного искусственного интеллекта. К примеру, Центр искусственного интеллекта в Саарбрюккене и Центр искусственного интеллекта в Ульме, в которых ученые занимались исследованиями в области робототехники, компьютерного зрения, естественного языка и других областей искусственного интеллекта [14]. В 1988 г. в Кайзерслаутерне был создан Немецкий научный центр по исследованию ИИ — DFKI (Deutsches Forschungszentrum für Künstliche Intelligenz) — с подразделениями в Саарбрюккене, Бремене и Берлине, который сыграл заметную роль в продвижении ИИ. В число акционеров DFKI входят крупнейшие компании, активным образом привлекающие работу искусственного интеллекта в своих продуктах, такие как: Microsoft, SAP, BMW и Daimler и прочие¹. В 1980-х гг. также началось активное применение экспертных систем. Например, одной из первых экспертных систем, созданных в Германии, была система для диагностики неисправностей на электростанциях. Данная система была разработана и запущена в 1984 г. в рамках проекта под названием KONTERM.

Необходимо обратить внимание на сильное влияние японской школы искусственного интеллекта в те годы в Германии, особенно в области робототехники и компьютерного зрения. Многие немецкие ученые командировались в Японию для изучения новых технологий в сфере искусственного интеллекта.

Период с 1949 по 1989 г. в Германии ознаменовался значимым прогрессом в области компьютерного ИИ, поскольку, как ранее упоминалось, были созданы первые центры исследования, разработаны первые экспертные системы, начато активное применение искусственного интеллекта в различных областях. Несмотря на определенные трудности вначале, Германия смогла занять достойное место в мировой науке и технологиях в области искусственного интеллекта. Йорг Зикманн, немецкий ученый-ком-

¹ DFKI at a Glance [Электронный ресурс] // Deutsches Forschungszentrum für Künstliche Intelligenz GmbH (DFKI). URL: <https://www.dfki.de/en/web/about-us/dfki-at-a-glance> (дата обращения: 10.04.2024).

пьютерщик и профессор искусственного интеллекта, разделил немецкую историю становления ИИ на три раздела, положив в основу такие критерии, как степень организованности научного сообщества, семинары, конференции, информационные бюллетени и специализированные журналы и, наконец, создание университетской сферы в форме лекций, профессорских должностей и областей специальных исследований: предыстория — до 1975 г., ранняя история — с 1975 по 1983 г. и история — с 1983 по 1990 г. И исходя из мнения профессора, можно предположить, что то, как развивается искусственный интеллект в Германии сейчас, в 20-е гг. XXI в., можно назвать его «новой» историей [11].

Новый этап развития и внедрения ИИ в ФРГ связан с началом нового столетия и ознаменован переходом к Четвертой промышленной революции (Industrie 4.0). Концепция «Индустрия 4.0» разработана совместными усилиями трех федеральных министерств: экономики и энергетики, образования и научных исследований, труда и социальных вопросов в 2012 г. и анонсирована в 2013 г. Она предполагает создание автоматизированных производств, способных взаимодействовать с внешней средой. Эта концепция направлена на цифровые изменения в промышленных отраслях, которые предполагают внедрение инновационных технологий. Такие технологии способны повысить качество выпускаемой продукции, снизить издержки, в целом повысить производительность труда и привести к эффективности производственных процессов. Как нам представляется, главная идея концепции «Индустрия 4.0» заключается в обеспечении конкурентоспособности промышленных компаний на рынке. Тому пример компании Siemens, которая внедрила автоматизированную систему по обработке и анализу данных, привлекающую технологии искусственного интеллекта и машинного обучения. Для реализации этой концепции потребовалось увеличение инвестиций и в научно-техническую составляющую, и в подготовку кадров. Для решения этой задачи были осуществлены многочисленные совместные международные проекты (с США, Францией и Китаем) [8].

К тому же важно отметить значимую роль национальной стратегии по искусственному интеллекту в инновационной трансформации промышленности, принятой в 2018 г., которая включает двенадцать направлений. Эти направления предполагают широкое внедрение технологий ИИ в производственные процессы, решение государственных задач, разработку мер поддержки, реализацию международных и национальных проектов, трансформацию рынка труда, профессиональное обучение кадров и т. д.

В 2019 г. Германия заключила с Францией договор о сотрудничестве в области искусственного интеллекта, который предполагал развитие этих технологий в различных отраслях промышленности и социальной сферы и создание рабочих групп проектов. К сожалению, из-за пандемии эти работы были прерваны¹. Однако уже в 2021 г. это сотрудничество возобновлено, был объявлен конкурс проектов по искусственному интеллекту для повышения эффективности экономического развития европейских стран. При этом каждая сторона в три ближайших года должна была инвестировать по 10 млн евро на эти цели. В рамках этого конкурса заслуживает внимания совместный проект AI-ROBOT между немецкими и французскими университетами. Данный проект предполагает получение новых технологий и методов для разработок роботов, обладающих способностью быстро приспосабливаться к изменениям ситуаций и среды. Особое внимание уделяется навыкам работы роботов [5].

Немецкий подход к разработке стратегии в сфере ИИ отличается тем, что каждая земля Германии разработала для себя конкретные меры в этой области. Показателен опыт двух административных единиц — земли Бавария и столицы Германии.

Бавария во главе с премьер-министром Маркусом Седером в 2019 г. предъявила отчет о начале реализации своей стратегии, бюджет которой оценивался в 2 млрд евро. Работа руководства Баварии ориентирована на образование специализированных центров ИИ, например, в Нюрнберге и Вюрцбурге; широкое внедрение в учебные планы всех образовательных учреждений информационных курсов; использование технологий искусственного интеллекта в конкретных отраслях робототехники и медицины этого региона (к примеру, в Швайнфунте, в Ашаффенбурге, в Кемптене); осуществление

¹ Political strategies for Artificial Intelligence [Электронный ресурс] // Lernende Systeme. URL: <https://www.plattform-lernende-systeme.de/ai-strategies.html#:~:text=In%20November%202018%2C%20the%20German,line%20with%20Europe's%20core%20values> (дата обращения: 21.10.2024).

мер, направленных на распространение ИИ. Кроме того, правительство Баварии в 2019 г. планировало объявить свой регион ведущим в области цифровой трансформации и к 2022 г. намеревалось инвестировать на эти цели 6 млрд евро.

В отношении Берлина следует отметить, что его руководители проводили многочисленные мероприятия по искусственному интеллекту. При этом большое внимание уделялось проведению конференций, а также семинарам и встречам, где обсуждались и дискутировались вопросы по ИИ. Кроме того, проводились маркетинговые исследования относительно спроса на технологии ИИ и специалистов в этой области. И важным, на наш взгляд, со стороны руководства было содействие в создании единого научного центра ИИ — BIFOLD (Института основ обучения и данных) с привлечением всех университетов Берлина в соответствующую исследовательскую деятельность. Следует отметить, что с 2020 г. определенная часть проектов финансируется за счет средств DFKI.

Более того, наблюдается увеличение числа университетов, обучающих по разноплановым программам ИИ¹.

В целом можно сказать, что с 2018 по 2023 г. Германия имела уже значительные достижения в области искусственного интеллекта. Это прежде всего разработка и продвижение немецкой национальной стратегии ИИ; широкий спектр исследований и инноваций, превративший Германию в одну из ведущих центров по ИИ; успешное развитие технологического бизнеса в сфере ИИ; активное использование искусственного интеллекта в отраслях промышленности и медицине; должное развитие предпринимательской экосистемы ИИ.

Перспективы развития ИИ в Германии и секторы его использования

Стратегия Artificial Intelligence Strategy of the German Federal Government, запущенная в 2018 г., была рассчитана на семь лет, соответственно, итоги ее будут подведены уже в 2025 г. За это время было запланировано инвестировать 3 млрд евро в осуществление всех намеченных задач, кроме того, еще 3 млрд планируется получить от частных инвесторов, итого общий бюджет — 6 млрд евро. В качестве горизонта планирования определяется срок в 15–30 лет. Говоря о статистических данных, следует упомянуть следующие показатели: бюджет стратегии развития Германии составил в 2022 г. 4 трлн долл.² или 0,09% от ВВП; доля НИОКР в ВВП страны составила 2,9%; НИОКР, финансируемых правительством ФРГ, — 16,1 млрд долл.; доля НИОКР, финансируемых частными инвесторами, — 74,1 млрд долл.; количество граждан, занятых в сфере развития ИИ (на миллион жителей, при численности населения в 2022 г. 83 809 425 чел.³ — 4,3 тыс.; количество компаний, специализирующихся на системах ИИ, — 538; количество патентов, относящихся к технологиям искусственного интеллекта, — более 30 тыс. [7]. Эти данные свидетельствуют о передовом развитии искусственного интеллекта в Германии и большой результативности в сфере ИИ на ближайшие десятилетия.

Наибольшее внимание в рамках взаимодействия с системами искусственного интеллекта планируется уделять и уже уделяется следующим отраслям.

1. *Медицина.* В Германии ИИ используется в различных областях медицины, таких как диагностика, лечение и мониторинг пациентов. Технологии ИИ помогают врачам в анализе медицинских снимков и уточнении диагнозов.
2. *Промышленность и автоматизация.* Сохранению позиции Германии как современной индустриальной державы способствует использование автоматизированных и робототехнических систем на основе ИИ. Оно позволяет повысить эффективность производства, качество выпускаемой продукции, достичь более высокого уровня оптимизации производственных процессов.

¹ Political strategies for Artificial Intelligence [Электронный ресурс] // Lernende Systeme. URL: <https://www.plattform-lernende-systeme.de/ai-strategies.html#:~:text=In%20November%202018%2C%20the%20German,line%20with%20Europe's%20core%20values> (дата обращения: 21.10.2024).

² ВВП Германии по годам: 1980–2025 [Электронный ресурс] // Мировые финансы. 04.06.2018. URL: <http://global-finances.ru/vvp-germanii-pogodam/> (дата обращения: 23.04.2024).

³ Население Германии [Электронный ресурс]. URL: <https://countrymeters.info/ru/Germany> (дата обращения: 01.05.2024).

3. *Транспорт и автомобильная промышленность.* Для решения задач снижения вредного воздействия на окружающую среду и обеспечение безопасности дорожного движения в ФРГ внедряются системы автоматического управления транспортными средствами на основе технологий ИИ.
4. *Финансовый сектор.* Банки и финансовые учреждения в Германии используют ИИ для автоматизации процессов, обработки данных и анализа рисков. ИИ также применяется для обнаружения мошенничества и прогнозирования рыночных трендов.
5. *Естественный язык и чат-боты.* Для создания клиентских сервисов и автоматизации бизнес-процессов используются чат-боты с применением ИИ и системы обработки естественного языка¹.

Системы искусственного интеллекта представляют особую значимость для перспектив развития медицины. Известно, что сегодня искусственный интеллект широко применяется для более точной диагностики болезней. Технологии ИИ позволяют предлагать методы лечения и давать прогноз заболевания, направленный на конкретного пациента. Технологии ИИ применяются для анализа больших данных и получения информации из баз данных медицинских организаций. ИИ помогает медицинским работникам принимать решения о схемах лечения и давать рекомендации пациентам. Кроме того, данные технологии позволяют осуществлять медицинские исследования, анализировать состояние больного, получать информацию о рисках, предсказывать возможные осложнения. Также специалисты разрабатывают роботов для хирургических операций, реабилитации, что позволяет повысить безопасность и точность процедур².

На сайте Deutsches Forschungszentrum für Künstliche Intelligenz можно найти множество современных проектов, в рамках которых активно разрабатываются и другие системы искусственного интеллекта, помимо тех, что внедряются в медицинскую сферу. Например, DFKI Robotics Innovation Center — проекты включают разработку автономных роботов для различных применений, таких как промышленное использование и помощь в домашних условиях; Smart Service Engineering фокусируется на создании интеллектуальных систем для таких сфер деятельности, как здравоохранение, энергетика, производство, при этом целью проекта является разработка новых методов и технологий ИИ для повышения качества предоставляемых услуг; Cognitive Assistants for Industrial Processes занимается разработкой когнитивных ассистентов для промышленных процессов, целью является создание интеллектуальных систем, способных анализировать и оптимизировать производственные операции с использованием ИИ; Smart Data & Knowledge Services направлен на разработку инновационных методов и технологий для управления и обработки больших объемов данных с использованием ИИ, он также занимается созданием интеллектуальных систем, способных анализировать и извлекать знания из этих данных; Language Technology фокусируется на разработке технологий обработки естественного языка с использованием ИИ, что включает разработку алгоритмов машинного обучения, систем автоматического перевода, анализа текста и других приложений, связанных с языком³.

Подводя итог, необходимо отметить, что правительство Германии, желая занять центральное место в Европе и мире в сфере развития систем искусственного интеллекта и ставя это первостепенной целью в своей стратегии, делает все возможные шаги к осуществлению этой цели.

Заключение

Темой данной работы является искусственный интеллект: сложная и многогранная система, обладающая многокомпонентной классификацией и оказывающая на данный момент решающее влияние на дальнейшее развитие цивилизованных стран [3]. В ней прослеживается история искусственного интеллекта в жизни немецкого общества: постепенное внедрение, развитие и прорыв в сфере ИИ в XXI в.

¹ Political strategies for Artificial Intelligence [Электронный ресурс] // Lernende Systeme. URL: <https://www.plattform-lernende-systeme.de/ai-strategies.html#:~:text=In%20November%202018%2C%20the%20German,line%20with%20Europe's%20core%20values> (дата обращения: 21.10.2024).

² Будущее за медициной 4.0 [Электронный ресурс] // Deutschland.de. 23.07.2021. URL: <https://www.deutschland.de/ru/topic/ekonomika/medicina-40-v-germanii-cifrovizaciya-i-ii> (дата обращения: 02.06.2024).

³ Projects [Электронный ресурс] // Deutsches Forschungszentrum für Künstliche Intelligenz GmbH (DFKI). URL: <https://www.dfki.de/en/web/research/projects-and-publications/projects> (дата обращения: 02.07.2024).

Представленная тема является не только актуальной, но и востребованной в современном мире: в наши дни обществу сложно представить собственное существование без уже наработанных результатов технического прогресса за десятилетия форсирования ИИ [13]. Германия, в свою очередь, является одним из лидирующих государств в развитии систем искусственного интеллекта. А стратегия по обширному и многофакторному изучению ИИ и внедрению большого количества проектов в перспективе нескольких десятилетий успешно показывает себя уже на протяжении семи лет (с 2018 г.)¹.

Начинать изучение искусственного интеллекта в Германии следует с определения терминологии для более качественного понимания самой цели ИИ. Посредством анализа нескольких определений удалось выяснить, что искусственный интеллект — это сфера науки и технологии, способная постоянно разрабатывать компьютерные системы и программы, выполняющие задачи, требующие интеллектуальных способностей, сходных с умственными способностями человека и работой его мозга. Кроме того, был изучен тест Тьюринга, предназначенный для идентификации той или иной системы как интеллектуальной или неинтеллектуальной. Были определены сферы жизни государства и общества, в которые ИИ уже был внедрен ранее или в настоящее время вводится, например, медицина, промышленность, финансы.

Внедрение искусственного интеллекта в Германии началось давно и происходило постепенно. В рамках работы была проанализирована хронология активности изучения ИИ в рассматриваемой стране с 1950-х гг.

В 2018 г. правительство Германии утвердило Национальную стратегию искусственного интеллекта для изучения и развития ИИ в стране. Применение систем ИИ в Германии особенно активно осуществляется в финансах, медицине, автомобильной индустрии и других производственных сферах. Следует выделить известных немецких автопроизводителей — Volkswagen, BMW и Mercedes-Benz, которые известны успехами в широком внедрении искусственного интеллекта для оптимизации процессов производства и выпуска более интеллектуальных моделей. В медицине ИИ использовался для разработки более точных диагностических методов, а также для улучшения эффективности лечения². Например, именно в Германии были разработаны ИИ-системы для диагностики рака молочной железы и прогнозирования развития сердечно-сосудистых и других заболеваний.

Таким образом, внедрение ИИ в Германии происходит на многих уровнях, включая государственную политику, бизнес и научное сообщество [15]. Укрепляется международное сотрудничество ФРГ с рядом стран в исследовательских проектах в области ИИ. В результате действует синергетический эффект усилий. Этим объясняются успехи, достигнутые страной в развитии и применении технологий искусственного интеллекта.

Несмотря на некоторые проблемы, например, связанные с ресурсозатратностью и этической составляющей введения систем искусственного интеллекта [12], ИИ продолжает развиваться в Германии, что может привести к созданию новых возможностей и улучшению жизни немецкого общества.

Список литературы

1. Байков Е. А., Антонова В. Г., Камалетдинова Э. Ф. Технология искусственного интеллекта как конкурентное преимущество в медиаиндустрии // Петербургский экономический журнал. 2024. № 1. С. 57–68. EDN: BGJQJC.
2. Баранова Л. Ю., Ягья Т. С. Информационно-коммуникационные технологии как системообразующая часть цифровой экономики // Петербургский экономический журнал. 2023. № 1. С. 31–42. EDN: NFCLQL.
3. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016. 496 с. ISBN: 978-5-00057-810-0.

¹ Political strategies for Artificial Intelligence [Электронный ресурс] // Lernende Systeme. URL: <https://www.plattform-lernende-systeme.de/ai-strategies.html#:~:text=In%20November%202018%2C%20the%20German,line%20with%20Europe's%20core%20values> (дата обращения: 21.10.2024).

² Projects [Электронный ресурс] // Deutsches Forschungszentrum für Künstliche Intelligenz GmbH (DFKI). URL: <https://www.dfki.de/en/web/research/projects-and-publications/projects> (дата обращения: 02.07.2024).

4. Душкин Р. В. Искусственный интеллект. М. : ДМК Пресс, 2019. 280 с. ISBN: 978-5-97060-787-9.
5. Жилина И. Ю. Национальная программа развития научных исследований в области искусственного интеллекта во Франции: Промежуточные итоги // Социальные новации и социальные науки. 2021. № 2. С. 47–63. EDN: VURBTK. DOI:10.31249/snsn/2021.02.04.
6. Ивановский Б. Г. Экономические эффекты от внедрения технологий «искусственного интеллекта» // Социальные новации и социальные науки. 2021. № 2. С. 8–25. EDN: VISNBS. DOI: 10.31249/snsn/2021.02.01.
7. Камолов С. Г., Варос А. А., Крибиц А., Алашкевич М. Ю. Доминанты национальных стратегий развития искусственного интеллекта в России, Германии и США // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 2. С. 85–105. EDN: OQACMW. DOI: 10.17323/1999-5431-2022-0-2-85-105.
8. Комарова А. О. Динамика развития искусственного интеллекта в Германии. Нормативная база // Столыпинский вестник. 2020. Т. 2, № 2. С. 133–163. EDN: BEQKLS.
9. Легашов М. А. Стоит ли ожидать очередную «зиму» искусственного интеллекта в скором времени // Петербургский экономический журнал. 2023. № 1. С. 43–50. EDN: VZCHXR.
10. Остроух А. В. Введение в искусственный интеллект : монография. Красноярск : Научно-инновационный центр, 2020. 250 с. EDN: KTJGZM. DOI: 10.12731/978-5-907208-26-1.
11. Родионова Т. Н. Экономическое положение Германии после Второй мировой войны и реформа Л. Эрхарда // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2003. № 7. С. 134–141. EDN: PADZBF.
12. Утегенов Н. Б. Искусственный интеллект на сегодняшний день // Universum: технические науки. 2022. № 7-1. С. 27–30. EDN: RGOXNC.
13. Kamolov S., Teteryatnikov K. Artificial Intelligence in Public Governance. Springer Books, 2021. In: Technology and Business Strategy / ed. by Igor Stepnov. Ed. 1, Chapter 0. P. 127–135. Springer. DOI: 10.1007/978-3-030-63974-7_9.
14. Roschy R. Frühe Geschichte der Künstlichen Intelligenz im deutsch sprachigen Raum — Manuskripte, Artefakte, Quellen, Methoden (Tandem-Workshop), in: H-Soz-Kult, 30.10.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hsozkult.de/conferencereport/id/fdkn-127378> (дата обращения: 10.04.2024). (На немецком яз.).
15. Schmeiss J., Friederici N. Understanding ‘AI Made in Germany’ // Delphi — Interdisciplinary Review of Emerging Technologies. 2019. Vol. 2, No. 2. P. 87–94. DOI: 10.21552/delphi/2019/2/8.
16. Turing A. M. Computing Machinery and Intelligence // Mind a Quarterly Review of Psychology and Philosophy, New Series. Oct., 1950. Vol. 59, No. 236. P. 433–460.

Об авторах:

Ягья Талие Саидовна, доцент Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» (Санкт-Петербург, Россия), доцент Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Россия), кандидат экономических наук, доцент;
e-mail: talie2006@mail.ru; ORCID: 0009-0001-7355-6435

Баранова Любовь Юрьевна, старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: lybara@mail.ru; ORCID: 0009-0008-7746-1135

References

1. Baikov, E. A., Antonova, V. G., Kamaletdinova, E. F. Artificial Intelligence Technology as a Competitive Advantage in the Media Industry. St. Petersburg Economic Journal. 2024. No. 1. P. 57–68. (In Russ.). EDN: BGJQJC.

2. Baranova, L. Yu., Yagya, T. S. Information and Communication Technologies as a System-Forming Part of the Digital Economy. *St. Petersburg Economic Journal*. 2023. No. 1. P. 31–42. (In Russ.) EDN: NFCLQL.
3. Bostrom, N. Artificial Intelligence. Stages. Threats. Strategies. Moscow : Mann, Ivanov and Ferber, 2016. 496 p. ISBN: 978-5-00057-810-0. (In Russ.).
4. Dushkin, R. V. Artificial Intelligence. Moscow : DMK Press, 2019. 280 p. (In Russ.). ISBN: 978-5-97060-787-9.
5. Zhilina, I. Yu. National Program for the Development of Research in the Field of Artificial Intelligence in France: Interim results // *Social Novelties and Social Sciences*. 2021. No. 2/P. 47–63. (In Russ.). EDN: VURBTK. DOI: 10.31249/snsn/2021.02.04.
6. Ivanovskiy, B. G. Economic Effects of the Implementation of “Artificial Intelligence” Technologies // *Social Novelties and Social Sciences*. 2021. No. 2. P. 8–25. (In Russ.). EDN: VISNBS. DOI: 10.31249/snsn/2021.02.01.
7. Kamolov, S. G., Varos, A. A., Kriebitz, A., Alashkevich, M. Yu. Dominants of National Strategies for the Development of Artificial Intelligence in Russia, Germany and the USA // *Public Administration Issues*. 2022. No. 2. P. 85–105. (In Russ.). EDN: OQACMW. DOI: 10.17323/1999-5431-2022-0-2-85-105.
8. Komarova, A. O. Dynamics of Artificial Intelligence Development in Germany. Regulatory Framework // *Stolypin’s Bulletin*. 2020. Vol. 2, No. 2. P. 133–163. (In Russ.). EDN: BEQKLS.
9. Legashov, M. A. Should We Expect a Next Artificial Intelligence “Winter” in Near Future // *St. Petersburg Economic Journal*. 2023. No. 1. P. 43–50. (In Russ.). EDN: VZCHXR.
10. Ostroukh, A. V. Introduction to Artificial Intelligence : monograph. Krasnoyarsk, Research and Innovation Center, 2020. 250 p. (In Russ.). EDN: KTJGZM. DOI: 10.12731/978-5-907208-26-1.
11. Rodionova, T. N. The Economic Situation of Germany after Second World War and the Reform of L. Erhard // *Scientific and Technical Journal of Information Technologies, Mechanics and Optics*. 2003. No. 7. P. 134–141. (In Russ.). EDN: PADZBF.
12. Utegenov, N. B. Artificial Intelligence Today // *Universum: Technical Sciences*. 2022. No. 7-1. P. 27–30. (In Russ.). EDN: RGOXNC.
13. Kamolov, S., Teteryatnikov, K. Artificial Intelligence in Public Governance. Springer Books, 2021. In: *Technology and Business Strategy* / ed. by I. Stepnov. Ed. 1, Ch. 0. P. 127–135. Springer. DOI: 10.1007/978-3-030-63974-7_9.
14. Roschy, R. Frühe Geschichte der Künstlichen Intelligenz im deutsch sprachigen Raum — Manuskripte, Artefakte, Quellen, Methoden (Tandem-Workshop), in: *H-Soz-Kult*, 30.10.2020. URL: <https://www.hsozkult.de/conferencereport/id/fdkn-127378>. (In German).
15. Schmeiss, J., Friederici, N. Understanding ‘AI Made in Germany’ // *Delphi — Interdisciplinary Review of Emerging Technologies*. 2019. Vol. 2, No. 2. P. 87–94. DOI: 10.21552/delphi/2019/2/8.
16. Turing, A. M. Computing Machinery and Intelligence // *Mind a Quarterly Review of Psychology and Philosophy*, New Series. Oct., 1950. Vol. 59, No. 236. P. 433–460.

About the authors:

Talie S. Yagya, Associate Professor of St. Petersburg State Electrotechnical University “LETI” (Saint Petersburg, Russia), Associate Professor of Higher School of International Relations, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russia), PhD in Economics, Associate Professor;
e-mail: talie2006@mail.ru; ORCID: 0009-0001-7355-6435

Lubov Yu. Baranova, Senior Lecturer of St. Petersburg State Electrotechnical University “LETI” (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: lybara@mail.ru; ORCID: 0009-0008-7746-1135

Актуальные вопросы технического регулирования в ЕАЭС в условиях легализации параллельного импорта товаров

Гетман А. Г.^{1,*}, Голубейкова Е. А.²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Россия

* e-mail: getman-ag@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-1625-086X

² Российская таможенная академия (Ростовский филиал), Ростов-на-Дону, Россия

РЕФЕРАТ

Цель и задачи. Анализ текущего состояния дел и выявление проблемных вопросов в сфере технического регулирования в Евразийском экономическом союзе в условиях глобальной санкционной политики, проводимой в отношении РФ, и принятых ответных мер нашего государства для содействия внешнеторговой деятельности, а также легализации параллельного импорта в Российской Федерации. Задачами исследования являются: 1) анализ оценки значимости технического регулирования как метода регулирования внешнеторговой деятельности в международной торговле; 2) анализ нормативно-правового регулирования в области мер технического регулирования на пространстве ЕАЭС; 3) анализ влияния санкционных мер на текущее состояние дел в сфере технического регулирования; 4) систематизация таможенно-логистических рисков при ввозе товаров, включенных в перечень параллельного импорта, с учетом действующих требований в области мер технического регулирования; 5) выявление проблемных вопросов в сфере технического регулирования в современных условиях; 6) разработка инструментария и предложений по оптимизации мер технического регулирования в условиях легализации параллельного импорта. **Методология.** На основе данных статистики о выданных разрешительных документах о соответствии в статье применены методы анализа, что позволило сформировать методический подход для исследования проблемных вопросов, возникающих при оценке соответствия продукции, серийно выпускаемой недружественными странами. Применяя метод ретроспективного анализа, разработаны меры по прохождению процедуры соответствия ввозимой продукции. Выявленная корреляция объемов импорта товаров с представлением деклараций о соответствии, полученных в упрощенном порядке, позволила выявить направления развития для адаптации мер поддержки бизнеса со стороны государства при ввозе продукции, подлежащей техническому регулированию. Научная гипотеза: достижение эффекта от применения мер технического регулирования в существующих условиях геополитической турбулентности и новых таможенно-логистических рисков требует согласованности при разработке как сдерживающих мер, так и мер поддержки бизнеса, предполагает использование особого инструментария. **Результаты.** Выявлены таможенно-логистические риски участников внешнеэкономической деятельности, связанные с отсутствием возможности получения документов, подтверждающих передачу полномочий иностранного изготовителя российскому лицу на проведение процедур оценки соответствия, что препятствует ввозу товаров ввиду невозможности соблюдения установленных техническим регулированием требований, сокращая в том числе объем перечисляемых в федеральный бюджет таможенных платежей. **Научная новизна.** На основе выявленных проблемных вопросов в сфере обеспечения мер технического регулирования в условиях легализации параллельного импорта разработаны критерии для включения категорий товаров

в списки-упрощения, а также в списки, затрудняющие импорт. **Выводы.** Вводимые в отношении Российской Федерации глобальные санкции серьезно затронули условия ведения внешнеэкономической деятельности для российского бизнеса, что потребовало перестройки не только логистических цепочек, но и смены государств-партнеров. Разработанные государством меры поддержки бизнеса в 2022 г. требуют на сегодняшний день переработки с учетом сформированной практики работы государственных контрольных органов. В работе предлагается синтезировать список товаров, разрешенных к параллельному импорту, с перечнем товаров, попадающих под техническое регулирование, с учетом необходимости включения критически важных для российской экономики брендов, которые влияют на внутреннее производство товаров.

Ключевые слова: техническое регулирование, параллельный импорт, таможенный контроль, логистика

Для цитирования: Гетман А. Г., Голубейкова Е. А. Актуальные вопросы технического регулирования в ЕАЭС в условиях легализации параллельного импорта товаров // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 2. С. 67–77. EDN: TCCSZP

Current Issues of Technical Regulation in the EAEU in the Context of the Legalization of Parallel Imports of Goods

Anastasia G. Getman^{a,*}, Ekaterina A. Golubeikova^b

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management), Saint Petersburg, Russia

* e-mail: getman-ag@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-1625-086X

^b Russian Customs Academy (Rostov branch), Rostov-on-Don, Russia

ABSTRACT

Aim and tasks. Analysis of the current state of affairs and identification of problematic issues in the field of technical regulation in the Eurasian Economic Union in the context of the global sanctions policy pursued against the Russian Federation and the retaliatory measures taken by our state to facilitate foreign trade activities, as well as the legalization of parallel imports in the Russian Federation. The objectives of the study are: 1) analysis of the assessment of the importance of technical regulation as a method of regulating foreign trade activities in international trade; 2) analysis of regulatory and legal regulation in the field of technical regulation measures in the EAEU space; 3) analysis of the impact of sanctions measures on the current state of affairs in the field of technical regulation; 4) systematization of customs and logistics risks when importing goods included in the list of parallel imports, taking into account current requirements in the field of technical regulation measures; 5) identification of problematic issues in the field of technical regulation in modern conditions; 6) development of tools and proposals for optimizing technical regulation measures in the context of legalizing parallel imports. **Methods.** Based on the statistical data on the issued permits on compliance, the article uses analytical methods, which allowed us to form a methodological approach for investigating problematic issues that arise when assessing the conformity of mass-produced products by unfriendly countries. Using the method of retrospective analysis, measures have been developed to ensure the conformity of imported products. The revealed correlation between the volume of imports of goods and the submission of declarations of conformity obtained in a simplified manner allowed us to identify development directions for adapting government support measures for business when importing products subject to technical regulation. Scientific hypothesis: achieving the effect of applying technical regulation measures in the current conditions of geopolitical turbulence and new customs and logistics risks requires consistency in the development of both deterrent measures and

business support measures, involving the use of special tools. **Results.** The customs and logistical risks of participants in foreign economic activity have been identified, related to the lack of the possibility of obtaining documents confirming the transfer of authority from a foreign manufacturer to a Russian person to conduct conformity assessment procedures, which prevents the import of goods due to the inability to comply with the requirements established by technical regulations, reducing, among other things, the amount of customs payments transferred to the federal budget. **Scientific novelty.** Based on the identified problematic issues in the field of technical regulation measures in the context of the legalization of parallel imports, criteria have been developed for including categories of goods in the simplification lists, as well as in the lists that make it difficult to import. **Conclusions.** The global sanctions imposed on the Russian Federation have seriously affected the conditions for conducting foreign trade for Russian businesses, which required the restructuring of not only logistics chains, but also a change of partner states. The measures developed by the state to support business in 2022 currently require reworking, considering the established practice of the work of state control bodies. The paper proposes to synthesize a list of goods allowed for parallel import with a list of goods subject to technical regulation, taking into account the need to include brands critical to the Russian economy that affect domestic production of goods.

Keywords: technical regulation, parallel import, customs control, logistics

For citation: Getman A. G., Golubeikova E. A. Current Issues of Technical Regulation in the EAEU in the Context of the Legalization of Parallel Imports of Goods // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 67–77. (In Russ.). EDN: TCCSZP

Введение

Вопросы технического регулирования занимают одно из центральных мест в рамках осуществления государственными органами контроля за безопасностью товаров, обращающихся на территории Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС, Союз), так как напрямую влияют на экономику стран. Государства — члены ЕАЭС устанавливают единые требования к выпускаемой в обращение продукции, закрепив их в технических регламентах, обеспечивая качество товаров на рынке и безопасность потребления. Помимо этого, единое техническое регулирование в рамках ЕАЭС направлено на обеспечение бесшовного движения товаропотоков во взаимной торговле стран — участниц данного объединения, равно как и в рамках СНГ [11].

С созданием Таможенного союза государствами-участниками было сделано немало для достижения единого технического регулирования посредством унификации законодательства. Синхронизация нормативной базы в вопросах технического регулирования является важнейшим вопросом в рамках повышения эффективности международных цепей поставок и развития международных отношений как внутри ЕАЭС, так и с новыми партнерами дружественных стран. Согласимся с В. В. Назаренко, который определяет единую систему технического регулирования ЕАЭС через достижение целей, направленных на снятие технических барьеров в рамках взаимной торговли, защиту внутреннего рынка от небезопасной продукции, повышение качества продукции, повышение конкурентоспособности производимой в ЕАЭС продукции [9].

Техническое регулирование или технические барьеры являются мощным инструментом регулирования международной торговли, закреплённой в документах Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ). Отметим, что в соответствии с Соглашением Всемирной торговой организации¹ меры технического регулирования обеспечивают качественную продукцию на внутреннем рынке, при этом создавая условия для содействия международной торговле.

¹ Соглашение по техническим барьерам в торговле [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wto.ru/content/documents/docs/tehbarier.doc> (дата обращения: 10.04.2025).

Материалы и методы

Теоретическую и методологическую основу данного исследования составили труды отечественных ученых, а также международные и российские нормативно-правовые документы в сфере технического регулирования.

Анализ литературы показывает, что в настоящее время основное внимание в проводимых исследованиях в сфере таможенного администрирования в целом уделяется вопросам цифровизации как важному направлению обеспечения развития внешнеторговой деятельности. Так, в работах Ю. В. Малевич, Е. А. Личман [8] делается акцент на влияние цифровизации на трансформацию таможенного регулирования, а в работе В. С. Коноплевой и И. А. Коноплевой — на увеличение прозрачности ведения внешнеэкономической деятельности при развитии цифровизации [5, с. 236]. Поэтому помимо мер реагирования важно внедрять передовые цифровые технологии в сфере таможенного администрирования, позволяющие создавать благоприятные и прозрачные условия для ведения внешнеэкономической деятельности с нашей страной, уделяя внимание нормотворческой составляющей, что является приоритетным при рассмотрении вопросов таможенного администрирования и регулирования [1]. Однако в новых условиях недостаточно изучены вопросы влияния проводимой в отношении РФ санкционной политики со стороны недружественных стран и применения мер поддержки бизнеса со стороны государства. Кроме того, анализ влияния санкционной политики [6, с. 23] показывает, что так называемые российские анти-санкционные меры встречают отражение со стороны западных стран, а следовательно, постоянно требуют гибкого пересмотра мер со стороны государства. Вопросам цифрового технического регулирования в ЕАЭС, на наш взгляд, в научной литературе уделяется недостаточно внимания.

Для эмпирического анализа в статье используются статистические данные, которые содержат информацию о разрешительных документах, размещенных в реестрах Федеральной службы по аккредитации (Росаккредитации)¹, а также данные Федеральной таможенной службы (ФТС)².

Обсуждение

Понятие технического регулирования закреплено в Протоколе о техническом регулировании, утвержденном в 2014 г.³, и раскрывается и как правовое регулирование отношений в области установления, применения и исполнения обязательных требований к продукции или к продукции и связанным с требованиями к продукции процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, так и как правовое регулирование отношений в области оценки соответствия [3]. Тем самым техническое регулирование направлено, прежде всего, на защиту внутреннего рынка от небезопасной продукции и устранение технических барьеров в торговле⁴.

Если говорить о роли технического регулирования, то установленные требования к продукции, безусловно, влияют на увеличение количества высококачественной продукции для потребителя, с одной стороны, а с другой стороны, техническое регулирование влияет на стимулирование торговли, а следовательно, на экономику стран в целом [13].

Изменения условий ведения внешнеэкономической деятельности обусловлено, прежде всего, внешними факторами, связанными с проводимой рядом стран глобальной санкционной политикой в отношении Российской Федерации [2]. Это нашло отражение в данных статистики внешнеторговой деятельности.

¹ Официальный сайт Росаккредитации [Электронный ресурс]. URL: <https://fsa.gov.ru> (дата обращения: 19.05.2025).

² Официальный сайт Федеральной таможенной службы России [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru> (дата обращения: 19.05.2025).

³ Договор о Евразийском экономическом союзе, с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024 [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/d4a8ed9c96e6b5519b558f85f72112ed06b1e527/ (дата обращения: 15.01.2025).

⁴ Единая система технического регулирования ЕАЭС — реальные достижения и задачи [Электронный ресурс] // Альта-Софт. URL: https://www.alt.ru/ts_news/98740/ (дата обращения: 30.05.2025).

По данным таможенной статистики, внешнеторговый оборот Российской Федерации по итогам 2024 г. вырос на 0,9% по сравнению с данными 2023 г. и составил 716,9 млрд долл. США, однако не достиг показателей 2022 г. (850, 5 млрд долл. США)¹. Снижение показателей внешнеторговой деятельности влияет на долю таможенных платежей, перечисляемых в федеральный бюджет. Так, по итогам 2024 г. ФТС России не достигла установленного контрольного уровня по перечислению средств в федеральный бюджет, обеспечив перечисления в размере 7,35 трлн руб. при установленном плановом значении 8,167 трлн руб.

С точки зрения развития методологических подходов к единому таможенному регулированию на уровне ЕАЭС можно выделить несколько важных аспектов.

Во-первых, единые принципы государственного контроля государств — членов Союза, которые были сформулированы и утверждены в 2021 г. в целях гармонизации законодательства в вопросах технического регулирования и, по мнению А. Шохина, соблюдение положений соглашения стали одним из гарантов обеспечения безопасности продукции на рынке стран — членов ЕАЭС². В таблице приведена классификация принципов государственного контроля, которая разграничивает принципы, затрагивающие риски для государства, и саму деятельность по осуществлению технического регулирования.

Таблица

Классификация принципов государственного контроля за соблюдением требований технических регламентов³

Table. Classification of principles of state control over compliance with technical regulations

Классификационный признак	Содержание
Риски государства	• Оценка риска нарушения требований, установленных техническими регламентами Союза; • Обеспечение защиты прав потребителей; • Профессионализм и компетентность должностных лиц органов государственного контроля (надзора); • Независимость органов государственного контроля (надзора); • Недопустимость совмещения одним органом государства-члена полномочий по государственному контролю (надзору) с полномочиями по аккредитации; • Объективность и беспристрастность должностных лиц органов государственного контроля (надзора); • Приоритетность предупреждения правонарушения перед наказанием; • Недопустимость проведения в отношении одного юридического лица или индивидуального предпринимателя проверок исполнения одних и тех же обязательных требований, установленных техническими регламентами Союза, несколькими органами государственного контроля (надзора) государства-члена
Деятельность государственного контрольного органа	• Презумпция добросовестности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей; • Гласность деятельности органов государственного контроля (надзора); • Системность проведения государственного контроля (надзора); • Соблюдение прав и законных интересов проверяемых юридических лиц и индивидуальных предпринимателей; • Соблюдение законности при назначении и проведении мероприятий по государственному контролю (надзору), вынесении решений по их результатам; • Государственное финансирование деятельности органов государственного контроля (надзора)

Источник: составлено авторами

Во-вторых, в условиях глобальной цифровизации процессов также затронуто и направление технического регулирования. Имеющийся доступ к выданным документам о соответствии уже позволил автоматизировать процессы и говорить о цифровой трансформации [7]. Вместе с тем впереди создание

¹ Ежегодные сборники таможенной службы за 2022–2024 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru/activity/results/ezhegodnyj-sbornik-tamozhennaya-sluzhba-rossijskoj-federacii>. (дата обращения: 18.05.2025).

² Стандартизация и техническое регулирование как драйвер евразийской экономической интеграции [Электронный ресурс] // РСПП. 14.03.2023. URL: <https://www.rgtr.ru/press-tsentr/2271> (дата обращения: 30.05.2025).

³ Соглашение о принципах и подходах осуществления государственного контроля (надзора) за соблюдением требований технических регламентов Евразийского экономического союза в целях гармонизации законодательства государств — членов Евразийского экономического союза в указанной сфере (Заклучено в Москве 16.02.2021) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_377269/ (дата обращения: 18.01.2025).

отдельного сервиса для подачи заявки на аккредитацию и включения в единый реестр ЕАЭС в электронном виде, а также сервиса предоставления, передачи и обмена данными системы информирования об опасной продукции, в том числе для использования в рамках других взаимосвязанных цифровых инициатив Союза [10].

В-третьих, еще одним нововведением стало проведение обязательной периодической оценки научно-технического уровня вступивших в силу технических регламентов¹.

Вместе с тем, по мнению аналитиков, практика применения технических регламентов внутри Союза показывает, что иногда они сами становятся причиной препятствия во взаимной торговле из-за не единообразного применения права ЕАЭС [4], что дает основания говорить даже о кибербезопасности, так как имеющийся доступ к электронным ресурсам предоставляет возможность использования дипфейков [12].

Выделим основные проблемные вопросы для импортеров, которые существуют в настоящее время при обеспечении соблюдения мер технического регулирования.

1. Легализация параллельного импорта. В связи с уходом с российского рынка правообладателей (официальных импортеров) товаров одним из острых вопросов является получение документа о соответствии каждой ввозимой партии продукции и/или проверка конкретного изготовителя. При поставках продукции по каналам дистрибуции крупных западных компаний их российскими отделениями получались документы о соответствии с длительными сроками действия (до пяти лет). Таким образом, после ухода с рынка Российской Федерации ряда западных компаний в реестре Росаккредитации имелись действующие документы о соответствии на их продукцию. Ранее в соответствии с Решением ЕЭК № 130 участнику внешнеэкономической деятельности (ВЭД) для использования такого документа при совершении таможенных операций потребовалась бы доверенность от владельца (держателя) документа. Однако с введением в действия Постановления № 353² у параллельных импортеров появилась возможность беспрепятственного использования таких документов.
2. Обеспечение безопасности и качества ввозимой продукции путем подтверждения ее соответствия требованиям технических регламентов Российской Федерации и ЕАЭС. Особую актуальность данному вопросу придает тот факт, что реальное прохождение всех этапов сертификации направлено на обеспечение безопасности потребителей продукции. Вынужденная в условиях санкций подмена установленных процедур формальными методами оказывает прямое влияние на рост рисков для российского потребителя.

Согласно нормативно-правовым актам, разрабатывавшимся в двухтысячные годы и действующим в настоящее время, для прохождения соответствующих процедур и получения документа о соответствии импортеру требуется быть «уполномоченным изготовителем лицом».

Так, согласно протоколу о техническом регулировании (приложение 9 к Договору о ЕАЭС³) и Федеральному закону «О техническом регулировании» (ст. 28)⁴, именно изготовитель (в том числе иностранный) несет ответственность за соответствие своей продукции требованиям технических регламентов Союза. Непосредственно в стране ЕАЭС процедуры по исследованию товара и получению необходимых документов проводит «уполномоченное изготовителем лицо», действующее на основании договора с изготовителем. В случае отсутствия возможности получения документов, подтверждающих передачу полномочий иностранного изготовителя российскому лицу на проведение процедур оценки

¹ Валентин Татарицкий: «Проведение в ЕАЭС обязательной периодической оценки научно-технического уровня техрегламентов и стандартов к ним — большое достижение» [Электронный ресурс] // ЕЭК. 30.07.2024. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/valentin-tataritskiy-provedenie-v-eaes-obyzatelnoy-periodicheskoy-otsenki-nauchno-tekhnicheskogo-ur/> (дата обращения: 18.01.2025).

² Постановление Правительства РФ от 12.03.2022 № 353 (ред. от 15.05.2025) «Об особенностях разрешительной деятельности в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411447/ (дата обращения: 20.05.2025).

³ Приложение № 9 к Договору о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420205962/titles/34NEJ19> (дата обращения: 30.05.2025).

⁴ Федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О техническом регулировании». Ст. 28. «Права и обязанности заявителя в области обязательного подтверждения соответствия» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40241/a8694ddc11696992295d91f2cfca721eabac9f49/ (дата обращения: 30.05.2025).

соответствия, ввоз товаров с соблюдением установленных техническим регулированием требований становится невозможным. Для исключения этого фактора риска Правительством Российской Федерации принято Постановление № 353¹ (приложения 16 и 18). Среди основных новаций в подтверждении соответствия ввозимых товаров, введенных данным постановлением, необходимо отметить возможность без доверенности использовать документы о соответствии на продукцию, полученные ранее иными лицами. Такая возможность ограничена по времени (в настоящее время до 01.09.2025), но всякий раз этот срок продлевается Правительством Российской Федерации еще на один год.

Такая возможность обеспечила сокращение издержек импортеров на ввоз проб и образцов для исследования, а также на проведение процедур оценки соответствия, в том числе выезд экспертов сертификационных органов непосредственно на производство.

Результаты

Рассмотрев проблемные вопросы и меры реагирования со стороны государства, следует отметить, что с течением времени возможности принятых решений сужаются. Так, по результатам анализа сведений, размещенных в реестре Росаккредитации, установлено, что по состоянию на 31.12.2024, из двадцати шести сертификатов соответствия, оформленных на продукцию компании Siemens AG, действующими являются восемь (30%), действие остальных либо прекращено, либо приостановлено. Из пятнадцати сертификатов соответствия, полученных в 2020–2023 гг. региональным представительством производителя компьютерной техники DELL Inc, не действует ни один.

Следовательно, в течение 2025 г., на наш взгляд, перед правительством РФ стоит задача решения проблемы «уполномоченного изготовителем лица» для оценки соответствия продукции, серийно выпускаемой недружественными странами.

Одним из предлагаемых вариантов решений проблемы указанного статуса является второе крупное послабление, введенное Постановлением № 353, — возможность до 01.09.2025 регистрировать декларации на основании собственных доказательств заявителя (так называемые декларации о соответствии с особенностями, ДС с особенностями) (п. 6 приложения 18 к Постановлению № 353²). Однако у данного механизма есть ограничения.

Декларации о соответствии с особенностями регистрируются заявителем на основании собственных доказательств, то есть на основании контракта, товаросопроводительных и эксплуатационных документов, описания принятых технических решений и результатов оценки рисков, подтверждающих выполнение обязательных требований, списка стандартов, иных документов по выбору заявителя. Таким образом, в настоящее время для регистрации декларации о соответствии с особенностями не требуется проведения каких-либо испытаний продукции, оценки состояния производства, выезда экспертов на такие производства и т. д.

Такой документ можно оформить только на партию товара, при регулярном ввозе требуется оформление новой декларации с особенностями на каждую новую партию ввозимой продукции. Вместе с тем такое ограничение не является значительным фактором при проведении внешнеэкономической сделки и не влечет дополнительных издержек, так как для регистрации такой декларации о соответствии требуются только доступ к сети Интернет и минимальный пакет товаросопроводительных документов. Степень обоснованности такой декларации о соответствии, которая должна гарантировать потребителю безопасность и качество продукции, справедливо может быть подвергнута критике.

Как указано на сайте Росаккредитации, решение, принятое в условиях санкционных ограничений, значительно снизило технические барьеры при ввозе продукции и насытило рынок промышленными

¹ Постановление Правительства РФ от 12.03.2022 № 353 (ред. от 15.05.2025) «Об особенностях разрешительной деятельности в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411447/ (дата обращения: 20.05.2025).

² Приложение № 18 к Постановлению Правительства Российской Федерации от 12 марта 2022 г. № 353 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411447/1bd33b136805e4643440784e4aff05dff02797a8/ (дата обращения: 30.05.2025).

и продовольственными товарами. Оно доказало свою эффективность, при этом Правительство Российской Федерации усовершенствовало этот механизм, чтобы снизить риски попадания на рынок некачественной продукции. Теперь после регистрации декларации с особенностями и производители, и продавцы должны в течение полугода подтвердить соответствие товаров требованиям технических регламентов ЕАЭС или требованиям российского законодательства в сфере технического регулирования.

Председатель Правительства Российской Федерации М. Мишустин считает, что это поможет оградить людей от некачественных или опасных товаров, вместе с тем предоставит предпринимателям больше времени на перестройку бизнеса в новых непростых условиях¹.

Согласно данным таможенной статистики, опубликованным на официальном сайте ФТС России, импорт товаров в 2023 г. по сравнению с 2022 г. вырос на 11,7%, а в 2024 г. по сравнению с 2023 г. сократился на 0,8%. При этом данные, полученные методом экспертных оценок, показывают, что объем импорта товаров, сопровождаемых декларациями о соответствии, полученными в упрощенном порядке, в 2023 г. по сравнению с 2022 г. вырос на 25%, а в 2024 г. по сравнению с 2023 г. сократился на 35%. Анализ статистики показывает, что после введения упрощенного порядка подтверждения соответствия для ввозимых товаров данный механизм приобрел в 2022 г. популярность, достигшую максимальных значений в 2023 г. Рост импорта в 2023 г. сопровождался и более широким использованием «упрощенных» деклараций о соответствии, а в 2024 г. произошло сокращение как импорта, так и использования «упрощенных» деклараций о соответствии. Значительное сужение возможности использования упрощенного механизма подтверждения соответствия в 2024 г. обусловлено регуляторной активностью государственных органов.

Так, существенным фактором в функционировании данного механизма является то, что Приказом Минпромторга России от 10.09.2024 № 4114² утвержден перечень продукции, в отношении которой декларация о соответствии с особенностями не может быть оформлена. Анализируя категории товаров, включенных в данный перечень (продукция, применяемая в области пожарной безопасности, пиротехника, товары для детей и др.), можно сделать вывод, что в него включалась продукция высокого риска причинения вреда жизни и здоровью потребителей.

При сопоставлении двух перечней, утвержденных Минпромторгом России в рамках изменения регуляторных механизмов в условиях внешнего санкционного давления — Перечня продукции, в отношении которой декларация о соответствии с особенностями не может быть оформлена (Перечень № 4114³), и Перечня параллельного импорта⁴, — можно отметить следующее.

Вся продукция групп 61 и 62 Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (ТН ВЭД ЕАЭС) включена в перечень параллельного импорта, однако для детских товаров этих групп использовать упрощенный механизм сертификации, введенный в связи с санкционным давлением, не представляется возможным. Деревообрабатывающее оборудование, большая часть оборудования для текстильной промышленности включены в перечень параллельного импорта и вместе с тем исключены из механизма упрощенной сертификации. Аналогичная ситуация с автомобильными двигателями и другими автокомпонентами основных мировых концернов.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что при осуществлении внешнеэкономической поставки товаров параллельного импорта импортеры сталкиваются со следующими таможенно-логистическими рисками.

1. Непредсказуемость и непрозрачность механизма включения и исключения объектов интеллектуальной собственности из Перечня товаров, разрешенных к параллельному импорту.

¹ Правительство продлило на год действие упрощенного порядка подтверждения соответствия ввозимой и выпускаемой продукции [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/news/49055/> (дата обращения: 18.01.2025).

² Приказ Минпромторга России «Об утверждении перечня продукции...» от 10.09.2024 № 4114 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_487609/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdaddd518/ (дата обращения: 30.05.2025).

³ Приказ Минпромторга России от 10.09.2024 № 4114 «Об утверждении перечня продукции...» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_487609/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdaddd518/ (дата обращения: 30.05.2025).

⁴ Приказ Минпромторга России от 01.04.2025 № 1572 «О внесении изменений в перечень товаров (групп товаров)...» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_504543/ (дата обращения: 30.05.2025).

2. Барьер сертификации товаров параллельного импорта в части неприменения упрощенных схем, невозможности проведения анализа состояния производства и выполнения иных требований системы технического регулирования в условиях санкционного давления.

Таким образом, для обеспечения интересов российских потребителей необходим комплексный подход к решению указанных вопросов, который, как показал данный анализ, в настоящее время отсутствует. Противоречия в двух видах регулирования приводят к распространению серых схем, а следовательно, и к росту оборота на внутреннем рынке товаров, ввезенных контрабандным путем, минуя таможенную очистку, либо товаров, в отношении которых процедуры оценки соответствия показателям технических регламентов проведены только «на бумаге» в связи с невозможностью соблюдения всех установленных требований.

Также возможно кардинальное изменение подходов к формированию перечня параллельного импорта с учетом необходимости обеспечения российского рынка безопасными и качественными товарами, прошедшими все необходимые процедуры оценки соответствия. В данном случае необходимо исходить из того, что к началу 2025 г. очевидным являлось то, что российская экономика успешно преодолела первый шок от обрушившихся на нее санкционных ограничительных мер и рестрикций, задача недопущения формирования на рынке дефицита продукции основных товарных групп решена.

Учитывая вышеизложенное, полагаем целесообразным изменение подходов к формированию двух рассмотренных перечней, их унификацию и дальнейшее преобразование в связке (см. рисунок).

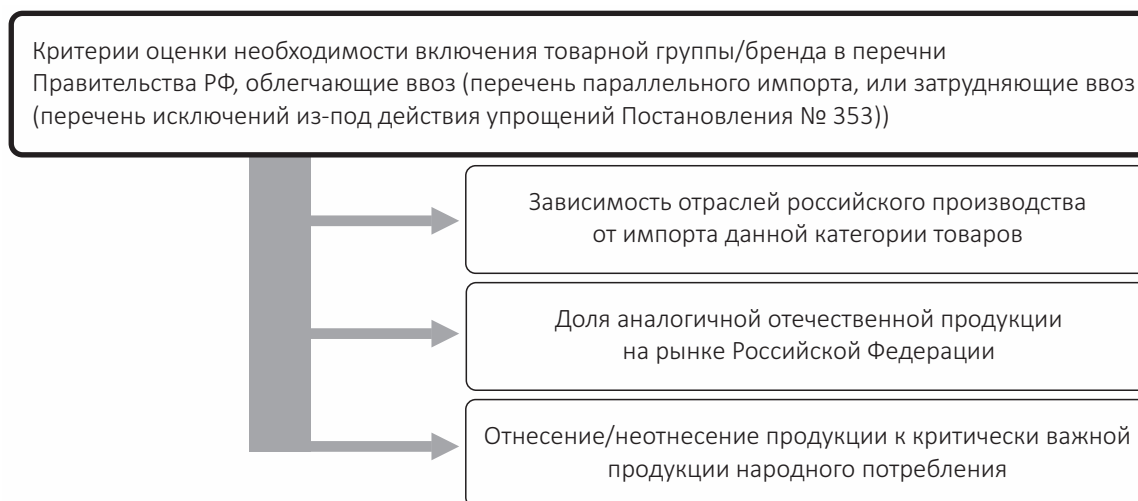

Рис. Перечень критериев для включения категорий товаров в списки-упрощения или в списки, затрудняющие импорт

Fig. List of criteria for inclusion of categories of goods in simplified lists or in lists that make import difficult

Источник: составлено авторами

Полагаем целесообразным в отношении наиболее чувствительной (по итогам оценки Роспотребнадзора) продукции для обеспечения внутреннего рынка принятие решения о включении либо в список, облегчающий импорт, а именно в Перечень Минпромторга РФ товаров, разрешенных к параллельному импорту, либо в список, затрудняющий импорт таких товаров (перечень продукции Минпромторга РФ), подтверждение соответствия которых установленным в Российской Федерации требованиям в упрощенном порядке не допускается.

Заключение

Наступает время необходимости перехода от ситуационных мер к политике обеспечения развития экономики России путем стимулирования местного производства.

Соответственно, список параллельного импорта в дальнейшем должен содержать только критически важные для российской экономики бренды, обеспечивающие внутреннее производство. При этом товары повседневного спроса, включенные в Перечень № 4114¹ (такие как одежда и обувь), должны быть исключены.

Таким образом, исследование теоретических основ в сфере технического регулирования в рамках ЕАЭС позволяет сформулировать новые подходы в условиях легализации параллельного импорта, а также иных последствий влияния санкционной политики и выделить ключевые решения по обеспечению качественной продукции на внутреннем рынке, создавая условия содействия развитию международной торговли РФ и пополнению средств в федеральный бюджет.

Список литературы

1. Агамагомедова С. А., Бакаева О. Ю., Власова Е. Л. [и др.]. Деятельность таможенных органов: правовое обеспечение; основные направления; перспективы развития в условиях цифровизации экономики. М. : Русайнс, 2024. 228 с. ISBN: 978-5-466-04293-1. EDN: MFSVOS.
2. Гончаров М. С. Внешнеэкономическая деятельность стран СНГ — от вызовов к новым возможностям // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18, № 4. С. 22–33. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-04-22-33. EDN: YMIHO.
3. Ефремов Н. Ю. Основы технического регулирования и стандартизации : учебное пособие. СПб. : БГТУ «Военмех» им. Д. Ф. Устинова, 2020. 65 с. ISBN: 978-5-907324-12-1.
4. Жусупбаев К. К. Актуальные вопросы технического регулирования при перемещении товаров между государствами — участниками ЕАЭС // Вестник Жалал-Абадского государственного университета. 2022. № 1 (50). С. 74–80. EDN: RVRQHI.
5. Коноплева В. С., Коноплева И. А. Развитие цифровизации для повышения эффективности таможенной деятельности // Социальные и экономические системы. 2024. № 6 (56). С. 230–243. EDN: BDEBWG.
6. Логинов Б. Б. (ред.) Санкционный фактор трансформации российской и мировой экономики : монография. М. : ИНФРА-М, 2024. 235 с. ISBN: 978-5-16-018195-0. DOI: 10.12737/1921361.
7. Малевич Ю. В., Аитова К. А., Кантарович А. А. [и др.] Цифровая трансформация таможенного администрирования международных перевозок. СПб. : Троицкий мост, 2022. 176 с. ISBN: 978-5-6047840-3-7. EDN: HLJFSW.
8. Малевич Ю. В., Личман Е. А. Таможенная и логистическая инфраструктура: понятийная и функциональная трансформация в условиях цифровизации // Экономика и управление. 2022. Т. 28, № 3. С. 297–305. DOI: 10.35854/1998-1627-2022-3-297-305. EDN: UBHJUY.
9. Назаренко В. В. Механизмы технического регулирования должны быть жесткими и эффективными // Стандарты и качество. 2019. № 8. С. 16–18. EDN: XBSMKX.
10. Нурашев Т. Б., Чиркова Ю. С., Шакирова Д. И. На пути к цифровому техническому регулированию ЕАЭС // Стандарты и качество. 2020. № 6. С. 48–50. EDN: DYLGSI.
11. Туманьян Н. Г. Техническое регулирование в странах — членах ЕАЭС. Новое в 2023 г. Обзор // Рисоводство. 2024. Т. 23, № 1 (62). С. 60–66. EDN: PKFJCE. DOI: 10.33775/1684-2464-2024-62-1-60-66.
12. Getman A. G., Ling Y. The Deepfake Technology: Threats or Opportunities for Customs // Administrative Consulting. 2023. No. 4 (172). P. 30–36. EDN: TWWJOY. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-4-30-36.
13. Hyun H. Ju., Jang Y. J. Technical Regulation and Trade: Export Quality Matters // The World Economy. 2022. Vol. 45, No. 5. P. 1447–1476. EDN: INGYJO. DOI: 10.1111/twec.13188.

Об авторах:

Гетман Анастасия Геннадьевна, заведующий кафедрой таможенного администрирования Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Россия), кандидат экономических наук, доцент; e-mail: getman-ag@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-1625-086X

¹ Приказ Минпромторга России от 10.09.2024 № 4114 «Об утверждении перечня продукции...» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_487609/2ff7a8c72de3994f30496a0ccbb1ddafdaddd518/ (дата обращения: 30.05.2025).

Голубейкова Екатерина Александровна, старший преподаватель кафедры таможенных операций и таможенного контроля Ростовского филиала Российской таможенной академии (Ростов-на-Дону, Россия);
e-mail: gea9541@yandex.ru

References

1. Agamagomedova, S. A., Bakayeva, O. Yu., Vlasova, E. L. [et al.]. Activities of Customs Authorities: Legal Support; Main Directions; Prospects of Development in the Context of Digitalization of the Economy. Moscow : Rusayns, 2024. 228 p. ISBN: 978-5-466-04293-1. (In Russ.). EDN: MFSVOS.
2. Goncharov, M. S. CIS Countries Foreign Economic Activity — From Challenges to New Opportunities // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18, No. 4. P. 22–33. (In Russ.). EDN: YMIIHO. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-04-22-33.
3. Efremov, N. Yu. Fundamentals of Technical Regulation and Standardization : textbook. St. Petersburg : BSTU "Voenmekh" named after D. F. Ustinov, 2020. 65 p. ISBN: 978-5-907324-12-1. (In Russ.).
4. Zhusupbaev, K. K. Actual Issues of Technical Regulation in the Conveyed of Goods between the EAEU Member States // Bulletin Jalal-Abad State University. 2022. No. 1 (50). P. 74–80. (In Russ.). EDN: RVRQHI.
5. Konopleva, V. S., Konopleva, I. A. Developing Digitalization to Improve Customs Efficiency // Social and Economic Systems. 2024. No. 6 (56). P. 230–243. (In Russ.). EDN: BDEBWG.
6. Loginov, B. B. (ed.) Sanctions Factor of Transformation of the Russian and World Economy : monograph. Moscow : INFRA-M, 2024. 235 p. ISBN: 978-5-16-018195-0. (In Russ.). DOI: 10.12737/1921361.
7. Malevich, Yu. V., Aitova, K. A., Kantarovich, A. A. [et al.] Digital Transformation of Customs Administration of International Transport. St. Petersburg : Troitsky Most, 2022. 176 p. ISBN: 978-5-6047840-3-7. (In Russ.). EDN: HLJFSW.
8. Malevich, Yu. V., Lichman, E. A. Customs and Logistics Infrastructure: Conceptual and Functional Transformation in the Context of Digitalization // Economics and Management. 2022. Vol. 28, No. 3. P. 297–305. (In Russ.). EDN: UBHJUY. DOI: 10.35854/1998-1627-2022-3-297-305.
9. Nazarenko, V. V. Technical Regulation Mechanisms Should Be Rigid and Effective // Standards and Quality. 2019. No. 8. P. 16–18. (In Russ.). EDN: XBSMKX.
10. Nurashev, T. B., Chirkova, Ju. S., Shakirova, D. I. Towards Digital Technical Regulation of the EAEU // Standards and Quality. 2020. No. 6. P. 48–50. (In Russ.). EDN: DYLGSI.
11. Tumanyan, N. G. Technical Regulation in the EAEU Member Countries. New in 2023. Review // Rice Growing. 2024. Vol. 23, No. 1 (62). P. 60–66. (In Russ.). EDN: PKFJCE. DOI: 10.33775/1684-2464-2024-62-1-60-66.
12. Getman, A. G., Ling, Y. The Deepfake Technology: Threats or Opportunities for Customs // Administrative Consulting. 2023. No. 4 (172). P. 30–36. EDN: TWWJOY. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-4-30-36.
13. Hyun, H. Ju., Jang, Y. J. Technical Regulation and Trade: Export Quality Matters // The World Economy. 2022. Vol. 45, No. 5. P. 1447–1476. EDN: INGYJO. DOI: 10.1111/twec.13188.

About the authors:

Anastasia G. Getman, Head of the Department of Customs Administration of North-Western Institute of Management of RANEPa (Saint Petersburg, Russia), Associate Professor, PhD in Economics Sciences;
e-mail: getman-ag@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-1625-086X

Ekaterina A. Golubeikova, Senior Lecturer at the Department of Customs Operations and Customs Control of Rostov branch of the Russian Customs Academy (Rostov-on-Don, Russia);
e-mail: gea9541@yandex.ru

Единая терминология для международных перевозок в рамках ЕАЭС

Дроздова М. А.

Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I,

Санкт-Петербург, Россия

e-mail: drozdova@pgups.ru

ORCID: 0000-0001-9691-0575

РЕФЕРАТ

Исследование направлено на изучение различий в терминологии для классификации разных видов международных перевозок в рамках ЕАЭС. **Цель и задачи.** Предложить единую терминологию для обозначения международных перевозок в рамках ЕАЭС. Выявить различия в названии международных перевозок в различных международных нормативно-правовых актах и предложить наиболее подходящий для целей гармонизации законодательства вариант для обеспечения единообразия правоприменительной практики в ЕАЭС. **Методология.** Для выявления различий в терминологии международных перевозок, выявления различий и формирования предложений о ее унификации используется сравнительно-правовой, формально-юридический и системный методы исследования. **Результаты.** Обосновывается мысль о необходимости единообразного понятийного аппарата в сфере правового регулирования международных перевозок в рамках ЕАЭС и, в частности, для определения разных видов перевозок. **Выводы.** Для развития дальнейших интеграционных процессов в рамках ЕАЭС и получения максимального синергетического эффекта от интеграции необходима гармонизация законодательства, регламентирующего транспортно-логистическую сферу. Одним из центральных моментов должна стать разработка единого нормативно-правового регулирования, регламентирующего мультимодальные перевозки, включая единый понятийный аппарат. Так, термин «мультимодальная перевозка» в законодательстве стран-участниц — для обозначения перевозки различными видами транспорта по единому документу. Для обеспечения бесшовности перевозочного процесса, сокращения издержек и повышения эффективности логистики внутри интеграционного объединения необходимо законодательно предусмотреть возможность для реализации такого вида перевозок по единому документу.

Ключевые слова: интеграционное право, транспортная интеграция, мультимодальные перевозки, ЕАЭС, конвергенция транспортных систем

Для цитирования: Дроздова М. А. Единая терминология для международных перевозок в рамках ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 2. С. 78–85. EDN: TIKEDH

Unified Terminology for International Transportation within the EAEU

Maria A. Drozdova

Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, Saint Petersburg, Russia

e-mail: drozdova@pgups.ru

ORCID: 0000-0001-9691-0575

ABSTRACT

The study aims to examine the differences in terminology for classifying different types of international transportation within the EAEU. **Aim and tasks.** To propose a unified terminology to designate

international transportation within the EAEU. To identify differences in the name of international transportation in various international legal acts and to propose the most suitable variant for the purposes of harmonization of legislation to ensure uniformity of law enforcement practice in the EAEU. **Methods.** Comparative-legal and formal-legal and systematic methods of research are used to identify differences in terminology about international transportation, to identify differences and to form proposals for its unification. **Results.** The idea of the need for a uniform conceptual apparatus in the field of legal regulation of international transportation within the EAEU and, in particular, for the definition of different types of transportation is substantiated. **Conclusions.** In order to develop further integration processes within the EAEU and to maximize the synergistic effect of integration, it is necessary to harmonize the legislation governing the transport and logistics sector. One of the central points should be the development of a single legal regulation governing multimodal transportation, including a single conceptual apparatus. The term “multimodal” transportation in the legislation of the EAEU member states to denote transportation by different modes of transport under a single document. To ensure the seamlessness of the transportation process, reduce costs and improve the efficiency of logistics within the integration association, it is necessary to legally provide for the possibility to implement this type of transportation under a single document.

Keywords: integration law, transport integration, multimodal transportation, EAEU, convergence of transport systems

For citation: Drozdova M. A. Unified Terminology for International Transportation within the EAEU // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 78–85. (In Russ.). EDN: TIKEDH

Введение

Даже на современном этапе развития международных отношений, когда уровень геополитической напряженности достиг максимального значения за последние десять лет, а ведущим трендом стала дезинтеграция, развитие интеграционных процессов в евразийском регионе имеет большой потенциал. В настоящее время ведение между странами диалога, направленного на развитие торговых маршрутов и создание бесшовной логистики, может стать той сферой, которая позволит сохранить ЕАЭС как ведущий экономический союз региона. Создание и развитие единой транспортно-логистической экосистемы объединения может стать той цементирующей силой, которая, преодолев многовекторность внешних политик отдельных государств-членов, в среднесрочной перспективе обеспечит дальнейшую экономическую интеграцию объединения.

Мультимодальность — драйвер развития международных перевозок

Развитие интеграционных процессов на глобальном уровне, повышение уровня товарообмена и совершенствование науки и техники требуют формирования транспортной связанности и создания условий для бесшовной логистики в целях роста товарообмена между странами. Мультимодальные перевозки грузов разными видами транспорта обеспечивают эффективность логистики и позволяют сократить издержки (рис. 1, с. 80).

Однако существующий массив нормативно-правовых актов ЕАЭС в транспортной сфере не создает условий для ее эффективного регулирования в интеграционном объединении, что снижает его транзитный потенциал. В странах — участниках ЕАЭС отсутствует единообразная терминология для обозначения различных видов перевозок, включая и мультимодальные.

Одной из первых значимых попыток регламентировать терминологию международных перевозок на межгосударственном уровне стала разработка так и не вступившей в силу, но ставшей модельной

Конвенции ООН 1980 г.¹ В ее русскоязычном варианте в ст. 1 перевозка, осуществляемая несколькими видами транспорта, называется смешанной. Однако в англоязычном варианте даже в названии конвенции используется термин “multimodal transport of goods”. В английском варианте используется семантически более близкое к русскому варианту «мультимодальная» слово “multimodal”.

Рис. 1. Преимущества мультимодальной перевозки

Fig. 1. Benefits of multimodal transportation

Источник: составлено автором

Специалисты транспортно-логистической отрасли используют собственный понятийный аппарат для обозначения разных видов перевозок. Так, Учебно-методический центр по образованию на железнодорожном транспорте Российской Федерации (УМЦ ЖДТ), занимаясь обеспечением учебно-методическими материалами, в учебных пособиях использует термин «мультимодальная перевозка» как соответствующий современной профессиональной терминологии в отрасли. В издательстве УМЦ ЖДТ вышло значительное количество учебников, в названии которых используется термин «мультимодальная перевозка» [2; 11; 14]. В работах исследователей транспортно-логистической сферы также используется термин «мультимодальная перевозка» [1; 4; 7; 8; 10; 12].

Семантически термин «мультимодальная перевозка» соответствует другим понятиям, принятым операторами логистических услуг, таким как «мультимодальный транзитный сервис», «мультимодальный маршрут» и т. п.

В учебнике профессора О. Б. Маликова 2015 г. указывается, что мультимодальные перевозки называются также смешанными или интермодальными [9]. В пособии 2014 г. О. Б. Маликов дает определение мультимодальным перевозкам, лишь указывая, что они осуществляются несколькими видами транспорта [11]. Однако наиболее соответствующим смыслу термином и наиболее распространенным в профессиональной логистической среде в настоящее время является термин «мультимодальные», произошедший от сочетания «мульти» (латинского — «много») и mode (английский — «вид, способ, метод»). Представляется, что все-таки термин имеет английское происхождение, поскольку концепция мультимодальных перевозок в Древнем Риме не была изобретена.

В законодательстве ЕС используется в современном профессиональном лексиконе именно термин «мультимодальный»: “multimodal transport” — в Великобритании и США и англоязычных документах,

¹ Конференция Организации Объединенных Наций по Конвенции о международных смешанных перевозках [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdmtconf17_ru.pdf (дата обращения: 21.03.2025); Конвенция Организации Объединенных Наций о международных смешанных перевозках грузов [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901761686?ysclid=lbw8puaupr3606691198> (дата обращения: 21.03.2025).

регулирующих транспортную сферу ЕС, “transport multimodal” — во Франции. В немецком варианте применяется термин “Intermodaler Verkehr”, который более созвучен русскому варианту «интермодальная перевозка», та же ситуация присутствует и в итальянском языке — “trasporto intermodale”.

Представляется важным разграничить два понятия — «интермодальная» и «мультимодальная» перевозка — и в законодательстве, и в профессиональной литературе. Ведь, как правильно отмечает исследователь Е. Н. Гаврюшков, «сама по себе система мультимодальных перевозок, являясь прогрессивной логистической технологией, как таковая не имеет ... четкого и последовательного научного и правового обоснования в нашей стране» [4]. А. С. Ермоленко пишет, что «на данном этапе термин “мультимодальная перевозка” скорее используется как некое пространное определение, не имеет законодательного закрепления» [6].

В современной профессиональной транспортно-логистической среде интермодальная перевозка не является синонимом мультимодальной, несмотря на то, что некоторые исследователи, включая профессора О. Б. Маликова, смешивают термины [9; 10].

Другие авторы их различают. Так, А. С. Зимин в учебном пособии пишет: «Интермодальные и мультимодальные перевозки являются разновидностями смешанных. Мультимодальная перевозка — это перевозка грузов последовательно двумя или более видами транспорта. Интермодальная перевозка — это система доставки груза несколькими видами транспорта по единому перевозочному документу с его перегрузкой в пунктах перевалки с одного вида транспорта на другой без участия грузовладельца» [13, с. 35]. Видимо, по мнению автора, разграничивающим признаком является факт наличия или отсутствия перевалки груза при смене вида транспорта, и тогда все контейнерные перевозки, при которых один и тот же контейнер с грузом перегружается с одного вида транспорта (например, автомобильного) на другой (например, железнодорожный) в одном и том же контейнере, относятся к мультимодальным перевозкам. При этом А. С. Зимин не указывает, имеет ли значение, одним ли или несколькими договорами с перевозчиками разными видами транспорта опосредуется данная перевозка.

Другие исследователи подходят с разных точек зрения к разграничению понятий «мультимодальная», «смешанная», «интермодальная» перевозки. Так, А. Б. Милевская отмечает, что «в зарубежной практике смешанные перевозки получили название “комбинированные” или, другими словами, “мультимодальные”. Хотя понятия на первый взгляд кажутся отличными друг от друга, тем не менее значение имеют совершенно одинаковое» [12, с. 16]. А. С. Касаткина пишет, что «смешанная перевозка делает акцент на транспорт — количество его используемых видов, не позволяя установить, что понимается под “смешанностью”» [7, с. 141]. По мнению А. С. Ермоленко, «интермодальная перевозка предполагает особый способ размещения груза на транспортных средствах, когда грузом выступает опломбированная интермодальная грузовая единица» [6].

С нашей точки зрения, с этими позициями вряд ли можно согласиться, поскольку именно факт ответственности одного перевозчика за реализацию перевозки разными видами транспорта и является неотъемлемым признаком договора мультимодальной перевозки при условии ее осуществления несколькими видами транспорта.

Комбинированная перевозка хотя и подразумевает ее осуществление различными видами транспорта, но по отдельным перевозочным документам. Строго говоря, в настоящее время только перевозки, осуществляемые логистическими компаниями, которые, заключая договор перевозки, фактически передают груз для ее осуществления транспортным компаниям и несут ответственность перед грузоотправителем на основании единого договора перевозки, подразумевают реализацию мультимодальной перевозки. Указанный вид договора является договором на организацию перевозки груза, подразумевающая дальнейшее заключение договоров с операторами конкретного вида перевозок. Исследователь Э. Л. Лимонов также отмечает, что международная мультимодальная перевозка предполагает использование нескольких видов транспорта, ответственность за реализацию несет один перевозчик, осуществляется при сопровождении одного транспортного документа [8, с. 55]. Эта позиция нам представляется наиболее правильной, и именно такое определение должно быть закреплено на уровне ЕАЭС для создания эффективного правового регулирования в рамках объединения.

Интермодальные и контейнерные перевозки

Также специалисты выделяют интермодальную перевозку как отдельный вид перевозки, имеющий определенные признаки. С нашей точки зрения, интермодальную перевозку нужно рассматривать как вид мультимодальной, осуществляемой без перегрузки груза (только с его перевалкой). И именно в таком качестве необходимо закрепить термин «интермодальная» в законодательстве ЕАЭС (рис. 2).

Рис. 2. Признаки интермодальной перевозки

Fig. 2. Signs of intermodal transportation

Источник: составлено автором

В последнее время широкое распространение получили комбинированные перевозки, иногда именуемые контейнерными. Их основным отличительным признаком является осуществление различными видами транспорта, когда одно транспортное средство перевозится другим на каком-то отрезке маршрута перевозки. Представляется, что контейнерные перевозки, в свою очередь, являются вариантом интермодальной перевозки. При разработке единого правового регулирования необходимо включить этот термин в понятийный аппарат законодательства.

Существующее правовое регулирование перевозочной сферы как России, так и других стран — участниц ЕАЭС не предусматривает возможности реализации мультимодальной перевозки по единому транспортному документу различными видами транспорта.

Условия и порядок заключения договоров перевозки пассажиров, багажа и грузов регулируются ГК РФ, а также — в соответствии со ст. 784, 788 ГК РФ — транспортными уставами и кодексами. При этом Устав железнодорожного транспорта РФ был принят в 2003 г.¹ и с учетом уровня развития техники, интеграционных процессов, цифровизации всех сфер экономики, а также появления новых подходов к организации транспортно-логистической деятельности нуждается в актуализации. В частности, ст. 2 Устава предусматривает необходимость наличия отдельных перевозочных документов при осуществлении пе-

¹ Федеральный закон «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации» от 10.01.2003 № 18-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://consultantplus.ru> (дата обращения: 11.03.2025).

ревозки несколькими видами транспорта при перевозке в непрямом международном сообщении. Устав автомобильного и городского наземного электрического транспорта был принят в 2007 г.¹ Он также не предусматривает возможности осуществления перевозки несколькими видами транспорта по одному документу.

Для повышения эффективности функционирования сферы мультимодальных перевозок необходимо создание нормативно-правовой базы для их осуществления по единому транспортному документу (билету или накладной). Учитывая глобализацию логистики, разрабатывать единое нормативно-правовое регулирование с соответствующим реалиям развития отрасли понятийным аппаратом необходимо сразу на уровне ЕАЭС. В п. 2 Рекомендации Коллегии ЕЭК от 29 декабря 2020 г. № 34 применяются термины «транзитные», «мультимодальные» и «смешанные» перевозки и говорится о необходимости выработки единой терминологии и разработки единого нормативно-правового регулирования².

В настоящее время в России соответствующее регулирование находится в процессе разработки. Так, закон «О прямых смешанных (комбинированных) перевозках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» проходит стадии рассмотрения в Государственной Думе. Его принятие создаст современную правовую базу для системного регулирования порядка взаимодействия между транспортными организациями разных видов транспорта при осуществлении ими прямых смешанных перевозок³. Однако, на наш взгляд, терминологию, предлагаемую в законопроекте, необходимо скорректировать, для того чтобы приблизить к понятийному аппарату, применяемому профессиональными участниками перевозочного процесса. Для этого термин «прямые смешанные» следует заменить на «мультимодальные» перевозки.

Принятие закона о мультимодальных перевозках РФ создаст условия для развития не только экономики и единого экономического пространства РФ, но и интеграционных процессов на территории таких международных союзов, как ЕАЭС, поскольку сможет стать модельным документом, как закрепляющим понятие «мультимодальная перевозка», так и, в случае включения в него набора терминов, позволяющих разграничить комбинированные, интермодальные и мультимодальные перевозки, систематизирующим понятийный аппарат на региональном уровне.

Международные перевозки

В настоящее время нет единства в определении понятия «международная перевозка». Так, исследователи В. Г. Ермолаев, О. В. Сиваков определяют международные перевозки как «перевозки, когда грузы в процессе перевозки пересекают границу государства и перемещаются через территорию более чем одного государства» [5]. М. М. Богуславский отмечает, что, помимо провоза груза по территории двух и более стран, определяющим признаком являются условия, установленные заключенными между государствами международными договорами, регламентирующими такие перевозки [3; с. 231]. Представляется, что международной следует признавать перевозку, маршрут которой включает территорию двух или более государств.

Заключение

Комплексная правовая природа договора транспортной экспедиции, связанная с взаимосвязанностью в содержании договора действий как юридического, так и фактического (производственного) характера, в современных условиях роста политранспортных систем и развития мультимодальных перевозок

¹ Федеральный закон «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» от 08.11.2007 № 259-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72388/ (дата обращения: 11.03.2025).

² Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 29 декабря 2020 г. № 34 «О развитии мультимодальных и транзитных перевозок в рамках Евразийского экономического союза» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/20rk0034/?ysclid=lcspagusnz554464431> (дата обращения: 12.03.2025).

³ Решения, принятые на заседании Правительства 20.05.2021. П. 10: О проекте федерального закона «О прямых смешанных (комбинированных) перевозках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Правительство России (офиц. сайт). 22.05. 2021. URL: <http://government.ru/news/42281/> (дата обращения: 03.03.2025).

подлежит еще большему усложнению в связи с интеграционными процессами, происходящими в транспортно-логистических системах на международном уровне. Поэтому основной парадигмой развития регулирования транспортных перевозок также будет повышение его комплексного характера, отражающего растущий уровень связанности различных видов транспорта. Для обеспечения дальнейшего развития интеграционных процессов в рамках ЕАЭС в настоящее время требуется развитие нормативно-правовой базы, регламентирующей развитие мультимодальных перевозок — перевозок различными видами транспорта по одному перевозочному документу, а также ее подвида — интермодальной перевозки. Единый понятийный аппарат транспортно-логистической сферы в рамках ЕАЭС также должен включать такие понятия, как «международная перевозка» и «контрейлерная перевозка». Конвергенция транспортных систем государств — участников ЕАЭС, реализованная на основе хорошо развитого массива нормативно-правового регулирования, может стать той основой, которая сфокусирует многовекторные внешние политики стран-участниц на объединении и позволит реализовать в полной мере его транзитный потенциал.

Список литературы

1. Арифджанова Н. З. Мультимодальные перевозки как эффективный инструмент внешнеэкономической интеграции // *Universum: технические науки*. 2022. № 4-4 (97). EDN: NUODYQ. DOI: 10.32743/UniTech.2022.97.4.13428.
2. Балалаев А. С., Телегина В. А., Костенко Н. И. Организация мультимодальных перевозок : учебник. М. : Учебно-методический центр по образованию на железнодорожном транспорте, 2017. 440 с. ISBN: 978-5-89035-954-4.
3. Богуславский М. М. Международное частное право. М. : Юрист, 2005. 606 с. EDN: QWGXNT.
4. Гаврюшков Е. Н. Методические основы выработки управленческих решений при управлении процессом организации мультимодальных перевозок грузов : автореф. дис. ... канд. техн. наук. Владивосток, 2006. 228 с. EDN: NKENJP.
5. Ермолаев В. Г., Сиваков О. В. Международное частное право. Курс лекций. М. : Былина, 1998. 176 с. ISBN: 5-88528-238-2.
6. Ермоленко А. С. Проблемы правового регулирования международных мультимодальных перевозок // *Эпомен*. 2020. № 48. С. 113–121. EDN: PUDQXK. URL: <https://epomen.ru/issues/2020/48/14.pdf>.
7. Касаткина А. С. Особенности правового регулирования международных мультимодальных перевозок // *Законодательство и экономика*. 2014. № 2. С. 69–79.
8. Лимонов Э. Л. Внешнеторговые операции морского транспорта и мультимодальные перевозки. СПб., 2001. 592 с.
9. Маликов О. Б. Перевозки и складирование товаров в цепях поставок : монография. Ростов-на-Дону : Учебно-методический центр по образованию на железнодорожном транспорте, 2014. 536 с. EDN: THIMZN.
10. Маликов О. Б. Складская и транспортная логистика в цепях поставок. Питер, 2015. 400 с.
11. Мезенцева Е. Д., Прохорова Л. В. Мультимодальные перевозки: особенности и риски // *Общество, экономика, управление*. 2021. № 1. С. 29–34. EDN: JYNOXY. DOI: 10.47475/2618-9852-2021-16105.
12. Милевская А. Д. Документационное обеспечение мультимодальных перевозок. Томск, 2018. 137 с.
13. Управление транспортными системами: текст лекций. Ч. 2 / сост. А. С. Зимин. Хабаровск : РИЦ ХГАЭП, 2011. 120 с.
14. Хаммади С., Ксоури М. Системы мультимодальных перевозок : учебное пособие. М. : Учебно-методический центр по образованию на железнодорожном транспорте, 2015. 212 с.

Об авторе:

Дроздова Мария Александровна, доцент кафедры истории, философии, политологии и социологии Петербургского государственного университета путей сообщения Императора Александра I (Санкт-Петербург, Россия), кандидат юридических наук, доцент;
e-mail: drozdova@pgups.ru; ORCID: 0000-0001-9691-0575

References

1. Arifjanova, N. Z. Multimodal Transportation as an Effective Tool for Foreign Economic Integration // *Universum: Technical Sciences*. 2022. No. 4–4 (97). (In Russ.). EDN: NUODYQ. DOI: 10.32743/UniTech.2022.97.4.13428.
2. Balalaev, A. S., Telegina, V. A., Kostenko, N. I. *Organization of Multimodal Transportation* : textbook. Moscow : Training and Methodological Center for Education on Railway Transport, 2017. 440 c. ISBN: 978-5-89035-954-4. (In Russ.).
3. Boguslavsky, M. M. *International Private Law*. Moscow : Yurist, 2005. 606 p. (In Russ.). EDN: QWGXNT.
4. Gavryushkov, E. N. *Methodical Bases for the Development of Managerial Decisions in the Process of Managing the Organization of Multimodal Cargo Transportation* : abstract of dissertation Candidate of technical sciences. Vladivostok, 2006. 228 p. (In Russ.). EDN: NKENJP.
5. Ermolaev, V. G., Sivakov, O. V. *International Private Law. Course of Lectures*. Moscow : Bylina, 1998. 176 c. ISBN: 5-88528-238-2. (In Russ.).
6. Ermolenko, A. S. Problems of Legislation of the International Multimodal Transportation // *Epomen*. 2020. No. 48. P. 113–121. URL: <https://epomen.ru/issues/2020/48/14.pdf>. (In Russ.). EDN: PUDQXK.
7. Kasatkina, A. S. Features of Legal Regulation of International Multimodal transportation // *Legislation and Economics*. 2014. No. 2. P. 69–79. (In Russ.).
8. Limonov, E. L. *Foreign Trade Operations of Sea Transport and Multimodal Transportation*. St Petersburg, 2001. 592 p. (In Russ.).
9. Malikov, O. B. *Transportation and Warehousing of Goods in Supply Chains* : monograph. Rostov-on-Don : Training and Methodical Center for Education on Railway Transport, 2014. 536 p. (In Russ.). EDN: THIMZN.
10. Malikov, O. B. *Warehouse and Transportation Logistics in Supply Chains*. Peter, 2015. 400 p. (In Russ.).
11. Mezentseva, E. D., Prokhorova, L. V. Multimodal Transportation: Features and Risks // *Society, Economy, Management*. 2021. No. 1. P. 29–34. (In Russ.). EDN: JYNOXY. DOI: 10.47475/2618-9852-2021-16105.
12. Milevskaya, A. D. *Documentation Support of Multimodal Transportation*. Tomsk, 2018. 137 c. (In Russ.).
13. *Management of Transport Systems* : text of lectures. Part 2 / by ed. A. S. Zimin. Khabarovsk : Khabarovsk State Academy of Economy and Law, 2011. 120 p. (In Russ.).
14. Hammadi, S., Xouri, M. *Multimodal transportation systems* : textbook. Moscow : Training and Methodological Center for Education on Railway Transport, 2015. 212 p. (In Russ.).

About the author:

Maria A. Drozdova, Assistant Professor at the Department of History, Philosophy, Political Science and Sociology, Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University (Saint Petersburg, Russia), PhD in Jurisprudence;
e-mail: drozdova@pgups.ru; ORCID: 0000-0001-9691-0575

Правовые формы международной экономической интеграции

Ларютина И. А.^{1,*}, Ларютина А. С.²

¹Публичное акционерное общество «Нефтяная компания «ЛУКОЙЛ», Москва, Россия

* e-mail: ilarutina@yandex.ru

²Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

РЕФЕРАТ

В условиях значительной взаимозависимости экономик государств, что в очередной раз было подтверждено по результатам введения в начале апреля этого года тарифов со стороны США, наблюдается стремление стран выработать приемлемый для них подход к решению общих проблем. **Цели и задачи.** Цели настоящей статьи: показать возможную неэффективность существующего наднационального регулирования международных экономических отношений; выявить проблемы, возникающие при взаимодействии государств по экономическим вопросам и показать вектор развития интеграционных процессов для достижения эффективной интеграции. В связи с изложенным важно решить следующие задачи: исследовать и раскрыть сущность интеграционных процессов; определить оптимальную форму международной экономической интеграции.

Методология. При подготовке настоящей статьи авторы применяли как общенаучные, так и специальные правовые методы исследования. **Результаты.** Проанализирована деятельность крупных интеграционных объединений. Обоснована эффективность правовой интеграции в силу заинтересованности в этом государств. **Выводы.** 1. Международной экономической интеграции может содействовать эффективная экономическая дипломатия. 2. Только национальные интересы могут убедить государственные органы соблюдать принцип международного права о добросовестном выполнении обязательств. Этот интерес должен отстаивать межгосударственный и/или наднациональный орган. 3. Государства в целях реализации их национальных интересов будут стремиться к правовой интеграции для сближения и объединения национальных правовых систем.

Ключевые слова: интеграция, интеграционные объединения, экономическая дипломатия, международные договоры, ЕАЭС, СНГ, Союзное государство, ВТО

Для цитирования: Ларютина И. А., Ларютина А. С. Правовые формы международной экономической интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 2. С. 86–95. EDN: TJMYZI

Legal Forms of International Economic Integration

Irina A. Laryutina^{a,*}, Anastasia S. Laryutina^b

^aPublic Joint Stock Company «Oil Company «LUKOIL», Moscow, Russia

* e-mail: ilarutina@yandex.ru

^bLomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

ABSTRACT

In conditions of significant interdependence of the economies of states, which was once again confirmed by the results of introduction of tariffs by the United States in early April this year, there is an aspiration of countries to develop an acceptable approach to solving common problems. **Aim and task.** The aims of this article are to show the possible inefficiency of the existing supranational regulation of international

economic relations; to identify the problems arising in the interaction of states on economic issues and to demonstrate the possible vector of integration processes development to achieve effective integration. To achieve these aims, it is important to solve the following tasks: to study and reveal the essence of integration processes; determine the acceptable form of international economic integration.

Methods. In preparing this article, the authors applied both general scientific and special legal research methods. **Results.** The activity of large integration associations was analyzed. The effectiveness of legal integration was substantiated due to the interest of states in it. **Conclusions.** 1. International economic integration can be promoted by effective economic diplomacy. 2. Only national interest can “force” a state to comply with the principle of international law on fulfillment of obligations in good faith. This interest should be defended by an interstate and/or supranational body. 3. States, in order to realize their national interest, will seek legal integration to converge and unify national legal systems.

Keywords: integration, integration associations, economic diplomacy, international treaties, EAEU, CIS, Union State, WTO

For citation: Laryutina I. A., Laryutina A. S. Legal Forms of International Economic Integration // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 86–95. (In Russ.). EDN: TJMYZI

...Эффективная интеграция — это тот путь, который позволит его участникам занять достойное место в сложном мире XXI века
В. В. Путин [8, с. 14]

Введение

Международная экономическая интеграция начинается с права, которое становится нормативным ориентиром и воздействует на взаимоотношения участников интеграционных объединений для их упорядочения и стимулирования интеграционных процессов. Интеграция представляет собой сложный процесс, характеризующийся правовой формой и экономической составляющей. Правовая форма выступает связующим звеном между таким неправовым явлением, как экономическая интеграция, и правом.

Как юридическая категория интеграция способствует подбору оптимальных методов и схем правового регулирования общественных отношений для самосовершенствования и саморазвития общества.

Исходя из сути термина «интеграция» (от лат. *Integratio* — восполнение целого), предлагается обозначить международную экономическую интеграцию как высшую форму межгосударственного взаимодействия через интеграционные объединения, при котором происходит взаимодействие экономик государств-участников с последующими соответствующими структурными изменениями и регулированием в едином ключе.

Эффективность такого взаимодействия зависит от эффективности правовой формы, в которую обличены отношения государств. Анализ подходов к определению правовых форм, предложенных в общетеоретических и отраслевых работах, посвященных различным проблемам права¹, позволяет сделать вывод, что правовыми формами международной экономической интеграции являются международные договоры. Характер решаемых государствами в ходе международной экономической интеграции вопросов, в том числе затрагивающих их суверенные полномочия, требует правового регулирования именно посредством международных договоров.

В настоящей статье предлагается вариант межгосударственного правового регулирования интеграционных процессов на основе общих интересов с применением особого инструментария для обслуживания общих рынков и на основе «мягкого» права². Также предлагаются выводы о месте России в правовом

¹ Например, труды Алексеева С. С., Байтина М. И., Борисова В. В., Марченко М. Н.

² Под «мягким» правом авторы понимают инструменты и механизмы регулирования на принципах консенсуса и отсутствия принуждения.

поле международной экономической интеграции в условиях происходящего противостояния коллективного Запада, нарушающего общие принципы и нормы международного права.

Материалы и методы

Авторами проведен анализ деятельности различных интеграционных объединений, высказываний представителей государств об их отношении к межгосударственному и наднациональному регулированию тех или иных интеграционных процессов, а также научных публикаций отечественных и зарубежных экономистов и юристов по отдельным аспектам интеграции. Примененный в ходе подготовки статьи методологический инструментарий объединяет общенаучные и специальные правовые методы исследования, например, метод системного анализа, сравнительно-правовой, описательный и формально-логический методы, метод толкования правовых норм и обобщения судебной практики.

Результаты

В настоящее время наиболее эффективной признается региональная экономическая интеграция [15] (которая не теряет тем не менее свой международный характер), подразумевающая не столько территориальную близость государств, сколько общность, схожесть в экономико-географических, культурно-хозяйственных условиях, а также в демографических структурах [2, с. 23]. Таким образом, региональная экономическая интеграция предполагает наличие общих экономических условий такой интеграции, отражающих национальные интересы участников. Успешной реализации целей такой интеграции способствуют методы экономической дипломатии, когда дипломатические экономические структуры содействуют продвижению инициатив региональной интеграции, проводят торговые переговоры, способствуют продвижению деловых перспектив, обеспечивают поддержку исполнению торговых соглашений между странами — участниками интеграционного объединения [13].

Межгосударственные и/или наднациональные органы региональных интеграционных объединений принимают решения на основе консенсуса в форме так называемого «мягкого» права, что способствует более активному и честному их исполнению государствами-участниками.

Обсуждение

Международный договор как регулятор международной экономической интеграции

В классическом варианте интеграция представляет собой один из доминирующих факторов современных международных отношений и является высшей формой межгосударственного взаимодействия для получения дополнительных экономических выгод¹. Государства могут «уступить» свой суверенитет (свои полномочия или свою самостоятельность) интеграционным объединениям² для достижения определенных целей.

Проанализировав деятельность наиболее известных региональных интеграционных объединений (ЕАЭС; АС; Восточноафриканское сообщество; МЕРКОСУР; КАРИКОМ; АСЕАН; ЕС; ЭКОВАС)³, авторы пришли к выводу, что фундамент их деятельности составляют международные договоры [9]:

¹ Система интеграции индикаторов анализа функционирования региональных интеграционных объединений. М. : Евразийская экономическая комиссия, 2019. 92 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/b81/Indikatory-integratsii-2019.pdf> (дата обращения: 23.05.2025). С. 13.

² Под «интеграционными объединениями» авторы понимают межправительственные организации, в которых государства преследуют цели интеграции.

³ ЕАЭС — Евразийский экономический союз (URL: <http://www.eaeunion.org/>); АС — Африканский союз (URL: <https://au.int/>); Восточноафриканское сообщество (URL: <https://www.eac.int/>); МЕРКОСУР — общий рынок стран Южной Америки (URL: <https://www.mercosur.int/en/>); КАРИКОМ — торгово-экономический союз стран Центральной и северо-восточной Южной Америки (URL: <https://caricom.org/>); АСЕАН — Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (URL: <https://asean.org/>); ЕС — Европейский союз (URL: https://european-union.europa.eu/contact-eu_ru/); ЭКОВАС — Экономическое сообщество западноафриканских государств (URL: <https://www.ecowas.int/>) (дата обращения: 22.12.2024).

- во-первых, создание таких объединений происходит в силу учредительного договора¹;
- во-вторых, их международно-правовой статус обозначен в соглашениях, заключаемых для реализации целей региональной интеграции.

Авторы считают дискуссионной позицию ряда ученых, считающих, что создание наднационального органа² является обязательным условием признания объединения интеграционным. Под наднациональным органом они понимают орган, решения (наднациональные нормы) которого исполняются государствами напрямую, без имплементации во внутреннее законодательство, в противовес решениям межгосударственного органа, реализация которых возможна путем соответствующих изменений внутреннего законодательства.

В качестве аргумента можно привести примеры интеграционных объединений, в которых: 1) создаются только межгосударственный совет на уровне министров и секретариат (ст. 9 Договора о создании Восточноафриканского сообщества³); 2) органы выполняют исключительно консультационные функции (ст. 43 конвенции об учреждении ЕАСТ⁴) и принимают решения с учетом национальных интересов (ст. 7 Устава АСЕАН⁵); 3) наднациональные органы принимают решения на основе консенсуса (ст. 16 договора о создании МЕРКОСУР⁶). Также в ЕС с системой наднациональных органов и с наднациональным законодательством важные решения принимаются по принципу консенсуса и наблюдаются изменения позиций государств в части эффективности наднационального механизма решения проблем в условиях кризиса (например, при COVID-19, при военно-политическом противостоянии)⁷, а также высказывается мнение об упадке европейской экономики [5, с. 20].

В России, выражающей свою заинтересованность в евразийской интеграции, имеет место противодействие со стороны чиновников развитию наднационального начала. Так, согласно ст. 79 Конституции РФ «решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации». Происходит усиление конституционного контроля и надзора со стороны национальных органов власти.

Авторы считают, что суть интеграционного объединения состоит в добровольном единении государств в силу экономического интереса с изменением национальных подходов и норм для эффективной интеграции, с возможной передачей их суверенных функций. Именно реализация общих (одинаковых) национальных интересов способствует соблюдению принципа международного права о добросовестном выполнении обязательств (лат. *pacta sunt servanda* — договоры должны соблюдаться), вытекающих из заключенных интеграционным объединением международных договоров.

Национальные интересы и конкурентные преимущества должны быть изначально проанализированы и правильно обозначены государствами, стремящимися к интеграции, отражены в целях деятельности, а затем в учредительном договоре, решениях интеграционного объединения и в заключаемых им международных договорах (например, в соглашениях о свободной торговле; о создании зон свободной торговли, в том числе отличных от рекомендаций Всемирной торговой организации (далее — ВТО); о свободе взаимных инвестиций). Только в таком случае возможно достижение целей интеграции.

¹ Учредительный договор (соглашение о создании и/или устав интеграционного объединения) по своей природе является международным договором и требует ратификации со стороны государств-участников.

² XX Апрельская Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. 9–12.04.2019, Москва. Доклад НИУ ВШЭ «Евразийская экономическая интеграция: перспективы развития и стратегические задачи для России». С. 106 [Электронный ресурс]. URL: <https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/262126051> (дата обращения: 10.02.2025).

³ Treaty for the Establishment of the East African Community [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/173330> (дата обращения: 06.12.2024).

⁴ Convention Establishing the European Free Trade Association (Authentic text). Article 43 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/text/234329> (дата обращения: 20.11.2024).

⁵ Significance of the ASEAN Charter [Электронный ресурс]. URL: <https://asean.org/asean-charter/> (дата обращения: 21.11.2024).

⁶ Договор о создании МЕРКОСУР. Ст. 16. [Электронный ресурс]. URL: <https://documentos.mercosur.int/> (дата обращения: 21.11.2024).

⁷ Члены ЕС активно проявляют свою суверенность. Например, Венгрия в отношении введенных в ЕС санкций на российские энергоресурсы заявила о приоритете национальных интересов и приняла способы оплаты энергоресурсов, предложенные российскими партнерами. См., например: Венгрия выступает против сохранения санкций в отношении России [Электронный ресурс] // Российская газета. 09.09.2022. URL: https://rg.ru/2022/09/09/vengriia-vystupaet-protiv-sohraneniia-sankcij-v-otnoshenii-rossii.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com (дата обращения: 27.12.2024).

Так, согласно договору о создании упомянутого выше МЕРКОСУР целями этого объединения являются: приверженность идее гармонизации законодательств государств-участников для укрепления интеграционных процессов; отмена пошлин, нетарифных ограничений; применение единого таможенного тарифа; либерализация рынка услуг и факторов производства; координация макроэкономической и отраслевой политики.

Для достижения этих целей были созданы наднациональные органы: Совет общего рынка (включающий глав МИД); Группа общего рынка — постоянно функционирующий исполнительный орган. Решения принимаются на основе консенсуса. Для углубления интеграции был создан Парламент, который оказывает консультационную поддержку Совету общего рынка и среди прочих видов деятельности осуществляет гармонизацию законодательства стран-участниц и проведение совместных с национальными парламентами мероприятий для содействия законодательной деятельности. Странами также была разработана Система местной валюты (SML) для проведения международных торговых и других финансовых операций, введена система арбитражей *ad hoc*¹ для рассмотрения споров между государствами-членами и претензий по поводу применения, толкования и несоблюдения учредительного договора и заключенных в рамках этого учредительного договора соглашений.

Анализ соглашений, принимаемых интеграционными объединениями в развитие учредительных договоров, позволяет сделать следующие выводы.

Вопросам снятия ограничений (таможенных, количественных) посвящены отдельные статьи таких соглашений, в которых либо делаются ссылки на режим наибольшего благоприятствования в соответствии со ст. I ГАТТ 1994² или национальный режим в отношении товаров другой Стороны в соответствии со ст. III ГАТТ 1994³, либо упоминается преференциальный режим торговли по сравнению со «стандартным» режимом ВТО⁴.

В настоящее время в результате санкций западные (недружественные) страны фактически лишили Россию статуса наиболее благоприятствуемой нации в нарушение принципов ВТО. Тем не менее авторы убеждены, что национальный интерес диктует поддерживать этот статус с дружественными странами, и нельзя соглашаться с появляющимися периодически высказываниями о необходимости выхода нашей страны из ВТО, поскольку экономический эффект от участия в ВТО очевиден даже в нынешних условиях санкций.

Например, в преамбуле Соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций в государствах — членах ЕАЭС от 12. 12. 2008 акцент сделан на интересе государств в создании и поддержании благоприятных условий для их инвесторов, поскольку это способствует развитию интеграционных процессов.

В Соглашении содержатся положения, касающиеся применения наиболее благоприятного режима, справедливого и равноправного отношения к инвесторам, защиты от экспроприации без компенсации, а также порядка разрешения споров.

При этом, по мнению авторов, добросовестное исполнение обязательств, взятых на себя государствами по международным договорам, возможно только при условии эффективной правовой интеграции, когда будут объединяться и сближаться национальные правовые системы (через унификацию и гармонизацию законодательств), если обозначен интерес в этих процессах со стороны государств. Тогда взятая из международного договора норма будет «переделываться» посредством включения в нее экономических особенностей государства и в таком виде будет имплементироваться в право государства [3, с. 7]. То есть будет происходить развитие национального права заинтересованных в интеграции государств и регулирование интеграционных процессов снизу вверх.

¹ Protocol of Brasilia for the Settlement of Disputes 17 December 1991. [Электронный ресурс]. URL: http://www.mre.gov.py/tratados/public_web/DetaillesTratado.aspx (дата обращения: 21.11.2024).

² ГАТТ 1994 — Генеральное соглашение по тарифам и торговле 1994 года (Приложение 1А к Соглашению об учреждении ВТО от 15.04.1994) [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902339370> (дата обращения: 20.12.2024).

³ Например, Соглашение стран СНГ о создании зоны свободной торговли 1994 г., Соглашение о свободной торговле между странами ЕАЭС и Вьетнамом 2015 г.

⁴ Например, Соглашение между США, Мексикой и Канадой (USMCA) 2020 г.; Временное соглашение о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Ираном 2018 г.

Полагаем, что в таком случае возможно выстраивать экономический диалог между государствами в рамках интеграционного объединения на одном понятном языке, и государства — участники объединения будут добросовестно выполнять международные договоры без применения наднациональных механизмов принуждения, которые использует, например, Европейский союз [11]. При этом предлагаемый подход не исключает возможность наднационального регулирования, подтвердившего свою эффективность по тем или иным вопросам (например, таможенным).

Тем самым решения, принимаемые в рамках интеграционных объединений (нормы так называемого «мягкого» права), будут более активно и честно исполняться государствами-участниками.

Место Российской Федерации в правовом поле международной экономической интеграции

Международное право в настоящем формате было создано именно Россией, которая не допустила диктата в международных отношениях (Первая и Вторая Гаагские конференции) и активно участвовала в оформлении системы международных организаций¹.

В нынешних условиях санкционного давления делаются громкие заявления о кризисе системы международных отношений.

Но авторы убеждены, что и сейчас Россия способна вывести международное право на новый уровень, в том числе с учетом ее многолетнего опыта участия в таких региональных интеграционных объединениях, как СНГ (Содружество Независимых Государств), Союзное государство и ЕАЭС, отличающихся глубиной интеграции и уровнем межгосударственного взаимодействия [1, с. 43].

СНГ сочетает многообразие форм взаимодействия. Действующий на пространстве СНГ принцип разноразмерной и разнотемпной интеграции позволяет каждому государству найти в ней свое место².

Развитие интеграционных процессов в рамках СНГ можно проследить, проанализировав принимаемые им документы.

Например, в Стратегии экономического развития СНГ на период до 2030 года были отмечены достижения в регулировании экономических отношений. Так, было заявлено о функционировании многосторонней зоны свободной торговли СНГ. В соответствии со ст. 26 Договора стран СНГ о создании Экономического союза выработан подход к единообразному регулированию экономических отношений, и страны-участницы приводят свое национальное законодательство в соответствие с целями этого объединения. В рамках СНГ происходит унификация как технических документов, используемых во взаимной торговле, так и правовых норм. Например, был утвержден Сертификат происхождения товара, удостоверяющий, что конкретная партия продукции происходит из государства — члена организации³. Межпарламентская Ассамблея СНГ действует как межгосударственный орган и разрабатывает на основе национального законодательства всех стран СНГ модельные законы и рекомендации в целях создания единого правового пространства СНГ⁴. Несмотря на рекомендательный характер модельных законов, благодаря им возможна гармонизация законодательства стран СНГ [7].

Особенности и эффективность интеграционных процессов в Союзном государстве связаны с тем, что международно-правовой режим взаимодействия его членов (России и Беларуси) основан на разграничении предметов ведения, что подтверждается ст. 17 Договора о создании Союзного государства.

¹ XIII Петербургский международный юридический форум на тему «Правовые механизмы развития интеграции на постсоветском пространстве». 13.05.2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://legalforum.info/programme/business-programme/2833/#broadcast> (дата обращения: 01.04.2025).

² 30 лет СНГ: эксперты об исторической роли, настоящем и будущем Содружества [Электронный ресурс] // Исполнительный комитет СНГ. 13.10.2021. URL: https://cis.minsk.by/news/20781/30 лет_sng_eksperty_ob_istoricheskoy_rol_i_nastojaschem_i_buduschem_sodruzhestva (дата обращения: 02.12.2024).

³ Наличие этого документа влияет на применение мер тарифного и нетарифного таможенного регулирования.

⁴ Кротов М. И. СНГ — проблемы, опыт, перспективы [Электронный ресурс] // Интернет-портал СНГ. URL: <https://e-cis.info/page/3536/80573/> (дата обращения: 03.12.2024). Уже принято более 600 модельных актов и рекомендаций по различным вопросам, включая вопросы экономической интеграции.

По результатам изучения Договора о создании Союзного государства, а также Программы действий по реализации положений Договора о создании Союзного государства¹ и Декрета «Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 годы» можно сделать следующие выводы.

Во-первых, происходит унификация и гармонизация законодательств обеих стран как по отдельным направлениям экономики, так и для формирования полноценного единого правового пространства. Для целей гармонизации, например, таможенного и налогового законодательства были созданы два коллегиальных органа (Межгосударственный таможенный центр и Наднациональный налоговый комитет).

Во-вторых, эффективность интеграции подтверждается реализацией совместных программ, которые финансируются за счет средств бюджета Союзного государства². На конец 2024 г. реализованы 9 союзных программ из 28 утвержденных упомянутым выше Декретом, в том числе по вопросам создания интегрированной системы транспортного контроля, защиты конкуренции, защиты прав потребителей³.

Интересен и опыт ЕАЭС. В нем сформированы межгосударственные органы (Высший совет; Комиссия и Суд⁴) и планируется создать наднациональный орган (в сфере финансовых услуг согласно ст. 103 Договора о ЕАЭС).

Создание общего рынка в ЕАЭС для реализации товаров и услуг основано на принципах гармонизации и унификации требований законодательства государств-членов (что следует, например, из ст. 30, 31, 51, 54 Договора о ЕАЭС).

Так, на таможенной территории ЕАЭС во взаимной торговле не применяются таможенные пошлины и ограничения экономического характера, действует новый Таможенный кодекс.

Примером унификации подходов стран-участниц в таможенных вопросах может служить Соглашение о гармонизированной системе определения происхождения товаров, вывозимых с таможенной территории ЕАЭС⁵. Единый документ (сертификат) используется для определения и подтверждения страны происхождения товаров, вывозимых за пределы ЕАЭС, и может способствовать борьбе с реэкспортом отечественной продукции под видом товаров других стран ЕАЭС.

Одним из новых и перспективных направлений деятельности ЕАЭС стало введение маркировки товаров средствами идентификации. Цель этого нововведения — борьба с серым импортом и защита прав потребителей.

Государствами — членами ЕАЭС утверждены Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 г.⁶ (документ разработан Евразийской экономической комиссией совместно с правительствами государств-членов). Стратегия включает общие положения и перечень определенных мер и способов достижения результатов по основным направлениям деятельности Союза, включая механизм завершения формирования общего рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы; повышения эффективности функционирования рынков товаров.

По четырем ключевым направлениям (таможенное, таможенно-тарифное и нетарифное регулирование, защитные меры; внутренний рынок и кооперация; финансовые и валютные рынки; международ-

¹ Договор о создании Союзного государства [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/news/43234/> (дата обращения: 05.12.2024).

² За период деятельности Союзного государства реализованы 82 союзные программы на сумму свыше 56 млрд руб. См., например: Государственный секретарь Союзного государства Д. Мезенцев рассказал о реализации совместных программ России и Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <https://e-cis.info/news/566/109053/> (дата обращения: 26.11.2024).

³ XIII Петербургский международный юридический форум на тему «Правовые механизмы развития интеграции на постсоветском пространстве». 13.05.2023. Доклад заместителя министра экономического развития России Д. В. Вольвача [Электронный ресурс]. URL: <https://roscongress.org/sessions/splf-2023-pravovye-mekhanizmy-razvitiya-integratsii-na-postsovetskom-prostranstve/translation/> (дата обращения: 20.03.2025).

⁴ Суду ЕАЭС многие исследователи пророчат судьбу наднационального органа в силу принимаемых им по запросам (особенно преюдициальным) решений, обязательных не только для государства и его должностных лиц, но и для физических лиц. См., например: *Нешатаева Т. Н.* Интеграция и наднационализм [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21669331_41829812.pdf (дата обращения: 20.03.2025).

⁵ Соглашение о гармонизированной системе определения происхождения товаров, вывозимых с таможенной территории Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01442662/itia_05122023 (дата обращения: 27.12.2024).

⁶ Утверждены решением Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 № 12 «О Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_375194/ (дата обращения: 04.12.2024).

ное экономическое сотрудничество с третьими странами и интеграционными объединениями) разработан комплекс мероприятий¹.

Учитывая имеющийся интеграционный опыт, Россия может проявить себя и в рамках выдвинутой много лет назад идеи «Большого Евразийского партнерства»² для активизации взаимодействия между ЕАЭС и государствами Азиатско-Тихоокеанского региона, а также для дальнейшего развития наработок экономической дипломатии в ЕАЭС [6, с. 211–212].

При этом главными нормативными регуляторами для претворения в жизнь этой идеи должны стать международные договоры с нормами «мягкого» права, поскольку наблюдаются наличие международного правосознания, перестройка современного международного правопорядка [10], а также формирование многополярного мироустройства [4].

Заключение

Международные договоры являются правовыми формами международной экономической интеграции. Эти договоры должны отражать экономические интересы и конкурентные преимущества участвующих в них государств.

В условиях кризиса международных отношений при чрезвычайных ситуациях страны стремятся защитить свой суверенитет, и обнажаются проблемы наднационального регулирования, даже в таком успешном, по мнению многих ученых, интеграционном объединении, как ЕС, где происходит противостояние центра и периферии [12, с. 7, 12, 17].

Полагаем, в настоящее время интерес представляют развитие и применение методов экономической дипломатии для поддержания экономических связей между государствами [14] наряду с межгосударственным и/или наднациональным регулированием интеграционных процессов. Достижению эффективной международной интеграции может способствовать более активное отражение норм «мягкого» права в международных договорах и решениях региональных интеграционных объединений, а также последующая правовая интеграция, основанная на национальных экономических интересах государств (например, на интересе государств в выстраивании единого рынка сбыта товаров).

Россия с учетом потенциала СНГ, Союзного государства и ЕАЭС может предложить свое видение процесса формирования нового устройства мира, а также эффективно развивать интеграционные связи с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона, двигаясь в направлении Большого Евразийского партнерства. В связи с этим в нашей стране должны быть востребованы разработки юристов-международников о новых форматах экономической дипломатии и международно-правовых инструментах регулирования экономической интеграции с учетом национальных интересов.

Список литературы

1. Амплеева Е. Е. Международно-правовые аспекты многообразия форм межгосударственной интеграции на постсоветском пространстве // Проблемы современной экономики. 2021. № 3 (79). С. 42–44. EDN: AHVVAN.
2. Дилан Н. Концептуально-прикладные аспекты интеграционных процессов в трансформируемых экономиках Европы : дис. ... д-ра экон. наук. Кишинев, 2024. 200 с. URL: <https://anacsec.md/files/Dilan-teza.pdf>.
3. Курбанов Р. А. Механизмы правового регулирования интеграционных объединений государств // Экономика. Право. Общество. 2016. № 2 (6). С. 6–14. EDN: XEHJAL.
4. Лавров С. В. Россия и Китай: партнерство и дружба, закаленные временем [Электронный ресурс]. Статья министра иностранных дел Сергея Лаврова к 75-летию установления дипломатических отношений между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Российская газета. 03.10.2024. URL: <https://rg.ru/2024/10/03/rossiia-i-kitaj-partnerstvo-i-druzhiba-zakalennyye-vremenem.html>.

¹ Перечень мер по повышению устойчивости экономик государств — членов ЕАЭС, включая обеспечение макроэкономической стабильности, утвержденный распоряжением Совета Евразийской экономической комиссии от 17.03.2022 № 12 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_412083/ (дата обращения: 25.03.2025).

² Идея была озвучена Президентом РФ В. В. Путиным в 2015 г. в Послании Федеральному Собранию [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 27.03.2025).

5. Лобов М. Б. Правовые аспекты дезинтеграции: уроки выхода государств из европейских региональных организаций // Московский журнал международного права. 2024. № 4. С. 15–34. EDN: VFXWUW. DOI: 10.24833/0869-0049-2024-4-15-34.
6. Нарышкин А. А. Экономическая дипломатия во внешнеполитической деятельности Российской Федерации в период современной трансформации международных отношений : дис. ... д-ра полит. наук. Москва, 2023. 329 с. EDN: DATNOU.
7. Подкорытова О. В. Феномен модельных законодательных актов Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств в постановлениях судов Российской Федерации // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18, № 3. С. 91–102. EDN: WKWYCI. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-03-91-102.
8. Путин В. В. Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2011. № 10. С. 10–14.
9. Стоякин С. Г. Диалектика феномена международной интеграции // Международное право. 2014. № 4. С. 17–41. EDN: SNUHBF. DOI: 10.7256/2644-5514.2014.4.13182.
10. Шумилов В. М., Салия М. Р. Идея всеобъемлющего (большого) евразийского партнерства в свете международного права (Часть 1) // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 2. С. 66–78. EDN: SVXEBR. DOI: 10.24866/1813-3274/2021-2/66-78.
11. Энтин М. Л., Биткина Е. С. Применение механизмов принуждения к соблюдению принципа верховенства права в практике Европейского союза // Московский журнал международного права. 2024. № 2. С. 65–78. DOI: 10.24833/0869-0049-2024-2-65-78.
12. Энтин М. Л., Энтина Е. Г., Войников В. С. Углубление интеграции и институциональная трансформация. Дилеммы стран Евросоюза // Международные процессы. 2020. Т. 18, № 4 (63). С. 6–35. EDN: YGYIIS. DOI: 10.17994/IT.2020.18.4.63.4.
13. Anderson F. V. The Intersection of Economic Diplomacy and Regional Integration: Contributions of Diplomatic Economic Desks to Africa's Free Trade Area // Intergovernmental Research and Policy Journal. 2025. URL: <https://irpj.euclid.int/articles/the-intersection-of-economic-diplomacy-and-regional-integration-contributions-of-diplomatic-economic-desks-to-africas-free-trade-area>.
14. Baltezarević R. Economic Diplomacy in the Era of Globalization. In: 5. International Mediterranean Congress, Mersin, Türkiye, 13–14 January. IKSAD Institute, 2024. P. 61–64. ISBN: 978-1-955094-92-4. URL: https://www.researchgate.net/publication/377973961_Economic_diplomacy_in_the_era_of_globalization.
15. Enderwick P., Buckley P. J. Rising Regionalization: Will the Post-COVID-19 World See a Retreat from Globalization? // Transnational Corporations Journal, 2020. Vol. 27, No. 2. P. 99–112. DOI: 10.18356/8008753a-en.

Об авторах:

Ларютина Ирина Анатольевна, главный правовой эксперт ПАО «ЛУКОЙЛ», кандидат юридических наук;
e-mail: ilarutina@yandex.ru

Ларютина Анастасия Сергеевна, бакалавр юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова;
e-mail: nastya.laryutina@gmail.com

References

1. Ampleeva, E. E. Multiplicity of Interstate Integration on the Post-Soviet Space: International and Legal Aspects (Russia, St. Petersburg) // Problems of Modern Economics. 2021. No. 3 (79). P. 42–44. (In Russ.). EDN: AHVVAN.
2. Dilan, N. Conceptual and Applied Aspects of Integration Processes in Transforming European Economies. Moldova State University : Dissertation for the degree of Doctor of Economic Sciences. Chisinau, 2024. 200 p. URL: <https://anacec.md/files/Dilan-teza.pdf>. (In Russ.).
3. Kurbanov, R. A. Mechanisms of Legal Governing between Integration Associations of States // Economy. Law. Society. 2016. No. 2 (6). P. 6–14. (In Russ.). EDN: XEJIAL.
4. Lavrov, S. V. Russia and China: Partnership and friendship forged by time [Electronic resource]. Foreign Minister Sergey Lavrov's article on the occasion of the 75th anniversary of diplomatic relations between the Russian Federation and the People's Republic of China // Rossiyskaya Gazeta. 03.10.2024. URL: <https://rg.ru/2024/10/03/rossiia-i-kitaj-partnerstvo-i-druzhba-zakalennye-vremenem.html>. (In Russ.).

5. Lobov, M. B. Legal Aspects of Disintegration: Lessons of States' Withdrawals from European Regional Organizations // *Moscow Journal of International Law*. 2024. No. 4. P. 15–34. (In Russ.). EDN: VFXWUW. DOI: 10.24833/0869-0049-2024-4-15-34.
6. Naryshkin, A. A. Economic Diplomacy in the Foreign Policy Activities of the Russian Federation in the Period of Modern Transformation of International Relations : Dissertation for the degree of Doctor of Political Sciences. Moscow, 2023. 329 p. (In Russ.). EDN: DATHOU.
7. Podkorytova, O. V. The Phenomenon of Model Legislative Acts of the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States in Decisions of Courts of the Russian Federation // *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2024. Vol. 18, No. 3. P. 91–102. (In Russ.). EDN: WKWYCI. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-03-91-102.
8. Putin, V. V. New Integration Project for Eurasia — The Future That Is Born Today // *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2011. No. 10. P. 10–14. (In Russ.).
9. Stoyakin, S. G. Dialectics of the Phenomenon of International Integration // *International Law*. 2014. No. 4. P. 17–41. (In Russ.). EDN: SNUHBF. DOI: 10.7256/2644-5514.2014.4.13182.
10. Shumilov, V. M., Salia, M. R. The Idea of the Greater Eurasian Partnership in the Light of International Law (part 1) // *Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law*. 2021. No. 2. P. 66–78. (In Russ.) EDN: SVXEER. DOI: 10.24866/1813-3274/2021-2/66-78.
11. Entin, M. L., Bitkina, E. S. Application of Enforcement Mechanisms for Compliance with the Principle of the Rule of Law in European Union Practice // *Moscow Journal of International Law*. 2024. No. 2. P. 65–78. (In Russ.). DOI: 10.24833/0869-0049-2024-2-65-78.
12. Entin, M. L., Entina, E. G., Voynikov, V. S. Deepening Integration and Institutional Transformation. Dilemmas of the EU Countries // *International Processes*. 2020. Vol. 18, No. 4 (63). P. 6–35. (In Russ.). EDN: YGYIIS. DOI: 10.17994/IT.2020.18.4.63.4.
13. Anderson, F. V. The Intersection of Economic Diplomacy and Regional Integration: Contributions of Diplomatic Economic Desks to Africa's Free Trade Area // *Intergovernmental Research and Policy Journal*. 2025. URL: <https://irpj.euclid.int/articles/the-intersection-of-economic-diplomacy-and-regional-integration-contributions-of-diplomatic-economic-desks-to-africas-free-trade-area>.
14. Baltezarević, Radoslav. Economic diplomacy in the era of globalization. In: 5. International Mediterranean Congress, Mersin, Türkiye, 13–14 January. IKSAD Institute, 2024. P. 61–64. ISBN: 978-1-955094-92-4. URL: https://www.researchgate.net/publication/377973961_Economic_diplomacy_in_the_era_of_globalization.
15. Enderwick, P., Buckley, P. J. Rising Regionalization: Will the Post-COVID-19 World See a Retreat from Globalization? // *Transnational Corporations Journal*, 2020. Vol. 27, No. 2. P. 99–112. DOI: 10.18356/8008753a-en.

About the authors:

Irina A. Laryutina, Chief Legal expert of Public Joint Stock Company «Oil Company «LUKOIL» (Moscow, Russia),
PhD in Jurisprudence;
e-mail: ilarutina@yandex.ru

Anastasia S. Laryutina, Bachelor of Laws of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia);
e-mail: nastya.laryutina@gmail.com

Особенности тайландского законодательства о праве обладания собственностью на недвижимость

Игнатьев М. А.¹, Федосов И. В.^{2,*}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления), Санкт-Петербург, Россия; Институт востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия

*e-mail: fedosov-iv@ranepa.ru

ORCID: 0009-0005-7687-0760

РЕФЕРАТ

Цель и задачи. Осуществление анализа отдельных положений законодательства Королевства Таиланд в части приобретения права собственности и ограничений, касающихся реализации данного права. **Методология.** Системный анализ отдельных сегментов изучаемого правового порядка на национальном (тайском) языке, а также наиболее значимых международных актов и научной литературы по соответствующей тематике (на русском и английском языках). **Результаты.** С привлечением нормативного материала, а также положений международных актов, к действию которых присоединился Таиланд, авторы ставят вопрос о правомерности именования тайландского законодательства о праве обладания собственностью на недвижимость, расположенную в юрисдикции тайского правового порядка, дискриминационным по отношению к иностранным физическим и юридическим лицам. В статье освещается вопрос формирования действующего тайского законодательства о недвижимости в историческом и сравнительно-правовом контексте: авторы пытаются проследить некоторые закономерности формирования и развития тайского правового порядка в исследуемой части, объясняя особенности его своеобразия с привлечением не только теоретико-правовых концепций, но также исторического материала и востоковедческих трудов, посвященных изучению развития тайского общества в исторической ретроспекции вплоть до сегодняшнего дня. **Выводы.** Авторы статьи приходят к заключению, что изучаемое ими в рамках настоящего исследования «Правило 51/49», содержащееся в рассматриваемых законодательных актах Королевства Таиланд, едва ли можно считать нарушением правового принципа недискриминации, поскольку названное правило имеет своей целью вовсе не «дискриминацию» иностранного капитала и физических лиц, но защиту национального экономического и духовного суверенитета страны, а также культурно-исторической самобытности тайландских общества и государства, более или менее эффективно противостоя современным глобалистским тенденциям и, таким образом, являясь ярким примером национально ориентированного законодательства и правоприменения.

Ключевые слова: Таиланд, Юго-Восточная Азия, кондоминиум, право собственности, принцип недискриминации, юридический протекционизм

Для цитирования: Игнатьев М. А., Федосов И. В. Особенности тайландского законодательства о праве обладания собственностью на недвижимость // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 2. С. 96–105. EDN: NLNNVT

Peculiarities of Thai Legislation on the Right to Own Real Estate

Mikhail A. Ignatiev^a, Ivan V. Fedosov^{b,*}

^a St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

^b Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint Petersburg, Russia; Institute of Oriental and African Studies of HSE University, Saint Petersburg, Russia

*e-mail: fedosov-iv@ranepa.ru

ORCID: 0009-0005-7687-0760

ABSTRACT

Aim and tasks. To analyze individual provisions of the legislation of the Kingdom of Thailand in terms of acquiring property rights and restrictions on the exercise of this right. **Methods.** Systematic analysis of individual segments of the studied legal order in the national (Thai) language, as well as the most significant international acts and scientific literature on the relevant topic (in Russian and English).

Results. Using regulatory material, as well as the provisions of international acts to which Thailand has acceded, the authors raise the question of the legitimacy of calling Thai legislation on the right to own real estate located in the jurisdiction of the Thai legal order discriminatory in relation to foreign individuals and legal entities. The article covers the issue of the formation of the current Thai legislation on real estate in a historical and comparative legal context: the authors try to trace some patterns of the formation and development of the Thai legal order in the studied part, explaining the features of its originality with the involvement of not only theoretical and legal concepts, but also historical material and oriental studies devoted to the study of the development of Thai society in historical retrospect up to the present day. **Conclusions.** The authors of the article come to the conclusion that the “51/49 Rule” studied by them within the framework of this research, contained in the considered legislative acts of the Kingdom of Thailand, can hardly be considered a violation of the legal principle of non-discrimination, since the said rule has as its goal not at all “discrimination” of foreign capital and individuals, but the protection of the national economic and spiritual sovereignty of the country, as well as the cultural and historical identity of Thai society and the state, more or less effectively resisting modern globalist tendencies and, thus, being a striking example of nationally oriented lawmaking and law enforcement.

Keywords: Thailand, Southeast Asia, condominium, property rights, non-discrimination, legal protectionism

For citation: Ignatiev M. A., Fedosov I. V. Peculiarities of Thai Legislation on the Right to Own Real Estate // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 96–105. (In Russ.). EDN: NLNNVT

Введение

Для целого ряда государств и на протяжении веков, и в новейшей истории в той или иной степени был свойственен как экономический, так и *юридический протекционизм*¹, то есть защита собственного экономического пространства и интересов своих граждан и в торговых сношениях, и, шире, в рамках гражданского оборота вообще. Подобная практика зачастую приобретает формы льготного режима налогообложения, целенаправленной поддержки государством определенных сфер экономики, стимулирования коммерческой активности автохтонного населения или же законодательные ограничения для деятельности иностранного капитала на национальном рынке. Эти меры, как правило, не являются простым следствием «экономического патриотизма» законодателя, но имеют перед

¹ В рамках настоящего исследования авторами под этим термином подразумевается комплекс правовых, в том числе законодательных, мер, создающих режим наибольшего юридического благоприятствования для отечественных субъектов права — физических и юридических лиц в рамках национального правопорядка. (Прим. авторов).

собой задачи стратегического характера, а именно — способствование развитию национальной экономики и уменьшение ее зависимости от внешних факторов, что в конечном счете ведет к укреплению государственного суверенитета и экономической самодостаточности страны. Хотя, безусловно, если история и знает примеры держав и регионов, в хозяйственно-экономическом отношении некогда стремившихся к автаркии, то в современных условиях подобное едва ли возможно даже для самых влиятельных и успешных в экономическом смысле государств. Процессы глобализации как в плане экономики, так и в юридическом развитии национальных правовых порядков создают принципиально иные реалии, игнорировать которые не в силах никто. Тем не менее в современных условиях тенденции к последовательной защите национального экономического пространства (в том числе и правовыми средствами) сохраняются и, судя по всему, продолжают свое существование в обозримом будущем.

Данная статья посвящена феномену, представляющему комплексный интерес как с точки зрения правовых исследований и, конкретнее, компаративистики (сравнительного правоведения), так и со стороны востоковедения, — феномену *юридического протекционизма*, наблюдаемого в рамках национального правового порядка Королевства Таиланд.

Мы рассмотрим лишь некоторые примеры применения таиландским законодателем юридического инструментария, направленного на защиту отдельно взятого сегмента национальной экономики. Однако, на наш взгляд, рассматриваемые примеры тем более показательны, поскольку самим фактом своего существования демонстрируют небезынтесную тенденцию «юридико-экономического патриотизма» тайцев, что характеризует богатство и разнообразие правового поля стран и регионов Большой Евразии на конкретном примере национального законодательства Таиланда. Кроме того, в рамках настоящей статьи также будет затронут аспект корреляции юридических средств защиты национальной экономики и теории прав человека, конкретно — правового принципа запрета дискриминации, на сегодняшний день общепризнанного и зафиксированного в ряде международных актов.

Юридический протекционизм в законодательстве Таиланда: анализ нормативного материала в современности и исторической ретроспекции

Одним из наиболее наглядных примеров существования в таиландском законодательстве принципа *юридического протекционизма* является, на наш взгляд, Закон об иностранном бизнесе (англ. Foreign Business Act, тайск. พระราชบัญญัติ การประกอบธุรกิจของคนต่างด้าว) от 1999 г. Этот нормативный акт существенно ограничивает иностранный капитал во многих значимых отраслях экономики Таиланда: в частности, согласно некоторым предписаниям, контрольный пакет акций той или иной компании должен находиться в руках лица, имеющего исключительно таиландское подданство (т. е. никак не иностранца)¹.

Однако еще более яркой иллюстрацией рассматриваемого нами явления служат действующие сегодня в Таиланде законодательные ограничения на приобретение иностранными гражданами и юридическими лицами объектов недвижимости на территории королевства. На уровне повседневного употребления эти ограничения получили название «Правило 51/49», суть которого, в частности, изложена в Законе о кондоминиумах 2008 г.: любой представитель иностранного капитала — как физическое, так и юридическое лицо — может приобретать право собственности на тайскую недвижимость, однако в процентном соотношении доля собственности, принадлежащая «иностранцу», не может превышать 49% от всего права собственности² целиком. То есть оставшийся 51% права собственности на объект недвижимости должен находиться в руках подданных Королевства Таиланд. Подобное правило время от времени критикуется с позиций теории прав человека, и даже звучат голоса, считающие «Правило 51/49» дискриминационным по отношению к иностранному капиталу, присутствующему в тайской экономике.

¹ Закон об иностранном бизнесе: Foreign business act, B.E. 2542 (1999) [Электронный ресурс]. URL: https://www.pattanakit.net/images/column_1288157820/awbookdbd2.pdf (дата обращения: 26.05.2025).

² Доктринальные воззрения тайской юриспруденции на сущность института права собственности и возможности его «деления» или «дробления» мы намеренно оставляем в стороне, поскольку это выходит за рамки предмета настоящей статьи. (Прим. авторов).

Нормативный материал: международные акты

Международными источниками¹ запрета нарушения прав личности, в том числе запрета на дискриминацию по любому признаку, являются положения Устава Организации Объединенных наций (ООН), а именно ст. 1 и ст. 55.

«Организация Объединенных Наций преследует Цели: <...>

Осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии...» (п. 3 ст. 1 Устава ООН).

«С целью создания условий стабильности и благополучия, необходимых для мирных и дружеских отношений между нациями, основанных на уважении принципа равноправия и самоопределения народов, Организация Объединенных Наций содействует: <...>

Всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии» (п. «С» ст. 55 Устава ООН)².

Кроме того, запрет на любые формы дискриминации содержится также во Всеобщей декларации права человека 1948 г., а именно в ст. 1 и 2:

«Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах. Они наделены разумом и совестью и должны поступать в отношении друг друга в духе братства» (ст. 1 Всеобщей декларации прав человека).

«Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как то: в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения.

Кроме того, не должно проводиться никакого различия на основе политического, правового или международного статуса страны или территории, к которой человек принадлежит, независимо от того, является ли эта территория независимой, подопечной, самоуправляющейся или как-либо иначе ограниченной в своем суверенитете» (ст. 2 Всеобщей декларации прав человека)³.

Аналогичные идеи содержатся в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. (ст. 2)⁴, а также в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. (ст. 2)⁵.

Список международных актов, содержащих в себе нормы, запрещающие какую-либо дискриминацию, можно продолжать, однако мы остановимся на уже упомянутых и заметим, что их действие распространяется на государства — участники ООН, в том числе и на Королевство Таиланд.

Следует задаться вопросом, правомерно ли считать «Правило 51/49» выражением дискриминации в отношении иностранных физических и юридических лиц, желающих приобрести больше чем 49% в праве собственности на недвижимость. Таиландский законодатель отвечает однозначно отрицательно, аргументируя существование данного Правила соображениями защиты национальной безопасности Королевства.

Кроме того, необходимо заметить, что и идеология прав человека [6], и сопряженный с нею запрет на дискриминацию по любым основаниям сущностно связаны с концепцией правового эгалитаризма, который неоспоримо господствует в актуальном политико-правовом дискурсе государств, воспринявших

¹ В рамках данного исследования нами будут упомянуты только фундаментальные и наиболее известные международные акты, упоминающие запрет на дискриминацию. (Прим. авторов).

² Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 26.05.2025).

³ Всеобщая декларация прав человека 1948 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 26.05.2025).

⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 26.05.2025).

⁵ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 26.05.2025).

(или стремящихся воспринять) идеи и ценности западноевропейской либеральной демократии [9]. Принадлежность Королевства Таиланд к числу подобных государств, и вообще «западно-ориентированных» правопорядков [11, р. 49], на наш взгляд, представляется по меньшей мере спорной¹, что с неизбежностью также ставит под сомнение стремление таиландского законодателя следовать «западному» пониманию недискриминации, а равно и «европейским» правовым концептам в принципе.

Исторические предпосылки

Исторический опыт Таиланда убеждает нас в правомерности такого суждения. Известно, что основы таиландского законодательства в его современном виде складывались под руководством европейских специалистов [2], прежде всего, бельгийского юриста Гюстава Ролен-Жакмена, который в 1892 г. был приглашен в Сиам (после 1939 г. — Таиланд) его тогдашним правителем, королем-реформатором Рамой V Чулалонгкорном² (1868–1910) [1]. Однако привлечение Г. Ролен-Жакмена в качестве «юридического консультанта» и — шире — государственного советника вовсе не означало слепого заимствования западных правовых концептов. Напротив, как указывает в своей статье известный ученый К. Сен-Юбер, «Ролен-Жакмен нередко повторял, что попытка введения западной правовой системы в стране, настолько развитой в цивилизационном отношении, как Сиам, была бы попросту нелепа. Поэтому, отказавшись от идеи заменить сиамское право европейским, он стремился модернизировать тогдашнюю законодательную систему, истолковывая ее в соответствии с принципами, разработанными в западноевропейских странах» [12].

Описанная выше практика — характерный пример внутривнутриполитических реформ Сиам в второй половине XIX в. Модернизация страны по европейскому образцу проходила в рамках целенаправленной политики по сохранению независимости Сиам, была необходимым ее условием. Вступив в начале 1850-х гг. в эпоху модерна, Сиам под руководством королей Рамы IV Монгкута и Рамы V Чулалонгкорна вел искусную борьбу за сохранение суверенитета, а также традиций и культурно-исторического наследия в условиях территориальной и идеологической экспансии Великобритании и Франции. Главными инструментами этой борьбы Сиам за независимость стали гибкая дипломатия и последовательный курс во внутренней политике³, а ее конечным результатом — статус единственного из 11 государств, существующих сегодня в Юго-Восточной Азии, которому в итоге удалось отстоять суверенитет [3].

Сегодня, когда суверенитету Таиланда на первый взгляд ничего не угрожает, приведенный исторический пример, как кажется, утрачивает свою актуальность. Однако власти страны вновь сталкиваются с необходимостью поиска адекватного ответа на скрытую угрозу извне, — речь идет о разрушительном воздействии идеологии глобализма на основные сферы жизни общества и государства [10]. Разумеется, с нашей стороны будет преувеличением назвать рассматриваемое в настоящей статье «Правило 51/49» орудием борьбы властей Таиланда с глобализмом и неоколониализмом [5]. Тем не менее, принимая во внимание консерватизм тайского общества, «Правило 51/49» вполне можно оценивать как продуманную ответную (даже предупреждающую) меру правительства Таиланда на завуалированное посягательство на экономический и духовный суверенитет страны [8, с. 52].

Оставляя этот вопрос открытым и предоставляя право высказаться другим исследователям в рамках дальнейших изысканий в данной области, мы перейдем непосредственно к изложению текста отдельных значимых для предмета нашей статьи положений упомянутого Закона о кондоминиумах.

¹ Следует заметить, что, вопреки давлению Запада, в современной внешней политике Таиланд традиционно придерживается принципа нейтралитета, воздерживаясь, в частности, от антироссийской риторики и сохраняя дружественные отношения с РФ. Более того, заинтересованность Таиланда в расширении торговых и экономических связей с РФ позволила ему получить к концу 2024 г. официальный статус страны — партнера БРИКС. (Прим. авторов).

² Выбор Чулалонгкорна в пользу Г. Ролен-Жакмена был сделан по рекомендации принца Дамронга, брата короля и министра внутренних дел Сиам, который осуществлял большую часть внутривнутриполитических реформ Рамы V. (Прим. авторов).

³ Б. Н. Мельниченко в одной из своих монографий (в соавторстве с А. И. Пылевой) указывал, что только сочетание трех факторов позволило Сиаму сохранить независимость в сложнейших для него геополитических условиях второй половины XIX в.: международная обстановка (баланс сил между Великобританией и Францией в их борьбе за Сиам), участие России в судьбе Сиам (поддержка и помощь в наиболее опасный период экспансии Запада) и модернизация страны во второй половине XIX в. (многочисленные реформы королей Рамы IV и Рамы V). (Прим. авторов).

Современное положение дел

Наиболее доступный для иностранцев вариант приобретения недвижимости в собственность в Королевстве Таиланд — покупка квартиры в кондоминиуме (многоквартирном доме). Существует специальный закон (англ. Condominium Act, тайск. พระราชบัญญัติ อาคารชุด), один из разделов которого регламентирует правила покупки квартир в кондоминиумах для иностранцев.

Примечательно, что сам земельный участок, на котором строится кондоминиум, иностранец купить не может. И даже для приобретения квартиры, как следует из положений Закона о кондоминиумах, иностранцу необходимо вступить в тайскую квоту, которая подчинена неизменному правилу: 51% общей доли квартир в кондоминиуме сохраняется за подданными Таиланда, 49% — могут принадлежать иностранцам.

В попытке привлечь иностранный капитал для восстановления экономики после пандемии COVID-19 власти Таиланда обсуждают предоставление иностранцам возможности покупки недвижимости в ценовом диапазоне 10–15 млн батов и выше, а также повышения процентной доли иностранной собственности в кондоминиумах до 70–80%.

По имеющейся неофициальной информации, правительство Таиланда работает над внесением изменений в законодательство, чтобы предложить иностранцам более удобную и привлекательную модель инвестирования в национальную экономику. Например, речь идет о внесении изменений в Земельный кодекс, Закон о кондоминиумах, Гражданский и Торговый кодексы. В частности, власти страны имеют в виду расширение права на покупку кондоминиумов, в том числе предоставление иностранцам возможности покупать малоэтажные дома¹.

Нормативный материал: национальные правовые акты

Согласно поправке № 4 к Закону о кондоминиумах от 2008 г., иностранцы могут приобретать в собственность до 49% продаваемой площади кондоминиума (остальные 51% остаются за подданными Таиланда). Звучат предложения повысить потолок иностранной собственности до 70–80%, хотя конкретные цифры остаются по-прежнему туманными.

Последние на сегодняшний день поправки и дополнения к Закону о кондоминиумах были внесены в 2008 г.² Ниже представлен их перевод с тайского языка³.

Поправки к Закону о кондоминиумах (№ 4) от 2008 г.

พระราชบัญญัติ อาคารชุด (ฉบับ ๔) 2551

(Документ на тайском языке)

Ст. 12. § 2 ст. 19 [утратившего силу] Закона о кондоминиумах от 1979 г. с поправками, внесенными Законом о кондоминиумах № 3 (1999 г.), настоящим считать недействительным и утвердить следующее положение:

«Ст. 19. § 2. Иностранцы и иностранные юридические лица могут обладать собственностью в кондоминиумах. В совокупности доля их собственности не должна превышать 49% площади всех квартир в кондоминиуме при подаче заявления на регистрацию кондоминиума в соответствии со ст. 6 [настоящего Закона]».

Ст. 13. § 4 ст. 19 [утратившего силу] Закона о кондоминиумах от 1979 г. с поправками, внесенными Законом о кондоминиумах № 3 (1999 г.), настоящим считать недействительным и утвердить следующее положение:

«Ст. 19. § 4. После того как компетентный орган получил подтверждающие документы в соответствии с § 3 ст. 19, проверил и признал их соответствующими требованиям закона, а также если совокупная доля

¹ Таиландский информационный центр по недвижимости [Электронный ресурс]. URL: [https://www.reic.or.th/News/RealEstate/453420#:~:text=\(дата обращения: 26.05.2025\).](https://www.reic.or.th/News/RealEstate/453420#:~:text=(дата обращения: 26.05.2025).)

² Поправки к Закону о кондоминиумах (№ 4) от 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ratchakittha.soc.go.th/DATA/PDF/2551/A/044/58.PDF> (дата обращения: 26.05.2025).

³ В рамках настоящей статьи приводится авторский перевод с тайского и английского языков, выполненный М. А. Игнатьевым. (Прим. авторов).

собственности на квартиру иностранцев или иностранных юридических лиц в соответствии со ст. 19 — тех, кто уже обладает собственностью, и тех, кто подает заявление приобретение собственности, — не превышает процент, указанный в § 2 ст. 19, компетентный орган приступает к регистрации прав и юридически значимых действий в отношении квартиры в кондоминиуме в соответствии с разделом 4 [настоящего Закона] для иностранцев или юридических лиц».

Ст. 14. П. 1 § 5 ст. 19 [утратившего силу] Закона о кондоминиумах от 1979 г. с поправками, внесенными Законом о кондоминиумах № 3 (1999 г.), настоящим считать недействительным и утвердить следующее положение:

[Необходимо отказаться от права собственности на квартиру в кондоминиуме, ...]

«Если иностранец или иностранное юридическое лицо, указанные в ст. 19, становится собственником квартиры в качестве законного наследника, или наследника по завещанию, или иным способом, в зависимости от обстоятельств, и включение этой квартиры в общее число квартир, уже принадлежащих иностранцам или иностранным юридическим лицам, указанным в ст. 19, превысит процентное соотношение, указанное в § 2 ст. 19».

Ст. 15. § 9 ст. 19 [утратившего силу] Закона о кондоминиумах от 1979 г. с поправками, внесенными Законом о кондоминиумах № 3 (1999 г.), настоящим считать недействительным и утвердить следующее положение:

«В случае, если лицо получает право собственности на квартиру, будучи подданным Королевства Таиланд, а впоследствии указанное лицо теряет подданство в связи с отказом от него, сменой гражданства (подданства) или денатурализацией в соответствии с Законом о гражданстве, и если указанное лицо, являющееся иностранцем, указанным в ст. 19, желает продолжить обладать правом собственности, ему необходимо в письменной форме уведомить компетентный орган об утрате подданства Королевства Таиланд, а также предоставить доказательства того, что оно является иностранцем, указанным в ст. 19, компетентному органу в течение 180 дней с момента утраты подданства Королевства Таиланд. Однако если право собственности на квартиру указанного иностранца превышает процентное соотношение, указанное в § 2 ст. 19, ему необходимо распорядиться квартирой, которая превышает процентную долю, в течение одного года с момента утраты подданства Королевства Таиланд. Если собственник не распорядится правом собственности на квартиру в течение указанного периода времени, в действие вступает п. 4 § 5 ст. 19».

Ст. 16. «§ 12 и § 13 ст. 19 [утратившего силу] Закона о кондоминиумах от 1979 г. с поправками, внесенными Законом о кондоминиумах № 3 (1999 г.), настоящим считать недействительным».

Ст. 19 Закона о кондоминиумах с дополнениями и поправками от 2008 г.

(Документ на английском языке)¹

§ 1. Иностранцы и юридические лица, считающиеся по закону иностранцами, могут обладать собственностью в кондоминиумах, если они относятся к следующим категориям:

- 1) иностранцы, которым разрешено проживание в Королевстве Таиланд в соответствии с Законом об иммиграции;
- 2) иностранцы, которым разрешен въезд в Королевство Таиланд в соответствии с Законом о поощрении инвестиций;
- 3) юридические лица, определенные ст. 97 и ст. 98 Земельного кодекса и зарегистрированные в качестве юридических лиц в соответствии с законодательством Королевства Таиланд;
- 4) юридические лица, являющиеся иностранцами в соответствии с Объявлением Национального исполнительного совета № 281 от 24 ноября 1972 г. (действующая ст. 4 Закона об иностранном бизнесе) и получившие сертификат о поощрении в соответствии с Законом о поощрении инвестиций;
- 5) иностранцы или юридические лица, рассматриваемые по закону как иностранцы, которые ввели иностранную валюту в Королевство Таиланд или сняли деньги в тайских батах со счета лица, проживающего за пределами Королевства Таиланд, или сняли деньги со счета в иностранной валюте.

¹ Закон о кондоминиумах с дополнениями и поправками от 2008 г. [Электронный песчупс]. URL: <https://www.samuiforsale.com/law-texts/new-thailand-condominium-act-2008.html> (дата обращения: 26.05.2025).

§ 2. Иностранцы или иностранные юридические лица, указанные в ст. 19, могут обладать собственностью в совокупной процентной доле, которая не превышает 49% общей площади кондоминиума на момент его регистрации в соответствии со ст. 6.

§ 3. При передаче права собственности на квартиру иностранцу или иностранному юридическому лицу, указанному в ст. 19, заявитель на передачу права собственности на квартиру должен снабдить компетентный орган сведениями об имени иностранца или наименовании иностранного юридического лица, указанного в ст. 19, а также о доле площади квартир, уже принадлежащих иностранцам или иностранным юридическим лицам, в то время как иностранец или иностранное юридическое лицо, подающие заявление на приобретение права собственности на квартиру, обязуются предоставить в компетентный орган следующие подтверждающие документы:

1) иностранцам, указанным в § 1 ст. 19, необходимо предоставить документ, подтверждающий их право проживания в Королевстве Таиланд в соответствии с Законом об иммиграции;

2) иностранцам, указанным в ст. 19, необходимо предоставить документ, подтверждающий их право на въезд в Королевство Таиланд в соответствии с Законом о поощрении инвестиций;

3) иностранным юридическим лицам, указанным в § 3 ст. 19, необходимо предоставить документ, подтверждающий их регистрацию в качестве юридических лиц в соответствии с законодательством Королевства Таиланд;

4) иностранным юридическим лицам, указанным в § 4 ст. 19 (4), необходимо предоставить документ, подтверждающий получение сертификата о поощрении инвестиций в соответствии с Законом о поощрении инвестиций;

5) иностранным юридическим лицам, указанным в § 5 ст. 19, необходимо предоставить документ, подтверждающий факт ввоза иностранной валюты в Королевство Таиланд или снятия денег со счета в тайских батах лица, проживающего за пределами Королевства Таиланд, или снятия денег со счета в иностранной валюте в размере не менее стоимости приобретаемой квартиры.

Заключение

Как следует из рассмотренных выше нормативных актов — Закона о кондоминиумах и Поправок к нему, — тайландский законодатель последовательно придерживается *юридического протекционизма* в части защиты интересов субъектов права — подданных Королевства (физических лиц) и юридических лиц, зарегистрированных в юрисдикции Таиланда. Именно за ними на законодательном уровне закреплено право обладания большей частью (не менее 51%) уставного капитала юридического лица, а также не менее 51% в праве собственности на объекты недвижимости, находящиеся на территории Королевства Таиланд.

В заключение необходимо заметить, что меры правового характера, действующие в тайландском законодательстве уже не первое десятилетие, сами по себе, на наш взгляд, являются отражением длительной и укорененной в самосознании тайского общества тенденции, направленной на защиту культурно-исторической самобытности [7] и национального суверенитета Таиланда (до 1939 г. — Сиам). Не позволяя иностранцам приобретать больше чем 49% в собственности на недвижимость и уставном капитале юридических лиц, Таиланд тем самым создает правовой барьер, предохраняющий национальную экономику от иностранного контроля. Подобный юридический протекционизм, долго и успешно реализуемый в Королевстве Таиланд, по нашему мнению, является ярким примером «национально ориентированных» законотворчества и правоприменения, что само по себе едва ли может считаться редкостью, однако сущностно противопоставляется глобалистским и неокOLONиальным тенденциям, имеющим место в современном мире. На наш взгляд, зарубежный опыт подобного рода представляет не только сугубо научный интерес для отечественных ориенталистики и сравнительного правоведения, но также может служить объектом современного российского правотворчества.

Список литературы

1. *Игнатъев М. А., Рогов Е. О.* Император Мэйдзи и король Чулалонгкорн: общее и особенное в судьбах двух монархов // Чтения памяти Б. Н. Мельниченко и С. Е. Трифонова, 2023 : Материалы Всемирной международной научной конференции. Издательство РХГА, 2024. С. 24–41. ISBN: 978-5-907505-44-5.
2. *Мельниченко Б. Н.* Социальные реформы в Таиланде в конце XIX — начале XX в. М. : Наука, 1976. 106 с. ISBN: 10605-18068-76.
3. *Мельниченко Б. Н., Пылева А. И.* Россия — Таиланд: история взаимоотношений (XIX — начало XXI века). СПб., 2011. 295 с. ISBN: 978-5-88812-443-7.
4. *Сауд Э. В.* Культура и империализм / пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб. : Изд-во «Владимир Даль», 2012. 736 с. EDN: VWMXRT.
5. *Сауд Э. В.* Ориентализм. Западные концепции Востока / пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб. : Русский Мир, 2016. 640 с. EDN: WLBUSH.
6. *Скиннер К.* Истоки современной политической мысли: в 2 т. Т. 2: Эпоха Реформации / пер. с англ. А. А. Яковлева; под науч. ред. В. В. Софронова. М. : Дело, 2018. 568 с. ISBN: 978-5-7749-1268-1. EDN: JCXNHL.
7. *Скотт Дж. К.* Искусство быть неподвластным: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии / пер. с англ. И. В. Троцук. М. : Новое издательство, 2017. 568 с. ISBN: 978-5-98379-200-5.
8. *Сунич Т.* Против демократии и равенства / пер. с англ. К. Жуков; отв. ред. В. М. Камнев, В. В. Прокопенко, Д. С. Моисеев. СПб. : Изд-во «Владимир Даль», 2024. 451 с. ISBN: 978-5-93615-296-2.
9. *Федосов И. В.* Концепция правового эгалитаризма в гетерогенных и культурно однородных обществах // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024. № 4 (22). С. 68–77. EDN: XWLSYN. DOI: 10.22394/3034-2813-2024-4-68-77.
10. *Фишман Л.* Неравенство равных. Концепция и феномен ресентимента. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. 272 с. ISBN: 978-5-7598-2949-2. DOI: 10.17323/978-5-7598-2949-2.
11. *Anderson B.* Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, England — New York : Verso Press, 2016. 240 p. ISBN: 978-1-84467-086-4.
12. *Saint-Hubert C.* Rolin-Jaequemyns (Chao Phya Aphay Raja) and the Belgian Legal Advisors in Siam at the Turn of the Century // The Journal of the Siam Society. 1965. Vol. LIII, Part 1–2, P. 181–190. URL: <https://www.yumpu.com/en/document/read/23824739/the-journal-of-the-siam-society-vol-liii-part-1-2-1965-khamkoo>.

Об авторах:

Игнатъев Михаил Алексеевич, ассистент кафедры истории стран Дальнего Востока Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: m.ignatiev@spbu.ru; ORCID: 0009-0005-9600-7585

Федосов Иван Вячеславович, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства юридического факультета Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Россия), тьютор кафедры ближневосточных и африканских исследований Института востоковедения и африканистики НИУ ВШЭ (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: fedosov-iv@ranepa.ru; ifedosov@hse.ru; ORCID: 0009-0005-7687-0760

References

1. Ignatiev, M. A., Rogov, E. O. Emperor Meiji and King Chulalongkorn: The Common and the Special in the Destinies of Two Monarchs // Reading in memory of B. N. Melnichenko and S. E. Trifonov, 2023: Proceedings of the World International Scientific Conference. Publishing House of the Russian Christian Humanitarian Academy, 2024. P. 24–41. ISBN: 978-5-907505-44-5. (In Russ.).
2. Melnichenko, B. N. Social Reforms in Thailand in the late 19th — early 20th Centuries. Moscow : Nauka, 1976. 106 p. ISBN: 10605-18068-76. (In Russ.).

3. Melnichenko, B. N., Pyleva, A. I. *Russia — Thailand: History of Relations (19th — early 21st Centuries)*. St. Petersburg, 2011. 295 p. ISBN: 978-5-88812-443-7. (In Russ.).
4. Said, E. V. *Culture and Imperialism* / trans. from english by A. V. Govorunov. St. Petersburg : Publishing House "Vladimir Dal", 2012. 736 p. (In Russ.). EDN: VWMXRT.
5. Said, E. V. *Orientalism. Western Concepts of the East* / trans. from English by A. V. Govorunov. St. Petersburg: Russian World, 2016. 640 p. (In Russ.). EDN: WLBUSH.
6. Skinner, Q. *Origins of Modern Political Thought: in 2 vol. Vol. 2: The Age of Reformation* / trans. from English by A. A. Yakovlev; ed. by V. V. Sofronov. Moscow : Delo, 2018. 568 p. ISBN: 978-5-7749-1268-1. (In Russ.). EDN: JCXNHL.
7. Scott, J. C. *The Art of Not Being Governed: An Anarchist History of Upland Southeast Asia* / trans. from English by I. V. Trotsuk. Moscow : New Publishing House, 2017. 568 p. ISBN: 978-5-98379-200-5. (In Russ.).
8. Sunić, T. *Against Democracy and Equality* / trans. from English by K. Zhukov; ed. by V. M. Kamnev, V. V. Prokopenko, D. S. Moiseev. St. Petersburg : Publishing House "Vladimir Dal", 2024. 451 p. ISBN: 978-5-93615-296-2. (In Russ.).
9. Fedosov, I. V. *The Concept of Legal Egalitarianism in Heterogeneous and Culturally Homogeneous Societies // Theoretical and Applied Law*. 2024. No. 4 (22). P. 68–77. (In Russ.). EDN: XWLSYN. DOI: 10.22394/3034-2813-2024-4-68-77.
10. Fishman, L. *Inequality of Equals. The Concept and Phenomenon of Resentment*. Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2024. 272 p. ISBN: 978-5-7598-2949-2. (In Russ.). DOI: 10.17323/978-5-7598-2949-2.
11. Anderson, B. *Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, England — New York : Verso Press, 2016. 240 p. ISBN: 978-1-84467-086-4.
12. Saint-Hubert, C. *Rolin-Jaequemyns (Chao Phya Aphay Raja) and the Belgian Legal Advisors in Siam at the Turn of the Century // The Journal of the Siam Society*. 1965. Vol. LIII, Part 1–2. P. 181–190. URL: <https://www.yumpu.com/en/document/read/23824739/the-journal-of-the-siam-society-vol-liii-part-1-2-1965-khamkoo>.

About the authors:

Mikhail A. Ignatiev, Assistant Professor of Faculty of Oriental Studies of St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: m.ignatiev@spbu.ru; ORCID: 0009-0005-9600-7585

Ivan V. Fedosov, Senior Lecturer of Department of Theory and History of Law of Law Faculty of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russia); Tutor of Department of Middle Eastern and African Studies of Institute of Oriental and African Studies of HSE University (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: fedosov-iv@ranepa.ru; ifedosov@hse.ru; ORCID: 0009-0005-7687-0760

Политическая активность России в достижении целей устойчивого развития

Андреева В. И.^{*}, Васильева Н. А.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

^{*}e-mail: viktoriyaandreeva55@yandex.ru

ORCID: 0009-0003-6792-1736

РЕФЕРАТ

Актуальность темы определяется необходимостью выявления проблемных точек в международно-правовом обосновании Целей устойчивого развития до 2030 г. (ЦУР-30). Именно эффективность институциональных форм международного сотрудничества, которые прописаны в Цели устойчивого развития 16 (мир, правосудие, эффективные институты), и Цель устойчивого развития 17 (партнерство в интересах устойчивого развития), могут стать залогом успеха выполнения ЦУР-30, поскольку они определяют демократические основы современного мироустройства на базе Устава ООН. В статье рассмотрены практические действия Российской Федерации по укреплению правовых и институциональных основ международного партнерства для достижения целей устойчивого развития. **Цель и задачи.** Экспертная оценка результативности российского участия в выполнении Целей 16 и 17 программы ООН по устойчивому развитию. Для достижения цели исследования необходимо выделить подцели устойчивого развития, которые имеют решающее значение в российском контексте и провести анализ подходов и мер для достижения этих подцелей. **Методология.** Исследование основано на анализе широкого круга российских актуальных академических и эмпирических источников, опубликованных в период с 2020 по 2024 г. **Результаты.** Проанализированные источники свидетельствуют о том, что подцели устойчивого развития 16.7 — «Обеспечение условий для инклюзивного ответственного принятия решений властными институтами на всех уровнях» и 17.16 — «Укрепление глобального партнерства» в российском контексте имеют решающее значение. Российская Федерация поддерживает инклюзивность при принятии политических решений и укрепление многостороннего партнерства для достижения целей устойчивого развития. Подходы к реализации этих двух подцелей — современные и альтернативные. Поэтому оценить прогресс в их достижении с помощью существующих показателей оказывается затруднительным, следовательно, необходимо разработать новую статистическую систему, чтобы отслеживать и оценивать качественный прогресс. В данной статье устраняется ряд пробелов в исследованиях вклада РФ в реализацию ЦУР-30. **Выводы.** Дана экспертная оценка результативности российских подходов к выполнению Целей устойчивого развития № 16 и № 17 на основе сравнительного анализа документов РФ по подцелям 16.7 «Обеспечение условий для инклюзивного ответственного принятия решений властными институтами на всех уровнях» и 17.16 «Укрепление глобального партнерства».

Ключевые слова: цели устойчивого развития, Повестка дня на 2030 год, Россия, принцип инклюзивности, глобальное партнерство, БРИКС

Для цитирования: Андреева В. И., Васильева Н. А. Политическая активность России в достижении целей устойчивого развития // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 2. С. 106–117. EDN: OCSRWW

Russia's Political Activity in Achieving the Sustainable Development Goals

Viktoriya I. Andreeva*, Natalia A. Vasilyeva

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

e-mail: viktoriyaandreeva55@yandex.ru

ORCID: 0009-0003-6792-1736

ABSTRACT

Peace, justice and strong institutions (Sustainable Development Goal 16) and partnership for the goals (Sustainable Development Goal 17) are gathering popularity among scientists, politicians and civil society in the in the contemporary Russian Federation. This article provides an analysis of the actions that Russia is planning and the actions that the country is taking to achieve Sustainable Development Goals (SDGs) 16 and 17 by 2030. **Aim and tasks.** The study aims to identify the progress the Russia has made in achieving these two SDGs. To achieve the study's aim, it is necessary to identify the crucial Sustainable Development Goals targets in the Russian context and analyse the approaches and measures taken to achieve these targets. **Methods.** The research is based on a case study (Russia), using a systematic analysis of a wide range of relevant academic and empirical sources published between 2020 and 2024. **Results.** The analysed sources suggest that Sustainable Development Goals targets 16.7 — “Ensure responsible decision-making by representative bodies at all levels with the participation of all sectors of society” and 17.16 — “Strengthen global partnerships” are crucial in the Russian context. The Russian Federation supports inclusiveness in political decision-making and strengthening multilateral partnerships to attain the SDGs. The respective approaches to the realisation of these two goals are modern and diversified. It is therefore challenging to evaluate progress towards their attainment using current indicators. Through novel, alternative pathways to the SDGs, a new statistical system needs to be developed so that progress can be tracked and measured. This article contributes to addressing research gaps in analysing Russia's efforts to achieve Sustainable Development Goals targets 16.7 and 17.16. If these gaps can be eliminated, or at least minimised, it may be possible to assess Russia's progress towards Sustainable Development Goals 16 and 17 more clearly. **Conclusions.** The author concludes that in order to fulfil Sustainable Development Goals targets 16.7 and 17.16, Russia is focusing its attention and efforts on creating conditions for an inclusive society and for the economic and social development of other countries.

Keywords: sustainable Development Goals 16 and 17, 2030 Agenda, Russia, inclusive decision-making, strengthening global partnership, BRICS

For citation: Andreeva V. I., Vasilyeva N. A. Russia's Political Activity in Achieving the Sustainable Development Goals // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 106–117. (In Russ.). EDN: OCSRWW

Введение

Основные принципы для реализации каждой из 17 целей устойчивого развития (ЦУР) (рис. 1) детально представлены в ЦУР 16 и ЦУР 17 [2; 14, с. 511].

В статье проанализированы меры, которые Российская Федерация реализует для достижения целей устойчивого развития (ЦУР 16.7 и ЦУР 17.16) до 2030 г., и представлены результаты, достигнутые на этом пути. Эти две подцели¹ играют важную роль в российском контексте (рис. 2 и рис. 3).

¹ В этой статье подцели и задачи используются как синонимы.

Рис. 1. Цели в области устойчивого развития

Fig. 1. Sustainable Development Goals

Источник: О Целях устойчивого развития ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nosu.ru/universitet/centry/centr-ustojchivogo-razvitiya/o-celjah-ustojchivogo-razvitiya-onn/>

Рис. 2. Подцель 16.7 «Обеспечить ответственное принятие решений репрезентативными органами» Цели 16 «Мир, правосудие и эффективные институты»

Fig. 2. Sub-goal 16.7 “Ensure responsible decision-making by representative bodies” of Goal 16 “Peace, justice and strong institutions”

Источник: [Электронный ресурс]. URL: <https://static.tildacdn.com/tild3864-3832-4139-b437-346535646335/167.jpg>

Реализация задачи ЦУР 16.7 определяется вовлечением множества заинтересованных сторон (например, частный сектор и организации гражданского общества) для разработки и реализации мер по достижению цели¹. В свою очередь, цель ЦУР 17.16 направлена на укрепление глобального партнерства².

¹ SDG 16.7 indicator metadata [Электронный ресурс] // United Nations Statistics Division. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/metadata/files/Metadata-16-07-02.pdf> (дата обращения: 27.10.2024).

² SDG 17.16 indicator metadata [Электронный ресурс] // United Nations Statistics Division. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/metadata/files/Metadata-17-16-01.pdf> (дата обращения: 27.10.2024).

Рис. 3. Подцель 17.16 «Укреплять Глобальное партнерство в интересах устойчивого развития» Цели 17 «Партнерство в интересах устойчивого развития»

Fig. 3. Sub-goal 17.16 “Strengthen the Global Partnership for Sustainable Development” of Goal 17 “Partnerships for Sustainable Development”

Источник: [Электронный ресурс]. URL: <https://static.tildacdn.com/tild6237-6533-4334-a134-313837316464/1716.jpg>

Большинство проанализированных документов российского правительства и научных трудов подчеркивают значимость запланированных мер и прогресса в достижении подцелей ЦУР 16.7 и ЦУР 17.16. Поэтому предполагается, что эти задачи играют решающую роль в российском контексте при достижении ЦУР 16 и 17. Таким образом, предпринимается попытка восполнить пробел в исследованиях, посвященных вкладу Российской Федерации в достижение ЦУР 16.7 и 17.16, и ответить на следующий вопрос: каков вклад России в достижение ЦУР 16.7 и 17.16?

Гипотеза

Стратегия РФ в вопросах реализации ЦУР-30 («Цели 2030», Цели устойчивого развития до 2030 г.) определяется ключевой задачей реализации принципа социальной инклюзивности как на уровне российских регионов, так и на общемировом уровне. Поэтому авторы сочли необходимым сосредоточить внимание на проблематике Цели устойчивого развития 16 (мир, правосудие, эффективные институты) и Цели устойчивого развития 17 (партнерство в интересах устойчивого развития), конкретизируя свой экспертный анализ подцелями 16.7 «Обеспечение условий для инклюзивного ответственного принятия решений властными институтами на всех уровнях» и 17.16 «Укрепление глобального партнерства».

Проведенное исследование показывает, что Россия разрабатывает и внедряет новые подходы к достижению ЦУР 16.7 и 17.16. Что касается ЦУР 16.7, то представители общественности в России имеют возможность не только выражать свое мнение по поводу законодательных и политических инициатив, но и сами выступать с инициативами с помощью различных онлайн-ресурсов¹. В отношении ЦУР 17.16 можно привести в пример ведущую роль России в межгосударственном объединении Бразилии, России, Индии, Китая и Южно-Африканской Республики (БРИКС), которое нацелено на достижение ЦУР через многостороннее глобальное партнерство².

Гипотеза заключается в том, что прежние западные подходы к достижению ЦУР не привели к успеху. Так, Цели развития тысячелетия (ЦРТ) (2000–2015 гг.) не были достигнуты в полной мере, и поэтому введение новой повестки оказалось необходимым [10, с. 57]. Однако новые альтернативные подходы

¹ Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный ресурс] // Аналитический центр при правительстве Российской Федерации (2020, с. 189–190). URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26421VNR_2020_Russia_Report_Russian.pdf (дата обращения: 26.10.2024).

² XVI Саммит БРИКС. 23.10.2024. Казанская декларация. Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития безопасно [Электронный ресурс] // Президент России (сайт). URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWdG0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf> (дата обращения: 27.10.2024).

к достижению ЦУР 16.7 и ЦУР 17.16 требуют новых критериев мониторинга и оценки, чтобы эффективно измерять достижения.

Материалы и методы

Для анализа стратегического планирования и реализации подцелей ЦУР 16.7 и ЦУР 17.16 в Российской Федерации проводится исследование, которое относится к группе исследований конкретных примеров (case study) [11]. Исследование кейса (Россия) основано на глубоком понимании одного или небольшого числа примеров, включенных в реальный контекст [12, с. 1; 18, с. 4]. Для проведения исследований по методу кейса рекомендуется использовать данные из разнородных источников доказательств [18, с. 4].

Для сбора данных исследуются документы и отчеты российского правительства и актуальные научные труды, опубликованные в период с 2019 по 2025 г. Данное тематическое исследование посвящено этому периоду, чтобы проанализировать текущие меры по достижению ЦУР 16.7 и ЦУР 17.16 в России.

Новизна и актуальность

В российском научном сообществе участие Российской Федерации в реализации ЦУР 16 и ЦУР 17 еще подробно не обсуждалось, что дает возможность авторам на основе изучения российских источников сделать ряд инновационных выводов. Во-первых, РФ последовательно проводит в жизнь принцип инклюзивности, что отражено в акцентировке усилий России, прилагаемых для достижения ЦУР 16.7 и 17.16. Во-вторых, экспертная оценка достигнутых успехов и неудач РФ в реализации ЦУР-30 может оказаться полезной и для других государств.

Обзор литературы

В рамках национальной политики развития отраслевые органы государственной власти в Российской Федерации отвечают за реализацию ЦУР и соответствующих им целевых показателей¹. В 2020 г. представители Минэкономики приняли участие в форумах Организации Объединенных Наций (ООН) по устойчивому развитию, Счетная палата оценила достижения Российской Федерации в сфере ЦУР, и Росстат выпустил статистический сборник о реализации целей. Большие российские компании включали цели устойчивого развития в свою стратегию. «Добровольный национальный обзор по реализации ЦУР» был разработан Аналитическим центром при Президенте, и в июле 2020 г. доклад был представлен международному сообществу на политическом форуме высокого уровня².

Российская Федерация стремится увязать ЦУР-30 с национальной стратегией развития, что нашло отражение в Указе об определении национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. Национальные цели развития России должны обеспечить устойчивое экономическое и социальное развитие Российской Федерации, способствовать государственной и общественной безопасности и открытости для внешнего мира³.

На сессии Российской ассоциации содействия ООН (РАС ООН) в 2024 г. обсуждался вопрос о необходимости партнерства с ООН, обмена практиками в рамках повестки устойчивого развития. Сергей Васильев, заместитель постоянного представителя Российской Федерации при отделении ООН, отметил, что Россия придает большое значение реализации повестки ООН «Цели 2030» и после-

¹ Voluntary National Review 2020. Main messages for the 2020 Voluntary National Review by the Russian Federation [Электронный ресурс] // United Nations. (2020). URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/memberstates/russia> (дата обращения: 25.10.2024).

² Рахимова Н. Суверенная повестка: могут ли в России появиться свои цели устойчивого развития [Электронный ресурс] // Forbes. 10.07.2024. URL: <https://www.forbes.ru/sustainability/516478-suverennaa-povestka-mogut-li-v-rossii-poavit-sa-svoi-celi-ustojcivogo-razvitiia> (дата обращения: 25.10.2024).

³ Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [Электронный ресурс] // Президент России (сайт). URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 25.10.2024).

довательно поддерживает комплексный, всеобъемлющий и неполитизированный подход к выполнению ЦУР¹.

Несмотря на практическую приверженность Российской Федерации идее достижения ЦУР и ее открытость к равноправному диалогу на международной арене, отчет «Сети решений в области устойчивого развития» (SDSN) показывает некоторые рейтинговые снижения РФ. Если в 2016 г., согласно данным SDSN, Россия вышла на 47-е место из 149 в глобальном рейтинге по индексу ЦУР [16, с. 16], то, по данным последнего отчета SDSN, Россия находится на 56-м месте из 167 в глобальном рейтинге по индексу ЦУР [15, с. 20]. Таким образом, за последние восемь лет Россия потеряла девять позиций в рейтинге ЦУР. Однако Российская Федерация не единственная страна, отстающая в достижении ЦУР. Для сравнения, Швейцария, одна из самых развитых стран Европы, за тот же период потеряла 17 позиций в рейтинге ЦУР. В 2016 г. Швейцария находилась на 5-м месте, а в 2024 г. — на 22-м [15, с. 20; 16, с. 16].

Меры России по достижению ЦУР 16.7

Эксперты подчеркивают, что ЦУР 16 — одна из самых амбициозных целей. Это связано с политическими и практическими проблемами при ее реализации [13, с. 55]. Подцель ЦУР 16.7 значима в России и призывает к вовлечению в участие множество заинтересованных в разработке и реализации мер по достижению цели сторон². Чтобы оценить прогресс в достижении этой подцели, был разработан следующий показатель: «Доля населения, считающего процесс принятия решений инклюзивным»³. Важно подчеркнуть, что «Добровольный национальный обзор по реализации ЦУР» (ДНО) был разработан в 2020 г. и в том же году представлен постоянным представителем России при ООН, что свидетельствует о стремлении РФ продемонстрировать свою приверженность ЦУР-30⁴.

Подготовка данного доклада характеризуется высоким уровнем социальной инклюзивности множества заинтересованных сторон⁵. Для публикации этого доклада в 2020 г. были созданы 17 тематических рабочих групп по каждой из ЦУР. Более 200 специалистов и более 100 организаций приняли участие в подготовке обзора. Не только при подготовке ДНО, но и в самом отчете создание инклюзивного общества ставится в качестве цели. Приоритетами работы над документом ДНО являются:

- обеспечение конструктивного диалога между руководством страны, общественностью, деловыми и академическими кругами;
- нацеленность на инклюзивные результаты обсуждения и поддержание интереса общественности к их выполнению⁶.

Для достижения задачи 16.7 ЦУР к 2030 г. Российская Федерация принимает конкретные меры: на различных онлайн-платформах, как например, на странице regulation.gov.ru, представители широких общественных кругов могут выражать свое мнение по поводу законодательных и политических инициатив, а также выдвигать свои собственные политические инициативы⁷. Это особенно важно в плане

¹ Парфененкова М. Россия остается участником повестки устойчивого развития ООН [Электронный ресурс] // Ведомости. 15.03.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/esg/regulation/articles/2024/03/15/1025498-rossiya-ostaetsya-uchastnikom-povestki-ustoichivogo-razvitiya-onn> (дата обращения: 26.10.2024).

² Voluntary National Review 2020. Main messages for the 2020 Voluntary National Review by the Russian Federation [Электронный ресурс] // United Nations. (2020). URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/memberstates/russia> (дата обращения: 25.10.2024).

³ SDG 16.7 indicator metadata [Электронный ресурс] // United Nations Statistics Division. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/metadata/files/Metadata-16-07-02.pdf> (дата обращения: 27.10.2024).

⁴ Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный ресурс] // Аналитический центр при правительстве Российской Федерации (2020, с. 189–190). URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26421VNR_2020_Russia_Report_Russian.pdf (дата обращения: 26.10.2024).

⁵ Представители законодательной власти, федеральные и региональные органы исполнительной власти, муниципальные органы власти, Центральный Банк России, институты развития, организации гражданского общества, исследовательские организации и бизнес-сообщество входят в состав каждой группы.

⁶ Voluntary National Review 2020. Main messages for the 2020 Voluntary National Review by the Russian Federation [Электронный ресурс] // United Nations. (2020). URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/memberstates/russia> (дата обращения: 25.10.2024).

⁷ Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный ресурс] // Аналитический центр при правительстве Российской Федерации (2020, с. 189–190). URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26421VNR_2020_Russia_Report_Russian.pdf (дата обращения: 26.10.2024).

реализации подцели 16.7, поскольку российские граждане имеют возможность инициировать меры, направленные на достижение ЦУР-30.

Особо нужно отметить значение электронного ресурса «Российская общественная инициатива», который дает возможность прямого диалога власти и граждан по политически значимым проблемам¹, в частности, по социально-экономическим вопросам, что способствует повышению эффективности управленческих решений. Группа экспертов принимает решение о реализации или отклонении инициативы².

Индекс развития электронного правительства (ИРЭП) свидетельствует о прогрессе России в достижении ЦУР 16.7 современным и альтернативным способом. ИРЭП в России на 2024 г. составил 0,85 пункта, что является ростом по сравнению с предыдущими двумя годами. Это указывает на улучшение взаимодействия между государственными органами и гражданами в онлайн-формате. России была присвоена категория «Очень высокий индекс развития электронного правительства» (Very High-EGDI)³.

В дополнение к этим законодательным и политическим инициативам, направленным на реализацию мер по достижению ЦУР 16.7, Россия организует мероприятия по теме устойчивого развития и интегрирует добровольчество в систему достижения целей устойчивого развития [6, с. 109]. Например, в ноябре 2019 г. в Москве прошел Международный форум по устойчивому развитию «Общее будущее», собравший более тысячи участников в рамках шестнадцати панельных дискуссий⁴.

Усилия Российской Федерации по вовлечению к участию множества заинтересованных сторон в разработке и реализации мер по достижению цели устойчивого развития и, соответственно, по достижению подцели ЦУР 16.7 проявляются на разных уровнях. К ним относятся инклюзивная разработка «Добровольного национального обзора по реализации ЦУР» в 2020 г. и возможность для российских граждан участвовать в различных политических и правовых инициативах посредством онлайн-платформ. Кроме того, граждане Российской Федерации имеют возможность представлять свои собственные инициативы на онлайн-платформе. Волонтерство для достижения ЦУР поощряется на многочисленных мероприятиях с участием различных представителей общественности [6, с. 109]⁵.

Вызовы

Сложность организации процесса принятия инклюзивных решений с участием различных социальных групп связана с определенными вызовами. А. К. Бахматова и М. Г. Сарисвили отмечают, что отсутствует национальный рейтинг для оценки вклада частного сектора в осуществление задач ЦУР, в частности, в измерение ЦУР 16.7 [2, с. 16]. Ученые рекомендуют установить платформы устойчивого развития для взаимодействия широких общественных слоев, а также создать национальный рейтинг. Таким образом можно систематизировать отчетность по достижению ЦУР в разных организациях, чтобы оценить общий вклад в достижение ЦУР на национальном уровне [Там же].

Меры России по достижению ЦУР 17.16

Последняя из семнадцати целей повестки дня на 2030 г. определяет условия, которые должны быть созданы для достижения всех ЦУР [17]. Ключевыми элементами ЦУР 17, посвященной новому глобаль-

¹ Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный ресурс] // Аналитический центр при правительстве Российской Федерации (2020, с. 189–190). URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26421VNR_2020_Russia_Report_Russian.pdf (дата обращения: 26.10.2024).

² Российская общественная инициатива (РОИ) — интернет-ресурс для размещения общественных инициатив граждан Российской Федерации и голосования по ним [Электронный ресурс]. URL: <https://www.roi.ru/page/how-it-works/> (дата обращения: 30.10.2024).

³ E-Government Development Index (EGDI) in Russia from 2003 to 2024 [Электронный ресурс] // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/1078588/egdi-e-government-development-index-russia/> (дата обращения: 30.03.2024).

⁴ В Москве прошел Форум устойчивого развития «Общее будущее» [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20210909015256/https://xn--90aajcasa9d6bb4dg.xn--p1ai/> (дата обращения: 30.10.2024).

⁵ Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный ресурс] // Аналитический центр при правительстве Российской Федерации (2020, с. 189–190). URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26421VNR_2020_Russia_Report_Russian.pdf (дата обращения: 26.10.2024); Voluntary National Review 2020. Main messages for the 2020 Voluntary National Review by the Russian Federation [Электронный ресурс] // United Nations. (2020). URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/memberstates/russia> (дата обращения: 25.10.2024).

ному партнерству и средствам его реализации, являются опыт и подходы к поддержке усилий стран по реализации повестки дня на 2030 г. Российская Федерация ориентирована на широкое партнерство для реализации идей партнерства ЦУР-30:

- выполнение «Добровольного национального обзора» ЦУР (2020) показывает, что Россия активно участвует в работе платформы G20, которая объединяет усилия мирового сообщества по ЦУР-30¹;
- успешное председательство России в БРИКС в 2024 г. фактически прошло под девизом ЦУР 17.16 «Укрепление многосторонности в интересах справедливого глобального развития и безопасности», что ориентировано на положительное и созидательное взаимодействие со всеми заинтересованными государствами².

Как отмечают З. Е. Ступенькова и И. А. Кашуро, страны БРИКС придают особое значение ЦУР и разрабатывают необходимые политические стратегии для их реализации [8]. Стратегические планы БРИКС направлены на построение инклюзивного общества, которое позволит преодолеть прежние структуры власти и создать новый многогранный мировой порядок [3].

О. Г. Леонова указывает на то, что расширение БРИКС создает возможности для реализации многополярного мира [7]. Таким образом, БРИКС представляет собой новый подход к поддержке усилий стран по реализации ЦУР, прежде всего, что касается вопроса о глобальном партнерстве в интересах устойчивого развития (ЦУР 17.16).

Вызовы

Россия продолжает стремиться к достижению ЦУР 17.16, и ее решающая роль в БРИКС говорит в пользу этого. Успехи партнерства для достижения ЦУР 17.16 напрямую зависят от политической, социальной, демографической и экономической ситуации в отдельных странах БРИКС, поэтому у них и разные успехи в реализации целей устойчивого развития. Например, Российская Федерация находится на 46-м месте в мировом рейтинге и на первом месте среди стран БРИКС, а Индия — на 120-м месте в рейтинге и на последнем месте среди стран БРИКС.

В ежегодном докладе Кембриджского университета о выполнении ЦУР-30 отмечается, что из 165 стран, участвовавших в исследовании, наибольшего прогресса добились страны Северной Европы. Очевидно, странам БРИКС необходимо приложить больше усилий для улучшения общих показателей по ЦУР (табл.) [8, с. 211].

Таблица

Страны БРИКС по показателю индекса ЦУР на 2021 г.
Table. BRICS countries by SDG Index 2021

Место	Страна	Индекс
46	Россия	73,8
57	Китай	72,1
61	Бразилия	71,3
107	ЮАР	63,7
120	Индия	60,1

Источник: составлено по: [8, с. 211]

¹ Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года [Электронный ресурс] // Аналитический центр при правительстве Российской Федерации (2020, с. 201). URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/26421VNR_2020_Russia_Report_Russian.pdf (дата обращения: 26.10.2024).

² Щербина Е. Представители стран БРИКС утвердили декларацию об укреплении многосторонности [Электронный ресурс] // Ведомости. 23.10.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/10/23/1070526-predstavili-stran-briks-utverdili> (дата обращения: 10.11.2024).

Следовательно, Россия играет решающую роль в БРИКС в улучшении индекса ЦУР. Как страна с самым высоким индексом ЦУР, Россия в соответствии с новыми многополярными подходами должна поддерживать другие страны БРИКС в улучшении их индексов ЦУР. Это позволит группе БРИКС добиться большего прогресса в достижении ЦУР.

Результаты и обсуждение

Результаты анализа показывают, что Российская Федерация принимает большое количество мер для выполнения ЦУР 16.7 и ЦУР 17.16 на 2030 г.

Задача 16.7 направлена на вовлечение и участие широких слоев общества в принятии политических решений¹. Согласно показателю ЦУР 16.7², Россия добилась определенного прогресса в достижении этой подцели. Новейшие технологические достижения позволяют гражданам России участвовать в социальной жизни онлайн, поэтому России была присвоена категория «Очень высокий индекс развития электронного правительства» (Very High-EGDI)³.

Что касается результатов России по достижении ЦУР 17.16⁴, можно отметить, что она добивается значительного прогресса в достижении этой подцели. Важным примером этого является членство России в БРИКС и ее председательство в 2024 г. Интерес к членству в БРИКС проявляют многие страны, а в 2024 г. были приняты новые члены БРИКС⁵ и планируется дальнейшее расширение [7].

Представляется важным сделать акцент на плохо проработанной системе оценки успешности достижения цели 17.16, где учитываются количественные, а не качественные показатели. Так, при мониторинге эффективности участия заинтересованных сторон в помощи развивающимся странам учитывается количество спонсоров, а не их качественный вклад⁶. Например, развивающуюся страну А поддерживают страны X, Y и Z, и страна А демонстрирует положительные результаты по индикатору 17.16. В этом случае трудно определить, какая из трех поддерживающих стран привела к благоприятным результатам. В результате, если Россия поддерживает одну развивающуюся страну, трудно определить, насколько Россия способствовала ее прогрессу, если другие страны также поддерживают эту развивающуюся страну. Таким образом, определение качественной результативности затрудняется.

Заключение

Возвращаясь к вопросу исследования, каков вклад России в достижение ЦУР 16.7 и 17.16, можно отметить, что Россия поддерживает инклюзивность в обществе (ЦУР 16.7) и укрепление многостороннего партнерства для достижения ЦУР (ЦУР 17.16). На основе проведенного анализа можно подтвердить следующую гипотезу: для выполнения ЦУР 16.7 и 17.16 Россия делает акцент на создание условий для инклюзивного общества и для экономического и социального развития других стран.

Анализ вышеупомянутых подцелей показывает, что существующая комплексная и многогранная формулировка индикаторов ЦУР не способствует реальному измерению достижения исследуемых подцелей.

Из формулировки индикатора ЦУР 16.7 «Доля населения, считающего процесс принятия решений инклюзивным» недостаточно четко можно понять, как можно измерить долю населения. Является ли

¹ SDG 16.7 indicator metadata [Электронный ресурс] // United Nations Statistics Division. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/metadata/files/Metadata-16-07-02.pdf> (дата обращения: 27.10.2024).

² SDG 16.7 indicator metadata [Электронный ресурс] // United Nations Statistics Division. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/metadata/files/Metadata-16-07-02.pdf> (дата обращения: 27.10.2024).

³ Щербинина Е. Представители стран БРИКС утвердили декларацию об укреплении многосторонности [Электронный ресурс] // Ведомости. 23.10.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/10/23/1070526-predstavili-stran-briks-utverdili>. (дата обращения: 10.11.2024).

⁴ SDG 17.16 indicator metadata [Электронный ресурс] // United Nations Statistics Division. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/metadata/files/Metadata-17-16-01.pdf> (дата обращения: 27.10.2024).

⁵ Попытки изоляции России провалились [Электронный ресурс] // ТАСС. 23.10.2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22227763> (дата обращения: 10.11.2024).

⁶ SDG 17.16 indicator metadata [Электронный ресурс] // United Nations Statistics Division. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/metadata/files/Metadata-17-16-01.pdf> (дата обращения: 27.10.2024).

это всем населением или конкретной целевой группой? Кроме того, остается открытым вопрос, о каких решениях говорится — правовых, политических, судебных или иных? Даже если ответить на эти вопросы применительно к российскому контексту, является ли этот показатель подходящим для измерения прогресса в достижении ЦУР 16.7? Остается открытым и вопрос о том, является ли количественный индикатор ЦУР 17.16 подходящим для измерения прогресса в достижении ЦУР 17.16? Как можно усовершенствовать этот показатель, чтобы улучшить измерение прогресса в достижении ЦУР 17.16 как на глобальном уровне, так и в российском контексте?

Перечисленные вопросы могут послужить отправной точкой и основой для дальнейших исследований. Они также могут быть применены к другим странам для анализа их планов действий по реализации этих двух ЦУР и принятых мер. Ответы на вышеупомянутые вопросы не содержатся в данном исследовании, но вопросы вытекают из результатов анализа и их можно использовать в качестве отправной точки для дальнейших исследований. Необходимо разработать новую статистическую систему, чтобы можно было отслеживать и оценивать прогресс.

Россия играет новаторскую роль в реализации новых подходов к созданию инклюзивного общества (ЦУР 16.7) и альтернативного многостороннего глобального партнерства в интересах устойчивого развития (ЦУР 17.16).

Список литературы

1. *Барина В. А., Земцов С. П.* Инклюзивный рост и устойчивость регионов России // Регион: экономика и социология. 2019. № 1 (101). С. 23–46. EDN: ZADYOL. DOI: 10.15372/REG20190102.
2. *Бахматова А. К., Саришвили М. Г.* Механизм достижения целей устойчивого развития в России: проблемы и пути их решения // Фундаментальные исследования. 2021. № 3. С. 12–16. EDN: CISKFK. DOI: 10.17513/fr.42973.
3. *Васильева Н. А., Бахтуридзе З. З.* Роль концепции инклюзивности в стратегиях развития стран БРИКС // Латинская Америка. 2023. № 1. С. 6–20. EDN: YNWRPK. DOI: 10.31857/S0044748X0023815-5.
4. *Винничек С.-В. В.* К вопросу о достижении целей устойчивого развития в условиях санкций [Электронный ресурс]. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/301225/1/232-234.pdf> (дата обращения: 11.11.2024).
5. *Груничев М. М.* «Человекоцентричный» («человекоразмерный») поворот в эволюции концепции “Smart City” и участие субъектов гражданского общества в принятии политических решений // Управленческое консультирование. 2023. № 6. С. 130–136. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-6-130-136.
6. *Зиневич О. В., Мелёхина Е. А.* Российское студенческое волонтерство в контексте целей и ценностей устойчивого развития // Высшее образование в России. 2024. Т. 33, № 3. С. 104–125. EDN: IQKSNU. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-33-3-104-125.
7. *Леонова О. Г.* Расширение БРИКС и его геополитические последствия // Россия и современный мир. 2024. № 2 (123). С. 55–71. EDN: CMNYAW. DOI: 10.31249/rsm/2024.02.04.
8. *Ступенькова З. Е., Кашуро И. А.* Страны БРИКС и цели в области устойчивого развития Организации Объединенных Наций // Россия и современный мир. 2023. № 3 (120). С. 206–225. EDN: WDMEEQ. DOI: 10.31249/rsm/2023.03.13.
9. *Тованцова Е. Н.* § 1.1. 7 Обеспечение открытости, инклюзивности, участия и представительности принятия управленческих решений в условиях глобальных вызовов // Глобальные вызовы, новые риски и приоритеты экономических систем. 2019. С. 83–91. EDN: YXFHTZ.
10. *Bidarbakhtnia A.* Measuring Sustainable Development Goals (SDGs): An Inclusive Approach // Global Policy. 2020. Vol. 11, No. 1. P. 56–67. DOI: 10.1111/1758-5899.12774.
11. *Blatter J., Haverland M.* Designing Case Studies: Explanatory Approaches in Small-N Research. Palgrave Macmillan. 2012. 262 p. ISBN: 9781349320851.
12. *Bromley D. B.* The Case-Study Method in Psychology and Related Disciplines. John Wiley & Sons. 1986. 351 p. ISBN: 100471908533.

13. *Ivanovic A., Cooper H., Nguyen A. M.* Institutionalisation of SDG 16: More a Trickle Than a Cascade? // *Social Alternatives*. 2018. Vol. 37, No. 1. P. 49–57. URL: https://www.athenamnguyen.com/assets/publications/Athena_Nguyen-Institutionalisation_of_SDG_16.pdf.
14. *McDermott C. L., Acheampong E., Arora-Jonsson S.* [et al.] SDG 16: Peace, Justice and Strong Institutions — A Political Ecology Perspective. In: *Sustainable Development Goals: Their Impacts on Forests and People*. Cambridge University Press, 2019. P. 510–540. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781108765015>.
15. *Sachs J., Lafortune G., Fuller G.* The SDGs and the UN Summit of the Future. *Sustainable Development Report 2024*. Paris : SDSN, Dublin : Dublin University Press. 500 p. DOI: 10.25546/108572.
16. *Sachs J., Schmidt-Traub G., Kroll C.* [et al.] SDG Index and Dashboards — Global Report. New York : Bertelsmann Stiftung and Sustainable Development Solutions Network (SDSN), 2016. 58 p. URL: https://s3.amazonaws.com/sustainabledevelopment.report/2016/2016_sdg_index_and_dashboards_report.pdf.
17. *Schmassmann E., Agazzi I., Gross D.* [et al.] Align all Policy Fields with Sustainable Development // *Plattform Agenda 2030*. 2024. URL: <https://www.swissplatformagenda2030.ch/project/sdg17/>.
18. *Yin R. K.* A (very) Brief Refresher on the Case Study Method // *Application of Case Study Research*. 2012. No. 3. URL: https://study.sagepub.com/sites/default/files/a_very_brief_refresher_on_the_case_study_method.pdf.

Об авторах:

Андреева Виктория Ивайлова, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия);

e-mail: viktoriyaandreeva55@yandex.ru; ORCID: 0009-0003-6792-1736

Васильева Наталия Алексеевна, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия);

e-mail: n52basil@gmail.com; ORCID: 0000-0002-2708-414x

References

1. Barinova, V. A., Zemtsov, S. P. Inclusive Growth and Regional Resilience in Russia // *Region: Economics & Sociology*. 2019. No. 1 (101). P. 23–46. (In Russ.) EDN: ZADYOL. DOI: 10.15372/REG20190102.
2. Bakhmatova, A. K., Sarishvili, M. G. The Mechanism of Achieving the Sustainable Development Goals in Russia: Problems and Ways of Their Solution // *Fundamental Research*. 2021. No. 3. P. 12–16. (In Russ.) EDN: CISKFK. DOI: 10.17513/fr.42973.
3. Vasilieva, N. A., Bakhturidze, Z. Z. The Role of the Inclusiveness Concept in the Development Strategies of the BRICS Countries // *Latin America*. 2023. No. 1. P. 6–20. (In Russ.) EDN: YNWPHK. DOI: 10.31857/S0044748X0023815-5.
4. Vinnicek, S. W. W. Towards Achieving Sustainable Development Goals under Sanctions [Electronic resource]. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/301225/1/232-234.pdf> (accessed: 11.11.2024). (In Russ.)
5. Grunichev, M. M. “Human-Centric” (“Human-Sized”) Turn in the Evolution of the “Smart City” Concept and the Participation of Civil Society Actors in Political Decision-Making // *Administrative Consulting*. 2023. No. 6. P. 130–136. (In Russ.) DOI: 10.22394/1726-1139-2023-6-130-136.
6. Zinevich, O. V., Melekhina, E. A. Russian University Students’ Volunteering within the Framework of Sustainable Development Goals and Values // *Higher Education in Russia*. 2024. Vol. 33, No. 3. P. 104–125. (In Russ.) EDN: IQKSNU. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-33-3-104-125.
7. Leonova, O. G. BRICS Expansion and Its Geopolitical Consequences // *Russia and the Contemporary World*. 2024. No. 2 (123). P. 55–71. (In Russ.) EDN: CMNYAW. DOI: 10.31249/rsm/2024.02.04.
8. Stupenkova, Z. E., Kashuro, I. A. BRICS Club and the United Nations Sustainable Development Goals // *Russia and the Modern World*. 2023. No. 3 (120). P. 206–225. (In Russ.) EDN: WDMEEQ. DOI: 10.31249/rsm/2023.03.13.

9. Tovanchova, E. N. § 1.1. 7 Ensuring Openness, Inclusiveness, Participation and Representativeness of Managerial Decision-Making in the Context of Global Challenges // *Global Challenges, New Risks and Priorities of Economic Systems*. 2019. P. 83–91. (In Russ.) EDN: YXFHTZ.
10. Bidarbakhtnia, A. Measuring Sustainable Development Goals (SDGs): An Inclusive Approach // *Global Policy*. 2020. Vol. 11, No. 1. P. 56–67. DOI: 10.1111/1758-5899.12774.
11. Blatter, J., Haverland, M. *Designing Case Studies: Explanatory Approaches in Small-N Research*. Palgrave Macmillan. 2012. 262 p. ISBN: 9781349320851.
12. Bromley, D. B. *The Case-Study Method in Psychology and Related Disciplines*. John Wiley & Sons. 1986. 351 p. ISBN: 100471908533.
13. Ivanovic, A., Cooper, H., Nguyen, A. M. Institutionalisation of SDG 16: More a Trickle Than a Cascade? // *Social Alternatives*. 2018. Vol. 37, No. 1. P. 49–57. URL: https://www.athenamnguyen.com/assets/publications/Athena_Nguyen-Institutionalisation_of_SDG_16.pdf.
14. McDermott, C. L., Acheampong, E., Arora-Jonsson, S. [et al.] SDG 16: Peace, Justice and Strong Institutions — A Political Ecology Perspective. In: *Sustainable Development Goals: Their Impacts on Forests and People*. Cambridge University Press, 2019. P. 510–540. DOI: 10.1017/9781108765015.
15. Sachs, J., Lafortune, G., Fuller, G. *The SDGs and the UN Summit of the Future*. Sustainable Development Report 2024. Paris : SDSN, Dublin : Dublin University Press. 500 p. DOI: 10.25546/108572.
16. Sachs, J., Schmidt-Traub, G., Kroll, C. [et al.] *SDG Index and Dashboards — Global Report*. New York : Bertelsmann Stiftung and Sustainable Development Solutions Network (SDSN), 2016. 58 p. URL: https://s3.amazonaws.com/sustainabledevelopment.report/2016/2016_sdg_index_and_dashboards_report.pdf.
17. Schmassmann, E., Agazzi, I., Gross, D. [et al.] *Align all Policy Fields with Sustainable Development // Plattform Agenda 2030*. 2024. URL: <https://www.swissplatformagenda2030.ch/project/sdg17/>.
18. Yin, R. K. A (very) Brief Refresher on the Case Study Method // *Application of Case Study Research*. 2012. No. 3. URL: https://study.sagepub.com/sites/default/files/a_very_brief_refresher_on_the_case_study_method.pdf.

About the authors:

Viktoriya I. Andreeva, Postgraduate Student (International Relations, Global and Regional Studies) of St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia);

e-mail: viktoriyaandreeva55@yandex.ru; ORCID: 0009-0003-6792-1736

Natalia A. Vasilyeva, Professor of St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), Doctor of Science (Philosophy);

e-mail: n52basil@gmail.com; ORCID: 0000-0002-2708-414x

Человеческий капитал как драйвер развития стран Большого Евразийского партнерства

Крупина А. А.

Институт развития интеграционных процессов Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития РФ, Москва, Россия
e-mail: anna.krupina.a@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Развитие человеческого капитала на евразийском пространстве является основой для эффективного сотрудничества между государствами. **Цель.** Выявить роль человеческого капитала в рамках концепции Большого Евразийского партнерства и его влияния на интеграционные процессы на евразийском пространстве, а также дать оценку значимости развития человеческого капитала для устойчивого экономического роста и социального прогресса государств-членов и потенциальных партнеров Евразийского экономического союза. **Методология.** Сочетание качественного и количественного анализа статистических данных индекса человеческого развития (ИЧР), сравнительный анализ уровня межличностного доверия, а также исследований по долгосрочному экономическому планированию и отложенной выгоде. **Результаты.** В результате исследования была проведена классификация стран по уровню индекса человеческого развития, степени социального доверия и склонности к отложенной выгоде. Выявлена корреляция между высоким уровнем ИЧР, большей социальной сплоченностью и ориентацией на долгосрочные перспективы. **Выводы.** В странах с высоким ИЧР наблюдается низкий уровень межэтнического и межрелигиозного недоверия, а также выраженная ориентация на долгосрочное планирование, что способствует укреплению экономических институтов. В странах со средним ИЧР выявлены смешанные стратегии поведения, отражающие переходный характер экономического развития. Напротив, страны с низким ИЧР демонстрируют высокий уровень недоверия и преобладание краткосрочных стратегий, что ограничивает перспективы устойчивого роста. Высокий уровень ИЧР тесно связан с социальной сплоченностью и готовностью населения к долгосрочному планированию, что создает предпосылки для экономического развития. В государствах, рассматриваемых в исследовании, наблюдаются значительные различия в показателях индекса человеческого развития, в уровне доверия между различными социальными группами, что влияет на экономическую интеграцию. Повышение уровня доверия и формирование культуры отложенной выгоды могут способствовать укреплению экономического потенциала стран со средним и низким ИЧР, создавая условия для устойчивого роста и более эффективной интеграции на евразийском пространстве.

Ключевые слова: евразийская интеграция, человеческий капитал, индекс человеческого развития, Большое Евразийское партнерство, сотрудничество

Для цитирования: Крупина А. А. Человеческий капитал как драйвер развития стран Большого Евразийского партнерства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 2. С. 118–130. EDN: OOADPU

Human Capital as a Driver of Development in the Greater Eurasian Partnership Countries

Anna A. Krupina

Institute of Integration Processes Development, Russian Academy of Foreign Trade, Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia

e-mail: anna.krupina.a@yandex.ru

ABSTRACT

The development of human capital in the Eurasian area is the basis for effective cooperation between states. **Aim.** To define the role of human capital in the framework of the Greater Eurasian Partnership concept and its impact on integration processes in the Eurasian space, as well as to assess the significance of human capital development for sustainable economic growth and social progress of member states and potential partners of the Eurasian Economic Union. **Methods.** A combination of qualitative and quantitative analysis of Human Development Index statistics, comparative analysis of interpersonal trust, and research on long-term economic planning and deferred benefits. **Results.** In the countries mentioned in the research, there are considerable differences in human development index indicators, in the level of trust between different social groups, which affects economic integration. The development of human capital in the Eurasian space is the basis for effective cooperation between states. **Conclusions.** For the successful implementation of the concept of the Greater Eurasian Partnership, it is necessary to develop human capital in a comprehensive way, including improvement of access to education, health care and creation of conditions for free movement of labor. The level of trust between states and their citizens plays a key role in the integration process, facilitating successful cooperation and reducing barriers to joint projects. The Eurasian Economic Union countries should focus on socio-economic initiatives aimed at increasing the level of trust and enhancing economic activity in order to achieve sustainable growth.

Keywords: Eurasian integration, human capital, human development index, Greater Eurasian Partnership, cooperation

For citation: Krupina A. A. Human Capital as a Driver of Development in the Greater Eurasian Partnership Countries // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 118–130. (In Russ.). EDN: OOADPU

Введение

В 2015 г. Президентом Российской Федерации Владимиром Путиным была предложена инициатива Большого Евразийского партнерства (БЕП)¹, направленная на создание экономико-политического пространства, основанного на принципах многополярности и справедливого миропорядка. Концепция БЕП предусматривает объединение усилий существующих интеграционных структур, таких как Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и БРИКС, и зачастую именуется как «интеграция интеграций».

Основным направлением интеграции является экономика, однако для достижения интеграционных целей необходимо создание не только единого экономического, но и общего социального пространства. Интеграция должна быть не только инициативой элит, но и разделяемой обществом идеей. Это возможно при наличии доверия к власти и социальных гарантий, которые будут обеспечиваться в соответствии с интересами граждан [10, с. 59].

¹ О российской инициативе Большого Евразийского партнерства // МИД РФ. 15.06.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/activity/coordinating_and_advisory_body/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767070/ (дата обращения: 10.03.2025).

Для успешной региональной интеграции крайне важно уделять внимание развитию человеческого капитала, поскольку он является основой для экономического роста и устойчивого развития объединяемых стран [3, с. 144–145]. Человеческий капитал — это совокупность знаний, навыков, умений, опыта, здоровья и мотивации, которыми обладают люди, которые используются для производства товаров и услуг и которые необходимо развивать для увеличения конкурентоспособности, экономического развития и общественного прогресса [4, с. 81].

В рамках исследования применяются методы, объединяющие качественный и количественный анализ с целью изучения роли человеческого капитала в контексте концепции Большого Евразийского партнерства. Основное внимание уделяется сравнительному анализу статистических данных, позволяющему выявить закономерности и различия в социально-экономических показателях и уровнях развития стран, рассматриваемых в исследовании.

В концепции БЕП ключевая роль отведена ЕАЭС, который призван стать основой для дальнейшего экономического взаимодействия через создание зон свободной торговли и иные формы интеграции. Согласно ст. 1 Договора о Евразийском экономическом союзе стороны стремятся обеспечить свободу движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы¹. Хотя в Договоре напрямую не говорится о развитии человеческого капитала, данному вопросу уделяется достаточно внимания через заявления о свободном перемещении трудовых ресурсов, улучшении доступа к образованию и квалифицированному труду, а также социальных гарантиях для граждан государств — членов ЕАЭС.

В иных документах данные вопросы также поднимаются, в частности, в решении о Стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 г., принятом Высшим Евразийским экономическим советом, отдельными пунктами выделяются наращивание научно-технического потенциала, «предоставление социальных гарантий, а также развитие человеческого потенциала как основного фактора устойчивого и сбалансированного экономического роста»². Указанные цели имеют особое значение в рамках формирования Большого Евразийского партнерства, поскольку способствуют формированию единого рынка труда, на котором происходит эффективное распределение человеческих ресурсов в соответствии с экономическими потребностями региона. Кроме того, развитие человеческого капитала ускоряет технологический прогресс и процесс внедрения инновации за счет обмена знаниями и навыками между государствами.

К потенциальным странам БЕП, помимо государств — членов ЕАЭС, можно отнести [11, с. 44]:

- Таджикистан, Узбекистан, Китай, Индию, Пакистан как членов ШОС (Узбекистан является наблюдателем при ЕАЭС, а также, наряду с Таджикистаном, — членом Зоны свободной торговли (ЗСТ) Содружества независимых государств (СНГ);
- Азербайджан, Туркменистан, Молдову (члены Зоны свободной торговли СНГ);
- Сербию, Иран, Вьетнам, Сингапур (подписаны Соглашения о ЗСТ с ЕАЭС);
- Египет, Индонезию, ОАЭ, Монголию, Тунис (потенциально возможно подписание Соглашений о ЗСТ);
- Малайзию, Камбоджу, Таиланд, Филиппины, Лаос, Мьянму (как членов АСЕАН);
- Непал, Турцию, Шри-Ланку (наблюдатели и партнеры по диалогу с ШОС).

Все указанные государства, кроме Индии, также поддерживают китайскую инициативу «Пояс и путь». Взаимодействие стран в этом контексте приобретает особое значение для формирования комплексной транспортно-логистической, торгово-экономической и социокультурной архитектуры на евразийском пространстве. При этом потенциальные страны БЕП представляют собой совокупность государств, принадлежащих к различным регионам и культурам и даже цивилизационным традициям, что подчеркивает многомерность процессов интеграции в рамках партнерства.

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/2bbbf9ae33443d533d855bf225707e/Dogovor_ees.pdf (дата обращения: 22.12.2024).

² Решение № 12 О стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года. 11.12.2020 [Электронный ресурс]. URL: https://docs.eaunion.org/docs/ru-ru/01428320/scd_12012021_12 (дата обращения: 28.12.2024).

Материалы и методы

Данное исследование опирается на данные ООН по индексу человеческого развития стран, на данные Глобального исследования ценностей 2017–2022 гг., а также на исследования института Гэллага о склонности людей выбирать быстрое получение результатов. Потенциальные члены БЕП определены на основе имеющихся исследований на эту тему. Категория доверия определена на основе трудов в сфере психологии. В результате сравнительного и качественного анализа указанных данных предпринята попытка доказать гипотезу о необходимости развития человеческого капитала на евразийском пространстве для эффективного сотрудничества между государствами.

Повышение индекса человеческого развития как цель для стран Большого Евразийского партнерства

Одним из ключевых существующих показателей, который используется для оценки долгосрочного прогресса стран, является индекс человеческого развития (ИЧР). ИЧР — это совокупный коэффициент, который включает усредненные значения основных показателей человеческого развития, таких как продолжительность жизни, уровень образования и уровень жизни в целом¹. Высокие значения ИЧР, достигаемые за счет инвестиций в образование и здравоохранение, способствуют увеличению производительности труда, росту инновационной активности и привлечению иностранных инвестиций. Кроме того, развитие человеческого потенциала положительно влияет на социальную стабильность, снижая уровень неравенства между представителями разных слоев населения [14, с. 34], поэтому повышение ИЧР следует рассматривать как стратегический приоритет для стран, стремящихся к устойчивому экономическому росту и улучшению качества жизни населения.

Важным направлением в развитии интеграционных процессов является повышение уровня жизни населения путем разработки эффективных мер как на национальном уровне с последующим внедрением успешных практик на международном уровне, так и путем реализации совместных инициатив в рамках межгосударственного сотрудничества. Интеграция обычно основывается на осознании наличия общих угроз и вызовов, комплементарных проблем и, кроме того, возможности оказывать взаимную помощь странам — членам интеграционного объединения в решении различных задач.

Если мы обратимся к показателю индекса человеческого развития в ряде стран евразийского пространства за 2021 г., то увидим, что значения ИЧР заметно различаются (рис. 1). По данному показателю можно выделить три группы стран:

- с высоким ИЧР (выше 0,8);
- со средним ИЧР (0,7–0,8);
- с низким ИЧР (ниже 0,699).

К государствам с высокими значениями ИЧР относятся Сингапур (0,939), Япония (0,925) и Республика Корея (0,925). ИЧР выше значения 0,8 имеют и государства — члены ЕАЭС, такие как Россия, Казахстан и Белоруссия. При этом Армения, которая также входит в Союз, имеет значение ИЧР 0,759, а Киргизия — 0,692. Данные показатели отражают необходимость принятия дополнительных мер для повышения ИЧР в странах ЕАЭС, позиционирующих себя как ядро «интеграции интеграций».

Самые низкие показатели ИЧР имеют Пакистан (0,544), Мьянма (0,585) и Камбоджа (0,593). В Пакистане в последние годы наблюдается стагнация, на уровень жизни влияет политический кризис 2022 г., природные катаклизмы и безопасность на границах с Афганистаном, поэтому среди рассматриваемых государств Пакистан единственный относится к категории низкого уровня развития человеческого капитала. В Республике Союз Мьянма продолжается борьба с оппозицией после смены власти в 2021 г. В Камбодже наблюдаются проблемы с доступом к образованию, особенно в сельских районах, значительная часть населения по-прежнему живет за чертой бедности².

¹ Human Development Index (HDI). UNDP [Электронный ресурс]. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI> (дата обращения: 28.12.2024).

² Доклад о человеческом развитии 2021/2022. UNDP [Электронный ресурс]. URL: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2021-22overviewru.pdf> (дата обращения: 29.12.2024).

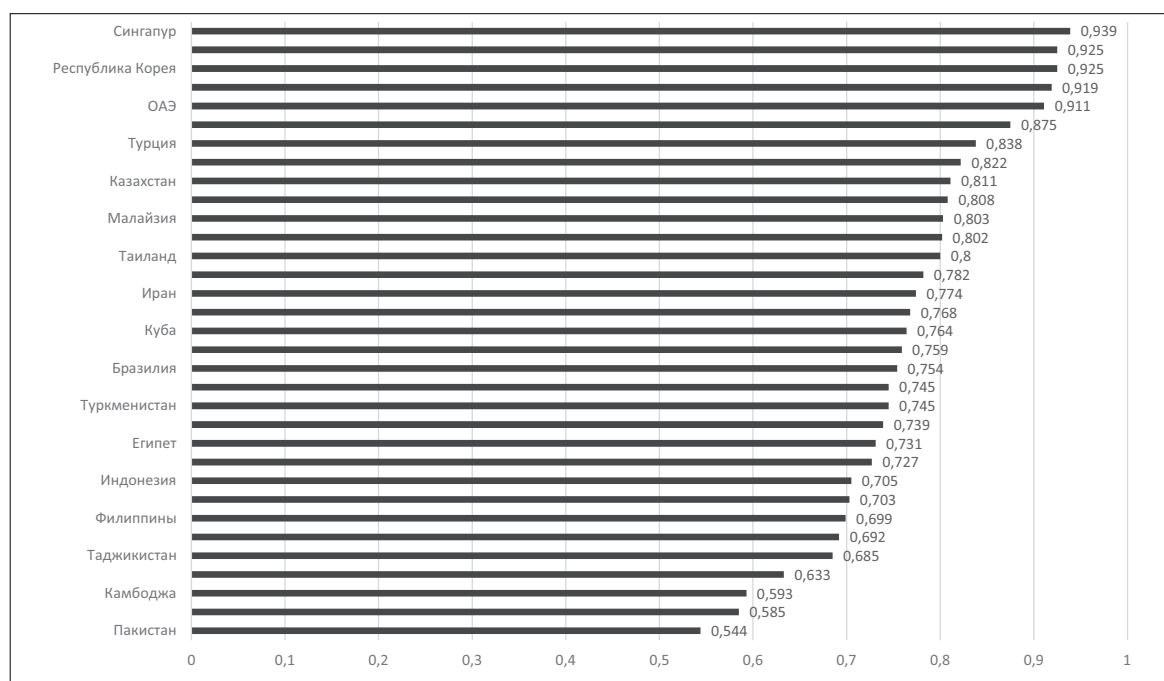

Рис. 1. Индекс человеческого развития в странах БЕП (2021 г.)

Fig. 1. Human Development Index in the countries of the Greater Eurasian Partnership (2021)

Источник: Human Development Index (HDI). UNDP [Электронный ресурс]. URL: <https://hdr.undp.org/data-center/human-development-index#/indicies/HDI> (дата обращения: 28.12.2024).

Сравнение численности населения и показателей индекса человеческого развития (ИЧР) демонстрирует отсутствие прямой зависимости между этими параметрами. Так, в 2021 г. население Сингапура составляло около 5,5 млн чел., Японии — 125,6 млн, Республики Кореи — 51,8 млн, Израиля — 8,9 млн, а ОАЭ — 9,7 млн. При этом страны с низким показателем ИЧР также различаются по количеству населения: Пакистан — 239,4 млн чел., Мьянма — 53,3 млн, Камбоджа — 16,9 млн, Индия — 1,4 млрд¹.

Как считает доктор экономических наук А. В. Корицкий, эффективность реализации человеческого капитала в экономике носит пространственно неоднородный характер: она значительно выше на территориях с высокой заселенностью и уровнем урбанизации. Экономическое развитие может быть обусловлено взаимосвязанными процессами накопления человеческого капитала и экономического роста, где большая роль отведена уровню образования. Этот социальный институт обеспечивает инвестирование в человеческий капитал и передачу знаний между поколениями [9, с. 28–29].

Таким образом, государствам необходимо в первую очередь обращать внимание на эффективное использование имеющихся ресурсов для того, чтобы поднимать уровень жизни населения. Перед всеми рассматриваемыми странами стоит задача по развитию человеческого капитала, что предполагает сокращение уровня бедности, увеличение доступности образования и медицинских услуг, а также оптимизацию распределения ресурсов для устойчивого роста и развития.

Формирование сетей доверия как основа для успешной экономической интеграции в регионе Большого Евразийского партнерства

Доверие населения — это важный фактор экономического развития государства. Несмотря на то, что государство представляет собой систему слаженно функционирующих институтов, эти институты создаются непосредственно людьми, поэтому межличностные отношения и уровень доверия населения

¹ Population pyramid [Электронный ресурс]. URL: <https://www.populationpyramid.net/> (дата обращения: 31.12.2024).

напрямую влияют на эффективность работы этих структур и способствуют формированию стабильной экономики и устойчивого общественного развития [6, с. 59].

Доверие — это психологическая категория, которая напрямую связана с чувством комфорта, безопасностью, что делает людей более открытыми к сотрудничеству. Доверию обычно противопоставляется категория недоверия, которое порождает страх, тревогу, скованность, что затрудняет взаимодействие. Психологическое определение доверия раскрывает его способность объединять, тогда как характеристики недоверия явно указывают на его деструктивный и разобщающий эффект. Так, И. В. Антоненко пишет, что аналогично происходящему в личных отношениях, в других сферах, в том числе политической и экономической, доверие способствует интеграции. Доверие между социальными группами, включая этнические и конфессиональные, а также общий язык способствуют укреплению межличностных и межгрупповых связей и росту взаимопонимания. Низкий уровень доверия, напротив, разъединяет общество [3, с. 99], поэтому можно сказать, что доверие к другим социальным группам — это важный фактор, в том числе для региональной экономической интеграции.

Вопросы межличностного доверия имеют ключевое значение для социально-экономического развития в странах с различным уровнем доходов и социальной защищенности. На основании данных, представленных в Глобальном исследовании ценностей, волны 6–7¹, можно проследить зависимость между уровнем доходов, степенью социальной защищенности и доверием к различным группам людей.

Анализируя уровень межличностного доверия, можно отметить, что в странах с более высокими доходами и низким уровнем социальной незащищенности наблюдается значительное увеличение доверия к незнакомым людям, представителям другой религии или национальности (рис. 2, с. 125). Например, среди респондентов с высокими доходами 42,4% склонны доверять незнакомцам, 63,8% доверяют представителям другой религии, а 61,6% — представителям иной национальности. В то же время среди респондентов с доходами среднего уровня доверие к незнакомцам снижается до 33,6%, а к представителям другой религии и национальности — до 52,1% и 51% соответственно. Это подтверждает, что чувство безопасности и экономическая стабильность прямо влияют на готовность людей вступать в доверительные отношения, а значит, и выстраивать взаимодействие как внутри стран, так и на международной арене, где доверие служит необходимостью для эффективного сотрудничества и укрепления взаимных связей.

Данные, представленные на графике ниже (рис. 3, с. 126), иллюстрируют ситуацию в государствах-членах, странах — партнерах ЕАЭС и потенциальных участниках Большого Евразийского партнерства. В основном рассматриваемые страны показывают низкий уровень межперсонального доверия. На общем фоне выделяется Китай, в котором 63% респондентов скорее склонны доверять людям, а также высокий уровень генерализованного доверия показывает Белоруссия — 40%.

Особое внимание стоит обратить и на другие страны ЕАЭС, где показатели уровня доверия гораздо ниже, чем в Белоруссии. Например, в России уровень доверия составляет 26,3%, в Казахстане — 22,8%. В Киргизии и Армении показатели находятся на невысоком уровне — 12,8% и 8,5% соответственно.

Что касается уровня доверия респондентов различных стран к людям других национальностей, по данным Глобального исследования ценностей 2017–2022 гг., полное доверие отмечается не более чем у 10% респондентов от каждой из представленных стран. Высокий уровень недоверия к людям других национальностей (ответ «совсем не доверяю» — 40% и выше) характерен для таких стран, как Таджикистан (51,6%), Пакистан (48,6%), Мьянма (46%), Монголия (40%). К странам со средним уровнем недоверия («совсем не доверяю» — 20–39%) относятся Армения (35,7%), Казахстан (21,3%), Россия (20%), Азербайджан (30,5%), Бразилия (31,1%), Китай (26%), Индонезия (37,7%), Иран (36%), Таиланд (23,3%), Турция (21,5%), Индия (27,1%). С низким («совсем не доверяю» — ниже 20%) — Белоруссия (10,1%), Казахстан (17,2%), Малайзия (16,8%), Вьетнам (19,6%).

Аналогичные тенденции в уровне доверия прослеживаются и в отношении представителей других религий. Например, уровень полного доверия немного превышает 10% только у представителей Ирана и Индии. Высокий уровень недоверия («совсем не доверяю» — 40% и выше) наблюдается у представи-

¹ World Values Survey 2017–2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp> (дата обращения: 05.12.2024).

телей Таджикистана (58,8%), Армении (45,9%), Пакистана (45,8%), Мьянмы (45%). Средний («совсем не доверяю» — 20–39%) — Казахстан (20,6%), Киргизия (27,8%), Россия (20,3%), Азербайджан (29,1%), Китай (23,3%), Индонезия (25,8%), Монголия (33,8%), Турция (21,1%), Индия (20,2%). Низкий («совсем не доверяю» — ниже 20%) — Белоруссия (10,2%), Бразилия (16,3%), Иран (17,5%), Малайзия (5,6%), Вьетнам (14,2%), Таиланд (18,3%)¹.

Сравнительный анализ показывает, что уровень доверия к людям других национальностей и религий варьируется не только между странами, но и в зависимости от религиозной и этнической гомогенности общества. Высокие уровни недоверия могут быть связаны с историческими конфликтами, культурными различиями или политическими факторами. В частности, страны с преимущественно однонациональным или моноконфессиональным составом, такие как Пакистан, или же Мьянма, где имеет место политическая нестабильность в последние годы, демонстрируют более высокий уровень недоверия, что подтверждает важность интенсификации межкультурного диалога для снижения коммуникационных барьеров.

Дополнительно стоит отметить, что уровень межличностного доверия напрямую влияет на экономическую и социальную устойчивость государства. Чем выше степень доверия среди граждан друг к другу и к представителям других государств, тем больше появляется возможностей для реализации совместных проектов как на внутреннем, так и на международном уровнях. Это создает благоприятные условия для привлечения инвестиций, расширения сотрудничества и углубления интеграционных процессов. Снижение уровня доверия, напротив, может приводить к ухудшению качества социальной жизни, росту экономических рисков и эскалации конфликтов.

Одним из ключевых условий для достижения стабильности в межгрупповом взаимодействии является необходимость учитывать интересы различных социальных групп, будь то молодежь, представители различных национальностей и религий и др. В совокупности эти части общества играют решающую роль в процессе социального развития [7, с. 42]. Согласно мнению французского социолога П. Бурдьё, культурные ценности, передаваемые через образовательные системы, выступают фундаментом для достижения доверия и согласия между различными социальными группами в обществе [11, с. 87].

Интересы государств на пространстве Большого Евразийского партнерства тесно переплетаются, что через различные источники информации влияет на восприятие представителей тех или иных государств. В частности, Россия позиционирует себя как гарант политической стабильности, а Китай, обладая большими ресурсами, заинтересован в сохранении своего положения в качестве экономического лидера. Несмотря на тесную взаимосвязь этих интересов, существуют потенциальные конфликтные точки, которые освещаются в СМИ. Также существуют угрозы со стороны радикальных группировок, которые преимущественно сосредоточены в Центральной Азии, из-за чего в обществе уровень доверия к лицам определенных национальностей и представителей некоторых религий снижается. Необходим комплексный подход в решении существующих проблем и гибкость, чтобы находить и демонстрировать точки соприкосновения как между государствами, так и между их гражданами [5, с. 66].

Отложенная выгода как залог экономического роста и планирования будущего

Концепция временного дисконтирования (temporal discounting) — параметр, который важно учитывать при оценке способности населения делать долгосрочные прогнозы на будущее. Нейроэкономика — междисциплинарная область, объединяющая экономику, психологию и нейробиологию, — рассматривает склонность человека снижать субъективную ценность вознаграждения по мере увеличения времени ожидания. Это объясняет стремление получить «все и сразу», избегая ожидания отложенных материальных благ [8, с. 32]. Способность делать долгосрочные прогнозы оказывает влияние на готовность делать долгосрочные инвестиции, выстраивать продолжительные по времени проекты. Чем больше людей в обществе способны оценивать и принимать решения на долгосрочную перспективу, тем выше вероятность формирования успешной инвестиционной среды в стране и интенсивного экономического

¹ World Values Survey 2017–2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSOnline.jsp> (дата обращения: 05.12.2024).

развития. Навыки долгосрочного планирования способствуют реализации проектов с продолжительным периодом окупаемости. Способность отказаться от выгоды в моменте, чтобы в будущем получить в разы больше, — показатель развитой экономической системы.

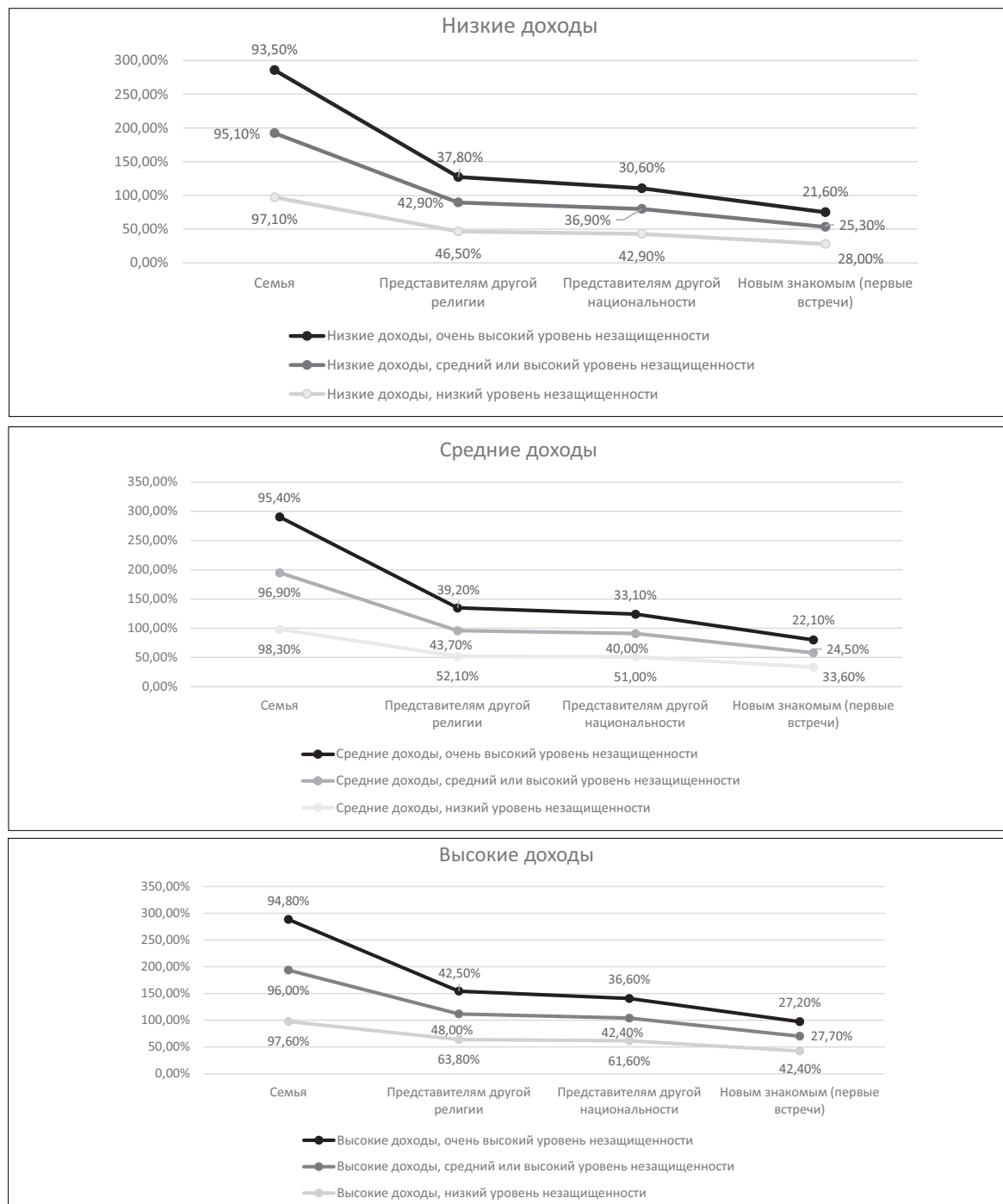

Рис. 2. Зависимость уровня межличностного доверия от уровня доходов и уровня незащищенности

Fig. 2. Dependence of the level of interpersonal trust on the level of income and level of insecurity

Источник: World Values Survey 2017–2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>

(дата обращения: 05.12.2024).

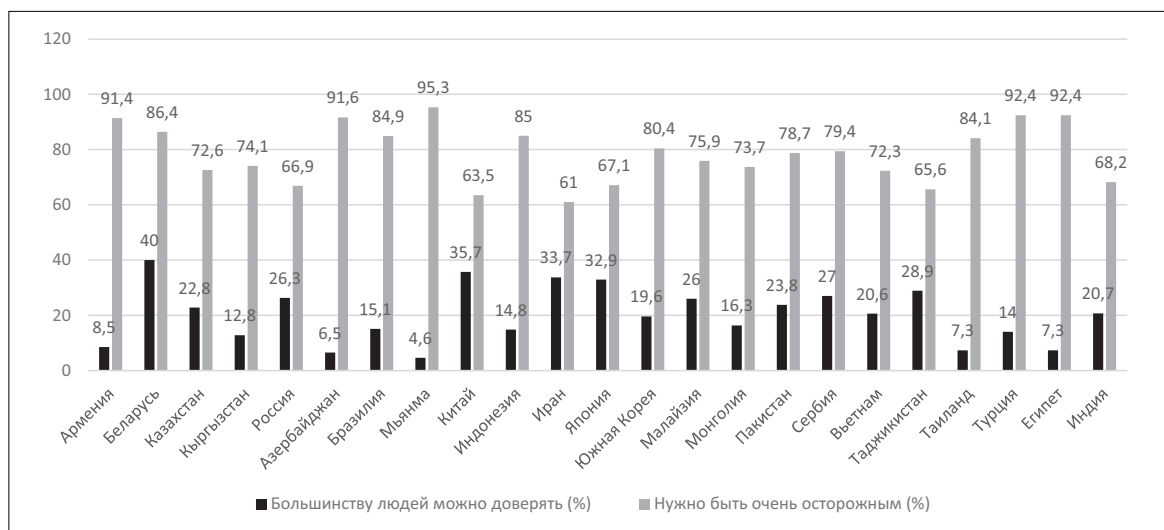

Рис. 3. Можно ли доверять большинству людей?

Fig. 3. Should most people be trusted?

Источник: World Values Survey 2017–2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>

(дата обращения: 05.12.2024).

Долгосрочные проекты создают основу для устойчивого экономического роста, поскольку ресурсы, направленные на развитие инфраструктуры, образования или научных исследований, могут приносить многократную отдачу в будущем. Однако реализация принципа отложенной выгоды требует наличия ряда условий, при невыполнении которых желание делать долгосрочные вложения может быть сильно ограниченным. Во-первых, стабильной институциональной среды, способствующей доверию граждан к долгосрочным инвестициям. Во-вторых, высокого уровня финансовой грамотности населения, позволяющего оценивать риски и выгоды отложенных решений. Значительный вклад в уровень финансовой грамотности вносит система общего образования, куда стоит включать обучение долгосрочному прогнозированию [12, с. 393].

Отложенная выгода также служит важным индикатором эффективности государственной политики. Например, стимулирование сбережений и инвестиций через налоговые льготы или государственные программы может стать катализатором увеличения долгосрочных вложений. Эффективные стратегии в этой сфере позволят укрепить макроэкономическую стабильность, создать условия для роста ВВП и повышения благосостояния населения.

Анализ представленных данных (рис. 4) позволяет сделать выводы о различиях в предпочтениях населения различных стран относительно экономических решений. В ряде стран (Республика Корея, Япония, Казахстан, Индия) доля людей, готовых отложить немедленное получение дохода ради большего вознаграждения в будущем, находится на высоком уровне (более 50%), что говорит об умении планировать на долгосрочную перспективу и стремлении к рациональному планированию финансов.

В то же время в ОАЭ, Индонезии, Таиланде и Пакистане преобладают предпочтения немедленного дохода (более 50% ответов). В России также наблюдается достаточно высокая доля тех, кто выбирает немедленный доход (32%), 20% выбирают получение двух месячных доходов через год. При этом необходимо учитывать, что от 48% респондентов ответов не было, что не позволяет увидеть полную картину.

Тем не менее на основании данных можно выделить три подгруппы стран:

- страны, население которых ориентировано на немедленную выгоду (наибольшая доля выбрала «Получить месячный доход сейчас»: ОАЭ (56% за доход сейчас, 43% за два дохода через год), Индонезия (58% за доход сейчас, 37% за два дохода через год), Таиланд (60% за доход сейчас, 33% за два дохода через год), Пакистан (69% за доход сейчас, 21% за два дохода через год);

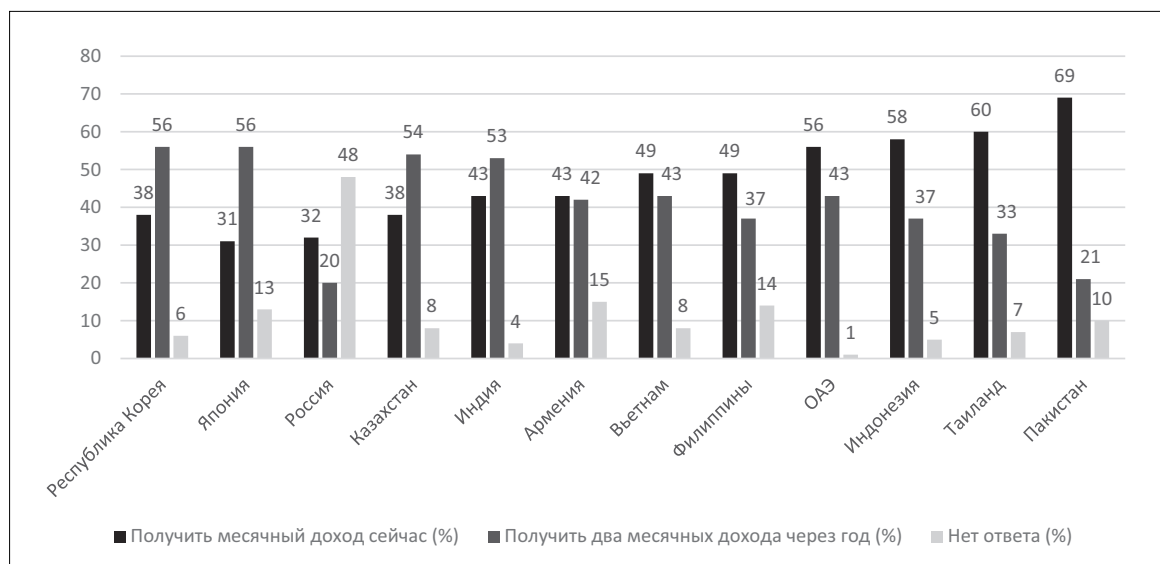

Рис. 4. Хотите ли вы получить сумму, равную месячному доходу вашего домохозяйства, сейчас или готовы подождать год, чтобы получить эту же сумму в двойном размере? 2022 г.

Fig. 4. Would you like to receive an amount equal to your household's monthly income now, or would you rather wait a year to receive the same amount doubled? 2022

Источник: Gallup International [Электронный ресурс]. URL: <https://gallup-international.com/> (дата обращения: 05.12.2024).

- страны, население которых ориентировано на долгосрочную выгоду (наибольшая доля выбрала «Получить два месячных дохода через год»): Республика Корея (38% за доход сейчас, 56% за два дохода через год), Япония (31% за доход сейчас, 56% за два дохода через год), Россия (32% за доход сейчас, 20% за два дохода через год), Казахстан (38% за доход сейчас, 54% за два дохода через год), Индия (43% за доход сейчас, 53% за два дохода через год);
- страны, население которых более сбалансировано в контексте принятия решений (разница между вариантами минимальна): Армения (42% за доход сейчас, 43% за два дохода через год), Вьетнам (43% за доход сейчас, 49% за два дохода через год), Филиппины (37% за доход сейчас, 49% за два дохода через год).

Представленные данные демонстрируют, что склонность к получению отложенной выгоды не всегда, но зачастую связана с уровнем экономического развития страны и уровня жизни населения в ней. Как правило, в государствах с высоким показателем ИЧР люди выбирают подождать, чтобы впоследствии получить больше выгод.

Результаты

В ходе исследования была проведена классификация стран на основе ряда критериев, включая уровень индекса человеческого развития (ИЧР), степень доверия населения по национальному и религиозному признакам, а также склонность к предпочтению немедленной выгоды. Анализ взаимосвязи между указанными параметрами позволил выявить ряд существенных закономерностей, представленных в следующем разделе. Установлена корреляция между уровнем ИЧР, доверием в обществе и предрасположенностью к выбору отложенной выгоды: более высокий ИЧР ассоциируется с повышенным уровнем доверия населения и выраженной ориентацией на долгосрочные перспективы, что может рассматриваться в качестве одного из факторов, способствующих устойчивому экономическому развитию.

Обсуждение

Для стран с высоким ИЧР характерен относительно низкий уровень межэтнического и межрелигиозного недоверия (в пределах 20–30%), что свидетельствует о более высоком уровне социальной сплоченности и институциональной стабильности. Население данных стран демонстрирует выраженную склонность к стратегическому планированию, о чем свидетельствует преобладание выбора «Получить два месячных дохода через год» (Республика Корея — 56%, Япония — 56%, Казахстан — 54%, Россия — 20%). Предпочтение отложенной выгоды в данной группе коррелирует с наличием развитых экономических институтов, способствующих долгосрочным инвестициям в человеческий капитал и инновации, что создает предпосылки для устойчивого экономического роста.

Страны со средним ИЧР имеют несколько иные результаты. Уровень социального недоверия в этих странах варьируется в пределах 20–40%, что свидетельствует о существовании значительных социокультурных барьеров, влияющих на уровень кооперации. Говоря об ориентации на отложенную выгоду, данная группа демонстрирует амбивалентные предпочтения: население Индии и Вьетнама ориентировано на долгосрочную выгоду, в то время как Индонезия и Таиланд отдают предпочтение немедленной выгоде. Смешанные стратегии поведения отражают переходную стадию развития. Перспективы экономического роста в данных странах зависят от снижения уровня недоверия и формирования социальной среды, благоприятствующей долгосрочному планированию.

Страны с низким ИЧР чаще всего характеризуются высоким уровнем межэтнического и межрелигиозного недоверия, что указывает на фрагментированность общества и слабость социальных институтов. В условиях экономической нестабильности и низкого уровня доверия население ориентировано на немедленную выгоду (Пакистан — 69% за немедленный доход), что свидетельствует о преобладании краткосрочных стратегий поведения, обусловленных потребностью в удовлетворении базовых потребностей в условиях социальной и экономической неопределенности.

Заключение

Сравнительный анализ выявил взаимосвязь между уровнем ИЧР, социальным доверием и склонностью населения к отложенной выгоде. В странах с высоким ИЧР наблюдается устойчивая ориентация на долгосрочное планирование, что способствует формированию условий для устойчивого экономического роста за счет инвестиций в человеческий капитал. Напротив, в странах с низким ИЧР преобладают краткосрочные стратегии поведения, обусловленные экономической нестабильностью и высоким уровнем социальной фрагментации, что ограничивает возможности для реализации долгосрочных экономических проектов. Таким образом, повышение уровня доверия и формирование культуры отложенной выгоды могут служить важными факторами для укрепления экономического потенциала и обеспечения устойчивого развития в странах со средним и низким ИЧР. Гипотеза о том, что развитие человеческого капитала на евразийском пространстве является основой для эффективного сотрудничества между государствами, подтверждается.

Позитивное развитие процесса евразийской интеграции предопределяется историческим и социальным фундаментом, а именно на системе общих человеческих ценностей [1, с. 22]. Однако на евразийском пространстве сосуществуют представители различных национальностей и конфессий, из-за чего взгляды на некоторые вопросы могут несколько отличаться. При этом, уделив достаточно внимания социальным вопросам, уровень взаимопонимания возможно повысить, что благоприятно скажется на процессах объединения.

Инициатива Большого Евразийского партнерства направлена на создание многополярного экономико-политического пространства, где одним из ключевых факторов успешной интеграции является развитие человеческого капитала. Улучшение образования, здравоохранения и условий на рынке труда являются основой для роста и социальной стабильности. В государствах — членах ЕАЭС, как и в странах — партнерах этого объединения, эти вопросы должны выйти на передний план. Для успешной ре-

ализации Большого Евразийского партнерства требуется комплексный подход, который в совокупности должен привести к повышению уровня доверия среди граждан, активизации экономической активности и преодолению барьеров, которые могут возникать при выстраивании сотрудничества.

Список литературы

1. Акаев А. А., Кефели И. Ф. Проекты и реалии формирования Большого Евразийского пространства // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18, № 2. С. 10–25. EDN: JRDWKI. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-02-10-25.
2. Аникина Е. А. Качество человеческого капитала как фактор обеспечения инновационного развития и экономического роста // Вестник науки Сибири. 2014. № 1 (11). С. 142–146. EDN: SCJVJZ.
3. Антоненко И. В. Психологический критерий интеграции социума // Интеграция в психологии: теория, методология, практика : сборник научных материалов VI Всероссийской конференции с международным участием [31 мая 2023 г.] / под науч. ред. В. А. Мазилова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2023. 170 с. С. 94–102. EDN: GUCEBV.
4. Арнаут М. Н. Дефиниция понятий «человеческий капитал», «человеческий потенциал» и «человеческий ресурс» // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2021. № 2. С. 79–85. EDN: WEBBJV. DOI: 10.24412/2071-6435-2021-2-79-85.
5. Безруков А. Э., Иванов К. А., Чимирус Е. С. Интеграционные процессы в Центральной Азии: столкновение интересов внешних акторов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11, № 3. С. 62–70. EDN: KEWFYP. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-62-70.
6. Вахтина М. А. Доверие к государству как фактор повышения его эффективности // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2011. Т. 3, № 3. С. 57–65. EDN: RMYKUL.
7. Донцов А., Перелыгина Е. Социальная стабильность: от психологии до политики [Электронный ресурс]. 2011. 298 с. URL: <https://clck.ru/3Ff6UN> (дата обращения: 03.01.2025).
8. Ключарев В. А., Шмидт А., Шесткова А. Н. Нейроэкономика: нейробиология принятия решений // Экспериментальная психология. 2011. Т. 4, № 2. С. 14–35. EDN: OJAOMF.
9. Корицкий А. В. Оценка влияния человеческого капитала на экономический рост: теория, методология, эмпирическая проверка : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Красноярск, 2012. 35 с. EDN: ZONUYN.
10. Осадчая Г. И. Россия в контексте евразийской интеграции: социальное измерение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2015. № 4. С. 57–70. EDN: UXMDVF.
11. Точин А. В., Алиев Т. М., Безруков А. Э. [и др.] Развитие ЕАЭС 2022+: стратегические задачи и требования времени : Доклад РСМД № 84. Москва : Российский совет по международным делам, 2023. 78 с. ISBN: 978-5-6048842-6-3. EDN: HWDYTK.
12. Bourdieu P. Cultural Reproduction and Social Reproduction // Knowledge, Educational and Cultural Change. Tavistock, London, 1973. P. 71–112. DOI: 10.4324/9781351018142-3.
13. Frederick S., Loewenstein G., O'donoghue T. Time Discounting and Time Preference: A Critical Review // Journal of Economic Literature. 2002. Vol. 40, No. 2. P. 351–401. DOI: 10.1257/002205102320161311.
14. Singh K., Cheemalapati S., Ramireddy S., Kurian G. Determinants of Human Development Index (HDI): A Regression Analysis of Economic and Social Indicators // Asian Journal of Economics, Business and Accounting. 2025. Vol. 25, No. 1. P. 26–34. DOI: 10.9734/ajeba/2025/v25i11630.

Об авторе:

Крупина Анна Александровна, аналитик Центра социально-политических исследований Института развития интеграционных процессов Всероссийской академии внешней торговли Министерства экономического развития РФ (Москва, Россия);
e-mail: anna.krupina.a@yandex.ru

References

1. Akaev, A. A., Kefeli, I. F. Projects and Realities of Forming a Great Eurasian Space // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18, No. 2. P. 10–25. (In Russ.). EDN: JRDWKL. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-02-10-25.
2. Anikina, E. A. Quality of Human Capital as a Factor in Ensuring Innovative Development and Economic Growth // Bulletin of Science of Siberia. 2014. No. 1 (11). P. 142–146. (In Russ.). EDN: SCJVJZ.
3. Antonenko, I. V. Psychological Criterion of Society Integration // Integration in Psychology: Theory, Methodology, Practice: Collection of scientific materials of the VI All-Russian conference with international participation [May 31, 2023] / ed. by V. A. Mazilov. Yaroslavl : RIO YaSPU, 2023. 170 p. P. 94–102. (In Russ.). EDN: GUCEBB.
4. Arnaut, M. N. Definition of the Concepts of “Human Capital”, “Human Potential” and “Human Resource” // ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice. 2021. No. 2. P. 79–85. (In Russ.). EDN: WEBBJV. DOI: 10.24412/2071-6435-2021-2-79-85.
5. Bezrukov, A. E., Ivanov, K. A., Chimiris, E. S. Integration Processes in Central Asia: The Clash of Interests of External Factors // Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University. 2021. Vol. 11, No. 3. P. 62–70. (In Russ.). EDN: KEWFYP. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-3-62-70.
6. Vakhtina, M. A. Trust in the State as a Factor in Increasing Its Efficiency // Journal of Institutional Studies. 2011. Vol. 3, No. 3. P. 57–65. (In Russ.). EDN: RMYKUL.
7. Dontsov, A., Pereyagina, E. Social Stability: From Psychology to Politics [Electronic resource]. 2011. 298 p. URL: <https://clck.ru/3Ff6UN> (accessed: 03.01.2025). (In Russ.).
8. Klucharev, V. A., Smidts, A., Shestakova, A. N. Neuroeconomics: The Neurobiology of Decision-Making // Experimental Psychology (Russia). 2011. Vol. 4, No. 2. P. 14–35. (In Russ.). EDN: OJAOMF.
9. Koritsky, A. V. Estimation of Human Capital Impact on Economic Growth: Theory, Methodology, Empirical Verification : Dissertation abstract. Krasnoyarsk, 2012. 35 p. (In Russ.). EDN: ZONUYN.
10. Osadchaya, G. I. Russia in the Context of Eurasian Integration: The Social Dimension // RUDN Journal of Sociology. 2015. No. 4. P. 57–70. (In Russ.). EDN: UXMDVF.
11. Tochinn, A. V., Aliev, T. M., Bezrukov, A. E. [et al.] EAEU Development 2022+: Strategic Challenges and Time Requirements : RIAC Report No. 84. Moscow : Russian International Affairs Council, 2023. 78 p. ISBN: 978-5-6048842-6-3. (In Russ.). EDN: HWDYTK.
12. Bourdieu, P. Cultural Reproduction and Social Reproduction // Knowledge, Educational and Cultural Change. Tavistock, London, 1973. P. 71–112. DOI: 10.4324/9781351018142-3.
13. Frederick, S., Loewenstein, G., O’donoghue, T. Time Discounting and Time Preference: A Critical Review // Journal of Economic Literature. 2002. Vol. 40, No. 2. P. 351–401. DOI: 10.1257/002205102320161311.
14. Singh, K., Cheemalapati, S., Ramireddy, S., Kurian, G. Determinants of Human Development Index (HDI): A Regression Analysis of Economic and Social Indicators // Asian Journal of Economics, Business and Accounting. 2025. Vol. 25, No. 1. P. 26–34. DOI: 10.9734/ajeba/2025/v25i11630.

About the author:

Anna A. Krupina, Analyst of the Center for Socio-Political Research at the Institute for Development of Integration Processes of the All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of Russian Federation (Moscow, Russia);
e-mail: anna.krupina.a@yandex.ru

Политика привлечения иностранных студентов странами Северо-Восточной Азии¹

Белая Е. К.^{1, 2}, Кашина М. А.^{2, *}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления), Санкт-Петербург, Россия

*e-mail: kashina-ma@ranepa.ru

ORCID: 0000-0003-4509-8657

РЕФЕРАТ

Актуальность. Вхождение в десятку ведущих стран мира по экспорту образования является одной из стратегических задач российского государства. Однако заявленный показатель в 710 тыс. иностранных студентов в 2025 г. пока далек от выполнения. В то же время есть страны, которые достаточно успешно решают сходные задачи. Сегодня государства Азиатско-Тихоокеанского региона составляют заметную конкуренцию странам — признанным лидерам в экспорте образования, поэтому их опыт в этой области заслуживает пристального внимания. **Цель.** Сравнительный анализ опыта рекрутинга иностранных студентов странами Северо-Восточной Азии — Японией, Южной Кореей и Китаем. **Методология.** Анализ вторичных источников, социологических и статистических данных с акцентом на зарубежных источниках. **Результаты и выводы.** Во всех трех странах ключевым фактором учебной миграции выступает интерес иностранной молодежи к их языку и культуре. При этом рекрутинг иностранных студентов — задача государственного уровня. Это «План по привлечению иностранных студентов» в Японии, Study Korea Project в Южной Корее, Study in China Plan в Китае. Работа по рекрутингу диверсифицирована и выстроена сверху вниз от национальных правительств через местные власти к университетам и бизнес-организациям. Ключевой проблемой выступает поиск баланса между количественными и качественными параметрами учебной миграции. Снижение требований на входе ведет к снижению качества образования. Начиная с 2010-х все страны предпринимают последовательные меры по упрощению процедуры трудоустройства иностранных выпускников, для решения проблем национальных рынков труда.

Ключевые слова: демографический кризис, мягкая сила, рынок образовательных услуг, человеческий капитал, культурные центры

Для цитирования: Белая Е. К., Кашина М. А. Политика привлечения иностранных студентов странами Северо-Восточной Азии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 2. С. 131–143. EDN: OUCZMY

Policy of Attracting International Students of Northeast Asian Countries²

Ekaterina K. Belaia^{a, b}, Marina A. Kashina^{b, *}

^a St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

^b Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint Petersburg, Russia

*e-mail: kashina-ma@ranepa.ru

ORCID: 0000-0003-4509-8657

¹ Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

² The article was written on the basis of the RANEPa state assignment research programme.

ABSTRACT

Relevance. Entering the top ten countries in the world in terms of education export is one of the strategic objectives of the Russian state. However, the declared target of 710 thousand foreign students in 2025 is far from being achieved. At the same time, there are countries that are quite successfully solving similar problems. Today, the countries of the Asia-Pacific region are a significant competitor to the countries recognized as leaders in the export of education, so their experience in this area deserves close attention. **Aim.** Comparative analysis of the experience of recruiting foreign students by Northeast Asian countries — Japan, South Korea and China. **Methods.** Analysis of secondary sources, sociological and statistical data with an emphasis on foreign sources. **Results and conclusions.** In all three countries, the key factor in educational migration is the interest of foreign youth in their language and culture. Recruiting foreign students is a government task. This can be seen in such governmental strategies as the 'Plan to Attract Foreign Students' in Japan, the 'Study Korea Project' in South Korea, and the 'Study in China Plan' in China. Recruitment efforts are diversified and built from the top down, from national governments through local authorities to universities and business organizations. The key problem is finding a balance between the quantitative and qualitative parameters of educational migration. Lowering entry requirements for foreign students leads to a decrease in the quality of education. At the same time, since the 2010s, all countries have been taking consistent measures to simplify the employment procedure for foreign graduates in order to solve the problems of national labor markets. **Keywords:** demographic crisis, soft power, educational services market, human capital, cultural centers **For citation:** Belaia E. K., Kashina M. A. Policy of Attracting International Students of Northeast Asian Countries // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 131–143. (In Russ.). EDN: OUCZMY

Введение

Цель обеспечения глобальной конкурентоспособности российского образования с задачей «увеличения не менее чем в два раза количества иностранных граждан, обучающихся в образовательных организациях высшего образования и научных организациях, а также реализации комплекса мер по трудоустройству лучших из них в Российской Федерации»¹ была поставлена российском государством еще в 2018 г. С мая 2017 г. по ноябрь 2025 г. в стране реализуется приоритетный проект «Экспорт образования». В документе определены целевые показатели его выполнения, в частности, «количество иностранных студентов, которые обучаются по очной форме в российских вузах, должно вырасти с 220 тыс. человек в 2017 году до 710 тыс. в 2025 году»². Учитывая, что в 2023/24 учебном году в российских вузах обучалось только 355,8 тыс. иностранных студентов³, вряд ли этот показатель удастся достигнуть в полном объеме. При этом сама задача своей актуальности не теряет. В Послании Президента России Федеральному Собранию РФ в феврале 2024 г. привлечение иностранных студентов было заявлено как один из критериев эффективности вузов — участников программы «Приоритет-2030»⁴.

На региональном уровне в Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 г. поставлена задача повышения международной конкурентоспособности профессиональных образовательных организаций и образовательных организаций высшего образования⁵.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 20.03.2025). Следует отметить, что в «Национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», утвержденных Указом Президента от 07.05.2024 № 309, называется более скромная цифра — до 500 тыс. иностранных студентов к 2030 г. [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 17.06.2025).

² О приоритетном проекте «Экспорт образования» [Электронный ресурс] // Правительство России. URL: <http://government.ru/info/27864/> (дата обращения: 23.03.2025).

³ Российский статистический ежегодник. 2024 : Стат. сб. / Росстат. М., 2024. 630 с. С. 205.

⁴ Послание Президента Федеральному Собранию [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73585> (дата обращения: 22.03.2025).

⁵ Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2035 года [Электронный ресурс] // Администрация Санкт-Петербурга. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/c_econom/strategiya-ser-2035/ (дата обращения: 19.03.2025).

В силу того, что целевой показатель Приоритетного проекта «Экспорта образования» по числу иностранных студентов достигнут пока лишь на 50%, необходим поиск новых мер и способов расширения экспорта российского образования, увеличения контингента иностранцев в российских вузах, в том числе в петербургских.

Литературный обзор

Рост учебной миграции является общемировой тенденцией. Согласно оценкам ЮНЕСКО, численность учащихся в высших учебных заведениях мира в период 1970–2020 гг. постоянно увеличивалась (с 33 млн чел. в 1970 г. до 236 млн в 2020 г.), а к 2040 г. ожидается увеличение до 398 млн чел.¹ При этом наблюдается стабильный рост числа иностранных студентов (с 2 млн чел. в 2000 г. до 6,3 млн в 2020 г.). Несмотря на распространение коронавирусной инфекции (COVID-19), данный тренд продолжился и в период с 2019 г. по 2021 г.²

В настоящее время есть немало статей отечественных исследователей, посвященных проблемам привлечения и удержания иностранных студентов в России. Основными мотивационными факторами для поступления на обучение в Россию являются качество образования, культурное наследие страны, а также возможность легкой адаптации в многонациональной среде [3]. Также авторы отмечают привлекательность изучения русского языка и культуры, возможность трудоустройства, наличие родственников в России и более низкие требования к поступлению по сравнению с другими странами [2]. Среди проблем, препятствующих привлечению иностранных студентов, чаще всего упоминаются строгие миграционные требования, сложности с проживанием, языковой барьер и необходимость оформления медицинской страховки [3], а также отсутствие льгот на обучение, ограниченное количество бюджетных мест, отсутствие четкого нормативно-правового регулирования, недостаток информационной поддержки [1]. Среди наиболее актуальных мер по привлечению иностранных студентов называют увеличение количества дисциплин на английском языке и повышение уровня владения преподавателей английским языком; создание совместных проектов российских и иностранных студентов для решения вопроса коммуникации и взаимодействия; повышение уровня комфорта при размещении; открытие лабораторий и исследовательских центров [6].

В ряде статей анализируется зарубежный опыт рекрутинга иностранных студентов. Так, основным мотивирующим фактором выбора Японии как страны для обучения является высокое качество образования, но еще большую роль играет интерес потенциальных абитуриентов к японской культуре [9, с. 154]. Основными факторами, влияющими на выбор Китая в качестве страны для обучения, являются доступная стоимость образования, наличие стипендиальных программ и возможность изучать китайский язык и культуру [5, с. 175]. Южная Корея, решая демографические проблемы и компенсируя нехватку контингента абитуриентов-корейцев для своих университетов, еще в 2001 г. приняла «Комплексный план по расширению привлечения иностранных студентов» и ежегодно проводит ярмарки корейских университетов в стратегически важных странах [8, с. 40].

Однако в русскоязычном сегменте научной литературы по данной тематике пока отсутствуют статьи, представляющие сравнительный анализ политики по привлечению и удержанию иностранных студентов Китая, Республики Корея и Японии. Анализ опыта этих стран интересен потому, что они могут как привлекать российскую молодежь для получения высшего образования, так и сами стать источником студентов для российских вузов (особенно Китай). Кроме того, выявление лучших зарубежных практик и их адаптация к собственным реалиям являются признанной международной практикой.

Данная статья призвана восполнить этот научный пробел. Ее исследовательский вопрос — что общего и в чем различия в политике рекрутинга иностранных студентов трех стран Северо-Восточной Азии?

¹ International student mobility at a Glance 2022 [Электронный ресурс] // T.I.M.E. Association. URL: https://timeassociation.org/wp-content/uploads/2022/11/International_TIME_student_mobility_GGUILLEME.pdf (дата обращения: 10.03.2025).

² Migration and Migrants: A Global Overview [Электронный ресурс] // International Organization for Migration. World Migration Report. URL: <https://worldmigrationreport.iom.int/what-we-do/world-migration-report-2024-chapter-2/international-students#> (дата обращения: 15.03.2025).

Материалы и методы

Цель: сравнительный анализ опыта привлечения и удержания иностранных студентов странами Северо-Восточной Азии — Японией, Южной Кореей и Китаем.

Методы. Исследование выполнено в кабинетном дизайне. Основной метод — анализ вторичных источников, социологических и статистических данных. Акцент сделан на рассмотрении оригинальных источников, не переведенных на русский язык.

Теоретическая рамка исследования. Для анализа государственной политики использована концепция «мягкой силы», для анализа поведения индивидов — теория человеческого капитала. Согласно концепции «мягкой силы», сформулированной Джозефом Наем, «мягкое» влияние одного государства на другое (другие) возможно посредством формирования привлекательного имиджа страны через продвижение ее ценностей, языка, исторического наследия и культурных достижений [16, с. 2]. Теория человеческого капитала (Теодор Шульц [18], Гэри Беккер [11], Джекоб Минсер [15]) подчеркивает важность инвестиций в образование и профессиональные навыки для повышения производительности труда и экономического роста государства. С одной стороны, привлечение государством талантливых студентов и специалистов из-за рубежа — одно из важных направлений развития человеческого капитала страны. С другой стороны, молодые люди, принимая решение о выборе страны для обучения, также рассматривают получение в ней образования как инвестиции в свой личный человеческий капитал.

Результаты, их анализ и обсуждение

Несмотря на то, что страны Европы, США, Канада и Австралия по-прежнему сохраняют первые места по количеству привлечения иностранных студентов, фокус международной студенческой мобильности постепенно смещается в Азиатско-Тихоокеанский регион [7, с. 205].

История развития политики в области экспорта образования и привлечения иностранных студентов в Японии, Южной Корее и Китае

Япония. Государственная политика рекрутинга иностранных студентов началась в 1980-х гг., когда число зарубежных студентов составляло около 10 тыс. чел. В 1983 г. премьер-министр Японии Накасонэ Ясухиро заявил о «Плане привлечь к началу XXI века 100 тыс. иностранных студентов». Поставленная цель была успешно достигнута к 2003 г.¹ Вслед за увеличением количественных показателей особое внимание стало уделяться качественным характеристикам пребывания зарубежных студентов в стране. В 2008 г. администрация Фукуды Ясуо инициировала «План по привлечению 300 тыс. иностранных студентов». События начала 2010-х гг. (глобальный финансовый кризис, рост курса иены, Великое восточно-японское землетрясение и авария на АЭС Фукусима 2011 г.) помешали быстрой реализации планов правительства и привели к снижению количества иностранных студентов (в 2011–2013 гг.). В 2013 г. администрация Синдзо Абэ подтвердила цель по приему 300 тыс. иностранных студентов к 2020 г. В результате постоянного увеличения количества зарубежных студентов в период с 2014 г. по 2019 г. их число превысило 312 тыс. чел. В 2020–2022 гг. в связи с коронавирусом и жесткими антикоронавирусными ограничениями число иностранных студентов сократилось до 231 тыс. чел, в 2023 г. данный показатель вырос до 279 тыс. чел.² В 2023 г. премьер-министр Фумио Кисида объявил, что Япония будет стремиться принять 400 тыс. иностранных студентов к 2033 г.

Республика Корея. В Южной Корее первая правительственная стратегия Study Korea Project была разработана в 2004 г. и ставила целью увеличение количества иностранных студентов до 50 тыс. чел. к 2010 г. Число иностранных студентов, обучающихся в Южной Корее, увеличилось с 12 тыс. в 2003 г. до 83 тыс. в 2010 г., что привело к необходимости пересмотра стратегии и смещению акцента с количест-

¹ Can Japan Boost Its Foreign Students Count to 400,000? [Электронный ресурс] // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2024/05/can-japan-boosts-its-foreign-students-count-to-400000/> (дата обращения: 23.03.2025).

² Annual Survey of International Students in Japan [Электронный ресурс] // Study in Japan. URL: <https://www.studyin-japan.go.jp/en/statistics/enrollment/> (дата обращения: 20.03.2025).

венного роста числа иностранных студентов на качественное улучшение получаемого ими образования и условий пребывания в стране [10; 13]. Согласно второй версии стратегии Study Korea 2020 Project от 2013 г., была поставлена цель привлечь 200 тыс. иностранных студентов к 2020 г. На 2019 г. в Южной Корее обучалось около 160 тыс. зарубежных студентов. После небольшого спада в 2020–2021 гг. число иностранных студентов вновь начало расти и составило 180 тыс. чел. в 2023 г.¹ В том же году южнокорейское правительство опубликовало Study Korea 300K Project, согласно которому к 2027 г. страна должна привлечь 300 тыс. иностранных студентов и таким образом войти в десятку ведущих мировых центров обучения за рубежом².

Китай. Эта страна активизировала усилия по привлечению иностранных студентов с начала 1980-х гг. в рамках политики реформ и открытости [19, с. 10]. К 2000 г. число иностранных студентов в Китае возросло до 52 тыс. чел., что составило 650-процентный рост по сравнению с 1990 г. [20, с. 73]. В 2010 г. Китай запустил программу Study in China Plan, она же Study Abroad in China, целью которой было к 2020 г. добиться ежегодных показателей в 500 тыс. иностранных студентов и сделать тем самым Китай лидером по числу иностранных студентов среди азиатских стран [4]. В период 2010–2018 гг. число иностранных студентов, обучающихся в Китае, возросло с 238 тыс. чел. до 492 тыс. чел. В 2019 г. их число сократилось до 397 тыс. чел. Однако к концу 2023 г. в Китае обучалось более 500 тыс. иностранных студентов³.

Итак, Китай и Япония начали активную политику экспорта образования почти на 20 лет раньше, чем Южная Корея. Однако показатели числа иностранных студентов сегодня в Республике Корея сопоставимы с показателями Японии (порядка 300 тыс. чел.) и лишь в полтора раза меньше, чем в Китае.

Анализ правительственных стратегий в сфере привлечения и удержания иностранных студентов

Анализ литературы позволяет выделить несколько общих проблем, с которыми сталкиваются азиатские государства при рекрутинге иностранных студентов. Это выбор между количественными и качественными параметрами привлечения иностранных студентов при определении финансовых и языковых пороговых требований, а также минимально разрешенное для студентов рабочее время для оплачиваемой занятости.

Первая мера, предпринимаемая всеми государствами для решения этих проблем, — диверсификация политики привлечения иностранных студентов за счет проведения таковой не только на правительственном уровне, но и на уровне местного самоуправления, а также отдельными университетами. Большим подспорьем для государства является привлечение бизнес-сектора к реализации задач, поставленных в рамках государственной стратегии рекрутинга.

В общем виде это выглядит так. Сначала на правительственном уровне разрабатывается государственная стратегия: «План по привлечению иностранных студентов» в Японии, Study Korea Project в Южной Корее, Study in China Plan в Китае. Нередко эти стратегии увязывают с более крупными проектами. Так, например, администрация Синдзо Абэ проводила политику по привлечению 300 тыс. иностранных студентов в рамках «Стратегии возрождения Японии» (Japan Revitalization Strategy)⁴. Китай рассматривает привлечение иностранных студентов как один из элементов инициативы «Один пояс — один путь»⁵.

Следующий шаг — создание институциональной базы, то есть ведомств, отвечающих за выработку и имплементацию государственной стратегии привлечения иностранных студентов. В Южной Корее

¹ Number of international students in higher education institutions in South Korea from 1999 to 2024 [Электронный ресурс] // Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/876030/number-of-foreign-students-in-south-korea/> (дата обращения: 23.03.2025).

² MOE to announce Study Korea 300K Project: Korea aims to be the top 10 world-leading countries for study abroad by 2027 [Электронный ресурс] // ROK Ministry of Education. URL: <https://english.moe.go.kr/boardCnts/viewRenewal.do?boardID=265&boardSeq=96185&lev=0&searchType=null&statusYN=W&page=1&s=english&m=0201&opType=N> (дата обращения: 23.03.2025).

³ China International Student Statistics [Электронный ресурс] // Erudera. URL: <https://erudera.com/statistics/china/china-international-student-statistics/> (дата обращения: 23.03.2025).

⁴ Can Japan Boost Its Foreign Students Count to 400,000? [Электронный ресурс] // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2024/05/can-japan-boosts-its-foreign-students-count-to-400000/> (дата обращения: 22.03.2025).

⁵ Why so many of the world's students want to go to Chinese universities [Электронный ресурс] // OpenDemocracy. URL: <https://www.opendemocracy.net/en/podcasts/podcast-borders-belonging/china-university-student-international-foreign/> (дата обращения: 21.03.2025).

были созданы в 1962 г. Национальный институт международного образования (National Institute for International Education, NIIED) и в 1991 г. Корейский фонд (Korea Foundation). Национальный институт международного образования — правительственная организация, занимающаяся вопросами продвижения образования Южной Кореи на международном уровне. Корейский фонд — некоммерческая организация, деятельность которой направлена на продвижение корейской культуры и языка на международном уровне. В Китае в 1996 г. был учрежден подведомственный правительству Китайский стипендиальный совет (Chinese Scholarship Council, CSC), предоставляющий финансирование гражданам Китая для обучения за рубежом и иностранным студентам и ученым — для обучения в Китае. В Японии в 2004 г. была основана Японская организация студенческих услуг (Japan Student Services Organization, JASSO), правительственная организация, отвечающая за проведение программ международного обмена и выдачу правительственных стипендий.

После выработки государственной стратегии и определения ответственных институтов государство переходит к стадии реализации поставленных целей. Для увеличения числа иностранных студентов в первую очередь необходима грамотная пиар-кампания, направленная на повышение осведомленности зарубежной аудитории о возможности обучаться в стране. В рамках данной кампании абитуриентам должна предоставляться доступная, понятная и исчерпывающая информация о процессе поступления и проживания. Традиционно вопросами проведения пиар-кампании занимались открытые за рубежом культурные и академические центры, деятельность которых направлена на формирование интереса к культуре и языку страны, а также расширение сотрудничества национальных университетов с зарубежными. Для содействия распространению культуры и языка государства в рассматриваемых странах были учреждены Японский фонд (The Japan Foundation) в 1972 г., Институт Конфуция (Confucius Institute) в 1987 г., Институт имени короля Сечжона (King Sejong Institute Foundation) в 2007 г. На 2024 г. было открыто более 500 центров Института Конфуция в 160 странах мира¹ и около 250 центров Института имени короля Сечжона в 88 странах². Японский фонд представляет собой не сеть языковых и культурных центров, а организацию, деятельность которой направлена в том числе на содействие продвижению японского языка через открытие центров изучения японского языка и культуры. Сеть Японского фонда включает в себя 25 офисов в 24 странах³.

Все большую роль в привлечении иностранных студентов начинают играть интернет-технологии, позволяющие создавать сайты с привлекательным и удобным интерфейсом и рекламировать возможность получить обучение за рубежом на онлайн-платформах и в социальных сетях⁴. Если раньше неотъемлемой частью на пути выбора будущего места обучения было непосредственное посещение кампуса университета, уже во втором десятилетии XXI в. фокус сместился на интернет-технологии, включая виртуальные туры по университету и университетские профили в социальных сетях [12].

Меры, принимаемые правительствами Японии, Южной Кореи и Китая, для решения конкретных проблем студентов, желающих обучаться в их странах

Одна из главных проблем — финансовое бремя. Самая частая мера, используемая в связи с этим, — увеличение количества и размера стипендий (государственные, региональные, городские и университетские стипендии) для иностранных студентов. В Китае, Японии и Южной Корее получили широкое распространение не только правительственные и институциональные стипендии, но также частное спонсорство, что резко контрастирует с некоторыми западными странами, где дорогостоящее обучение, включая международные студенческие сборы, является способом субсидирования университетов⁵.

¹ The Rise, Decline, and Possible Resurrection of China's Confucius Institutes [Электронный ресурс] // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2024/08/the-rise-decline-and-possible-resurrection-of-chinas-confucius-institutes/> (дата обращения: 17.03.2025).

² King Sejong Institute to open 18 more branches in 15 nations [Электронный ресурс] // KOREA.net. URL: <https://www.korea.net/NewsFocus/Culture/view?articleId=253755> (дата обращения: 23.03.2025).

³ About the Japan Foundation [Электронный ресурс] // Embassy of Japan in New Zealand. URL: https://www.nz.emb-japan.go.jp/itpr_en/foundation.html#:~:text=The%20Foundation%20consists%20of%20a,closest%20being%20in%20Sydney%2C%20Australia (дата обращения: 20.03.2025).

⁴ International Student Recruitment Market in China [Электронный ресурс] // Global admissions. URL: <https://www.globaladmissions.com/blog/international-student-recruitment-market-in-china> (дата обращения: 23.03.2025).

⁵ Why so many of the world's students want to go to Chinese universities [Электронный ресурс] // OpenDemocracy. URL: <https://www.opendemocracy.net/en/podcasts/podcast-borders-belonging/china-university-student-international-foreign/> (дата обращения: 22.03.2025).

Наибольшей популярностью пользуются полностью финансируемые правительственные стипендиальные программы — The Chinese Government Scholarship в Китае, Japanese Government (MEXT¹) Scholarship в Японии и Global Korea Scholarship (GKS), она же Korean Government Scholarship (KGSP), в Южной Корее. За счет средств правительственной стипендии Японии в 2000–2020 гг. в среднем в год обучалось около 9 тыс. иностранных студентов из 160 стран². Благодаря стипендиальной программе правительства Южной Кореи каждый год отбирается от 1000 до 2000 лучших студентов из почти 160 стран³. Стипендия китайского правительства в среднем предоставляется 1500 студентам в год⁴.

Дискуссионным является вопрос о необходимости снижения уровня финансовых критериев, предъявляемых для получения визы на учебу за рубежом [14, с. 847]. Так, для подачи заявления на студенческую визу в Китай (X1 visa) требуемый размер суммы банковского счета должен составлять 2,5 тыс. долл. США за каждый учебный год⁵. Для подачи на визу в Южной Корее (D-2 visa) на счету должны находиться 5 тыс. долл. США⁶, а в Японии — 10 тыс. долл. США⁷. Данные требования не распространяются на студентов, чье обучение полностью финансируется правительственной стипендией. С одной стороны, снижение требований к финансовой состоятельности может повлечь за собой увеличение количества студентов. С другой стороны, это может привести к снижению качества их дальнейшего обучения, если студенты будут вынуждены подрабатывать для удовлетворения своих материальных потребностей.

Аналогичным образом обстоит ситуация со смягчением трудового законодательства с целью дать иностранным студентам возможность трудоустройства как во время учебы, так и по завершении обучения. На 2024 г. в Японии иностранным студентам разрешено работать неполный рабочий день в течение 28 часов в неделю⁸, в Южной Корее — 20–25 часов (в зависимости от успеваемости и уровня владения корейским языком)⁹, а в Китае время неполной рабочей занятости не должно превышать 8 часов в неделю¹⁰. С одной стороны, увеличение продолжительности рабочего времени, допустимого для иностранных студентов, может помочь улучшить их финансовое положение, что в конечном итоге может положительно сказаться при выборе конкретной страны для обучения. С другой стороны, даже в нынешних условиях ограниченного рабочего времени у подрабатывающих студентов часто возникают проблемы с успеваемостью. Единственной возможной рекомендацией остается ведение жесткого контроля за посещаемостью и успеваемостью студентов¹¹.

Ситуация с дальнейшим трудоустройством иностранных студентов также неоднозначна. Упрощение законодательства в сфере трудоустройства иностранцев положительно сказывается на увеличении числа зарубежных студентов, но встречает сопротивление со стороны местного населения.

Тем не менее Япония, Южная Корея и Китай предпринимают последовательные меры по упрощению процедуры трудоустройства иностранных выпускников [22, с. 6]. В случае с Южной Кореей и Японией

¹ Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии.

² Result of an Annual Survey of International Students Survey in Japan, 2020 // JASSO. 2021. P. 1.

³ 2025 Global Korea Scholarship — Application Guidelines for Graduate Degrees [Электронный ресурс] // Topik guide. URL: <https://www.topikguide.com/global-korea-scholarship-gks-graduate/> (дата обращения: 23.03.2025).

⁴ Chinese Government Scholarship [Электронный ресурс] // Study in China. URL: <https://studyinchina.com/chinese-government-scholarship-help-with-the-application/> (дата обращения: 19.03.2025).

⁵ Notice regarding X1 visa [Электронный ресурс] // Chinese Visa Application Service Center. URL: https://bio.visaforchina.cn/ALG3_EN/tongzhigongga/267506354351116288.html (дата обращения: 23.03.2025).

⁶ D-4 (General Training/Studying Korean Language) Visa [Электронный ресурс] // Embassy of the ROK in the UK and Permanent Mission to the IMO. URL: https://overseas.mofa.go.kr/gb-en/brd/m_20265/view.do?seq=669257#:~:text=Documents%20proving%20Financial%20Affordability%20%3A%20The,the%20date%20of%20your%20application (дата обращения: 20.03.2025).

⁷ Documents you need to apply for a Student Visa in Japan [Электронный ресурс] // Japan study abroad network. URL: <https://jpn-study.com/blog/documents-you-need-to-apply-for-a-student-visa-in-japan/> (дата обращения: 21.03.2025).

⁸ Guidelines for Part-time Work Permit [Электронный ресурс] // International Exchange Committee. URL: <https://www.suoic.shizuoka.ac.jp/wp-content/uploads/2024/04/Guidelines-for-Part-time-work.pdf> (дата обращения: 23.03.2025).

⁹ South Korea on track to attract thousands more international students within the decade [Электронный ресурс] // ICEF Monitor. URL: <https://monitor.icef.com/2024/07/south-korea-on-track-to-attract-thousands-more-international-students-within-the-decade/#:~:text=In%202023%2C%20the%20part%20time,35%20hours%20during%20the%20weekdays> (дата обращения: 13.03.2025).

¹⁰ Updated Policy for Foreign Students Working in China [Электронный ресурс] // China Admissions. URL: <https://www.china-admissions.com/blog/updated-policy-for-foreign-students-working-in-china/> (дата обращения: 15.03.2025).

¹¹ Can Japan Boost Its Foreign Students Count to 400,000? [Электронный ресурс] // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2024/05/can-japan-boosts-its-foreign-students-count-to-400000/> (дата обращения: 23.03.2025).

необходимость работать над улучшением политики в сфере трудоустройства иностранных граждан объясняется не только глобальной конкуренцией за привлечение талантливых иностранных студентов, но и демографическим кризисом, вызванным низким уровнем рождаемости, что ведет к сокращению численности населения трудоспособного возраста.

В 2010 г. в Японии был пересмотрен Закон о контроле иммиграции в сторону облегчения правил получения постоянного вида на жительство. В 2018 г. японское правительство провозгласило в качестве одной из целей трудоустройство не менее 50% иностранных студентов [9, с. 157], а в 2024 г. было принято решение расширить возможности трудоустройства для иностранных студентов, окончивших высшие учебные заведения Японии, за счет предоставления им статуса резидента, равного статусу выпускника университета¹.

Южная Корея во многом ориентируется на опыт Японии в проведении политики по трудоустройству иностранных выпускников [17, с. 1]. В рамках Study Korea 300K Project правительство страны содействует сотрудничеству по линии «местные органы власти — бизнес-университеты», стимулируя частные компании предоставлять иностранным студентам возможность проходить стажировки с дальнейшей возможностью полного трудоустройства. Также правительство Южной Кореи выдает специальную визу, предоставляющую долгосрочное право на проживание иностранцам, которые закончили обучение в Южной Корее и собираются трудоустроиться в регионе, где наблюдается нехватка населения. Согласно данным за 2021–2022 гг., более 30% иностранных выпускников хотели трудоустроиться в Южной Корее, однако среди примерно 28 тыс. иностранных студентов доля тех, кто нашел работу, составила 8,2%.

На территории Китая действует правило, согласно которому иностранец, окончивший китайское высшее учебное заведение, может устроиться на работу только при наличии двухгодичного опыта работы. Данное правило не распространяется на выпускников с высокими достижениями — тех, кто получил степень магистра и выше в китайском университете (или в одном из признанных иностранных университетов) в течение последнего года и имеет выдающуюся академическую успеваемость (более 80%). При этом предполагаемая работа должна быть связана с полученной специальностью и соответствовать местным стандартам труда (в том числе предлагать зарплату, соответствующую уровню местного рынка). Выполнение этих условий позволяет выпускнику сразу после окончания учебы претендовать на получение разрешения на работу, а не накапливать опыт работы за рубежом. Также на практике существуют другие способы, позволяющие обойти требование двухлетнего опыта работы (уплата высокого подоходного налога, трудоустройство в сфере преподавания английского языка или в зоне свободной торговли)².

Правительство Китая внедряет инициативы для интеграции иностранных студентов в рынок труда: создаются ярмарки вакансий и платформы для общения с работодателями.

С 2016 г. Центр услуг по обучению за рубежом Министерства образования (The Study Abroad Service Center of the Ministry of Education) проводит ярмарки вакансий для иностранных студентов, к участию в которых активно приглашаются разные предприятия, в том числе те, чья деятельность связана с «Инициативой пояса и пути» [14, с. 847].

На региональном уровне усилия по привлечению иностранных студентов должны совпадать с усилиями, предпринимаемыми на правительственном уровне, — пиар-кампании, направленные на повышение осведомленности иностранных студентов о возможностях получения образования в стране; создание расширенной системы стипендий для облегчения финансового бремени иностранных студентов; финансирование университетов, расположенных в подконтрольном регионе, с целью повышения квалификации преподавательского состава, улучшения технической оснащенности университетов и условий проживания иностранных студентов; сотрудничество с местным бизнесом для обеспечения

¹ Can Japan Boost Its Foreign Students Count to 400 000? [Электронный ресурс] // The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2024/05/can-japan-boosts-its-foreign-students-count-to-400000/> (дата обращения: 23.03.2025).

² China Eases Post-study Work for Foreign Graduates [Электронный ресурс] // Studyinchina. URL: <https://www.studyinchina.com.my/web/page/post-study-work-for-foreign-graduates/#:~:text=To%20apply%20for%20the%20one%2Chigher%2C%20and%20no%20criminal%20record> (дата обращения: 23.05.2025).

возможности прохождения стажировок и последующего трудоустройства для иностранных студентов [21, с. 195].

На уровне университетов предпринимаются усилия по следующим направлениям — предоставление вузом точной информации об обучении иностранных студентов; создание национальными университетами зарубежных филиалов, расширение сотрудничества национальных университетов с ведущими зарубежными университетами, продвижение программ двойных дипломов; стандартизация и упрощение требуемых для поступления документов, а также упрощение вступительных испытаний; поддержка сотрудников университета, которые работают с иностранными студентами; расширение карьерных возможностей иностранных студентов [21, с. 200].

Отдельно отметим, что начавшийся во втором десятилетии XXI в. спрос на транснациональное (трансграничное) образование (онлайн-обучение и дистанционное обучение) актуализировался с наступлением пандемии COVID-19. Развитие онлайн-образования — важный тренд будущего. Кроме того, как уже было сказано, университетам стоит использовать онлайн-платформы и социальные сети для повышения своей популярности¹.

Заключение

Китай и Япония начали активную политику экспорта образования почти на 20 лет раньше, чем Южная Корея. Однако показатели числа иностранных студентов в Республике Корея сегодня сопоставимы с показателями Японии и лишь в полтора раза ниже, чем в Китае.

Ключевым фактором успеха во всех трех странах является интерес иностранцев к их языку и культуре, который активно поддерживается через соответствующие культурные центры этих стран по всему миру. Везде рекрутинг иностранных студентов — задача государственного масштаба. Это «План по привлечению иностранных студентов» в Японии, Study Korea Project в Южной Корее, Study in China Plan в Китае. Часто эти стратегии увязаны с глобальными национальными стратегиями. Работа по рекрутингу диверсифицирована и выстроена сверху вниз от национальных правительств через местные власти к университетам. Все три государства предпринимают конкретные шаги по решению проблем обучения и пребывания иностранцев: создаются и расширяются правительственные стипендиальные программы. Смягчается трудовое законодательство с целью дать иностранным студентам возможность трудоустройства как во время учебы, так и по завершении обучения. Некоторые университеты с целью увеличения числа студентов устанавливают стандарты владения языком ниже официально рекомендованных, предоставляют возможности бесплатного посещения языковых курсов в течение года до начала обучения по образовательной программе.

На основе проведенного исследования можно сформулировать триаду факторов успеха стран Северо-Восточной Азии в привлечении иностранных студентов.

1. Систематическая работа на постоянной основе в максимально возможном количестве стран мира по формированию и росту интереса к своему языку и культуре.
2. Диверсифицированная и интегрированная по вертикали, обеспеченная экономически политика по экспорту образования. Университеты работают в тесной связке с местными властями и национальным правительством в рамках единой стратегии.
3. Решение на практике насущных проблемы иностранных студентов. Это касается не только миграционных процедур и подработки во время учебы, но и возможностей трудоустройства, в том числе по профилю получаемого образования.

Обобщая все вышеизложенное применительно к России, можно сделать ряд выводов.

Учитывая тенденцию диверсификации глобального рынка образовательных услуг и возникновения новых международных образовательных центров, у России есть потенциальная возможность занять

¹ International Student Recruitment Market in China [Электронный ресурс] // Global admissions. URL: <https://www.globaladmissions.com/blog/international-student-recruitment-market-in-china> (дата обращения: 20.03.2025).

достойное место среди стран, которые являются альтернативой традиционным лидерам (США, Австралия, Канада). Россия уже обладает рядом сравнительных преимуществ, характерных для конкурентных стран, — относительно низкая стоимость получения образования и жизни в стране.

Однако для успешной реализации политики привлечения иностранных студентов необходимы два ключевых фактора. Во-первых, активная политика правительства, направленная на привлечение иностранных студентов, должна сопровождаться практическими шагами по облегчению миграционного законодательства в сфере получения образования и дальнейшего трудоустройства и получения вида на жительство и гражданства. Нарратив правительства должен способствовать осознанию органами и населением необходимости привлечения иностранных студентов и формировать позитивную атмосферу по отношению к ним. Во-вторых, долгосрочный успех политики привлечения иностранных студентов представляется невозможным без развития мягкой силы, то есть продвижения русской культуры, в том числе языка, по всему миру.

Ограничения исследования. Полученные результаты необходимо анализировать с учетом ряда существенных ограничений.

1. Недостаточное количество социологических данных, особенно полученных с помощью качественной методологии (интервью и фокус-групп).
2. В работе, в силу ограниченности объема статьи, не представлена критика реализуемых государственных стратегий привлечения иностранных студентов.
3. Деятельность университетов по рекрутингу иностранных студентов представлена в исследовании весьма схематично, в силу чего специфика национальных образовательных систем и институциональной среды не получила должного отражения.

Все указанные ограничения и определяют поле дальнейших исследований в данной теме, а именно более глубокий анализ мотивации выбора иностранными студентами страны для обучения, оценка влияния социокультурного и институционального контекста на политику рекрутинга иностранных студентов, исследование ключевых проблем реализации правительственных стратегий экспорта образования странами Северо-Восточной Азии.

Список литературы

1. Бондаренко В. В., Володин В. М., Лескина О. Н., Юдина В. А. Повышение международной привлекательности российских вузов в условиях эпидемиологических угроз // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 4. С. 123–136. EDN: LKLOBJ. DOI: 10.21685/2072-3016-2021-4-13.
2. Вершинина И. А., Курбанов А. Р., Панич Н. А. Иностранные студенты в России: особенности мотивации и адаптации // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 6 (106). С. 94–102. EDN: XGTBNX.
3. Корягина И. А., Королев Г. В. Академическая мобильность в меняющемся мире: российский опыт // Вопросы управления. 2019. № 2 (38). С. 170–181. EDN: QIMLOW. DOI: 10.22394/2304-3369-2019-2-170-18.
4. Краснова Г. А., Краснова А. А. Стратегия Китая по привлечению иностранных студентов // Аккредитация в образовании. 2015. № 8 (84). С. 54–57. EDN: WBZDMJ.
5. Пацукевич О. В., Кулько Е. И. Государственная политика Китая в сфере экспорта образовательных услуг // Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. 2018. № 1. С. 173–176. EDN: YTESND.
6. Пимонова С. А., Фомина Е. М. Повышение привлекательности российских вузов для иностранных студентов // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22, № 4 (116). С. 97–109. EDN: VNIMNW. DOI: 10.15826/umpra.2018.04.043.
7. Филиппов В. М. Интернационализация высшего образования: основные тенденции, проблемы и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15, № 3. С. 203–211. EDN: VIOIKN.

8. Чан Д. В. Политика Республики Корея по привлечению иностранных студентов: пример российских студентов // Евразийский журнал региональных и политических исследований. 2024. № 3 (27). С. 39–43. EDN: OIKQSV. DOI: 10.47475/2587-8077-2024-27-3-39-43.
9. Шупилова М. А. Привлечение и удержание иностранных студентов в Японии: подходы экономической и миграционной политики // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 1. С. 146–162. EDN: VHQRUR. DOI: 10.19181/demis.2024.4.1.10.
10. Bae So Hyeon, Kim Hoi Soo. An Analysis on the International Students Recruitment and Management Policies in Korea // Chonnam National University Educational Issues Research Institute. 2014. Vol. 37. P. 67–89. (На корейском языке).
11. Becker G. S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // Journal of Political Economy. 1962. Vol. 70, No. 5, Part 2. P. 9–49. DOI: 10.1086/258724.
12. Hsueh Chia-Ming. Recruiting International Students with Technology: The Changing and the Unchanged // Current Issues in Comparative Education (CICE). 2018. Vol. 20, No. 2. P. 40–42. DOI: 10.52214/cice.v20i.11551.
13. Kim Hanna, Woo Hansol, Lee Seung-ho. A Comparative Study on Korean-Chinese-Japanese International Students Attraction Policy // Asian Journal of Education. 2016. Vol. 17, No. 4. P. 311–337. (На корейском языке). DOI: 10.15753/aje.2016.12.17.4.311.
14. Lyu Jiawen, Wei Yixiang, Zheng Xifan. An Analysis on Motivation of International Students Who Come to China for Higher Education // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. SEAA 2022. P. 844–852. DOI: 10.2991/978-2-494069-05-3_103.
15. Mincer J. Investment in Human Capital and Personal Income Distribution // Journal of Political Economy. 1958. Vol. 66, No. 4. P. 281–302. DOI: 10.1086/258055.
16. Nye J. S. Soft Power: The Evolution of a Concept // Journal of Political Power. 2021. Vol. 14, No. 1. P. 196–208. DOI: 10.1080/2158379X.2021.1879572.
17. Park Joo-hyun. Discussion on the Policy Direction and Future Tasks of Supporting “Employment-Settlement” of International Students in Korea: Based on the Implications of Japan’s System of Supporting Employment of International Students // Korea Journal of International Studies. 2023. No. 6. P. 1–10. (На корейском языке).
18. Schultz T. W. Capital Formation by Education // Journal of Political Economy. 1960. Vol. 68, No. 6. P. 571–583. DOI: 10.1086/258393.
19. Wen Wen, Die Hu. International Student Education in China and its Connections with Local and Global Society // Centre for Global Higher Education Working Paper Series. 2023. Working Paper. No. 92. P. 1–24. DOI: 10.5287/ora-nbwr5agmr.
20. Zheng G., Li M. Development and Effects of Education for International Students in China // Society. Communication. Education. 2021. Vol. 12. No. 1. P. 71–81. DOI: 10.18721/JHSS.12107.
21. 대학의 외국인 유학생 유치·관리 실태 분석 연구 (Ким Джи-ха. Исследование текущего состояния привлечения университетами иностранных студентов и управления ими) // Korean Educational Development Institute. 2020. 240 p. URL: <https://www.kedi.re.kr/khome/main/research/selectPubForm.do?plNum0=14164>. (На корейском языке).
22. 외국인 유학생 유치 현황 및 향후 과제 (Ко Хён-сок. Текущее состояние и дальнейшие задачи привлечения иностранных студентов) // KCUE Higher Education Issue. 2024. No. 3. P. 1–8. URL: <https://www.unipress.co.kr/news/articleView.html?idxno=10817>. (На корейском языке).

Об авторах:

Белая Екатерина Константиновна, ассистент кафедры корееведения Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия); преподаватель кафедры иностранных языков Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: belaya-ek@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-4400-595X

Кашина Марина Александровна, профессор кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции СЗИУ РАНХиГС (Санкт-Петербург, Россия), доктор политических наук, доцент;
e-mail: kashina-ma@ranepa.ru; ORCID: 0000-0003-4509-8657

References

1. Bondarenko, V. V., Volodin, V. M., Leskina, O. N., Yudina, V. A. Increasing the International Attractiveness of the Russian Universities in Conditions of Epidemiological Threats // *University Proceedings. Volga Region. Social Sciences*. 2021. No. 4. P. 123–136. (In Russ.). EDN: LKLOBJ. DOI: 10.21685/2072-3016-2021-4-13.
2. Vershinina, I. A., Kurbanov, A. R., Panich, N. A. Foreign Students in Russia: Features of Motivation and Adaptation // *University Management: Practice and Analysis*. 2016. No. 6 (106). P. 94–102. (In Russ.). EDN: XGTBHX.
3. Koryagina, I. A., Korolev, G. V. Academic Mobility in a Changing World: Russian Experience // *Management Issues*. 2019. No. 2 (38). P. 170–181. (In Russ.). EDN: QIMLOW. DOI: 10.22394/2304-3369-2019-2-170-18.
4. Krasnova, G. A., Krasnova, A. A. China's Strategy for Attracting Foreign Students // *Accreditation in Education*. 2015. No. 8 (84). P. 54–57. (In Russ.). EDN: WBZDMJ.
5. Patsukevich, O. V., Kulko, E. I. China's State Policy in the Sphere of Export of Educational Services // *Bulletin of the Belarusian State Agricultural Academy*. 2018. No. 1. P. 173–176. (In Russ.). EDN: YTESND.
6. Pimonova, S. A., Fomina, E. M. Growing Attractiveness of Russian Universities for International Students // *University Management: Practice and Analysis*. 2018. Vol. 22, No. 4 (116). P. 97–109. (In Russ.). EDN: VNIMNW. DOI: 10.15826/umpa.2018.04.043.
7. Filippov, V. M. Internationalization of Higher Education: MAJOR Trends, Challenges and Prospects // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2015. Vol. 15, No. 3. P. 203–211. (In Russ.). EDN: VIOIKN.
8. Chan, J. W. The Policy of the Republic of Korea to Attract Foreign Students: On the an Example of Russian Students // *Eurasian Journal of Region and Political Research*. 2024. No. 3 (27). P. 39–43. (In Russ.). EDN: OIKQSV. DOI: 10.47475/2587-8077-2024-27-3-39-43.
9. Shipilova, M. A. Japan's Policies to Attract and Retain International Students: Economic and Migration Approaches // *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 1. P. 146–162. (In Russ.). EDN: VHQRUR. DOI: 10.19181/demis.2024.4.1.10.
10. Bae, So Hyeon, Kim, Hoi Soo. An Analysis on the International Students Recruitment and Management Policies in Korea // *Chonnam National University Educational Issues Research Institute*. 2014. Vol. 37. P. 67–89. (In Korean).
11. Becker, G. S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // *Journal of Political Economy*. 1962. Vol. 70, No. 5, Part 2. P. 9–49. DOI: 10.1086/258724.
12. Hsueh, Chia-Ming. Recruiting International Students with Technology: The Changing and the Unchanged // *Current Issues in Comparative Education (CICE)*. 2018. Vol. 20, No. 2. P. 40–42. DOI: 10.52214/cice.v20i.11551.
13. Kim, Hanna, Woo, Hansol, Lee, Seung-ho. A Comparative Study on Korean-Chinese-Japanese International Students Attraction Policy // *Asian Journal of Education*. 2016. Vol. 17, No. 4. P. 311–337. (In Korean). DOI: 10.15753/aje.2016.12.17.4.311.
14. Lyu, Jiawen, Wei, Yixiang, Zheng, Xifan. An Analysis on Motivation of International Students Who Come to China for Higher Education // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. SEAA. 2022. P. 844–852. DOI: 10.2991/978-2-494069-05-3_103.
15. Mincer, J. Investment in Human Capital and Personal Income Distribution // *Journal of Political Economy*. 1958. Vol. 66, No. 4. P. 281–302. DOI: 10.1086/258055.
16. Nye, J. S. Soft Power: The Evolution of a Concept // *Journal of Political Power*. 2021. Vol. 14, No. 1. P. 196–208. DOI: 10.1080/2158379X.2021.1879572.

17. Park, Joo-hyun. Discussion on the Policy Direction and Future Tasks of Supporting “Employment-Settlement” of International Students in Korea: Based on the Implications of Japan’s System of Supporting Employment of International Students // *Korea Journal of International Studies*. 2023. No. 6. P. 1–10. (In Korean).
18. Schultz, T. W. Capital Formation by Education // *Journal of Political Economy*. 1960. Vol. 68, No. 6. P. 571–583. DOI: 10.1086/258393.
19. Wen, Wen, Die, Hu. International Student Education in China and its Connections with Local and Global Society // *Centre for Global Higher Education Working Paper Series*. 2023. No. 92. P. 1–24. DOI: 10.5287/ora-nbwr5agmr.
20. Zheng, G., Li, M. Development and Effects of Education for International Students in China // *Society. Communication. Education*. 2021. Vol. 12, No. 1. P. 71–81. DOI: 10.18721/JHSS.12107.
21. 대학의 외국인 유학생 유치·관리 실태 분석 연구 (Kim, Ji-ha. Research on the Current Status of Attracting and Managing International Students by Universities) // *Korean Educational Development Institute*. 2020. 240 p. URL: <https://www.kedi.re.kr/khome/main/research/selectPubForm.do?plNum0=14164> . (In Korean).
22. 외국인 유학생 유치 현황 및 향후 과제 (Koh, Hyun-seok. The Current Status of Attracting International Students and Future Tasks) // *KCUE Higher Education Issue*. 2024. No. 3. P. 1–8. URL: <https://www.unipress.co.kr/news/articleView.html?idxno=10817> . (In Korean).

About the authors:

Ekaterina K. Belaia, Assistant Lecturer of the Department of Korean Studies, Faculty of Asian and African Studies, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia); Lecturer of the Department of Foreign Languages, North-Western Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russia); e-mail: belaya-ek@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-4400-595X

Marina A. Kashina, Professor of the Chair of Social Technologies of North-West Institute of Management of RANEPA, Leading Researcher of the Research Laboratory of Strategic Planning and Eurasian Integration of the North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russia), Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor; e-mail: kashina-ma@ranepa.ru; ORCID: 0000-0003-4509-8657

Основные тенденции развития миграционной ситуации в Республике Крым в период 2014–2021 гг.

Михеева Н. М.^{1,2,*}, Богатуров Д. С.¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления), Санкт-Петербург, Россия

* e-mail: n.miheeva@spbu.ru

ORCID: 0000-0003-4266-1926

РЕФЕРАТ

В статье анализируются основные изменения миграционной ситуации в Республике Крым после вхождения в состав России и до конца 2021 г. Миграционная ситуация в Севастополе не рассматривается, так как имеет свои специфические особенности, требующие отдельного исследования. **Цель.** Выявить наиболее важные тенденции в изменениях миграционной ситуации в Республике Крым после вхождения в состав России в период с 2014 г. по 2021 г. **Методология.** Применение статистического и системно-структурного методов позволило выявить основные тенденции в изменении миграционной ситуации в Республике Крым. Сравнительно-географический метод позволил определить основные направления потоков внешней и внутренней миграции. **Результаты.** Для Республики Крым характерно положительное сальдо миграции, что является традиционным для данного региона. Миграционный приток в рассматриваемый период компенсировал значительную часть естественной убыли населения полуострова. Сократилась доля мигрантов с Украины, что вызвано осложнением политической ситуации. Значимо возросла миграция из стран постсоветского пространства — Казахстана и Узбекистана. Намечалась тенденция к увеличению межрегиональной миграции не только за счет соседних субъектов РФ (Краснодарского края, Ростовской и Воронежской областей), но и Москвы, Санкт-Петербурга, Архангельской области и ряда других регионов РФ. Во внутрирегиональных миграциях наблюдалось перемещение населения из северных районов на юг и юго-восток полуострова. **Выводы.** Среди основных тенденций внешних миграций в Республике Крым в период с 2014 г. по 2021 г. стоит отметить увеличение доли конечных мигрантов из регионов РФ, в том числе возвращение крымчан, получивших российское гражданство после распада СССР и проживающих в России. Притоку временных мигрантов способствовала реализация крупных федеральных целевых программ на полуострове. Характерной чертой стало увеличение миграционного оттока из Республики Крым, преимущественно молодежи, в крупные российские города. Ограниченный потенциал роста уровня социально-экономического развития ряда территорий полуострова и проблемы, связанные с транспортной инфраструктурой, повлияли на изменение географии расселения как внешних, так и внутрирегиональных мигрантов. Кардинальные изменения в геополитическом и геоэкономическом положении Республики Крым оказали значимое влияние на трансформацию миграционной ситуации, при этом традиционные тенденции, связанные с миграционной привлекательностью территории, сохранились.

Ключевые слова: Республика Крым, численность населения, миграционное сальдо, миграционный приток, миграционная ситуация, межрегиональная миграция, внутрирегиональная миграция, международная миграция

Для цитирования: Михеева Н. М., Богатуров Д. С. Основные тенденции развития миграционной ситуации в Республике Крым в период 2014–2021 гг. // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 2. С. 144–156. EDN: JEVGCU

Main Trends in the Development of the Migration Situation in the Republic of Crimea in the Period 2014–2021

Natalia M. Miheeva^{a, b, *}, Dmitry S. Bogaturov^a

^a St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

^b Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russia

* e-mail: n.miheeva@spbu.ru

ORCID: 0000-0003-4266-1926

ABSTRACT

The article analyzes the most basic changes in the migration situation in the Republic of Crimea after joining Russia and until the end of 2021. The migration situation in Sevastopol is not considered, because it has its own specific features that require a separate study. **Aim.** Aim to identify the most important trends in changes in the migration situation in the Republic of Crimea, after joining Russia, in the period from 2014 to 2021. **Methods.** The use of statistical and system-structural methods made it possible to identify the main trends in the change in the migration situation in the Republic of Crimea. The comparative-geographical method made it possible to determine the main directions of flows of external and internal migrants. **Results.** The Republic of Crimea is characterized by a positive balance of migration, which is traditional for this region. The migration influx of migrants in the period under review compensated for a significant part of the natural decline in the population of the peninsula. The share of migrants from Ukraine has decreased, which is caused by the complication of the political situation. Migration from the post-Soviet countries: Kazakhstan and Uzbekistan has increased significantly. There is a trend towards an increase in interregional migration not only at the expense of neighboring subjects of the Russian Federation (Krasnodar Territory, Rostov and Voronezh regions), but also Moscow, St. Petersburg, Arkhangelsk Region and a number of other regions of the Russian Federation. In intraregional migrations, there was a movement of the population from the northern regions to the south and south-east of the peninsula. **Conclusions.** Among the main trends in external migration in the Republic of Crimea in the period from 2014 to 2021, it is worth noting: an increase in the share of final migrants from the regions of the Russian Federation, including the return of Crimeans who received Russian citizenship after the collapse of the USSR and live in Russia. The influx of temporary migrants was facilitated by the implementation of major federal targeted programs on the peninsula. A characteristic feature was the increase in the migration outflow from the Republic of Crimea, mainly young people, to large Russian cities. Limited potential for growth in the level of socio-economic development of a number of territories of the peninsula; Problems related to transport infrastructure have affected the change in the geography of settlement of both external and intraregional migrants. Fundamental changes in the geopolitical and geo-economic position of the Republic of Crimea have had a significant impact on the transformation of the migration situation, while the traditional trends associated with the migration attractiveness of the territory have been preserved.

Keywords: Republic of Crimea, population, migration balance, migration inflow, migration situation, interregional migration, intraregional migration, international migration

For citation: Miheeva N. M., Bogaturov D. S. Main Trends in the Development of the Migration Situation in the Republic of Crimea in the Period 2014–2021 // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 144–156. (In Russ.). EDN: JEVGCU

Введение

Миграционная ситуация в Крыму после вхождения в 2014 г. в состав Российской Федерации вызывает большой интерес как у специалистов, занимающихся проблемами народонаселения страны, так и у широкой общественности. Данная тема стала популярной у зарубежных авторов, которые нередко интерпретируют особенности миграционной ситуации в Крыму в угоду определенным политическим мнениям. В этой связи представляется актуальным обратиться к анализу официальных статистических данных по народонаселению Республики Крым и проанализировать миграционную ситуацию на полуострове после вхождения в состав РФ. Представляют интерес новые тенденции внешних миграций, связанных с изменением политического статуса полуострова, новые черты во внутрирегиональных миграциях, на которые значимое влияние оказала транспортная изоляция Крыма со стороны Украины и реализация крупных инфраструктурных проектов в Республике Крым как в новом субъекте РФ. Миграционная ситуация в Республике Крым наглядно отражает изменения геополитического и геоэкономического положения, новые тренды развития территории.

Цель данного исследования — выявить наиболее важные тенденции в изменениях миграционной ситуации в Республике Крым после вхождения в состав России и до начала специальной военной операции в 2022 г. Оценка ситуации в Севастополе авторами не рассматривается, так как имеет свои специфические особенности, требующие отдельного исследования. В работе анализируется только конечная миграция, т. е. за пределами исследования остаются все туристические потоки и приезд специалистов для выполнения временных работ. Не рассматриваются также потоки студентов, приезжающих и выезжающих для получения высшего образования в вузах.

Степень разработанности темы

Большое количество работ посвящено анализу волн миграций и влиянию общих принципов переселенческих политик в Российской империи и СССР на миграционную ситуацию на полуострове. Очевидно, что разнообразие этноконфессионального состава населения Крыма во многом сформировалось и изменялось под влиянием политических решений, реализуемых правительствами российского/советского государства. Не последнюю роль в формировании разнообразных этноконфессиональных групп в Крыму сыграла близость таких полиэтничных территорий, как Украина, Краснодарский край, Греция, Турция. Одним из крупнейших исследований, посвященных данной проблематике, является монография Я. Е. Водарского, О. И. Елисеева и В. М. Кабузана «Население Крыма в конце XVII — конце XX века: численность, размещение, этнический состав» [5]. Особенности формирования народонаселения Крыма посвящены работы В. Б. Жиромской, Н. А. Араловец, А. В. Белова, А. Р. Никифорова, опубликованные в двухтомной коллективной монографии, посвященной истории полуострова [9]. Проблемы этнической структуры населения полуострова и особенности миграций рассматриваются в работах А. С. Петроградской и С. Н. Киселева, В. В. Степанова, В. Ю. Зорина, Р. Вышневого [10; 18; 23]. Ряд авторов большое внимание уделяет проблемам татарского населения полуострова [21; 22; 25]. Особенности идентичности населения Крыма посвящена работа З. Р. Гапизова, Н. И. Харитоновой [5]. Несмотря на разнообразие тем, посвященных миграциям, проблемам современного состояния миграционной ситуации уделяется незначительное внимание. Можно отметить исследования С. И. Абылкаликова и П. Е. Сушко [1], М. Л. Яковенко и И. Ю. Кошель [19], в которых прослеживается динамика миграционных процессов на полуострове. Отдельные аспекты миграционной ситуации на полуострове отражены в работах О. Ю. Асеевой, Е. В. Гросфельд, Т. Ю. Гусакова, М. С. Дихтемирова, Д. А. Маминой, Д. Н. Мищенко, М. В. Намхановой, Н. С. Сахновой, Г. В. Сазоновой, Е. В. Страшко, Т. В. Шкайдеровой, А. Б. Швеца [2; 7; 8; 11; 15; 17]. Одной из последних работ по изменениям в миграционной ситуации в Республике Крым является статья Л. А. Ожеговой, Г. В. Сазоновой и К. Ю. Сикача [13]. Пространственно-временные особенности миграции в Крыму, охватывающих период с 2000 г. по 2016 г., нашли свое отражение в «Атласе социокультурных процессов в Крыму», подготовленном коллективом авторов из Крымского федерального университета [3] и монографии «Социокультурная трансформация регионального развития Крыма» [14].

В работах зарубежных авторов оценка миграционных процессов носит явно политизированный характер, основной акцент делается на ухудшении геополитической ситуации в регионе Северного Причерноморья и сильном влиянии российских властных структур на ситуацию. В качестве примера можно привести работы М. Рабинович (Rabinovych M.) и А. Пинч (Pintsch A.) [23], С. Райтона (Wrighton S.) [25] и Э. Кнотт (Knott E.) [22].

Методы и методика исследования

Информационной базой для работы послужили статистические и аналитические ресурсы Управления Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю (Крымстат)¹, итоги переписи населения в Крымском федеральном округе в 2014 г., статистические ежегодники Республики Крым и ряд других аналитических материалов, опубликованных на сайте Крымстат. Стоит отметить, что после присоединения Крыма к РФ изменилась система учета перемещений. Регистрация прибывших по новому месту жительства по новым правилам началась с июня 2014 г., а регистрация выбывших — с июля. Некоторые авторы отмечают, что в официально опубликованных данных наблюдается значительный пробел сведений о числе выбывших и прибывших в период марта–июля 2014 г. [13]. В распоряжении исследователей имеется немного надежных источников статистической информации о миграции.

Применение статистического и системно-структурного методов позволило выявить основные тенденции в изменении миграционной ситуации в Республике Крым. Сравнительно-географический метод позволил определить основные направления потоков внешних и внутренних мигрантов. Для анализа миграционной ситуации авторами использовались материалы, полученные в ходе студенческих практик, проводимых в Крыму кафедрой региональной политики и политической географии СПбГУ в период 2015–2019 гг. Хронологические рамки исследования ограничены 2014 г. — годом возвращения Республики Крым и Севастополя в состав России — и концом 2021 г. После 2014 г. очевидным образом изменились география и динамика миграционных потоков на полуострове из-за целого комплекса факторов. Начало Специальной военной операции в феврале 2022 г. создало принципиально иную геополитическую ситуацию, связанную с тем, что Крым оказался в непосредственной близости к театру военных действий. Резко возросли угрозы противоправных действий, было полностью прекращено гражданское авиационное сообщение с полуостровом, обострился ряд других проблем, связанных с безопасностью. Это ожидаемо привело к значимым изменениям миграционных потоков и миграционной ситуации на полуострове. В этой связи анализ миграционной ситуации в Республике Крым в период с 2022 г. требует отдельного исследования.

Результаты

Характерные черты миграции на полуострове Крым

Благодаря переписям, проводимым в Российской империи и СССР, можно проследить общую тенденцию на протяжении нескольких веков, характерную для полуострова: увеличение доли населения, приехавшего в Крым на постоянное место жительства (пожизненные мигранты). Несмотря на некоторые различия фиксируемых данных в различные годы, можно отметить, что в 1897 г. в Таврической губернии (включающей кроме территории самого Крыма части Запорожской и Херсонской областей) проживало 8,4% родившихся в других регионах Российской империи и за рубежом, в 1926 г. — 22,7% (данные по Крымской АССР) [10], в 1989 г. — 57,0%². Очевидно, что именно в советский период значительно возросла доля некоренных жителей, проживающих на полуострове. Во многом это связано

¹ Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю (Крымстат) [Электронный ресурс]. URL: <https://82.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 20.02.2025).

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. М. : Госкомстат СССР, 1990. С. 156–159.

с так называемыми кампаниями организованного переселения в Крым: в 1944–1953 гг., после Великой Отечественной войны, и начиная с 1954 г. до конца 1970-х гг., когда существовал так называемый оргнабор на работу в Крым и большая часть трудовых мигрантов переезжала на полуостров с Украины [11]. С. И. Абылкаликов и П. Е. Сушко отмечают, что «анализ переписи 1989 г. позволяет утверждать, что приехавших пожизненных мигрантов было почти в три раза больше, чем уехавших» [1, с. 57]. Наиболее «тесные миграционные контакты были у полуострова с соседними территориями Краснодарского края, Брянской, Воронежской и Курской областей РСФСР, а также областями УССР: Винницкой, Сумской, Донецкой и Херсонской. Много переселенцев было из Казахской и Узбекской ССР» [10, с. 58]. Система расселения на полуострове во времена СССР сложилась с учетом потребностей размещения производительных сил и особенностей агроклиматических условий. Направление потоков регулировалось государством, исходя из задач плановой экономики.

В постсоветский период Крым был привлекательным регионом для проживания на фоне большинства регионов Украины. Отток населения на полуострове наблюдался лишь в 1990-е гг. Республика традиционно занимала второе место по миграционной привлекательности для жителей Украины, уступая лишь Киеву [9; 19]. Уже в 2000-е гг. миграционный приток смог компенсировать значительную часть естественной убыли населения. Естественная убыль в тот период в среднем составляла –4,8%, миграционный прирост +3,8%. Безусловно, для переезда в регион существовала весомая мотивация (речь идет о переезде на постоянное место жительства) — работа или желание улучшить климатические условия своего проживания. Власти Украины поддерживали миграцию. В частности, ряд законов был направлен на активизацию частной предпринимательской деятельности, предоставление земельных участков (например, под индивидуальное жилищное строительство) на льготных условиях, с возможностью последующей приватизации¹ [16]. Население полуострова в этот период формировалось за счет внутриукраинских перемещений и репатриации крымско-татарского населения [20]. В период с 1989 г. по 2001 г. численность крымских татар на полуострове возросла с 38 тыс. чел. до 245 тыс. чел. [16, с. 145]. Большая их часть после возвращения из Центральной Азии вынужденно расселилась в сельских населенных пунктах. На сегодняшний день значимая часть крымских татар проживает в Симферополе (более 28 тыс. чел., что составляет около половины всего городского крымско-татарского населения). Наибольшая концентрация русских наблюдается в больших городах республики, таких как Симферополь, Керчь, Ялта, Феодосия, Судак, Евпатория [4]. Внешняя миграция за постсоветский период в целом сыграла значительно меньшую роль в формировании современного населения Крыма, чем это было в предыдущие исторические этапы (рис. 1).

Миграционные тенденции в Республике Крым после 2014 г.

По официальным данным Крымстата, с 2014 г. по июль 2021 г. чистый миграционный приток в Республике Крым составил 192 498 чел. При этом международная миграция (не с территории РФ) оказала важное влияние на миграционный прирост. В 2014 г. она составила 39% от общего миграционного прироста, в 2017 г. — 29%, 2018 г. — 26%. Больше всего мигрантов прибыло в Крым из Украины, Узбекистана, Казахстана.

Важно отметить, что положительное сальдо миграции по Крыму в целом превысило показатель в 134 тыс. чел. за период 2018–2021 гг. При этом наиболее высокий механический прирост наблюдался в первые три года после присоединения полуострова к России. За указанный период положительное сальдо миграции позволило на 60% перекрыть естественную убыль населения в регионе [7].

На сегодняшний день *межрегиональная миграция* (из субъектов РФ) играет существенную роль в миграционном приросте населения Крыма. На 2014 г. пришелся первый большой наплыв межрегиональных мигрантов (+8943 чел.). В дальнейшем приток межрегиональных мигрантов оставался стабильным и имел тенденцию к постепенному увеличению: в 2015 г. (+14 644 чел.), 2016 г. (+16 386 чел.) и т. д. (см. рис. 2). С 2014 г. было зафиксировано положительное сальдо миграций

¹ Alikin A. Russia: Migration Helping to 'Russify' Crimea [Электронный ресурс] // EurasiaNet, Jan 27, 2017. URL: <https://eurasianet.org/russia-migration-helping-to-russify-crimea> (дата обращения: 15.05.2025).

в Симферопольском, Бахчисарайском, Белогорском, Кировском и Ленинском районах и городских округах: Керчь (+1286 чел.), Симферополь (+1136 чел.), Судак, Алушта, Феодосия, Ялта, Евпатория (+905 чел.) [3]. Для конечных мигрантов стали привлекательными традиционные рекреационные места (Ялта, Судак, Алушта, Евпатория), а также населенные пункты, транспортно связанные с Таманским полуостровом, особенно Керчь и Феодосия. «Отток населения был характерен для северных районов: Краснопереконского, Советского, Первомайского, Джанкойского, Нижнегорского. Для последних трех районов был характерен низкий миграционный прирост и в предыдущий период 1990–2000 гг.» [3, с. 57], а после 2014 г. он стал отрицательным. Эксперты связывают это с «тупиковым» географическим положением районов, проблемами нехватки воды после перекрытия Северо-Крымского канала Украиной, ростом цен на продукты и ухудшением экологических показателей¹. Как и во все предыдущие периоды, за счет конечных мигрантов росли преимущественно города [15]. Исключением является г. Саки, где начиная с 1998 г. наблюдается отток населения (в среднем 2,8% в год)², что связано с закрытием градообразующего предприятия «Сакский химический завод имени 50-летия Советской Украины» и ухудшением экологической ситуации.

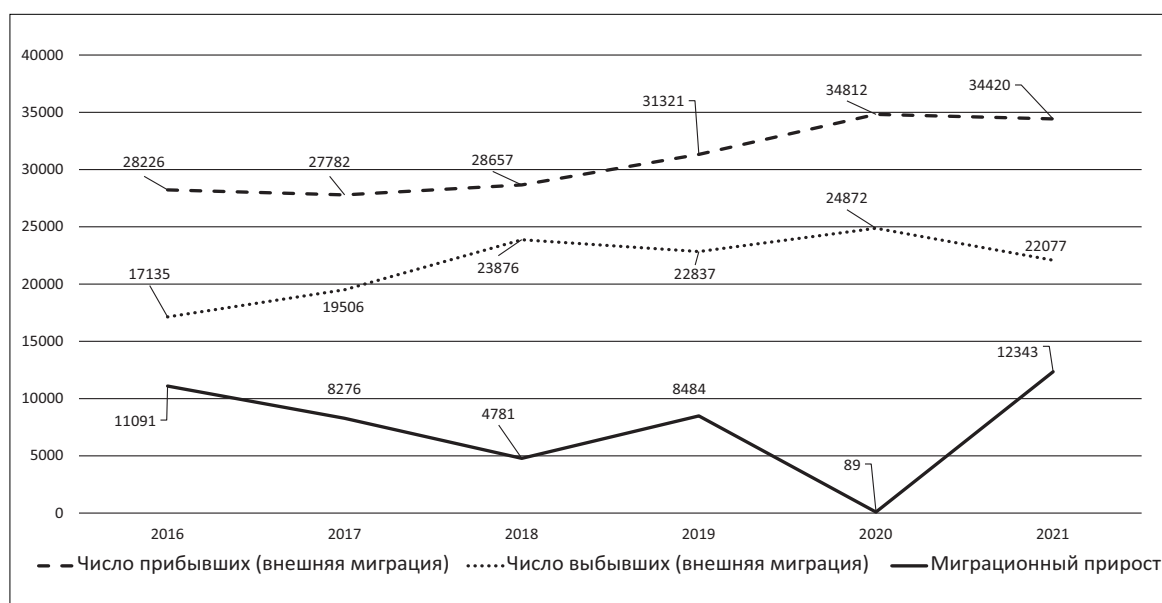

Рис. 1. Внешняя миграция 2016–2021 гг.

Fig. 1. External migration 2016–2021

Источник: составлено авторами по данным статистических ежегодников Республики Крым³

Первые годы после присоединения Крыма продемонстрировали высокий интерес граждан России к полуострову. Важным шагом для смены места жительства стали возможности приобретения недвижимости. Так, анализ рынка недвижимости в Крыму за исследуемый период показывает, что многие жители Москвы, Санкт-Петербурга и Московской области приобретали недвижимость в регионе. Около 60% покупателей приобретали жилье для переезда в Крым. Приблизительно 30% покупателей из других регионов приобретали недвижимость с целью вложения средств на будущее⁴.

¹ Машенко А. Как изменится Крым после освобождения южных регионов Украины [Электронный ресурс] // Парламентская газета. 23.07.2022. URL: <https://www.pnp.ru/politics/kak-izmenitsya-krym-posle-osvobozhdeniya-yuzhnykh-regionov-ukrainy.html> (дата обращения: 20.02.2025).

² Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю (Крымстат) [Электронный ресурс]. URL: <https://82.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 20.02.2025).

³ Статистический ежегодник. Республика Крым. 2020 : стат. сб. / Крымстат. Симферополь, 2021. 383 с.; Статистический ежегодник Республики Крым. 2022 : стат. сб. / Крымстат. Симферополь, 2023. 378 с.

⁴ Подсчитано по полевым материалам, полученным в ходе студенческих практик в период 2015–2019 гг.

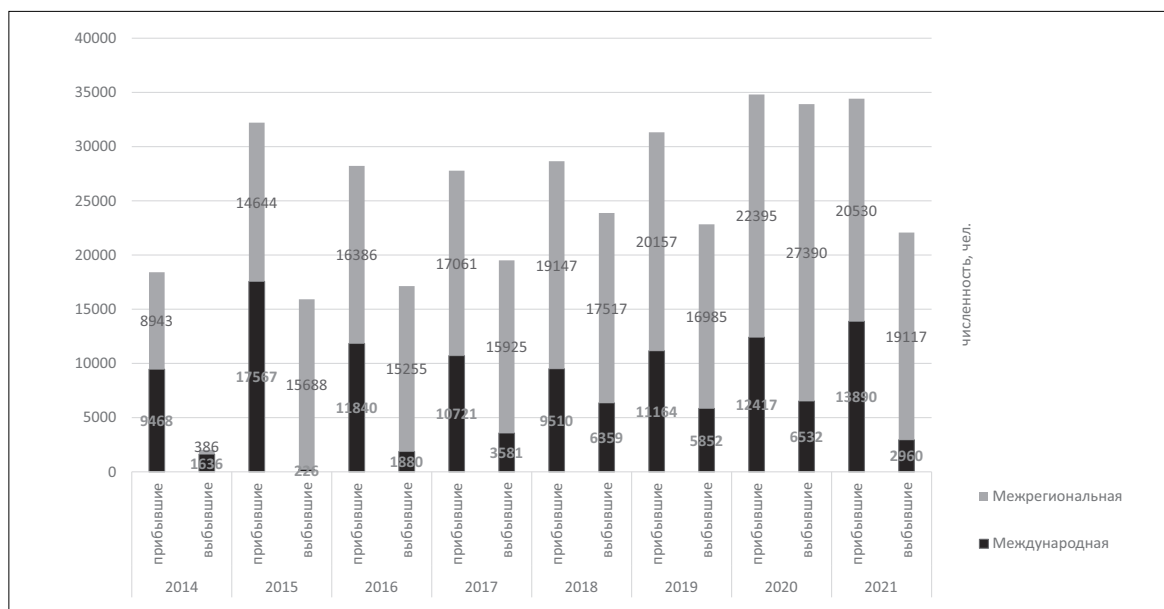
Рис. 2. Направление внешних миграционных потоков¹

Fig. 2. Direction of external migration flows

Источник: составлено авторами по данным статистических ежегодников Республики Крым²

Обсуждение

Факторы, оказывающие влияние на миграционные процессы в Республике Крым в период с 2014 г. по 2021 г.

Интерес мигрантов из регионов РФ. При анализе роли миграции важно учитывать такой показатель, как структура населения региона по месту его рождения. Сравнение данных переписей населения Крыма на 1989 г. и на 2014 г. позволяет выявить важные изменения. Так, в 1989 г. 667 тыс. крымчан являлись уроженцами РСФСР (26% от всего населения полуострова). В 2014 г. перепись выявила лишь «340 тыс. жителей, местом рождения которых была территория современной России (лишь 15% от всего населения)» [1, с. 58]. На момент присоединения Крыма значимая часть населения, постоянно проживавшая на полуострове, была родом из соседних областей Украины. После присоединения полуострова к России доля постоянного и наличного населения с российскими корнями увеличилась (на конец 2020 г. — 23,3%)³.

По данным Крымстата, на 2020 г. общая численность населения, постоянно проживавшего в Республике Крым, составила 1 934 630 чел., из них 1 135 354 чел. родились в республике. Местом рождения другие субъекты РФ указали 451 456 чел. — это межрегиональные мигранты (23,3%). Больше всего межрегиональных мигрантов родом из Краснодарского края (10 992 чел.), Курской (4499 чел.), Брянской (4361 чел.) и Кемеровской областей (4442 чел.). При этом значимое количество уроженцев соседних областей не удивляет, а вот показатели Кемеровской области привлекают внимание. Значимое количество приехало из Москвы и Московской области (3847 чел. и 3609 чел. соответственно), из Санкт-Петербурга значительно меньше — 2036 чел. Отдельную категорию постоянных мигрантов составля-

¹ Регистрация / снятие с регистрации места проживания в Республике Крым в апреле и мае 2014 г. миграционной службой не проводилась. Число выбывших мигрантов с июля по декабрь 2014 г. фиксировалось без учета выбывших в субъекты Российской Федерации.

² Статистический ежегодник. Республика Крым. 2020 : стат. сб. / Крымстат. Симферополь, 2021. 383 с.; Статистический ежегодник Республики Крым. 2022 : стат. сб. / Крымстат. Симферополь, 2023. 378 с.

³ Подсчитано авторами по данным Управления Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю (Крымстат) [Электронный ресурс]. URL: <https://82.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 20.02.2025).

ют жители северных регионов России: Красноярского края (3399 чел.) и Архангельской области вместе с Ненецким автономным округом (2285 чел.). Полуостров представляет хорошую альтернативу таким традиционным регионам миграции северян, как Краснодарский край или Белгородская область. Много живет в республике выходцев из Воронежской (3152 чел.), Орловской (2494 чел.) и Новосибирской (3479 чел.) областей. Доля международных мигрантов, постоянно проживающих в Республике Крым, составляет 17% (344 512 чел.). Больше всего прибыло из Казахстана (16 593 чел.), Украины (162 226 чел.), Узбекистана (128 692 чел.), Беларуси (9460 чел.). Из государств дальнего зарубежья значимое количество мигрантов отмечается лишь из Германии (1519 чел.). События начала 2022 г. значительно скорректировали миграционную ситуацию в сторону сокращения всех потоков мигрантов. Очевидно, что в дальнейшем это отразится на статистике.

В исследуемый период многие потенциальные мигранты, ориентированные на переселение в Крым, занимали выжидательную позицию. Проблемы с водой, электроэнергией и другие инфраструктурные проблемы региона выступали в роли сдерживающих факторов. Очевидно, что для большинства граждан постсоветского пространства (за исключением россиян) статус Крыма представлялся неопределенным, что также сказалось на миграции.

Возвращение крымчан на полуостров. Положительное миграционное сальдо региона после 2014 г. поддерживали в том числе бывшие крымчане, получившие российское гражданство после распада СССР и ныне проживающие в России [8; 10]. В новых условиях многие из них были готовы вернуться на историческую родину. Это же касается крымчан, получивших гражданство государств за пределами РФ. Мониторинг, проведенный авторами работы, показал, что значительная часть переселенцев из Крыма в тот период готова была вернуться на прежнее место жительства. Правда, существовала и противоположная тенденция. Многие коренные жители Севастополя и Симферополя, особенно молодежь, стремились покинуть Крым и поселиться в Москве или Санкт-Петербурге. Они ориентировались на возможности получения более высокооплачиваемой работы, более престижного образования (как высшего, так и среднего), комфортных условий жизни, в том числе связанных с цифровой инфраструктурой (электронные платежи и переводы, возможности пользоваться различными приложениями, закрытыми для Крыма).

Крупные федеральные целевые программы, реализуемые на долгосрочный период после вхождения Крыма в состав РФ, оказали положительное влияние на формирование устойчивых потоков миграции на полуостров. Часть трудовых мигрантов, привлеченных из других регионов РФ, в таких обстоятельствах приняли решение остаться в регионе на постоянное место жительства. По данным опросов это 7–15%. Дополнительно отметим, что программа развития Крыма до 2030 г. также предполагает увеличение числа мигрантов, которые останутся на полуострове¹. Хотя на данный момент излишне оптимистичным выглядит прогноз увеличения численности населения на более чем 8600 чел. к 2030 г., заявленный в программе. Сдерживающими факторами являются высокая плотность населения в наиболее экономически развитых районах и муниципалитетах и высокие цены на жилье.

Уровень социально-экономического развития региона. На сегодняшний день на крымской территории не планируется создание каких-либо новых крупных предприятий материальной сферы. В таких условиях возможности трудовой миграции с последующей сменой места постоянного жительства представляются ограниченными. На миграцию в регионе влияют особенности расселения и география Крыма в целом. В Крыму развита как городская, так и сельская сеть поселений. Важной особенностью является достаточно компактное размещение основных городов региона. Это улучшает транспортную доступность между ними и способствует активному обмену рабочей силой. В частности, компактные размеры полуострова и развитая транспортная сеть позволяют добраться из любого внутреннего населенного пункта до побережья всего лишь за один час.

Конечно, не все населенные пункты региона привлекательны для внешних мигрантов. Например, благополучный Бахчисарайский район выгодно отличается от северных и внутренних районов,

¹ Государственная программа «Социально-экономическое развитие Республики Крым и города Севастополя» [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/827/events/> (дата обращения: 10.02.2025).

испытывающих недостаток воды и удаленных от развитых городских поселений. К примеру, в городе Красноперекоске за последние двенадцать лет население сократилось почти на 20%¹. В современных условиях пополнение сельского населения Крыма возможно лишь мигрантами, покинувшими прежнее место жительства по вынужденным обстоятельствам. В сельской местности цены на жилье значительно ниже. Особенно это касается степных районов.

Большое значение имеет *транспортная доступность* региона. После событий 2014 г. аэропорты в Симферополе и Керчи были закрыты для иностранных самолетов, запрещен заход иностранных судов в порты Крыма, прекращено железнодорожное и регулярное автобусное сообщение с территорией Украины. Все это создало ситуацию, когда Крым оказался исключен из системы международных транспортных перевозок. В условиях отсутствия сообщения с другими регионами России по суше основным транспортным хабом стала Керченская паромная переправа. Довольно быстро стали очевидны ее ограниченные возможности. Строительство Крымского моста (2018 г.), открытие постоянного железнодорожного сообщения по нему (с 2020 г.), строительство трассы «Таврида», активная реконструкция автомобильных дорог, модернизация портов Керчи, Феодосии и Ялты во многом решили эту проблему. География снабжения полуострова товарами и основные направления пассажиропотоков изменились. Сократилось время в пути от Керчи до городов Краснодарского края (по оценкам экспертов, на 3–4 часа) [3]. Появился дополнительный спрос на рабочую силу. Это отразилось на потоках межрегиональной миграции.

Заключение

Можно отметить ряд важных тенденций в изменении миграционной ситуации в Республике Крым после вхождения в состав России и до начала Специальной военной операции в 2022 г. Во-первых, в географии иммигрантов произошли изменения. Для полуострова остался характерен большой приток пожизненных мигрантов, который в значительной мере компенсировал естественную убыль населения. Традиционно значимая часть мигрантов приехала на полуостров из близлежащих территорий — субъектов РФ: Краснодарского края, Курской, Брянской, Воронежской областей. Увеличилась доля населения, приезжающего на полуостров из других стран постсоветского пространства — Казахстана, Узбекистана, приток же мигрантов с Украины сократился. Новой тенденцией стало увеличение конечных мигрантов из Москвы и Московской области, Санкт-Петербурга, а также северных регионов (Архангельская область, Красноярский край). Динамика увеличения доли мигрантов с материковой части России способствует интеграции региона в культурное и политическое поле влияния РФ. Во-вторых, характерной чертой стало увеличение миграционного оттока из Республики Крым, преимущественно молодежи, в крупные российские города. В-третьих, стоит отметить тенденцию возвращения крымчан, которые получили российское гражданство после распада СССР и проживали в России или за ее пределами. В-четвертых, такие факторы, как ограниченный потенциал роста уровня социально-экономического развития ряда районов, проблемы с транспортной доступностью (особенно северных и центральных районов, которые оказались изолированными вследствие проблем с Украиной), повлияли на изменение географии расселения внешних и внутренних мигрантов. Более привлекательными стали южные и юго-восточные районы, где активно развивалась транспортная инфраструктура, увеличилось количество рекреационных туристов и, как следствие, возросла потребность в трудовых ресурсах. Привлекательными как для межрегиональных, так и внутрирегиональных мигрантов стали территории с активно развивающейся инфраструктурой: Симферопольский, Красногвардейский, Ленинский и Бахчисарайский муниципальные районы и городские округа Симферополя, Ялты, Судак, Керчи, Феодосии и Евпатории. При этом прямой корреляции интереса к территориям со стоимостью недвижимости не прослеживается. В-пятых, стоит отметить увеличение потока временных мигрантов, что во многом связано с реализацией крупных федеральных целевых программ на полуострове.

¹ Управление Федеральной службы государственной статистики по Республике Крым и г. Севастополю (Крымстат) [Электронный ресурс]. URL: <https://82.rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 20.02.2025).

Таким образом, в анализируемый период кардинальные изменения в геополитическом и геоэкономическом положении Республики Крым оказали значимое влияние на изменение миграционных потоков, при этом традиционные тенденции, связанные с миграционной привлекательностью территории, сохранились.

Список литературы

1. Абылкаликов С. И., Сушко П. Е. Роль миграций в формировании населения Крыма // Региональные исследования. 2017. № 2 (56). С. 55–62. EDN: ZDRFBN.
2. Асеева О. Ю. Особенности миграционных процессов Республики Крым // Известия Юго-Западного государственного университета. Экономика. Социология. Менеджмент. 2014. № 4. С. 160–163. EDN: TKPGTP.
3. Атлас социокультурных процессов в Крыму [Карты] / под ред. Воронина И. Н., Яковенко И. М., Швеца А. Б., Вольхина Д. А. Симферополь : КФУ им. В. И. Вернадского, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://atlas-crimea.ru>.
4. Богатуров Д. С. Трансформация этнического расселения в Республике Крым в постсоветский период // Материалы X научной Ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО). Бийск, 2019. С. 344–351. EDN: STWJUO.
5. Водарский Я. Е., Елисеева О. И., Кабузан В. М. Население Крыма в конце XVII — конце XX века: численность, размещение, этнический состав. М. : ИРИ РАН, 2003. 160 с. ISBN: 5-8055-0104-X.
6. Гапизов З. Р., Харитонов Н. И. «Крымский вопрос» и цивилизационные основы внешней политики России в условиях глобальной гибридной войны // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17, № 4. С. 112–120. EDN: JRUANJ. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-04-112-120.
7. Гросфельд Е. В., Дихтемиров М. С. К проблеме государственного регулирования трудовой миграции в Крыму // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2015. Т. 1 (67), № 4. С. 24–30. EDN: YQADGP.
8. Гусаков Т. Ю. Миграции населения как основной фактор трансформации системы расселения Крымского полуострова // Крестьяноведение. 2021. Т. 6, № 2. С. 99–120. EDN: XLAUDA. DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-2-99-120.
9. Жиромская В. Б., Араловец Н. А., Белов А. В. Население Крыма (численность, расселение, национальный, социальный, половозрастной состав) // История Крыма: в 2 т. / отв. ред. А. В. Юрасов. М. : Кучково поле, 2019. Т. 2. С. 273–91.
10. Киселев С. Н., Петроградская А. С. Динамика численности и расселения украинцев в Крыму, по данным всеобщих переписей населения XIX–XXI вв. // Геополитика и экогеодинамика регионов. Симферополь, 2008. Т. 4, № 1-2. С. 85–94. EDN: VLFSOF.
11. Мамина Д. А., Мищенко Д. Н. Этнополитические факторы внутренней миграции в Республике Крым // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9, № 4. С. 137–149. EDN: TNQKEU. DOI: 10.18522/2227-8656.2020.4.11.
12. Никифоров А. Р. Крым в дестабилизирующейся Украине: от «оранжевой революции» до Евромайдана. 2004–2014 гг. // История Крыма: в 2 т. / отв. ред. А. В. Юрасов. М. : Кучково поле, 2019. Т. 2. С. 725–741.
13. Ожегова Л. А., Сазонова Г. В., Сикач К. Ю. Миграционные процессы в Республике Крым: пространственно-временная специфика и современное состояние // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2022. Т. 8 (18), № 3. С. 217–235. EDN: FFIYSL.
14. Социокультурная трансформация регионального развития Крыма / под общ. ред. И. Н. Воронина, А. Б. Швеца. Симферополь : АРИАЛ, 2022. 218 с. URL: <https://atlas-crimea.ru/wp-content/uploads/application/pdf/sociokulturnaya-transformaciya-regionalnogo-razvitiya-kryma-1.pdf>.
15. Страшко Е. В., Шкайдерова Т. В., Намханова М. В. Миграционные процессы в Республике Крым и г. Севастополе: тенденции и факторы // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 6. С. 46–55. EDN: AXDUAL. DOI: 10.24158/spp.2023.6.6.

16. Суций С. Я. Демографический потенциал и национальная структура населения Крыма: конец XX — середина XXI века // Региональная экономика. Юг России. 2018. № 4. С. 139–149. EDN: YPOZFJ. DOI: 10.15688/re.volsu.2018.4.14.
17. Швец А. Б., Сахнова Н. С., Сазонова Г. В. Пространство миграций в современном Крыму // Материалы международного научно-исследовательского семинара «Современные миграционные процессы: состояние и основные формы». 2016. Кишинёв : Международная организация по миграции, миссия в Молдове, Миссия в Республике Молдова, 2016. С. 76–82. EDN: KUFHNS.
18. Этническая и этнополитическая карта Крыма: Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов / под ред. В. Ю. Зорина, Р. А. Старченко, В. В. Степанова. М. : ИЭА РАН, 2017. 216 с. EDN: TCMYPB.
19. Яковенко М. Л., Кошель И. Ю. Социальные миграции: региональный аспект // XXI Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования», 22–23 марта 2018 г., Екатеринбург. Екатеринбург : УрФУ, 2018. С. 441–448.
20. Burke J., Panina-Burke S. The Reunification of Crimea and the City of Sevastopol with the Russian Federation // Russian Law Journal. 2017. Vol. 5, No. 3. P. 29–68. EDN: ZEUVJF. DOI: 10.17589/2309-8678-2017-5-3-29-68.
21. Aydin F. T., Sahin F. K. The Politics of Recognition of Crimean Tatar Collective Rights in the post-Soviet Period: With Special Attention to the Russian Annexation of Crimea // Communist and Post-Communist Studies. March 2019. Vol. 52, No. 1. P. 39–50. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2019.02.003.
22. Knott E. Quasi-Citizenship as a Category of Practice: Analyzing Engagement with Russia's Compatriot Policy in Crimea // Citizenship Studies. January 2017. Vol. 21, No. 1. P. 116–135. DOI: 10.1080/13621025.2016.1252714.
23. Rabinovych M., Pintsch A. From the 2014 Annexation of Crimea to the 2022 Russian War on Ukraine: Path Dependence and Socialization in the EU — Ukraine Relations // Journal of Common Market Studies. 2024. Vol. 62. No. 5. P. 1239–1259. DOI: 10.1111/jcms.13572.
24. Wiśniewski R. Ethnic Changes in Crimea from Its Incorporation into the Russian Empire to the Annexation by the Russian Federation (1783–2014) // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2016. Vol. 7, No. 2. P. 73–87. URL: https://uwm.edu.pl/cbew/2016_7_2/Wisniewski-R.pdf. (На польском яз.).
25. Wrighton S. Authoritarian Regime Stabilization through Legitimation, Popular co-optation, and Exclusion: Russian Passportization Strategies in Crimea // Globalizations. 23 February 2018. Vol. 15, No. 2. P. 283–300. DOI: 10.1080/14747731.2017.1396798.
26. Zimin D. Voting Behaviour of Crimean Tatars 2012–2018: For or Against Russia? // Southeast European and Black Sea Studies. 17 May 2019. Vol. 19, No. 2. P. 293–313. DOI: 10.1080/14683857.2019.1617944.

Об авторах:

Михеева Наталия Михайловна, доцент кафедры региональной политики и политической географии Института наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета; доцент кафедры международных отношений факультета международных отношений и политических исследований Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук, доцент;
e-mail: n.miheeva@spbu.ru; ORCID: 0000-0003-4266-1926

Богатуров Дмитрий Сергеевич, старший преподаватель кафедры региональной политики и политической географии Института наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат географических наук;
e-mail: bogaturov@mail.ru

References

1. Abylkalikov, S. I., Sushko, P. E. The Role of Migration in the Formation of the Population of Crimea // Regional Research. 2017. No. 2 (56). P. 55–62. (In Russ.). EDN: ZDRFBN.
2. Aseeva, O. Yu. The Main Directions of the Migration Process on the Territory of the Republic of Crimea // Proceedings of the Southwest State University. Series: Economy. Sociology. Management. 2014. No. 4. P. 160–163. (In Russ.). EDN: TKPGTP.
3. Atlas of Socio-Cultural Processes in the Crimea [Maps] / ed. by I. N. Voronin, I. M. Yakovenko, A. B. Shvets, D. A. Volkhin. Simferopol : V. I. Vernadsky KFU, 2020. URL: <https://atlas-crimea.ru> (In Russ.).
4. Bogaturov, D. S. Transfer of Ethnic Settlement in the Republic of Crimea in the Post-Soviet Period // X Scientific Assembly of the Association of Russian Geographers-Social Scientists (ARGO). Biysk, 2019. P. 344–351. EDN: STWJUO. (In Russ.).
5. Vodarsky, Y. E., Eliseeva, O. I., Kabuzan, V. M. Population of Crimea at the End of the XVII — the End of the XX Century: Number, Placement, Ethnic Composition. Moscow, IRI RAN Publ., 2003. 160 p. ISBN: 5-8055-0104-X. (In Russ.).
6. Gapizov, Z. R., Kharitonova, N. I. “The Crimean Question” and the Civilizational Foundations of Russia’s Foreign Policy in the Context of the Global Hybrid War // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17, No. 4. P. 112–120. (In Russ.). DOI: 10.22394/2073-2929-2023-04-112-120.
7. Grosfeld, E. V., Dikhtemirov, M. S. On the Problem of State Regulation of Labor Migration in the Crimea // Philosophy. Political Science. Culturology. 2015. Vol. 1 (67), No. 4. P. 24–30. (In Russ.). EDN: YQADGP.
8. Gusakov, T. Yu. Migrations as the Main Factor in the Transformation of the Settlement System of the Crimean Peninsula // Russian Peasant Studies. 2021. Vol. 6, No. 2. P. 99–120. (In Russ.). EDN: XLAUDA. DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-2-99-120.
9. Zhiromskaya, V. B., Aralovets, N. A., Belov, A. V. Population of the Crimea (Number, Settlement, National, Social, Sex-Age Composition) // History of the Crimea: in 2 vols. Ed. by A. V. Yurasov. Moscow : Kuchkovo Pole, 2019. Vol. 2. P. 273–291. (In Russ.).
10. Kiselev, S. N., Petrogradskaya, A. S. A Dynamics of Quantity and Settling Apart of Ukrainians in Crimea, from data of Universal Censuses of population XIX–XXI centuries // Geopolitics and Ecogeodynamics of Regions. Simferopol, 2008. Vol. 4, No. 1-2. P. 85–94. (In Russ.). EDN: VLF5OF.
11. Mamina, D. A., Mishchenko, D. N. Ethnopolitical Factors of Internal Migration in the Republic of Crimea // Humanities of the South of Russia. 2020. Vol. 9. No. 4. P. 137–149. (In Russ.). EDN: TNQKEU. DOI: 10.18522/2227-8656.2020.4.11.
12. Nikiforov, A. R. Crimea in Destabilizing Ukraine: From the “Orange Revolution” to Euromaidan. 2004–2014 // History of Crimea : in 2 vol. / ed. by A. V. Yurasov. Moscow : Kuchkovo Pole, 2019. Vol. 2. P. 725–741. (In Russ.).
13. Ozhegova, L. A., Sazonova, G. V., Sikach, K. Y. Migration Processes in the Republic of Crimea: Spatial and Temporal specifics and Current State // Geopolitics and Ecogeodynamics of Regions. 2022. Vol. 8 (18), No. 3. P. 217–235. (In Russ.). EDN: FFIYSL.
14. Sociocultural Transformation of Regional Development of Crimea / ed. by I. N. Voronin, A. B. Shvets. Simferopol : ARIAL, 2022. 218 p. URL: <https://atlas-crimea.ru/wp-content/uploads/application/pdf/sociokulturnaya-transformatsiya-regionalnogo-razvitiya-kryma-1.pdf> (In Russ.).
15. Strashko, E. V., Shkayderova, T. V., Namkhanova, M. V. Migration Processes in the Republic of Crimea and the City of Sevastopol: Trends and Factors // Society: Sociology, Psychology, Pedagogics. 2023. No. 6. P. 46–55. (In Russ.). EDN: AXDUAL. DOI: 10.24158/spp.2023.6.6.
16. Sushchiy, S. Ya. Demographic Potential and National Structure of the Crimean Population: End of the XX — the Middle of the XXI Century // Regional Economy. South of Russia. 2018. No. 4. P. 139–149. (In Russ.). EDN: YPOZFJ. DOI: 10.15688/re.volsu.2018.4.14.
17. Shvets, A. B., Sakhnova, N. S., Sazonova, G. V. Migration Space in Modern Crimea // Proceedings of the international research seminar “Modern Migration Processes: Status and MAIN Forms”. 2016. Chisinau : International Organization for Migration, Mission to Moldova, 2016. P. 76–82. (In Russ.). EDN: KUFHIS.

18. Ethnic and Ethno-Political Map of Crimea: Organization of Monitoring and Early Warning of Ethnic and Religious Conflicts / ed. by V. Yu. Zorin, R. A. Starchenko, V. V. Stepanov. Moscow : IEA RAS, 2017. 216 p. (In Russ.). EDN: TCMYPB.
19. Yakovenko, M. L., Koshel, I. Y. Social Migrations: The Regional Aspect // XXI International Conference in Memory of Professor L. N. Kogan "Culture, Personality, Society in the Modern World: Methodology, Experience of Empirical Research", March 22–23, 2018, Yekaterinburg. Yekaterinburg : UrFU, 2018. P. 441–448. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/59116/1/978-5-91256-403-1_2018_047.pdf (In Russ.).
20. Burke, J., Panina-Burke, S. The Reunification of Crimea and the City of Sevastopol with the Russian Federation // Russian Law Journal. 2017. Vol. 5, No. 3. P. 29–68. EDN: ZEUVF. DOI: 10.17589/2309-8678-2017-5-3-29-68.
21. Aydin, F. T., Sahin, F. K The Politics of Recognition of Crimean Tatar Collective Rights in the Post-Soviet Period: With Special Attention to the Russian Annexation of Crimea // Communist and Post-Communist Studies. March 2019. Vol. 52, No. 1. P. 39–50. DOI: 10.1016/j.postcomstud.2019.02.003.
22. Knott, E. Quasi-citizenship as a category of practice: analyzing engagement with Russia's Compatriot policy in Crimea // Citizenship Studies. January 2017. Vol. 21, No. 1. P. 116–135. DOI: 10.1080/13621025.2016.1252714.
23. Rabinovych, M., Pintsch, A. From the 2014 Annexation of Crimea to the 2022 Russian War on Ukraine: Path Dependence and Socialization in the EU — Ukraine Relations // Journal of Common Market Studies. 2024. Vol. 62, No. 5. P. 1239–1259. DOI: 10.1111/jcms.13572.
24. Wiśniewski, R. Ethnic Changes in Crimea. From Its Incorporation into the Russian Empire to the Annexation by the Russian Federation (1783–2014) // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2016. Vol. 7, No. 2. P. 73–87. URL: https://uwm.edu.pl/cbew/2016_7_2/Wisniewski-R.pdf (In Polish).
25. Wrighton, S. Authoritarian Regime Stabilization through Legitimation, Popular co-optation, and Exclusion: Russian Passportization Strategies in Crimea // Globalizations. 23 February 2018. Vol. 15, No. 2. P. 283–300. DOI: 10.1080/14747731.2017.1396798.
26. Zimin, D. Voting Behaviour of Crimean Tatars 2012–2018: For or Against Russia? // Southeast European and Black Sea Studies. 17 May 2019. Vol. 19, No. 2. P. 293–313. DOI: 10.1080/14683857.2019.1617944.

About the authors:

Natalia M. Mikheeva, Associate Professor of the Department of Regional Politics and Political Geography of the Institute of Earth Sciences of St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia); Associate Professor of the Department of International Relations of the Faculty of International Relations and Political Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russia), PhD in Political Science;
e-mail: n.mikheeva@spbu.ru; ORCID: 0000-0003-4266-1926

Dmitry S. Bogaturov, Senior Lecturer, Department of Regional Politics and Political Geography, Institute of Earth Sciences, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), PhD in Geography Science;
e-mail: bogaturov@mail.ru

Реализация молодежной политики в условиях цифровизации Союзного государства России и Беларуси

Величко А. И.

Государственный университет управления, Москва, Россия

e-mail: ai_velichko@guu.ru

ORCID: 0009-0009-0722-5900

РЕФЕРАТ

Цель. Оценить текущее состояние и перспективы реализации молодежной политики в Союзном государстве России и Беларуси в контексте ускоренной цифровизации на основании статистических данных из открытых источников. Анализ сосредоточен на правовых, институциональных, технологических и социально-политических аспектах вовлечения молодежи. Особое внимание уделено влиянию цифровой трансформации на участие, образование и возможности трудоустройства молодых граждан. **Методология.** Методологическая основа исследования заключается в использовании компаративного политического анализа, позволяющего выявить структурные и содержательные особенности реализации молодежной политики в России и Беларуси в условиях цифровизации. Метод опирается на сопоставление ключевых нормативных актов, программных документов и институциональных механизмов, реализуемых в рамках национальных и союзных форматов. Результаты исследования свидетельствуют о том, что оба государства обладают комплексной нормативно-правовой базой и проявляют заметную политическую приверженность развитию молодежи. Однако интеграция цифровых инструментов в молодежную политику остается фрагментарной из-за региональных инфраструктурных различий, недостаточной гармонизации механизмов цифрового управления и отсутствия единой наднациональной платформы для координации. **Результаты.** Результаты исследования показывают, что дальнейшее развитие молодежной политики требует системных усилий в повышении цифровой грамотности и киберустойчивости, создании интегрированной цифровой среды для совместных молодежных инициатив и внедрение мониторинга и работы с данными в режиме реального времени. **Выводы.** Автор приходит к выводу о необходимости сближения нормативно-правовой базы, межотраслевого сотрудничества и стратегических инвестиций в цифровую инфраструктуру для превращения молодежной политики в движущую силу интеграции и инноваций во всем Союзном государстве. Продолжением исследования может выступить изучение сравнительных моделей наднационального управления молодежью и проведение междисциплинарной оценки социально-политического воздействия цифровизации на идентичность молодежи и ее гражданское участие.

Ключевые слова: цифровая грамотность, гражданская активность, интеграционная политика, трансграничное сотрудничество, цифровое управление, молодежное участие

Для цитирования: Величко А. И. Реализация молодежной политики в условиях цифровизации Союзного государства России и Беларуси // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 2. С. 157–168. EDN: EBFVMR

Implementation of Youth Policy in the Context of Digitalization of the Union State of Russia and Belarus

Anton I. Velichko

State University of Management, Moscow, Russia

e-mail: ai_velichko@guu.ru

ORCID: 0009-0009-0722-5900

ABSTRACT

Aim and tasks. The purpose of this study is to assess the current state and prospects for the implementation of youth policy in the Union State of Russia and Belarus in the context of accelerated digitalization. The analysis focuses on the legal, institutional, technological, and socio-political aspects of youth engagement. Special attention is paid to the impact of digital transformation on the participation, education and employment opportunities of young citizens. **Methods.** The methodological basis of the research is based on comparative political analysis, generalization of statistical data and structural analysis of regulations and national strategies. **Results.** The results of the study indicate that both States have a comprehensive regulatory framework and a strong political commitment to youth development. However, the integration of digital tools into youth policy remains fragmented due to regional infrastructural differences, insufficient harmonization of digital governance mechanisms, and the lack of a single supranational coordination platform. The results of the study show that the further development of youth policy requires systematic efforts to improve digital literacy and cyber resilience, create an integrated digital environment for joint youth initiatives, and implement real-time monitoring and data management. **Conclusions.** The author concludes that it is necessary to bring together the regulatory framework, cross-sectoral cooperation and strategic investments in digital infrastructure in order to transform youth policy into a driving force for integration and innovation throughout the Union State. The research can be continued by studying comparative models of supranational youth governance and conducting an interdisciplinary assessment of the socio-political impact of digitalization on youth identity and civic participation.

Keywords: digital literacy, civic engagement, integration policy, cross-border cooperation, digital governance, youth participation

For citation: Velichko A. I. Implementation of Youth Policy in the Context of Digitalization of the Union State of Russia and Belarus // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 157–168. (In Russ.). EDN: EBFVMR

Введение

В контексте ускоряющейся интеграции Российской Федерации и Республики Беларусь активизация и модернизация молодежной политики приобретают важнейшее стратегическое значение. Молодежь, определяемая в белорусском законодательстве как лица в возрасте от 14 до 31 года¹, а в российском законодательстве, как правило, как лица в возрасте от 14 до 35 лет, представляет собой значительный демографический сегмент в обоих государствах². Согласно последним данным Национального статистического комитета Республики Беларусь (Белстат)³, по состоянию на 1 января 2024 г. численность молодежи в стране, определяемой как лица в возрасте от 14 до 31 года, составляла 1 628 339 чел., что

¹ Закон Республики Беларусь № 65-З от 7 декабря 2009 г. «Об основах государственной молодежной политики» [Электронный ресурс]. URL: <https://part.gov.by/46> (дата обращения: 01.04.2025).

² Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Гарант.Ру. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/?ysclid=m906k3f8pd170503197> (дата обращения: 24.03.2025).

³ Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: https://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/oficial_statistika/statobzor-stud-2024.pdf (дата обращения: 24.03.2025).

составляет 17,8% от общей численности населения. В Российской Федерации, согласно действующему законодательному определению молодежи как лиц в возрасте от 14 до 35 лет, численность молодежи по состоянию на 4 апреля 2024 г. оценивается примерно в 37 млн чел.¹, что составляет почти 25% населения страны. Такая существенная переоценка демографического состава связана с изменением возрастного порога, предусмотренного федеральным законодательством в 2020 г., в результате чего верхний возрастной порог для молодежи был увеличен с 30 до 35 лет. Общая численность молодежи Союзного государства, определяемая как лица в возрасте до 35 лет, превысила 38,6 млн чел., что подчеркивает ее ключевую роль в стратегическом планировании социально-экономических, политических и интеграционных процессов между Россией и Беларусью [1].

Ускоренная цифровая трансформация общественных институтов, экономики и коммуникационных экосистем создала как возможности, так и системные проблемы для разработки и реализации молодежной политики. В Беларуси, например, более 89% молодежи регулярно пользуется интернетом, при этом более 75% активно используют платформы социальных сетей. В России аналогичная статистика показывает, что 92% людей в возрасте от 14 до 24 лет ежедневно пользуются цифровыми медиа, а поддерживаемые государством платформы, такие как «Россия — страна возможностей» [10], стали ключевыми механизмами вовлечения молодежи и развития талантов.

Проблематика реализации молодежной политики в условиях цифровизации Союзного государства России и Беларуси заключается в несоответствии между уровнем нормативно-правовой и политической поддержки молодежных инициатив и фрагментарной цифровой интеграцией, обусловленной инфраструктурной асимметрией, недостаточной координацией трансграничных институтов и отсутствием единой цифровой среды.

В настоящей статье планируется проанализировать структуру и динамику реализации молодежной политики в Союзном государстве, уделяя особое внимание ее характеристикам, обусловленным цифровизацией [2; 12]. Методологически исследование основывается на компаративном политическом анализе, направленном на выявление общих черт и различий в подходах к цифровизации молодежной политики в двух национальных юрисдикциях.

В контексте Беларуси и России наблюдается эволюция нормативно-правовой базы, направленной на содействие интеграции и развитию молодежи. Беларусь действует в соответствии с Законом «Об основах государственной молодежной политики», который в последний раз пересматривался в 2022 г., и реализует Государственную программу образования и молодежной политики на 2021–2025 гг.² В рамках этой программы на развитие молодежи и связанные с ней мероприятия выделяется более 1,2 млрд белорусских руб. В России государственная молодежная политика реализуется в соответствии со Стратегией развития молодежной политики до 2030 г.³ при участии Росмолодежи (Федерального агентства по делам молодежи), которое только в 2023 г. координировало более 23 тыс. молодежных проектов, охвативших более 6 млн молодых граждан.

Помимо национальных инициатив, наблюдается заметная активизация совместных действий в рамках Союзного государства. В 2023 г. Беларусь и Россия подписали дорожную карту сотрудничества в области молодежной политики на 2025–2027 гг., направленную на синхронизацию подходов к цифровой грамотности, предпринимательству, гражданской активности и культурному обмену⁴. Несмотря на эти достижения, сохраняются остаточные структурные препятствия, включая неравный доступ к высокоскоростному интернету в сельских регионах, правовую неясность, связанную с регулированием онлайн-контента, и нехватку унифицированных цифровых платформ, которые

¹ Почти четверть населения России составляет молодежь, сообщила Голикова [Электронный ресурс] // РИА Новости. 04.04.2024. URL: <https://ria.ru/20240404/molodezh-1937896541.html?ysclid=m906slrorc347728566> (дата обращения: 24.03.2025).

² Закон Республики Беларусь № 65-3 от 7 декабря 2009 г. «Об основах государственной молодежной политики» [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10900065> (дата обращения: 01.04.2025).

³ Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/jBrmuJi7WMLGBOFtXWhrMlzKFCgIqO7.pdf> (дата обращения: 01.04.2025).

⁴ Россия и Республика Беларусь подписали Дорожную карту на 2025–2027 годы [Электронный ресурс] // Минобрнауки России. 17.12.2024. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/92839/> (дата обращения: 20.03.2025).

могли бы функционировать в качестве эффективных инструментов координации наднациональной молодежной политики [6].

Материалы и методы

Нормативно-правовая основа молодежной политики России и Беларуси в контексте цифровизации

Формирование и реализация молодежной политики в Союзном государстве опираются на устойчивую нормативно-правовую платформу, разработанную на уровне национальных юрисдикций и двустороннего взаимодействия. На российской стороне ключевым документом выступает Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»¹, который впервые закрепил молодежную политику как целостную систему приоритетов, принципов и механизмов, охватывающих федеральный, региональный и муниципальный уровни. Закон подчеркивает значение межведомственной координации, поддержки молодежного предпринимательства, волонтерской активности и цифровой трансформации молодежных инициатив. Ст. 4 закона напрямую фиксирует принцип научной и технологической ориентации, включая развитие цифровых компетенций, что свидетельствует о встраивании цифровизации в нормативную ткань молодежной политики.

В качестве логического продолжения данного закона выступает Стратегия развития молодежной политики в Российской Федерации до 2030 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 29.11.2021 № 3360-р)². Документ систематизирует направления государственной активности, выделяя в числе приоритетных задач развитие цифрового суверенитета молодежи, расширение цифровой инфраструктуры участия и внедрение цифровых инструментов для оценки и управления мерами поддержки.

В Республике Беларусь нормативно-правовую базу определяет Закон «Об основах государственной молодежной политики» (в редакции от 4 января 2022 г.)³, в котором отражено положение о комплексной поддержке граждан в возрасте от 14 до 31 года в сферах образования, занятости, досуга и гражданской активности. Ст. 6 закона акцентирует внимание на задачах «информационного и цифрового обеспечения молодежной политики», включая развитие цифровых платформ и информационных ресурсов для молодых граждан.

Реализация правовых норм детализирована через Государственную программу образования и молодежной политики Республики Беларусь на 2021–2025 годы, утвержденную постановлением Совета Министров № 106⁴. На реализацию мероприятий программы предусмотрено более 1,2 млрд белорусских руб., что демонстрирует высокий уровень институциональной поддержки.

Наднациональный уровень представляется в виде Дорожной карты сотрудничества в области молодежной политики на 2025–2027 годы, подписанной Российской Федерацией и Республикой Беларусь в 2023 г. в рамках органов Союзного государства⁵. Этот документ ориентирован на синхронизацию национальных механизмов цифрового взаимодействия, унификацию подходов к цифровой грамотности, внедрение общих платформ для обмена информацией и развитие трансграничных молодежных инициатив.

Анализ рассмотренных источников позволяет заключить, что формально-юридические предпосылки для формирования единого молодежного пространства в цифровую эпоху уже заложены. Однако анализ структуры и содержания документов указывает на необходимость перехода от нормативной

¹ О молодежной политике в Российской Федерации : Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 35.

² Стратегия развития молодежной политики в Российской Федерации до 2030 года : утверждена распоряжением Правительства РФ от 29 ноября 2021 г. № 3360-р [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.05.2025).

³ Об основах государственной молодежной политики : Закон Республики Беларусь от 7 февраля 2006 г. № 94-З (в ред. от 4 января 2022 г.) [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by> (дата обращения: 15.05.2025).

⁴ Государственная программа образования и молодежной политики Республики Беларусь на 2021–2025 годы: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 25 февраля 2021 г. № 106 [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by> (дата обращения: 15.05.2025).

⁵ Дорожная карта сотрудничества Российской Федерации и Республики Беларусь в области молодежной политики на 2025–2027 годы: проект Союзного государства, 2023 г. [Электронный ресурс] // Портал Союзного государства. URL: <http://soyuz.by> (дата обращения: 15.05.2025).

совместимости к операциональной взаимосвязанности, то есть от наличия формально схожих стратегий — к координации процессов реализации, мониторинга и цифровой трансформации в рамках единой архитектуры управления.

Концептуальные основы молодежной политики в условиях цифровизации

Цифровая трансформация стала структурным фактором, влияющим на все аспекты реализации молодежной политики [10]. В социально-культурной сфере цифровизация каналов коммуникации и медиасреды изменила традиционные формы социализации. По состоянию на начало 2024 г. уровень вовлеченности молодежи в цифровые технологии в Союзном государстве остается исключительно высоким. Согласно последним национальным и региональным статистическим данным в области ИКТ¹, более 89% белорусской молодежи и примерно 92% российской молодежи в возрасте от 14 до 24 лет ежедневно пользуются интернетом. Эти цифры отражают устойчивую тенденцию, а не прогнозируемую оценку, что свидетельствует об укреплении цифровой связи в качестве нормативного аспекта повседневной жизни молодого поколения. Одновременно уровень проникновения услуг мобильной широкополосной связи превысил 75 на 100 жителей в обеих странах, что подтверждает структурную интеграцию мобильной цифровой инфраструктуры в социальную и экономическую структуру Союзного государства. Распространение смартфонов в сочетании со снижением стоимости мобильной передачи данных и расширением зоны покрытия 4G/5G способствовало постоянному доступу к онлайн-платформам, особенно среди молодежи в городских и пригородных районах.

Наступление цифровой трансформации — системного процесса интеграции цифровых технологий во все сферы общественной жизни — ускорило глубокую перестройку условий и механизмов социализации современной молодежи. Исторически доминирующее положение в семье, системе образования и взаимодействии со сверстниками в физических сообществах в процессе социализации все больше опосредуется цифровой средой, которая в настоящее время функционирует как автономное и всеобъемлющее социокультурное пространство. Такие платформы, как ВКонтакте, Telegram и YouTube², которые в совокупности охватывают более 80% активных интернет-пользователей в возрасте от 14 до 35 лет как в России, так и в Беларуси, превратились в важные инструменты неформального образования, самовыражения и гражданской мобилизации. Согласно исследованию Mediascope (2023)³, более 70% российской молодежи в возрасте от 14 до 24 лет считают социальные сети своим основным источником информации и взаимодействия, в то же время аналогичные показатели наблюдаются в Беларуси (на основе национальных отчетов о мониторинге ИКТ).

В сфере образования влияние цифровой трансформации столь же велико. Модели гибридного и дистанционного обучения, поддерживаемые такими платформами, как «Российская электронная школа»⁴ и Национальный образовательный портал Беларуси⁵, в настоящее время являются неотъемлемой частью государственной политики в области образования. Национальные цифровые стратегии, такие как российская программа «Цифровая экономика»⁶ и белорусская «Стратегия информатизации до 2030 года»⁷, включают конкретные подпрограммы цифрового образования, направленные на повышение цифровой грамотности, навыков STEM и готовности к требованиям Четвертой промышленной революции [6].

¹ Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belstat.gov.by/> (дата обращения: 25.03.2025); Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 01.04.2025).

² Роскомнадзор: сайт нарушает законодательство РФ.

³ Российская технологичная исследовательская компания Mediascope [Электронный ресурс]. URL: <https://mediascope.net/> (дата обращения: 20.03.2025).

⁴ Российская электронная школа [Электронный ресурс]. URL: <https://resh.edu.ru/> (дата обращения: 20.03.2025).

⁵ Национальный образовательный портал «Академия образования» [Электронный ресурс]. URL: <https://adu.by/ru/> (дата обращения: 20.03.2025).

⁶ Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Минцифры. URL: <https://digital.gov.ru/target/nacionalnaya-programma-cifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federaczii> (дата обращения: 20.03.2025).

⁷ Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 1074 от 31 декабря 2024 г. «О Концепции обеспечения суверенитета Республики Беларусь в сфере цифрового развития до 2030 года» [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22401074> (дата обращения: 20.03.2025).

Последствия перехода к цифровым технологиям для молодежи двойственные: они открывают новые возможности и создают критическую уязвимость. Среди наиболее важных возможностей — расширение доступа к знаниям, транснациональные сети, цифровое предпринимательство и новые модели гражданского участия. Только в России в 2023 г. более 38 тыс. молодежных стартап-проектов получили поддержку в рамках государственных или квазигосударственных программ¹, в то время как Беларусь сообщает о неуклонном росте занятости молодежи в ИТ-секторе и индустрии развлечений, особенно в таких городах, как Минск и Брест².

Тем не менее цифровые риски остаются значительными. Молодые люди все чаще подвергаются психологическому стрессу, киберзапугиванию, дезинформации и манипуляциям с помощью алгоритмизированного контента. Исследования, проведенные в обеих странах, указывают на растущую распространенность тревожности, нарушения концентрации внимания и диффузии идентичности среди молодежи, которая в значительной степени погружена в онлайн-среду [8]. Кроме того, неравный доступ к цифровой инфраструктуре, особенно в отдаленных районах или районах с низким уровнем дохода, приводит к системному неравенству в участии в цифровых технологиях, подрывая основной принцип инклюзивности молодежной политики.

Анализ текущего состояния реализации молодежной политики Союзного государства

Нынешний этап реализации молодежной политики в Союзном государстве России и Беларуси характеризуется укреплением правовой базы, постепенной институциональной гармонизацией и растущей интеграцией цифровых механизмов для охвата, коммуникации и мобилизации молодежи. В обеих странах разработаны существенные правовые основы, которые определяют молодежную политику как отдельную область государственного управления, основанную на ключевых принципах и сохраняющую национальную специфику [11]. В Российской Федерации правовую основу составляет Федеральный закон 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30 декабря 2020 г., который формализует молодежную политику как единую систему мер на федеральном, региональном и муниципальном уровнях³. В документе изложены ключевые механизмы межведомственной координации, участия молодежи в формировании политики, поддержки молодежного предпринимательства и содействия патриотическому воспитанию. В Республике Беларусь Закон «Об основах государственной молодежной политики» (с изменениями, внесенными в 2022 г.) выполняет параллельную функцию, подчеркивая государственные гарантии социального, трудового, культурного и духовного развития граждан в возрасте от 14 до 31 года⁴. Реализация стратегии координируется Государственной программой по образованию и молодежной политике на 2021–2025 годы, в рамках которой на молодежные инициативы в области образования, культуры, спорта и занятости выделяется около 1,2 млрд белорусских руб.⁵ Обе структуры подкреплены наднациональными соглашениями под управлением Союзного государства, включая Дорожную карту сотрудничества в области молодежной политики на 2025–2027 годы, в которой определены совместные стратегические направления и подчеркивается синхронизация цифровой и образовательной политики⁶.

Практическая реализация молодежной политики в контексте цифровизации отражает значительный сдвиг как в оперативных механизмах, так и в стратегических приоритетах. Как в России, так и в Беларуси

¹ Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 01.04.2025).

² Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belstat.gov.by/> (дата обращения: 25.03.2025).

³ Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328> (дата обращения: 25.03.2025).

⁴ Закон Республики Беларусь № 65-З от 7 декабря 2009 г. «Об основах государственной молодежной политики» [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H10900065> (дата обращения: 25.03.2025).

⁵ Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 57 от 29 января 2021 г. «О Государственной программе «Образование и молодежная политика» на 2021–2025 годы» [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100057> (дата обращения: 01.04.2025).

⁶ Россия и Республика Беларусь подписали Дорожную карту на 2025–2027 годы [Электронный ресурс] // Минобрнауки России. 17.12.2024. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/92839/> (дата обращения: 25.03.2025).

цифровые инструменты все чаще используются не только для распространения информации, но и для наращивания потенциала, развития навыков и управления на основе широкого участия. В Российской Федерации федеральная платформа «Россия — страна возможностей» стала доминирующей цифровой инфраструктурой для выявления, развития и поддержки талантливой и социально вовлеченной молодежи. По состоянию на 1 февраля 2024 г. общее число участников проектов платформы превысило 20 млн чел., причем преобладающая доля пользователей приходится на возрастной диапазон от 18 до 23 лет. Эта цифра свидетельствует о двух взаимосвязанных явлениях. Во-первых, это отражает растущую институционализацию цифровых механизмов в молодежной политике. Во-вторых, это свидетельствует о растущей привлекательности структурированных, поддерживаемых государством экосистем для самореализации, профессионального развития и гражданской активности. Широкий охват платформы позиционируют ее как достойный внимания пример цифровой координации молодежной политики под руководством государства, предлагающий основу для других интеграционных механизмов в рамках Союзного государства¹.

Важнейшим показателем эффективности политики является степень вовлечения молодежи в трансграничную деятельность и деятельность, связанную с интеграцией, особенно с помощью цифровых платформ. Согласно социологическому исследованию, проведенному в 2023 г., только 38% белорусской молодежи и 42% российской молодежи в возрасте от 18 до 30 лет осведомлены о конкретных программах или проектах Союзного государства². Тем не менее цифровые платформы начали сокращать этот пробел в осведомленности, создавая транснациональные коммуникационные пространства. Такая инициатива, как Молодежный форум Союзного государства, который проводится ежегодно с 2018 г., использует гибридные форматы для охвата более широкой аудитории, а в 2023 г. в нем приняли участие более 15 тыс. участников онлайн и офлайн. Кроме того, кампании в социальных сетях, координируемые молодежными организациями, такими как Белорусский республиканский союз молодежи (БРСМ)³ и Российский союз молодежи (РСМ)⁴, приняли единые стратегии брендинга и контента для продвижения общих ценностей и коллективной памяти, особенно в исторические и памятные дни [3].

Несмотря на достигнутый прогресс, сохраняется ряд системных проблем. Главной из них является цифровой разрыв между городской и сельской молодежью, который влияет как на доступ к платформам, так и на качество взаимодействия. В то время как уровень проникновения интернета среди молодежи в городских районах превышает 95%, в некоторых сельских регионах обеих стран он падает ниже 70%, что создает асимметрию возможностей и участия. Кроме того, институциональная координация между российскими и белорусскими молодежными организациями по-прежнему в значительной степени основана на проектах и не имеет стабильной наднациональной инфраструктуры, которая могла бы обеспечить долгосрочную преемственность и обмен данными [5].

Цифровые инструменты и технологии в реализации молодежной политики

Несмотря на высокие общие показатели проникновения интернета — более 82% в Беларуси и 89% в России к 2023 г. — сохраняются значительные региональные различия. В России широкополосный доступ в городских центрах, таких как Москва и Санкт-Петербург, практически повсеместен, в то время как в сельских районах Сибири и на Северном Кавказе только 55–60% домохозяйств имеют стабильный высокоскоростной доступ в интернет. Аналогичным образом в Беларуси, в то время как такие города, как Минск, имеют широкое покрытие 4G и развитую общественную инфраструктуру Wi-Fi, в небольших населенных пунктах и сельской местности дефицит покрытия составляет более 30%. Эти асимметрии напрямую влияют на инклюзивность участия молодежи в цифровых программах, особенно в тех, которые основаны на синхронном взаимодействии или использовании контента с высокой пропускной

¹ Заседание наблюдательного совета АНО «Россия — страна возможностей» [Электронный ресурс] // Президент России. 19.07.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/71697> (дата обращения: 25.03.2025).

² Ценности молодежи [Электронный ресурс] // ВЦИОМ Новости. 14.12.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (дата обращения: 25.03.2025).

³ Белорусский республиканский союз молодежи [Электронный ресурс]. URL: <https://brsm.by/ru> (дата обращения: 01.04.2025).

⁴ Российский союз молодежи [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ruy.ru/> (дата обращения: 25.03.2025).

способностью [9]. Правительственные инициативы по сокращению цифрового разрыва, такие как российский проект «Цифровой регион»¹ или белорусские программы модернизации интернета в сельской местности, привели к ощутимому прогрессу, но остаются недостаточными для обеспечения равного доступа.

Молодые пользователи особенно уязвимы к алгоритмическим манипуляциям, эхо-камерам [10] и распространению ложного или поляризующего контента, который может подрывать критическое мышление, доверие граждан и социальную сплоченность. Согласно исследованиям, около 64% молодых россиян и 58% молодых белорусов сообщают, что сталкиваются с дезинформацией в Интернете по крайней мере раз в неделю, при этом у многих нет навыков проверки источников контента². Такая среда усиливает уязвимость перед экстремистскими высказываниями, политической апатией и социальным отчуждением. В России 29% молодых людей в возрасте от 14 до 25 лет жалуются на цифровую усталость или психологические расстройства, связанные с онлайн-активностью, в то время как в Беларуси этот показатель составляет 24%³. Цифровое благополучие, медиаграмотность и психологическая устойчивость должны стать ключевыми элементами программ развития молодежи, подкрепленных практическими рекомендациями и межсекторальным сотрудничеством.

Правовое и организационное регулирование цифрового пространства в рамках Союзного государства остается фрагментарным и недостаточно гармонизированным, что подрывает согласованность реализации трансграничной молодежной политики. Хотя в обеих странах приняты национальные законы, касающиеся защиты данных, модерации онлайн-контента и цифровых прав, существуют значительные различия в юридических определениях, правоприменительной практике и институциональной компетенции [7]. Федеральный закон России № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁴ и Закон Беларуси «О защите персональных данных» (2021 г.)⁵ являются базовыми правовыми инструментами, но они различаются по объему регулирующих полномочий и степени прозрачности правоприменения. Кроме того, ни в одной из стран пока не разработана конкретная наднациональная правовая база, регулирующая цифровое взаимодействие внутри Союзного государства, что приводит к правовой неопределенности в отношении совместных молодежных инициатив, реализуемых онлайн.

Перспективные направления развития молодежной политики Союзного государства в условиях цифровизации

Согласно недавним сравнительным оценкам, проведенным Институтом статистики ЮНЕСКО и региональными министерствами образования, примерно 42% белорусской молодежи и 46% российской молодежи в возрасте 15–29 лет демонстрируют лишь базовый уровень цифровой грамотности со значительными недостатками в таких областях, как проверка информации, осведомленность о кибербезопасности и критическая интерпретация алгоритмически обработанного контента⁶. Эти недостатки создают значительные риски не только для добросовестности отдельных пользователей, но и для формирования жизнеспособного и информированного гражданского общества. В свете этих выводов оба государства должны уделять приоритетное внимание институционализации цифрового образования на всех уровнях образовательной системы. Эта институционализация должна включать интеграцию модулей по этичному

¹ Цифровой Регион [Электронный ресурс]. URL: <https://digital.mosreg.ru/> (дата обращения: 25.03.2025).

² 64% россиян встречаются с дезинформацией хотя бы раз в неделю [Электронный ресурс] // RostovGazeta. 27.08.2024. URL: <https://rostovgazeta.ru/news/2024-08-27/64-rossiyan-vstrechayutsya-s-dezinformatsiyey-hotya-by-raz-v-nedelyu-5178530> (дата обращения: 01.04.2025).

³ У подростков накопилась «цифровая усталость» со времен локдауна [Электронный ресурс] // Ведомости. 09.04.2024. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/04/09/1030602-u-podrostkov-nakopilas-tsifrovaya-ustalost-so-vremen-lokdauna> (дата обращения: 25.03.2025).

⁴ Федеральный закон № 149-ФЗ от 27.07.2006 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/24157> (дата обращения: 25.03.2025).

⁵ Закон Республики Беларусь «О защите персональных данных» № 99-З от 7 мая 2021 г. [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H12100099> (дата обращения: 01.04.2025).

⁶ Индекс цифровой грамотности–2023: в России стало немного больше людей с продвинутым уровнем цифровых компетенций [Электронный ресурс] // Аналитический центр НАФИ. 15.02.2024. URL: <https://nafi.ru/analytics/v-rossii-vyrosla-dolya-lyudey-s-prodvinutym-urovнем-tsifrovoy-gramotnosti/> (дата обращения: 25.03.2025).

цифровому поведению, выявлению дезинформации, цифровым правам и гражданским цифровым инструментам.

В настоящее время оценка эффективности молодежной политики в России и Беларуси остается преимущественно основанной на показателях и ретроспективной, основанной на статистических отчетах и периодических опросах. Этот подход неадекватен для учета динамических изменений в потребностях молодежи, поведении в интернете и влиянии цифровых технологий. Чтобы устранить это ограничение, крайне важно создать интегрированную систему цифрового мониторинга и оценки, которая использует аналитику больших объемов данных, анализ настроений и механизмы обратной связи в режиме реального времени. Кроме того, внедрение единых показателей эффективности, применимых во всем Союзном государстве и приведенных в соответствие с международными стандартами (например, показатели благополучия молодежи ОЭСР¹), повысило бы сопоставимость и прозрачность результатов молодежной политики.

Результаты и обсуждение

Результаты проведенного исследования позволяют утверждать, что молодежная политика в Союзном государстве России и Беларуси на современном этапе функционирует в условиях структурного несоответствия между декларируемыми стратегическими целями цифровизации и реальным состоянием институциональной, технологической и правовой среды. Несмотря на наличие нормативной базы и политической воли к консолидации усилий, цифровая трансформация молодежной политики носит преимущественно компенсаторный, а не проактивный характер, проявляясь в виде отдельных инициатив и цифровых решений, не обеспеченных устойчивой архитектурой координации.

Ключевым фактом является не столько цифровой разрыв как таковой, сколько неспособность институциональных механизмов оперативно адаптироваться к высокой динамике цифровой среды, в которой молодежная аудитория действует как автономный агент с собственными механизмами самоорганизации, коммуникации и политической социализации. Это вызывает необходимость пересмотра направлений в молодежной политике: от вертикально организованной модели к распределенной, платформенной логике взаимодействия, в которой цифровые технологии выступают не просто инструментом, а средой формирования новой субъектности молодежи как интегратора социальных и политических изменений.

На этом фоне формируется необходимость институционализации механизмов цифровой идентичности, включающих модульные среды цифрового гражданства, алгоритмическую трансляцию ценностных ориентиров, а также формирование доверительных протоколов взаимодействия между молодежью, государственными структурами и наднациональными органами управления.

Заключение

Реализация молодежной политики в Союзном государстве России и Беларуси в условиях прогрессирующей цифровизации является многофакторным и эволюционирующим процессом, который объединяет технологические, институциональные и социокультурные аспекты. Анализ, проведенный в рамках данного исследования, позволяет сформулировать несколько ключевых выводов и научно обоснованных рекомендаций.

Во-первых, молодежная политика Союзного государства имеет прочную правовую и институциональную основу, и Россия, и Беларусь демонстрируют приверженность нормативной консолидации посредством комплексных национальных стратегий и двусторонних соглашений. Хотя цифровые инструменты получают все большее распространение в сфере образования молодежи, трудоустройства и участия в общественной жизни, их интеграция остается неравномерной, ограниченной инфраструктурными различиями, правовой фрагментацией и отсутствием согласованной наднациональной координации.

¹ Углубленный обзор измерения текущего благополучия [Электронный ресурс] // ООН. 22–23 июня 2023. URL: <https://unece.org/sites/default/files/2023-05/CES%202023%207%20R.pdf> (дата обращения: 25.03.2025).

Во-вторых, влияние цифровизации на молодежь в корне неоднозначно. С одной стороны, она облегчает доступ к информации, развитие цифровых навыков и расширение возможностей участия в общественно-политической жизни. С другой стороны, она создает новые риски, связанные с цифровым неравенством, дезинформацией и психологической уязвимостью. Более того, более 60% молодежи сообщают, что регулярно сталкиваются с манипулятивным или вводящим в заблуждение контентом, что подчеркивает острую необходимость в надежной медиаграмотности и мерах информационной безопасности.

В-третьих, стратегический вектор дальнейшего развития молодежной политики заключается в формировании единой цифровой среды для взаимодействия молодежи в рамках Союзного государства. Эта цель требует создания совместимых цифровых платформ, способных поддерживать совместные образовательные, предпринимательские и гражданские инициативы, а также выполнять функции центров обмена информацией и цифровой дипломатии.

В свете этих выводов предлагаются следующие рекомендации. Крайне важно, чтобы политики уделяли приоритетное внимание интеграции цифрового образования и медиаграмотности как в формальные, так и в неформальные системы обучения молодежи. Инвестиции должны быть направлены на сокращение цифрового разрыва между городами и сельской местностью путем расширения широкополосного доступа и модернизации цифровой инфраструктуры в регионах с недостаточным уровнем обслуживания. Усилия по правовой гармонизации должны быть сосредоточены на согласовании норм защиты данных, регулирования онлайн-контента и протоколов кибербезопасности, чтобы создать согласованное и безопасное цифровое пространство для взаимодействия молодежи.

В будущих исследованиях следует определить потенциал междисциплинарного изучения долгосрочных социально-политических последствий цифровизации для идентичности молодежи, гражданского самосознания и межэтнической интеграции в рамках Союзного государства. Кроме того, сравнительный анализ Союзного государства и других региональных интеграционных проектов, таких как Европейский союз или Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, может способствовать выявлению наилучшей практики и стратегий адаптации, применимых к постсоветскому контексту.

Список литературы

1. Агibalова Л. С., Кузьмина В. М., Каванаг Д. Приграничное сотрудничество России и Белоруссии в рамках программы Союзное государство: современное состояние // Сотрудничество и интеграция. 2019. № 1. С. 229–238. EDN: ZBGFIS.
2. Бахлова О. В., Ваганов Д. Р., Ершова В. Г. Совершенствование государственного управления в программных документах и проектах политических партий «Единая Россия» и «Белая Русь» // Социально-политические науки. 2024. Т. 14, № 6. С. 81–90. EDN: DRXXYD. DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-6-81-90.
3. Вацило А. А., Марушко Д. А. Развитие молодежного инновационного предпринимательства в Союзном государстве Беларуси и России // Бизнес. Образование. Экономика : Сборник статей Международной научно-практической конференции, Минск, 01–02 апреля 2021 года. Минск : Институт бизнеса Белорусского государственного университета, 2021. С. 645–649. EDN: LAXBYF.
4. Иванова Т. П. Осуществление семейной политики в Беларуси и России: год 2024 // На пути к гражданскому обществу. 2024. № 4 (56). С. 102–105. EDN: JXOUYP.
5. Морозов И. В., Сурилов М. Н. Развитие межрегиональных связей России и Беларуси в условиях цифровизации единого научно-технологического пространства Союзного государства // Плехановский научный бюллетень. 2022. № 2 (22). С. 31–36. EDN: FGSGZM.
6. Пилипук А. В., Пашкевич О. А. Социально-трудовые факторы и условия устойчивого роста деловой активности и предпринимательской инициативы в регионах Беларуси и России // Экономика, труд, управление в сельском хозяйстве. 2021. № 2 (71). С. 88–96. EDN: DTTWTR. DOI: 10.33938/212-88.
7. Русакович А. В. Политика Республики Беларусь в интеграционных объединениях постсоветского пространства: особенности современного этапа // Интеграционные процессы в Евразии: состо-

- ание, вызовы, перспективы : Материалы II Международной научно-практической конференции, Минск, 16 апреля 2024 года. Минск : Белорусский государственный университет, 2024. С. 26–37. EDN: AVBDTO.
8. Соколов М. С., Жигун Л. А., Нехорошева Л. Н. Молодежное инновационное предпринимательство как драйвер цифровизации единого научно-технологического пространства Союзного государства России и Беларуси // Друкеровский вестник. 2021. № 1 (39). С. 241–250. EDN: YISPDJ. DOI: 10.17213/2312-6469-2021-1-241-250.
 9. Соколов М. С., Марушко Д. А., Перегудова Е. Ю. Сценарии развития молодежного инновационного предпринимательства в условиях цифровизации единого научно-технологического пространства Союзного государства Беларуси и России // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12, № 1. С. 277–294. EDN: HZQYIO. DOI: 10.18334/vines.12.1.114210.
 10. Фролов А. А., Соколов А. В., Палагичева А. В. «Россия — страна возможностей» как экосистема создания равных стартовых возможностей для граждан // Управленческое консультирование. 2023. № 10. С. 98–112. EDN: MJELMW. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-10-98-112.
 11. Храмцова Ф. И., Ерофеева М. А. Модернизация государственного управления сферой молодежной политики в республике Беларусь // Психология и педагогика служебной деятельности. 2022. № 4. С. 208–213. EDN: NWUEVG. DOI: 10.24412/2658-638X-2022-4-208-213.
 12. Храмцова Ф. И., Тенянюк М. Ю., Степанчук Ю. А., Шинкарь Ю. Ю. Адаптация выпускников технических вузов как фактор экономического суверенитета Республики Беларусь (на примере Белорусской академии связи) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 4-4 (79). С. 88–97. EDN: SMFCGW. DOI: 10.24412/2500-1000-2023-4-4-88-97.

Об авторе:

Величко Антон Иванович, младший научный сотрудник Государственного университета управления (ГУУ) (Москва, Россия);
e-mail: ai_velichko@guu.ru; ORCID: 0009-0009-0722-5900

References

1. Agibalova, L. S., Kuzmina, V. M., Kavanagh, J. Cross-Border Cooperation between Russia and Belarus within the Framework of the Union State Program: Current State of Affairs // Cooperation and Integration. 2019. No. 1. P. 229–238. (In Russ.). EDN: ZBGFIS.
2. Bakhlova, O. V., Vagapov, D. R., Ershova, V. G. Improvement of Public Administration in the Program Documents and Projects of the “United Russia” and “Belaya Rus” Political Parties. Sociopolitical Sciences. 2024. Vol. 14, No. 6. P. 81–90. (In Russ.). EDN: DRXXYD. DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-6-81-90.
3. Vashchyla, A., Marushka, D. Development of Youth Innovative Entrepreneurship in the Union State of Belarus and Russia // Business. Education. Economics : Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Minsk, April 01–02, 2021. Minsk : Institute of Business of Belarusian State University, 2021. P. 645–649. (In Russ.). EDN: LAXBYF.
4. Ivanova, T. P. Implementation of Family Policy in Belarus and Russia: Year 2024 // Towards a Civil Society. 2024. No. 4 (56). P. 102–105. (In Russ.). EDN: JXOUUY.
5. Morozov, I. V., Surilov, M. N. Development of Interregional Relations between Russia and Belarus in the Context of Digitalization of the Unified Scientific and Technological Space of the Union State // Plekhanov Scientific Bulletin. 2022. No. 2 (22). P. 31–36. (In Russ.). EDN: FGSGZM.
6. Pilipuk, A. V., Pashkevich, V. A. Social and Labour Factors and Conditions of Steady Growth of Business Activity and Entrepreneurial Initiative in the Regions of Belarus and Russia // Economics, Labor, Management in Agriculture. 2021. No. 2 (71). P. 88–96. (In Russ.). EDN: DTTWTR. DOI: 10.33938/212-88.
7. Rusakovich, A. V. Policy of the Republic of Belarus in Integration Associations of the post-Soviet Space: Features of the Current Stage // Integration Processes in Eurasia: State, Challenges, Prospects : Proceedings

- of the II International Scientific and Practical Conference, Minsk, April 16, 2024. Minsk : Belarusian State University, 2024. P. 26–37. (In Russ.). EDN: AVBDTO.
8. Sokolov, M. S., Zhigun, L. A., Nekhorosheva, L. N. Youth Innovative Entrepreneurship as a Driver of Digitalization of the Unified Scientific and Technological Space of the Union State of Russia and Belarus // *Drukerovskij vestnik*. 2021. No. 1 (39). P. 241–250. (In Russ.). EDN: YISPDJ. DOI: 10.17213/2312-6469-2021-1-241-250.
 9. Sokolov, M. S., Marushko, D. A., Perehudova, E. Yu. Scenarios for the Youth Innovative Entrepreneurship Development amidst Digitalization of the Unified Scientific and Technological Space of the Union State of Belarus and Russia // *Russian Journal of Innovation Economics*. 2022. Vol. 12, No. 1. P. 277–294. (In Russ.). EDN: HZQYIO. DOI: 10.18334/vinec.12.1.114210.
 10. Frolov, A. A., Sokolov, A. V., Palagicheva, A. V. “Russia — the Country of Opportunities” as an Ecosystem for Creating Equal Starting Opportunities for Citizens // *Administrative Consulting*. 2023. No. 10. P. 98–112. (In Russ.). EDN: MJELMW. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-10-98-112.
 11. Khramtsova, F. I., Erofeeva, M. A. Modernization of Public Administration in the Sphere of Youth Policy in the Republic of Belarus // *Psychology and Pedagogy of Official Activity*. 2022. No. 4. P. 208–213. (In Russ.). EDN: NWUEVG. DOI: 10.24412/2658-638X-2022-4-208-213.
 12. Khramtsova, F. I., Tenyanko, M. Yu., Stepanchuk, Yu. A., Shinkar, Yu. Yu. Adaptation of Graduates of Technical Higher Education Institutions as a Factor of Economic Sovereignty of the Republic of Belarus (by the Example of the Belarusian Academy of Communications) // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2023. Vol. 4–4 (79). P. 88–97. (In Russ.). EDN: SMFCGW. DOI: 10.24412/2500-1000-2023-4-4-88-97.

About the author:

Anton I. Velichko, Junior Researcher of State University of Management (Moscow, Russia);
e-mail: ai_velichko@guu.ru; ORCID: 0009-0009-0722-5900

Интеграционные стратегии Союзного государства России и Беларуси: практика политического взаимодействия

Харитонов Н. И.^{1,*}, Шебанов А. В.²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

* e-mail: natahari@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7980-6562

² Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС, Орёл, Россия

РЕФЕРАТ

Цель. Выявить практические аспекты политического взаимодействия России и Беларуси, реализуемого в рамках интеграционных стратегий Союзного государства России и Беларуси (СГРБ). Она обусловлена тем, что на реализацию интеграционных проектов всей Евразии влияет трансформация современной международной системы. России и Беларуси приходится отстаивать свое право на суверенитет и национальную безопасность и реализовывать стратегии интеграции.

Методология. Методологической базой работы стал институциональный подход, а также принципы структурного функционализма и неофункционализма в определении ключевых интеграционных стратегий России и Беларуси. **Результаты.** На основе применявшихся методов авторами проанализированы этапы российско-белорусской экономической интеграции, структурированы институциональные принципы и практики объединения России и Беларуси. Новизна исследования заключается в разработке прогнозных сценариев развития и рекомендаций по решению проблем политического взаимодействия в рамках Союзного государства. **Выводы.** На основе анализа сформулированы три ключевых сценария развития российско-белорусских интеграционных процессов: «положительный» (развитие и укрепление экономического сотрудничества, а также создание новых союзных институтов, реализуемое последовательно), «нейтральный» (продолжение сотрудничества в формате работы действующих институтов и экономических практик), «негативный» (конфликтные отношения в экономике и формальная деятельность институтов СГРБ). Авторы пришли к выводу, что наиболее вероятным является «нейтральный» сценарий с возможным движением к «положительному». Следование предложенным рекомендациям должно привести к снижению влияния проблемных аспектов политического взаимодействия РФ и РБ и реализации их интеграционных стратегий в рамках СГРБ.

Ключевые слова: Россия, Беларусь, интеграция, Союзное государство, стратегия, политическая практика

Для цитирования: Харитонов Н. И., Шебанов А. В. Интеграционные стратегии Союзного государства России и Беларуси: практика политического взаимодействия // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 2. С. 169–179. EDN: JJGYPI

Integration Strategies of the Union State of Russia and Belarus: Practice of Interaction

Natalia I. Kharitonova^{a,*}, Alexander V. Shebanov^b

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

* e-mail: natahari@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7980-6562

^b Central Russian Institute of Management — branch of RANEPA, Orel, Russia

ABSTRACT

Aim. The purpose of the article is to identify practical aspects of the political interaction between Russia and Belarus, implemented within the framework of the integration strategies of the Union State of Russia and Belarus. It is due to the fact that the implementation of integration projects throughout Eurasia is influenced by the transformation of the modern international system. Russia and Belarus have to defend their right to sovereignty and national security and implement integration strategies.

Methods. The methodological basis of the work was the institutional approach, as well as the principles of structural functionalism and neo-functionalism in determining the key integration strategies of Russia and Belarus. Results. Based on the methods used, the authors analyzed the stages of Russian-Belarusian economic integration, structured the institutional principles and practices of unification of Russia and Belarus. The novelty of the research lies in the development of predictive development scenarios and recommendations for solving problems of political interaction within the Union State. **Results.** Based on the analysis, three key scenarios for the development of Russian-Belarusian integration processes are formulated: “positive” (development and strengthening of economic cooperation, as well as the creation of new union institutions, implemented consistently), “neutral” (continuation of cooperation in the format of existing institutions and economic practices), “negative” (conflict relations in the economy and formal activities of the institutes of the SSRB). **Conclusions.** The authors concluded that a “neutral” scenario with a possible move towards a “positive” one is the most likely. Following the proposed recommendations should lead to a reduction in the impact of problematic aspects of political interaction between the Russian Federation and the Republic of Belarus and the implementation of their integration strategies within the framework of the CBS.

Keywords: Russia, Belarus, integration, Union State, strategy, political practice

For citation: Kharitonova N. I., Shebanov A. V. Integration Strategies of the Union State of Russia and Belarus: Practice of Interaction // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19. No. 2. P. 169–179. (In Russ.). EDN: JJGYPI

Введение

На современном этапе политических взаимоотношений между Российской Федерацией и Республикой Беларусь интеграционные стратегии, направленные на строительство Союзного государства, носят не только концептуально-теоретический, но и прикладной характер. Значимость воплощения на практике принципов российско-белорусского объединения определяется трансформациями современной международной системы. В ней многим странам, таким как Россия и Беларусь, приходится отстаивать свое право на суверенитет и национальную безопасность. В этих условиях развитие союзных связей и объединений становится основой для дальнейшего развития государств и обеспечения благополучия их граждан.

Практика интеграционного взаимодействия между РФ и РБ предполагает реализацию конкретных мер и программ, работу государственных и межгосударственных институтов. В соответствии с концептуальными и нормативными документами, оформившими стратегии Союзного государства России и Беларуси (СГРБ, СГ), ключевыми сферами интеграции на сегодняшний день выступают экономика и институциональное измерение политических взаимоотношений. Это не предполагает исключение развития других социальных областей (геополитики, культуры, идеологии, коммуникации) в процессе объединения, однако определяет приоритет именно институтов политики и экономики в стратегиях развития СГРБ.

Соответственно, на сегодняшний день выделяются две ключевые стратегии СГРБ: развитие единой экономической базы и деятельность союзных институтов. Работа по созданию нормативных документов, осуществление отраслевого взаимодействия и политического управления и коммуникации на уровне институтов выступают формами практик политического взаимодействия РФ и РБ. Это определяет

цель статьи, заключающуюся в том, чтобы выявить практические аспекты политического взаимодействия России и Беларуси, реализуемого в рамках интеграционных стратегий Союзного государства России и Беларуси.

Его задачи:

- анализ шагов российско-белорусской интеграции в экономической сфере, основанный на объективной нормативной и статистической базе;
- выявление институциональных принципов и практик объединения РФ и РБ с указанием их положительных и проблемных аспектов.

Теоретическую основу исследования составили работы авторов, изучавших практику российско-белорусской интеграции и развития СГРБ, а также заключения экспертов, аналитиков и политических деятелей, оценивавших этот процесс. Среди них можно выделить труды О. В. Бахловой и ее коллег, которые в своих исследованиях рассмотрели институциональные аспекты взаимодействия РФ и РБ [2; 3 и др.], А. В. Сотникова, давшего оценку союзным программам России и Беларуси [15; 16], и ряда других исследователей, посвящавших свои работы исследованию экономических и институциональных направлений интеграции СГРБ [1; 5; 6; 10; 12; 7; 8; 13; 14; 17], а также экспертные заключения, представленные в материале А. Приходько и ряде других, отражающие наиболее актуальные тенденции в оценке определенных аспектов интеграции в рамках СГРБ¹.

Материалы и методы

Методологической базой работы стал институциональный подход, определивший развитие институтов СГРБ в качестве одного из базовых направлений интеграции, а также принцип структурного функционализма, предполагавший выполнение каждым элементом процесса объединения определенных функций, регламентированных планами, программами и прочими интеграционными документами. Развитие интеграционных концепций политической науки привело к возникновению школы неофункционализма, объединившей изучение экономических и политических факторов межгосударственного объединения. Таким образом, следование принципам неофункционализма, предполагающего рассмотрение этапов экономической интеграции, сочетаемой с институционально-политическими факторами, представляется наиболее эффективным принципом практик интеграционных стратегий СГРБ. Соответственно, экономическая и политическая стратегии рассматриваются в качестве доминирующих в процессах российско-белорусского объединения.

Результаты

Практика экономической интеграции: реализация союзных программ

Характеризуя экономическую стратегию, стоит отметить, что она обладает значительной прикладной базой. Например, Э. В. Ковалева писала о множестве совместных (российско-белорусских) программ, которые осуществлялись в первом десятилетии 2000-х гг. Среди них программы по развитию информационных технологий, дизельного автомобилестроения, производства телевизоров, оборудования, компьютера «СКИФ-1000». Также в этот период реализовывались программы по развитию аграрного и космического секторов, формированию российско-белорусских финансово-промышленных групп и ряда других сфер взаимодействия [9, 60–65].

Принимавшиеся в начале 2000-х гг. интеграционные документы во многом были направлены на развитие экономических составляющих объединения. В 2000 г. были подписаны соглашения о вве-

¹ Приходько А. «Союзные программы — только первый этап». Эксперты — о будущем интеграции Беларуси и России [Электронный ресурс] // Евразия Эксперт. 11.11.2021. URL: https://eurasia.expert/soyuznye-programmy-tolko-pervyy-etap-eksperty-o-budushchem-integratsii-belarusi-i-rossii/?utm_source=away.vk.com&utm_medium=referral&utm_campaign=away.vk.com&utm_referrer=away.vk.com (дата обращения: 29.07.2024); Русакович: для реализации союзных программ Беларуси и России необходимо принять около 400 документов [Электронный ресурс] // Информационно-аналитический портал Союзного государства. URL: <https://soyuz.by/realizaciya-soyuznyh-programm-i-proektov/rusakovich-dlya-realizacii-soyuznyh-programm-belarusi-i-rossii-neobhodimo-prinyat-okolo-400-dokumentov> (дата обращения: 29.07.2024) и пр.

дении единой денежной единицы и создании единого эмиссионного центра¹, не реализованные впоследствии по политическим причинам. В 2001 г. была определена программа социального развития СГРБ до 2005 г.², а в 2003 г. — принята концепция развития этого же направления³. Кроме того, в 2005 г. впервые был проведен российско-белорусский экономический форум, посвященный вопросу единого экономического пространства, в 2006–2007 гг., несмотря на обострившиеся противоречия⁴, был подписан комплекс документов, определявших в том числе вопросы налогообложения, социального обеспечения, научно-технического сотрудничества, торгово-экономических отношений⁵ и пр.

Новым этапом развития российско-белорусских экономических отношений стал 2014 г., что во многом было обусловлено международной политической конъюнктурой. Ключевым для этого периода стал комплексный стратегический документ, определявший приоритетные направления и первоочередные задачи развития СГРБ⁶. Он включал в себя такие вопросы, как формирование общего рынка труда, продолжение научно-технического сотрудничества, развитие аграрного сектора и пр. Аналогичный документ был принят и через четыре года, на период 2018–2022 гг.⁷ Он предполагал такие направления совместной деятельности, как торгово-экономические отношения, а также макроэкономическая, аграрная, бюджетная, промышленная политики.

Следующим периодом в практической сфере интеграционной политики в рамках СГРБ стало создание в 2018 г. рабочей группы по формированию 31-й «дорожной карты» союзного строительства. Полный список так и не был опубликован, однако, как значится в информационных материалах этого периода, он включал в себя ключевые вопросы экономической интеграции: макроэкономической, налоговой, торговой, промышленной и пр. политики⁸. Их логическим продолжением стали 28 союзных программ, утвержденных в 2021 г. Согласно определявшему их содержанию Декрету, они должны были реализоваться за период 2021–2023 гг.⁹

Основным наполнением союзных программ стали именно экономические вопросы, разделяемые условно на семь обобщенных групп. Среди них сфера финансов, нефтегазовый и энергетический комплекс, налоговая политика, государственные закупки и правила конкуренции, рынок потребителей и социальная защита граждан РФ и РБ, телекоммуникации и ИТ, а также транспорт и туризм. Динамика осуществления интеграционных программ продемонстрировала их значимость для развития СГРБ. Так, на февраль 2022 г. было осуществлено 30% от запланированного¹⁰. В сентябре того же года этот показатель составлял порядка половины, в завершении года цифра варьировалась от 55% до 62%¹¹.

¹ Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о введении единой денежной единицы и формировании единого эмиссионного центра Союзного государства [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901785644> (дата обращения: 30.07.2024).

² Постановление высшего государственного совета Союзного государства от 26 декабря 2001 года № 7 «О Концептуальных основах и прогнозных оценках социального развития Союзного государства до 2005 года (социально-трудовой аспект)» [Электронный ресурс]. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=5793 (дата обращения: 30.07.2024).

³ Постановление Высшего Государственного Совета Союзного государства от 20 января 2003 г. № 3 «О Концепции социального развития Союзного государства до 2005 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby/org87/basic/text0032.htm> (дата обращения: 30.07.2024).

⁴ Тимирчинская О. Черное проклятье: как нефть рассорила Россию и Белоруссию [Электронный ресурс] // Газета.Ru. 18.05.2019. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/05/16/12358003.shtml> (дата обращения: 30.07.2024).

⁵ Постоянный Комитет Союзного государства (офиц. сайт) [Электронный ресурс]. URL: <https://посткомсг.рф/docs/> (дата обращения: 30.07.2024).

⁶ Приоритетные направления и первоочередные задачи дальнейшего развития Союзного государства на среднесрочную перспективу (2014–2017 годы). Утв. постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 03.03.2015 № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/70907318/> (дата обращения: 30.07.2024).

⁷ Приоритетные направления и первоочередные задачи дальнейшего развития Союзного государства на 2018–2022 годы [Электронный ресурс]. URL: <https://посткомсг.рф/docs/item/237504/> (дата обращения: 30.07.2024).

⁸ Судьба Союзного государства поставлена на карты [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 08.11.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4154335> (дата обращения: 30.07.2024).

⁹ Декрет от 4 ноября 2021 г. № 6 Об Основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 годы [Электронный ресурс]. URL: <https://посткомсг.рф/docs/item/237509/> (дата обращения: 31.07.2024).

¹⁰ Беларусь и Россия продвинулись на 30 процентов в выполнении интеграционных карт [Электронный ресурс]. URL: <https://soyuz.by/realizaciya-soyuznyh-programm-i-proektov/belarus-i-rossiya-prodvinulis-na-30-procentov-v-vypolnenii-integracionnyh-kart> (дата обращения: 31.07.2024).

¹¹ Беларусь и Россия приступили к подготовке нового пакета интеграционных программ [Электронный ресурс]. URL: <https://soyuz.by/realizaciya-soyuznyh-programm-i-proektov/belarus-i-rossiya-pristupili-k-podgotovke-novogo-paketa-integracionnyh-programm> (дата обращения: 31.07.2024).

В итоге к концу 2023 г. степень выполнения союзных программ составляла 90% и включала 990 мероприятий по их практическому осуществлению¹. Содержательно они предполагали развитие российско-белорусского сотрудничества в энергетической сфере, транспортной системе, промышленности, вопросах импортозамещения и ряде других [4].

Завершающим на текущий момент документом стал новый Декрет, определивший интеграционные направления на 2024–2026 гг. Помимо указанных экономических программ, он включил в себя такие вопросы практического сотрудничества, как научно-техническое, гуманитарное и пр. взаимодействие в рамках СГРБ. Стоит отметить, что, как и в начале 2000-х гг., союзные программы по этим направлениям продолжали реализовываться и обеспечивать практику российско-белорусской интеграции. Однако, как отметил А. В. Сотников, их недостатком являлось отсутствие стратегического планирования и точность взаимодействия РФ и РБ в их реализации [15; 16].

В целом можно резюмировать, что экономическое направление взаимодействия РФ и РБ на протяжении всего строительства СГРБ демонстрировало достаточно высокий уровень динамики, характеризовалось последовательностью, внесло вклад в развитие его интеграционных стратегий.

Институционализация управления интеграционными процессами в СГРБ

Работа союзных институтов является вторым важным практическим направлением российско-белорусского сотрудничества в области стратегического развития СГРБ. Его значимость обусловлена как необходимостью деятельности общих управленческих органов, функционирующих на уровне Союзного государства, так и социальной значимостью таких институтов, формирующих единое информационное, идеологическое и политико-правовое пространство, объединяющее граждан каждого из союзных государств.

Согласно Договору об образовании СГРБ предполагалось создание восьми ключевых институтов, а также ряда «отраслевых и функциональных» органов². Первой существующей на сегодняшний день проблемой является тот факт, что из всех основных управленческих органов действуют только четыре. Таким образом, процесс институционализации далек от своего завершения и не соответствует даже тому нормативному фундаменту, который закладывался в 1999 г.

Главным действующим управленческим институтом на текущий момент выступает Высший Государственный Совет (ВГС). На практике он представляет собой коллективный орган власти Союзного государства, в состав которого входят главы государств РФ и РБ, председатели палат парламентов каждого из союзных государств, а также главы правительств. Такая коллективность предполагает высший национальный уровень принимаемых в ВГС решений, однако она же закладывает ситуацию диалога и дискуссий, а не единой союзной работы. Фактически на этом уровне управления осуществляется представительство национальных интересов каждого из государств — членов СГ. Динамика процессов и реализации решений обеспечивается не его работой, а в рамках непосредственного диалога между главами российского и белорусского государств. Примером может служить интеграционная динамика экономических сфер, когда так и не опубликованные «дорожные карты» были преобразованы в 28 утвержденных программ, реализация которых также предполагала контроль и «антикризисное реагирование», осуществляемое Президентами РФ и РБ³. Это позволяет сомневаться в достаточной эффективности указанного органа, делать выводы о сохраняющемся приоритете национальных институтов управления и предполагает возможность изменения его формата при развитии СГРБ.

Аналогичным образом сформированы и два других управленческих института: Парламентское Собрание (ПС) и Совет Министров (СМ) Союзного государства. В каждом из них представлены высшие должностные лица законодательных и, соответственно, исполнительных органов российского и белорусского государств.

¹ Прорывной 23-й. Чем знаменателен уходящий год для Союзного государства [Электронный ресурс] // Минская правда. 19.12.2023. URL: <https://mlyn.by/19122023/proryvnoj-23-j-chem-znamenatelen-uhodyashij-god-dlya-soyuznogo-gosudarstva/> (дата обращения: 31.07.2024).

² Договор о создании Союзного государства [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901756243> (дата обращения: 01.08.2024).

³ Дмитрий Крутой рассказал о результатах, достигнутых в реализации 28 союзных программ [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2023/april/73769/> (дата обращения: 17.04.2024).

Однако объединение их деятельности создает ситуацию выполнения этими институтами скорее роли площадок российско-белорусского взаимодействия, чем союзных рабочих институтов.

Кроме того, у каждого из этих институтов (ПС и СМ) имеются свои проблемные аспекты деятельности. Так, Парламентское Собрание является по факту одной из закладывавшихся в договоре двух палат союзного парламента, формируемой не на основе прямого голосования. Таким образом, функции представления интересов сообщества СГРБ в нем выполняются весьма опосредованно. Еще одной из возможных причин разобщения позиций союзных парламентариев и низкой эффективности совместной работы является принцип регламентации их деятельности на основе национальных конституций РФ и РБ. Практика работы Совета Министров СГРБ также характеризуется наличием проблем. Они заключаются в значительной формализации и ограниченности, не позволяющей определять СМ в качестве полноценного действующего института исполнительной власти.

Наконец, Постоянный Комитет как управленческий орган. На практике им осуществляются функции обеспечения работы других институтов, координации деятельности отраслевых и функциональных органов (к которым относятся различные комиссии, например, по гидрометеорологии, пограничный и таможенный комитеты и пр.). Однако формулируемые на основе его работы рекомендации по развитию интеграции не носят обязательный характер и не определяют практику интеграционного развития.

В итоге можно кратко резюмировать, что в реализующихся на сегодняшний день практиках политического взаимодействия содержится ряд проблем, связанных с ограниченностью функционирования ключевых союзных институтов, представленностью интересов каждого из государств, а не совокупно союзных, недостатком институционального строительства и реализующихся полномочий.

Эта обусловленная институциональной стратегией проблема определила несформированность ряда предполагавшихся и необходимых в практике союзного строительства институтов. Первым из них является Союзный Суд. Главной причиной того, что он до сих пор не был создан, является отсутствие Союзного акта, который должен был стать Конституцией Союзного государства. Без единой регламентации правового пространства СГРБ деятельность этого органа не представляется возможной. А его принятие сейчас, как и ранее, зависит от позиций правящих элит союзных государств и не может быть осуществлено, так как может повлечь потерю определенных властных позиций, потому что будет предполагать создание единого федеративного государства с единым управленческим центром.

Также в СГРБ отсутствует Счетная палата, функции которой, связанные с союзным бюджетом, отчасти выполняет Совет министров. Это также предполагает ограниченность регламентации экономических процессов, в том числе вопросов оптимизации выделения средств на выполнение союзных программ.

Еще два несозданных института не относятся к категории управленческих структур — это Единый эмиссионный центр и Комиссия по правам человека. Их отсутствие также служит индикатором ряда сложностей в работе по развитию СГРБ. В первом случае это отсутствие единой валюты, являющееся одним из камней преткновения интеграционных процессов на протяжении последних 25 лет. Отсутствие второго института, одновременно с рядом других процессов, определяет сложности в создании единой союзной идентичности и общего самосознания граждан не России и Беларуси по отдельности, а Союзного государства.

Таким образом, на сегодняшний день наличие управленческих институтов является важной составляющей интеграционной деятельности, однако содержит в себе меньше динамики и практических достижений, чем рассмотренное выше экономическое направление работы РФ и РБ в рамках СГ. Это также служит основанием для характеристик экономической и политической стратегии российско-белорусской интеграции при определенном доминировании первой.

В целом, характеризуя обуславливаемые этими стратегиями проблемы политического взаимодействия, важно отметить, что многие из них носят долговременный характер. Так, проблемы институционального строительства существовали изначально и основывались на практике дифференциации определенных решений и заложенных в Договоре 1999 г. институтов и принципов их действия. Ряд институтов еще не были созданы в период начала 2000-х гг., а работа созданных была формализована и поставлена в зависимость от решений глав российского и белорусского государств. Экономические процессы в этом

контексте обладали большей самостоятельностью. Однако и они изначально были поставлены в зависимость от политических факторов, что сформировало проблемы в формировании единой финансовой сферы. В последующие периоды проблемы были вызваны отсутствием единого стратегического планирования и приводили к эпизодам экономически обусловленных ситуаций российско-белорусского противостояния («молочным», «газовым» и другим «войнам»).

На сегодняшний день ряд проблемных аспектов сняты фактором стратегического планирования и целенаправленного развития, прежде всего, экономической сферы. Однако по сей день остро стоят вопросы повышения эффективности и расширения полномочий союзных институтов. Это подтверждает сформулированную в начале статьи логику осуществления сначала экономических, а затем политических этапов интеграции, позволяет разработать прогноз развития интеграционной деятельности в рамках СГРБ и дать ряд рекомендаций по урегулированию проблемных аспектов политического взаимодействия.

Обсуждение

Выбор экономической и институциональной стратегий в качестве тех, которые в наибольшей мере обеспечивают практику российско-белорусского взаимодействия при развитии СГРБ, подтверждается работами многих исследователей. При этом, как и в настоящей статье, оценка экономических и институциональных факторов может существенно различаться.

Например, О. В. Бахлова пишет о соответствии российской и белорусской политики неофункционалистским принципам формирования их интеграционного объединения. Прагматичность этого подхода в полной степени отвечает ориентациям развития экономической сферы взаимоотношений РФ и РБ [3, с. 44–47]. Также на значимость реализации экономических составляющих союзных программ указывает С. Рекеда. По его мнению, они могут обеспечить уровень интеграции высший, чем в ЕС, в том числе послужить основой для введения единой валюты. При этом эксперт отмечает, что при недостаточном согласовании всех вопросов экономическим интересам обеих стран может быть нанесен ущерб.

Дискуссии относительно институционального строительства СГРБ более остры и противоречивы. В оценке деятельности или необходимости создания определенного института можно найти крайне различные мнения. Например, белорусский автор А. А. Сулейков пишет о необходимости создания Суда СГРБ как института, который мог бы решать экономические споры между РФ и РБ¹. На значимость такого органа указывает и его соотечественник А. В. Дзермант². При этом Д. В. Болкунец пишет о том, что Суд СГ не нужен, так как есть платформа евразийского сотрудничества, которая выполняет его функции³.

Подобным противоречивым оценкам подвергаются и другие институты СГРБ. Например, исследователь Д. В. Малышев пишет о пользе, которую могла бы принести Счетная палата, способная, по его мнению, решить проблему интеграционной неэффективности союзных программ [11, с. 1558]. Он же пишет о том, что Высший Государственный Совет сейчас выполняет функции «коллективного президента» и должен быть реформирован [11, с. 1555]. В свою очередь, О. В. Бахлова, несмотря на существование Совета министров СГ, пишет о том, что в СГРБ должен действовать постоянный орган исполнительной власти. С его функциями исследовательница связывает не СМ, а Постоянный Комитет СГ [2, с. 1903].

Представленные примеры можно продолжать. В целом они отражают многообразие и полярность оценок учеными и экспертами институционального строительства в СГРБ. Оценки экономистов не столь противоречивы. Хотя и они содержат критические позиции относительно процессов и перспектив практики взаимодействия России и Беларуси в рамках СГ. В целом спектр приведенных мнений подтверждает

¹ Сулейков А. А. Участие Беларуси в Союзном государстве и ЕАЭС как фактор политической и экономической стабильности [Электронный ресурс] // Евразия Эксперт. 14.05.2021. URL: https://eurasia.expert/belarus-v-soyuznom-gosudarstve-i-eaes-faktor-stabilnosti/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 01.08.2024).

² Белорусский эксперт сказал, когда Москва и Минск создадут единый суд и единый эмиссионный центр [Электронный ресурс]. URL: <https://ukraina.ru/20210512/1031333041.html> (дата обращения: 01.08.2024).

³ Countries and Territories [Электронный ресурс] // Freedom House. URL: <https://freedomhouse.org/countries/freedom-world/scores> (дата обращения: 01.08.2024).

сформулированную в начале статьи логику осуществления сначала экономических и затем политических этапов интеграции и позволяет вместе с основными результатами исследования сформировать прогноз и рекомендации для развития интеграционной деятельности в рамках СГРБ.

Заключение

Проведенное исследование практик политического взаимодействия РФ и РБ в процессе реализации интеграционных стратегий СГРБ позволяет заключить, что они включают в себя широкий спектр вопросов. Ключевыми среди них являются экономические и политико-институциональные аспекты российско-белорусского сотрудничества. Это не снижает значимости военной, культурной, идеологической и прочих сфер, однако предполагает доминирование первых двух.

Значимость экономических процессов определяется как позициями руководства каждого из союзных государств, так и динамикой отношений в этой сфере. Ее практическое развитие может быть прослежено на основе этапов, реализовывавшихся на протяжении всего периода развития СГРБ. При этом осуществленные в 2021–2023 гг. интеграционные программы стали новым этапом союзной интеграции и внесли значительный вклад в развитие определенных областей российско-белорусского сотрудничества. О значимости экономической стратегии развития СГРБ и ее потенциале свидетельствует заявление С. Ю. Глазьева, назначенного Государственным секретарем Союзного государства России и Беларуси в апреле 2025 г. Среди практических задач, на которые должна быть направлена деятельность Постоянного Комитета СГ, он определил ключевые положения Союзного договора, среди которых «макроэкономическая политика, гармонизация законодательства защиты прав потребителей, антимонопольное регулирование, формирование общих стратегических планов развития по отраслям промышленности»¹.

Институциональная сфера развивается не столь динамично. Однако сам факт наличия и функционирования союзных управленческих и функциональных институтов выступает основой для дальнейшего развития СГРБ. Без них взаимодействие РФ и РБ не могло бы определяться в качестве уникального наднационального объединения.

При этом потенциал развития институтов и формат их деятельности остается вопросом дискуссионным и предполагает возможность создания трех полярных сценариев интеграционного развития. Первый («положительный») предполагает комплексную реализацию экономической и политической стратегий интеграции при последовательном осуществлении этапов экономического и затем политического объединения. Второй («нейтральный») допускает сохранение и продолжение сотрудничества, осуществляемого в формате работы действующих институтов и экономических практик. И третий («негативный») может быть реализован при развитии конфликтных ситуаций, отсутствии решения спорных вопросов, не позволяющих развиваться новым этапам экономической стратегии, которые будут сопровождаться формальной (а не фактической) деятельностью союзных институтов СГРБ.

Следование «нейтральному», наиболее обеспеченному рассмотренными практиками экономического взаимодействия и институционального строительства сценарию и движение к оптимальному «положительному» предполагают реализацию мер по преодолению проблемных аспектов политического взаимодействия РФ и РБ в рамках Союзного государства. Среди них можно предложить такие:

- развитие целенаправленного стратегического планирования ключевых направлений взаимодействия РФ и РБ, включающее формирование целевых, плановых показателей, определение сроков реализации и пр.;
- систематизация и стратегическое планирование программ научно-технического сотрудничества, учитывающие их интеграционный приоритет;
- интенсификация сотрудничества в наиболее динамичных отраслях экономического взаимодействия, таких как торговля, промышленность, общая транспортная система;

¹ Углубление научно-технического потенциала и стратегия опережающего развития. Глазьев о задачах СГ // БЕЛТА — Новости Беларуси. 17.04.2025. URL: <https://belta.by/society/view/uglublenie-nauchno-tehnicheskogo-potentsiala-i-strategija-operezhajushego-razvitiya-glazjev-o-709609-2025/> (дата обращения: 20.04.2025).

- развитие полномочий союзного уровня управления, постепенная смена их функций от представительно-коммуникативных к управленческим;
- расширение полномочий отраслевых, региональных институтов, способных обеспечить интеграционные процессы СГРБ в их наиболее предметных проявлениях и конкретных ситуациях;
- обеспечение работы институтов по формированию и развитию союзной идентичности и сознания граждан РФ и РБ.

Следование этим рекомендациям должно привести к снижению влияния проблемных аспектов политического взаимодействия РФ и РБ и реализации их интеграционных стратегий в рамках СГРБ.

Список литературы

1. *Баканина Д. А., Баранова Ю. В., Леонова А. А.* Перспективы и вызовы экономической интеграции Российской Федерации и Республики Беларусь // Вопросы политологии. 2022. Т. 12, № 11 (87). С. 4000–4009. EDN: BZIIFU. DOI: 10.35775/PSI.2022.87.11.041.
2. *Бахлова О. В.* Институционализация управления интеграцией в Союзном государстве Беларуси и России // XX Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования», 16–18 марта 2017 г., Екатеринбург. Екатеринбург: УрФУ, 2017. С. 1898–1906. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/46741/1/klo_2017_211.pdf
3. *Бахлова О. В.* Стратегия интеграционного развития Союзного государства Беларуси и России // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Материалы XXI Национальной научной конференции с международным участием / отв. ред. В. И. Герасимов. М. : ИНИОН РАН, 2022. № 17-1. С. 44–47. EDN: YNAGOE.
4. *Борисова О. А., Кравченко К. В.* Дорожная карта в контексте развития Союзного государства Беларуси и России (2022–2023 годы) // Геоэкономика энергетики. 2024. Т. 25, № 1. С. 96–100. EDN: TJIWOK. DOI: 10.48137/26870703_2024_25_1_96.
5. *Вилисов М. В.* Союзное государство и союзная экономика: политэкономия российско-белорусского сотрудничества // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14, № 3. С. 106–126. EDN: FCPWED. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-6.
6. *Гаврилюк Н. П., Макарова Е. М.* Сценарный прогноз развития Союзного государства в контексте диалога России и Белоруссии // Власть истории и история власти. 2022. Т. 8, № 4 (38). С. 30–40. EDN: ZHBFEW.
7. *Глазьев С. Ю.* Белорусский выбор // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 3. С. 11–25. EDN: ZJMCVZ. DOI: 10.22394/2073-2929-2020-3-11-25.
8. *Егоров А. В.* К вопросу о формировании правовой системы Союзного государства Беларуси и России // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 6. С. 14–26. EDN: URPLEO. DOI: 10.12737/jrl.2021.070.
9. *Ковалева Э. В.* Российско-белорусские отношения: тенденции развития : дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2010. 198 с. EDN: QETDIX.
10. *Малышев Д. В.* Союзное государство после двадцатилетнего юбилея // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68, № 5. С. 106–116. EDN: LVBOTA.
11. *Малышев Д. В.* Союзное государство Российской Федерации и Республики Беларусь: институционализация и современное состояние // Постсоветские исследования. 2019. Т. 2, № 8. С. 1551–1562. EDN: CGHUBG.
12. *Межевич Н. М., Шимов В. В.* Беларусь: трансформация и модернизация. Итоги постсоветского развития. М. : Институт Европы РАН, 2024. 124 с. EDN: YVGCKK. DOI: 10.15211/report32024_409.
13. *Мигранян А. А.* Потенциал Союзного государства // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2020. № 3-2. С. 351–356. EDN: RBTBDL.
14. *Пакуш Л. В., Панасюга Н. П.* Союзные программы России и Беларуси: магистральные направления // Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. 2023. № 1. С. 37–40. EDN: SNJRPX.

15. Сотников А. В. Программы Союзного государства. Новый взгляд // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 4. С. 103–106. EDN: KMCRLN. DOI: 10.24412/2072-8042-2022-4-103-106.
16. Сотников А. В. Программы Союзного государства: новый комплексный шаг к интеграции // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 3. С. 33–37. EDN: TZOEAS. DOI: 10.24412/2072-8042-2022-3-33-37.
17. Хлутков А. Д., Межевич Н. М. Союзное государство на новом этапе экономической и социально-политической интеграции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 1. С. 11–18. EDN: JKKHL. DOI: 10.22394/2073-2929-2025-01-11-18.

Об авторах:

Харитоновна Наталья Ивановна, профессор факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия), доктор политических наук, доцент;
e-mail: natahari@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7980-6562

Шебанов Александр Владимирович, соискатель Среднерусского института управления — филиала РАНХиГС (Орёл, Россия);
e-mail: obrazovanie878@gmail.com; ORCID: 0009-0002-0966-0657

References

1. Bakanina, D. A., Baranova, Y. V., Leonova, A. A. Prospects and Challenges of Economic Integration of the Russian Federation and the Republic of Belarus // Political Science Issues. 2022. Vol. 12, No. 11 (87). P. 4000–4009. (In Russ.). EDN: BZIFU. DOI: 10.35775/PSI.2022.87.11.041.
2. Bakhlova, O. V. Institutionalization of integration management in the Union State of Belarus and Russia // XX International Conference in memory of Professor L. N. Kogan “Culture, personality, society in the modern world: Methodology, experience of empirical research”, March 16–18, 2017, Yekaterinburg. Yekaterinburg : UrFU, 2017. P. 1898–1906. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/46741/1/klo_2017_211.pdf (In Russ.).
3. Bahlova, O. V. Strategy for the Integration Development of the Union State of Belarus and Russia // Russia: Development Trends and Prospects: Yearbook. Proceedings of the XXI National Scientific Conference with International Participation, Moscow, December 16–17 / ed. by V. I. Gerasimov. 2021. No. 17-1. Moscow : Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences, 2022. P. 44–47. (In Russ.). EDN: YNAGOE.
4. Borisova, O. A., Kravchenko, K. V., 2024. Implementation of the Russia and Belarus Union State Roadmap (2022–2023) // Geoeconomics of Energetics. 2024. Vol. 25, No. 1. P. 96–100. (In Russ.). EDN: TJIWOK. DOI: 10.48137/26870703_2024_25_1_96.
5. Vilisov, M. V. The Union State and the Union Economy: Political Economy of Russian-Belarusian Cooperation // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2021. Vol. 14, No. 3. P. 106–126. (In Russ.). EDN: FCPWED. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-6.
6. Gavrilyuk, N. P., Makarova, E. M. Scenario Forecast of the Development of the Union State in the Context of the Dialogue of Russia and Belarus // The Power of History — The History of Power. 2022. Vol. 8, No. 4 (38). P. 30–40. (In Russ.). EDN: ZHBFWE.
7. Glazyev, S. Y. The Belarusian Choice // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2020. No. 3. P. 11–25. (In Russ.). EDN: ZJMCVZ. DOI: 10.22394/2073-2929-2020-3-11-25.
8. Egorov, A. V. On the Formation of the Legal System of the Union State of Belarus and Russia // Journal of Russian Law. 2021. Vol. 25, No. 6. P. 14–26. (In Russ.). EDN: URPLEO. DOI: 10.12737/jrl.2021.070
9. Kovaleva, E. V. Russian-Belarusian Relations: Development Trends: Dissertation ... Candidate of Political Sciences : 23.00.04. Moscow, 2010. 198 p. (In Russ.).

10. Malyshev, D. V. The Union State after Its Twentieth Anniversary // *World Economy and International Relations*. 2024. Vol. 68, No. 5. P. 106–116. (In Russ.). EDN: LVBOTA.
11. Malyshev, D. V. The Union State of the Russian Federation and the Republic of Belarus: Institutionalization and the Current Condition // *Post-Soviet Studies*. 2019. Vol. 2, No. 8. P. 1551–1562. (In Russ.). EDN: CGHUBG.
12. Mezhevich, N. M., Shimov, V. V. Belarus: Transformation and Modernization. Results of post-Soviet Development. Moscow : Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, 2024. 124 p. (In Russ.). EDN: YVGCKK. DOI: 10.15211/report32024_409.
13. Migranyan, A. A. Potential of the Union State // *Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation*. 2020. No. 3-2. P. 351–356. (In Russ.). EDN: RBTBDL.
14. Pakush, L. V., Panasiuga, N. P. Union Programs of Russia and Belarus: Main Directions // *Bulletin of the Belarusian State Agricultural Academy*. 2023. No. 1. P. 37–40. (In Russ.). EDN: SNJRPX.
15. Sotnikov, A. V. Programs of the Union State: New View // *Russian Foreign Economic Journal*. 2022. No. 4. P. 103–106. (In Russ.). EDN: KMCRNL. DOI: 10.24412/2072-8042-2022-4-103-106.
16. Sotnikov, A. V. Union State Programs: A New Comprehensive Step towards Integration // *Russian Foreign Economic Journal*. 2022. No. 3. P. 33–37. (In Russ.). EDN: TZOEAS. DOI: 10.24412/2072-8042-2022-3-33-37.
17. Khlutkov, A. D., Mezhevich, N. M. The Union State at a New Stage of Economic and Socio-Political Integration // *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2025. Vol. 19, No. 1. P. 11–18. (In Russ.). EDN: JJKKHL. DOI: 10.22394/2073-2929-2025-01-11-18.

About the authors:

Natalia I. Kharitonova, Professor of the National Security Department, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia), Doctor of Political Sciences, Associate Professor;
e-mail: natahari@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-7980-6562

Alexander V. Shebanov, PhD candidate, Central Russian Institute of Management — branch of RANEPA (Orel, Russia);
e-mail: obrazovanie878@gmail.com; ORCID: 0009-0002-0966-0657

Сравнительный анализ политики зеленых умных городов в России и Китае на основе SWOT-анализа

Лю И., Степанов С. А.*

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

* e-mail: stepanov-sa@rudn.ru

ORCID: 0000-0003-4682-0445

РЕФЕРАТ

С углубленным развитием Big Data, или больших данных, и искусственного интеллекта, а также усилением концепции зеленого и низкоуглеродного развития в системе функционирования городов возникла новая концепция — «зеленый умный город». В настоящее время уровень урбанизации и градостроительства в России и Китае растет из года в год, однако при этом все более актуальными становятся вопросы рационального использования ресурсов, социально-экологического и инновационного развития. В связи с этим необходимо активизировать усилия по оптимизации городских систем, содействовать рациональному распределению ресурсов и продвигать строительство зеленых умных городов. **Цель и задачи.** Оценка и прогнозирование уровня развития зеленых умных городов, что способствует формированию научно обоснованных стратегий для государственных органов, а также играет важную роль в содействии рациональному распределению ресурсов и созданию комфортной и благоприятной городской среды. **Методология.** В процессе работы применялись исторический и институциональный методы (при анализе истории развития умных городов), а также концептуальный контент-анализ (при изучении основных документов по строительству зеленого умного города из российских и китайских правительственных ведомств, международных организаций, консалтинговых фирм и т. д.) и статистический анализ вторичных данных. В статье проведен сравнительный анализ текущего состояния экологически устойчивых умных городов в Китае и России с позиций четырех аспектов: сильные стороны, слабые стороны, возможности и угрозы. **Результаты.** Гипотеза статьи заключается в предположении, что политика России и Китая в отношении умных городов не является идентичной, однако каждая из стран, используя свои сильные стороны, может оказать содействие общему развитию данного направления. **Выводы.** Подходы России и Китая могут быть интегрированы. В будущем Китай может оказать России содействие в ускорении развития 5G, искусственного интеллекта (ИИ) и интернета вещей (IoT), что позволит улучшить инфраструктуру зеленых умных городов в России. В свою очередь, Россия может предоставить Китаю технологическую поддержку в области умной безопасности и управления энергоресурсами, что повысит уровень зеленых умных городов в Китае.

Ключевые слова: зеленый умный город, экология, устойчивое развитие, зеленая экономика, цифровая экономика

Для цитирования: Лю И., Степанов С. А. Сравнительный анализ политики зеленых умных городов в России и Китае на основе SWOT-анализа // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 2. С. 180–189. EDN: JKLEPJ

Comparative Analysis of Green Smart Cities Policies in Russia and China Based on SWOT Analysis

Liu Ying, Sergey A. Stepanov*

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

* e-mail: stepanov-sa@rudn.ru

ORCID: 0000-0003-4682-0445

ABSTRACT

With the in-depth development of Big Data and artificial intelligence, as well as the strengthening of the concept of green and low-carbon development, a new concept has emerged in the system of urban functioning — “green smart city”. Currently, the level of urbanization and urban development in Russia and China is growing from year to year, but at the same time, issues of socio-ecological development, rational use of resources and innovative development are becoming increasingly relevant. In this regard, it is necessary to intensify efforts to optimize urban systems, promote rational allocation of resources and promote the construction of green smart cities. **Aim.** Assessment and forecasting of the level of development of green smart cities, which contributes to the formation of scientifically sound strategies for government agencies, and also plays an important role in promoting rational allocation of resources and the creation of a comfortable and favorable urban environment. **Methods.** In the process of work, historical and institutional methods were used (when analyzing the history of the development of smart cities), as well as conceptual content analysis (when studying the main documents on the construction of a green smart city from Russian and Chinese government agencies, international organizations, consulting firms and etc.), as well as statistical analysis of secondary data. This paper conducts a comparative analysis of the current status of environmentally sustainable smart cities in China and Russia from the perspective of four aspects: strengths, weaknesses, opportunities and threats. **Results.** The hypothesis of the paper is that Russia’s smart green city policy is a combination of centralized leadership and local pilot projects, with more attention paid to cybersecurity and infrastructure improvement, as well as promoting the integration of the green economy. China’s smart green city policy is systemic and executive in nature, and pays more attention to the application of artificial intelligence and 5G in the construction of smart green cities, promoting the development of green and low-carbon cities. **Conclusions.** The conclusion of the paper is that the approaches of Russia and China can be integrated. In the future, China can help Russia accelerate the development of 5G, Artificial Intelligence (AI) and the Internet of Things (IoT), which will improve the infrastructure of green smart cities in Russia. In turn, Russia can provide China with technological support in the field of smart security and energy management, which will enhance the level of green smart cities in China.

Keywords: green smart city, ecology, sustainable development, green economy, digital economy

For citation: Liu Ying, Stepanov S. A. Comparative Analysis of Green Smart Cities Policies in Russia and China Based on SWOT Analysis // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 2. P. 180–189. (In Russ.). EDN: JKLEPJ

Введение

Истоки концепции умного города восходят к 1990-м гг., когда в Сингапуре была предложена программа «Умный остров». С того времени различные страны мира начали активно исследовать и разрабатывать подходы к строительству умных городов, а к 2010 г. этот процесс приобрел глобальный масштаб. По мере углубления принципа развития умных городов в концепции энергосбережения, экологичности и устойчивого развития произошла постепенная интеграция с процессом модернизации городов. Эти принципы внедряются во все сферы городской экономики, политики, культуры и общества, а также на всех этапах планирования и реализации проектов. Таким образом, осуществляется координация между умными городами и устойчивым развитием, что способствует превращению городов в современные, высокоэффективные, гармоничные, экологически чистые и устойчивые для жизни пространства, сочетающие элементы новой индустриализации, информатизации, урбанизации, модернизации сельского хозяйства и зеленого развития.

Градостроительство в России унаследовало модель, сложившуюся в советский период, характеризующуюся государственным управлением, централизованным планированием и функциональным зонированием. С изменением экономических условий и ростом благосостояния населения люди все чаще стремятся к безопасной, комфортной и многофункциональной городской среде, что заставляет архитекторов и менеджеров искать новые пути развития городов и создавать модели, которые могут обеспечить конкурентоспособность и смотреть в будущее. В Российском реестре городских поселений есть группа средних по размерам индустриальных центров, которые могли бы развиваться как «зеленые» или «умные» города. Градостроительная программа, принятая Минстроем России, определяет развитие «умных городов» в XXI в., что также свидетельствует о растущем внимании к вопросам градостроительства [5, с. 847].

С 2000 г. уровень урбанизации в Китае стремительно возрос. Развитие урбанизации Китая способствовало совершенствованию инфраструктуры, интенсификации городской экономики. Однако наряду с этим возник ряд сопутствующих проблем, таких как транспортные заторы, загрязнение воздуха и нехватка ресурсов. Традиционные концепции городского развития уже не соответствуют современным требованиям, поэтому необходим переход к модели, основанной на интенсивности, интеллектуализации, экологичности и низкоуглеродности [4]. В 2012 г. Китай вывел создание экологической цивилизации на уровень национальной стратегии и оказал политическую поддержку умным зеленым городам. В 2017 г. экономика Китая перешла от стадии высокоскоростного роста к стадии качественного развития. Промышленная трансформация и модернизация выдвинули более высокие требования к моделям городского управления [13]. В этом контексте строительство зеленых умных городов становится эффективным решением, отвечающим вызовам времени.

Политическая экология служит не только ценным аналитическим инструментом для изучения динамики, лежащей в основе современных практик строительства зеленых умных городов, но и действенной альтернативой, способствующей охране окружающей среды и социальной справедливости [10, с. 61]. Несмотря на то, что в существующих исследованиях термин «зеленый умный город» четко не сформулирован, многие отечественные и зарубежные ученые, а также исследовательские институты интегрируют концепции интеллектуализации, экологичности и устойчивого развития в изучение городского строительства. В последние годы различные страны и научные организации разрабатывают и публикуют стандарты строительства зеленых умных городов, адаптируя их к местным условиям. Международные и отечественные научные институты проводят исследования по различным аспектам строительства зеленых умных городов, включая систему оценки, стандарты реализации, механизмы влияния и пути развития. Для детального изучения данной темы проведен анализ ключевых слов, отобранных из ядра базы данных WOS и VOSviewer. Результаты позволили систематизировать и классифицировать основные исследовательские направления, а также выявить актуальные тенденции в области зеленых умных городов [11, с. 15].

На уровне исследования информационных технологий в зеленых умных городах выделяются такие ключевые понятия, как искусственный интеллект, интернет вещей, большие данные, облачные вычисления и датчики. Передовые технологии, такие как интернет вещей и анализ данных, играют важнейшую роль в модернизации городской инфраструктуры, улучшении качества городских услуг и повышении уровня жизни граждан [7, с. 1719].

На уровне устойчивого развития зеленых умных городов акцент делается на ключевых понятиях — устойчивое развитие, циклическая экономика и устойчивый город. Концепция умного города направлена на интеграцию целей устойчивого развития с процессами урбанизации, подчеркивая эффективность использования ресурсов и минимизацию воздействия на окружающую среду [9, с. 20].

В исследованиях оценочных показателей зеленых умных городов выделяются такие ключевые категории, как механизмы воздействия, зеленые инновации, энергопотребление и углеродные выбросы. Зеленые умные города представляют собой стратегически важное направление в достижении целей углеродной нейтральности, а также в формировании экологической цивилизации¹.

¹ 中研普华产业研究院.《2024–2029年智慧城市产业现状及未来发展趋势分析报告》, 2025年3月. [Электронный ресурс] С. 259. URL: <https://www.chinairn.com/news/20250306/173749866.shtml>. (дата обращения: 15.05.2025).

На уровне изучения путей реализации зеленых умных городов ключевыми понятиями являются: экологически дружелюбная система, городское планирование, энергетическое управление и беспроводные сенсорные сети. Интеграция зеленых зон в городские пространства способствует экологической устойчивости и может служить естественным фильтром для возобновляемых источников энергии [8, с. 1].

Материалы и методы

Основываясь на существующих исследованиях в области умных городов и зеленых умных городов, данная работа проводит систематический анализ концепции «зеленого умного города» и международного опыта его реализации. На основе изучения научных публикаций на русском, китайском и английском языках анализируются различные подходы к строительству зеленых умных городов.

В процессе работы применялись: 1) исторический и институциональный методы при анализе истории градостроительства в целом и развития умных городов в частности; 2) сравнительный метод для сопоставления условий развития умных городов в России и в Китае и оценки сходства и различия их базовых условий; 3) концептуальный контент-анализ (при изучении основных документов по строительству зеленого умного города из российских и китайских правительственных ведомств, международных организаций, консалтинговых фирм и т. д.), а также статистический анализ вторичных данных, полученных из перечисленных источников.

В данном исследовании учитываются различные факторы, влияющие на городское развитие, а также конкретные условия России и Китая. С применением метода SWOT-анализа выявляются сильные стороны (Strengths), слабые стороны (Weaknesses), возможности (Opportunities) и угрозы (Threats) для строительства зеленых умных городов в этих странах. Кроме того, проведена оценка и дан прогноз развития зеленых умных городов, что способствует формированию научно обоснованных стратегий государственного управления. Полученные результаты имеют важное значение для оптимального распределения ресурсов, создания комфортной городской среды и повышения качества жизни населения.

Результаты

Сильные стороны (Strengths)

Россия обладает богатыми природными ресурсами, что создает значительный потенциал для развития зеленой энергетики и внедрения экологически чистых технологий. Кроме того, передовые технологии управления энергоресурсами позволяют повысить энергоэффективность и сократить уровень загрязнения окружающей среды. С 2019 по 2024 г. Правительством РФ утверждены национальный проект «Жилье и городская среда»¹ и национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»². В рамках указанных целевых программ Минстроем России реализуется ведомственный проект цифровизации городского хозяйства «Умный город»³, направленный на повышение конкурентоспособности российских городов, формирование эффективной системы управления городским хозяйством, создание безопасных и комфортных условий для жизни горожан. Концепт «Умный город» реализован в Москве в таких разделах, как «Умный транспорт», «Умный дом», частично в разделе «Умные системы жизнеобеспечения», созданы системы ЕРЦ, портал Мос.ру, ЕМС, Сбер и пр. [6, с. 22]. Степень цифровизации российской энергетики достигла мирового уровня. В ряде городов, таких как Подольск, Новый Уренгой, Ульяновск, планируется реализовать пилотные проекты по развитию умной энергетики. Российские нефтегазовые компании, в частности ПАО «Газпром нефть», уже успешно внедрили

¹ Национальный проект «Жилье и городская среда» [Электронный ресурс]. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/trades/natsionalnye-proekty/natsionalnyy-proekt-zhilye-i-gorodskaya-sreda/> (дата обращения: 30.05.2025).

² Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 30.05.2025).

³ Приказ Минстроя России от 25 декабря 2020 г. № 866/пр «Об утверждении Концепции проекта цифровизации городского хозяйства «Умный город» [Электронный ресурс]. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/docs/81884/> (дата обращения: 30.05.2025).

системы управления энергоресурсами. «Газпром нефть» оценивает рост добычи нефти до 3% к 2030 г. за счет цифровой трансформации¹.

Согласно отчету «Всеобъемлющее исследование рынка и прогноз развития индустрии строительства умных городов в Китае на 2024–2029 годы», опубликованному China Research Institute Puhua, в последние годы рынок умных городов в Китае демонстрирует устойчивый рост. Ожидается, что к 2025 г. его объем превысит 30 трлн юаней. Эта тенденция роста обусловлена совокупным воздействием нескольких факторов, включая государственную поддержку, технологический прогресс и растущий рыночный спрос [15, с. 2]. 31 июля 2024 г. Государственный совет Китая издал «Пятилетний план действий по углубленной реализации новой стратегии урбанизации, ориентированной на человека», в котором четко обозначена необходимость продвижения строительства зеленых умных городов. Для достижения этой цели города уровня префектур и выше ускорят создание систем раздельного сбора и переработки бытовых отходов, а также активизируют внедрение зеленых строительных материалов, чистого отопления и распределенной солнечной энергетики. Кроме того, технологии цифровизации, сетевой интеграции и интеллектуального управления будут активно применяться при строительстве новой городской инфраструктуры. Ярким примером является проект «Городской мозг» (City Brain) в Ханчжоу, который представляет собой инновационную платформу для городского управления. Он использует передовые технологии больших данных, облачных вычислений и искусственного интеллекта для создания интеллектуального центра управления городом, обеспечивающего эффективную координацию и оптимизацию городских процессов.

В 2020 г. «Городской мозг» г. Ханчжоу был дополнительно модернизирован и обновлен до версии 3.0 с акцентом на более тесную интеграцию цифровых данных. Обновленная система повысила «цифровой иммунитет» города к таким событиям, как стихийные бедствия и пандемии (в т. ч. COVID-19). City Brain 3.0 может отслеживать тайфун до того, как он достигнет суши, моделировать его потенциальный путь через город и активировать соответствующие системы и ресурсы реагирования на чрезвычайные ситуации путем заблаговременного предупреждения [2, с. 116–120].

В 2024 г. объем инвестиций в рынок ИКТ (информационно-коммуникационных технологий) умных городов Китая составит 939,71 млрд юаней. Согласно прогнозу IDC, к 2028 г. этот показатель достигнет 1,2 трлн юаней, а среднегодовой совокупный темп роста (CAGR) за период 2023–2028 гг. составит 7,1% [15, с. 2].

Слабые стороны (Weaknesses)

Основными слабостями России в контексте строительства зеленых умных городов являются высокие административные барьеры и проблемы с финансированием. Также наблюдается недостаточная вовлеченность частного капитала и технологических компаний, что ограничивает инновационные возможности и развитие в сфере зеленых технологий. Уровень рыночной зрелости в данной области остается относительно низким, что затрудняет эффективное продвижение инициатив в сфере умных и зеленых городов. Основным инициатором проекта «Умный город» являются органы государственной власти муниципалитетов, которые могут принимать решения в течение продолжительного периода времени. Проект «Умный город» рассчитан на шесть лет — с 1 декабря 2018 г. по 31 декабря 2024 г. Его основными участниками являются компании «Ростелеком», «Ростех» и «Росатом»². В России уровень распространения широкополосного Интернета остается низким, а развитие телекоммуникационной инфраструктуры идет медленно, что негативно влияет на темпы строительства зеленых городов. В частности, в отдаленных районах, например, в Республике Коми, инфраструктура, интернет-сети по-прежнему развиваются преимущественно вдоль транспортных и экономических осей, что замедляет процесс урбанизации и внедрения современных технологий в таких регионах [3, с. 143].

¹ Институт энергетики. Цифровизация энергетики. [Электронный ресурс] // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://energy.hse.ru/digitalization> (дата обращения: 01.02.2025).

² Светлана Волохина. Инвестиции в IQ: проект «Умный город» оценили в 12,5 млрд рублей [Электронный ресурс] // Известия.ру. 15.10.2018. URL: <https://iz.ru/799836/svetlana-volokhina/investicii-v-iq-proekt-umnyi-gorod-otcenili-v-125-mlrd-rublei> (дата обращения: 22.03.2025).

Слабые стороны Китая в строительстве зеленых умных городов заключаются в том, что одной из основных проблем является значительное различие в уровне инфраструктуры между городом и деревней. Более 70% выбросов углерода в Китае исходят от городов, при этом в области зеленого строительства и управления городами существует нехватка стандартов и структурных систем. В некоторых сельских районах из-за сложного рельефа и труднодоступности широкополосный Интернет и высокоскоростная беспроводная сеть еще не охватывают все территории, что приводит к «слепым зонам» и «проблемным участкам» в процессе строительства умных городов. Другим важным ограничением является недостаточная интеграция и обмен информацией. В настоящее время в городах накоплены огромные массивы данных, но эти данные часто находятся в изолированных системах государственных органов, коммунальных предприятий, операторов связи и интернет-компаний, что приводит к возникновению информационных островков. С 2011 г. Китай начал реализовывать ряд политик и мер по продвижению открытого использования данных. С расширением масштабов строительства умных городов постепенно расширяется и область открытых данных, что способствует улучшению обмена и совместному использованию данных в различных областях на национальном уровне [14, с. 69].

Возможности (Opportunities)

Основными возможностями для России в контексте строительства зеленых умных городов являются стимулирование цифровой экономики и переход к зеленой экономике. В июле 2017 г. Правительством РФ была принята программа «Цифровая экономика Российской Федерации»¹. Согласно этой программе создание «умных городов» определяется в качестве одной из ключевых задач развития цифровой экономики страны [1, с. 75]. Россия сосредоточила внимание на содействии устойчивому развитию городов путем включения принципов зеленой экономики в структуру умного города, рассматривая применение зеленых технологий в качестве приоритета экономического развития, ускоряя строительство «зеленых» зданий.

Ключевые возможности для Китая в строительстве зеленых умных городов заключаются в углублении международного сотрудничества и переходе к зеленой низкоуглеродной трансформации. Китай активно экспортирует опыт и технологии в области умных городов и зеленых технологий в страны, расположенные вдоль исторического Шелкового пути и участвующие в китайской инфраструктурной программе «Один пояс — один путь», что способствует усилению глобального влияния. Китай разрабатывает цели для устойчивого развития, направленные на низкоуглеродную трансформацию экономики, а также поддерживает инновации в области умной энергетики, умного транспорта, умных зданий и других технологий, способствующих устойчивому развитию [14, с. 61].

Угрозы (Threats)

Основной угрозой для России являются геополитические факторы, в частности, экономические санкции со стороны западных стран, которые замедляют экономический рост страны и затрудняют доступ к передовым технологиям и инвестициям. Это сказывается на способности России развивать зеленые умные города и привлекать необходимые инвестиции. К тому же Россия сталкивается с дефицитом рабочей силы, особенно в таких областях, как городское планирование, информационные технологии и экономическое развитие, а также с недостатком квалифицированных специалистов и экспертов. В будущем можно пригласить международных и отечественных экспертов в области городского планирования, IT и экономического развития, чтобы решить проблемы модернизации городской инфраструктуры.

Для Китая основными угрозами являются международные торговые трения и угрозы для безопасности данных. В некоторых ключевых технологических областях страны сталкиваются с технологической монополией со стороны стран Европы и США, что может негативно повлиять на экспорт технологий, связанных с зелеными умными городами, а также на международное сотрудничество в этой сфере. С увеличением числа инцидентов, связанных с утечками данных и нарушениями конфиденциальности, Китай

¹ Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 30.05.2025).

сталкивается с серьезными вызовами для обеспечения безопасности в ключевых инфраструктурных секторах, таких как банковский сектор, телекоммуникации, энергетика и интернет-компании. Эти утечки не только наносят серьезный ущерб компаниям, но и могут представлять угрозу для общественной, а в некоторых случаях и для национальной безопасности [16, с. 133].

Обсуждение

Ниже приведено обобщение четырех элементов, сведенных в таблицу (табл. 1). Россия и Китай все больше интегрируют устойчивое развитие в городское планирование, и обе страны активно исследуют инновационные подходы для решения экологических проблем, повышая уровень интеллектуальных технологий и совершенствуя системы управления. Сравнив их подходы, можно отметить, что выдвинутая нами гипотеза подтверждается. Политика России в отношении умных зеленых городов представляет собой сочетание централизованного руководства и местных пилотных проектов, при этом больше внимания уделяется кибербезопасности и совершенствованию инфраструктуры, а также продвижению интеграции зеленой экономики. Политика Китая в отношении умных зеленых городов носит системный и исполнительный характер и уделяет больше внимания применению искусственного интеллекта и 5G при строительстве, содействуя развитию зеленых и низкоуглеродных городов [12]. Нам представляется, что сочетание двух этих подходов со своими преимуществами может дать дополнительный толчок развитию умных городов.

Таблица 1

Сравнительный анализ зеленых умных городов в России и Китае на основе SWOT

Table 1. Comparative Analysis of Green Smart Cities in Russia and China Based on SWOT

SWOT	Россия	Китай
Преимущества	Государственное руководство в строительстве умных городов; Передовые технологии управления энергоресурсами; Развитая транспортная инфраструктура	Высокие государственные инвестиции; Растущий рыночный спрос; Лидерство в технологиях 5G, ИИ, больших данных
Слабые стороны	Высокие административные барьеры, затрудняющие финансирование; Низкое покрытие сети 5G	Недостаточная интеграция и обмен информацией; Значительное различие в уровне инфраструктуры между городом и деревней
Возможности	Интеграция зеленой экономики; Рост цифровой экономики	Сотрудничество в рамках «Пояса и пути»; Переход к зеленой низкоуглеродной трансформации
Угрозы	Геополитическое влияние; Недостаток рабочей силы	Международные торговые трения; Международная конкуренция в области технологий

Источник: составлено авторами

Заключение

На данный момент строительство зеленых умных городов в России и Китае все еще находится на этапе увеличения числа проектов умных городов, и в целом существует разрыв в их концепциях и подходах по сравнению с другими развитыми странами. Поэтому в области создания инновационно ориентированных и устойчиво развивающихся городов необходимо запускать пилотные проекты, которые могли бы служить образцом для подражания и ускорить переход от количественного к качественному развитию умных городов.

В будущем Китай может помочь России ускорить развитие 5G, ИИ и интернета вещей (IoT), что позволит улучшить инфраструктуру зеленых умных городов в России. В свою очередь, Россия может предоставить Китаю технологическую поддержку в области умной безопасности и управления энергоресурсами, что повысит уровень зеленых умных городов в Китае. В этом контексте потенциал для сотрудничества между Россией и Китаем в области зеленых умных городов огромен.

Список литературы

1. Веселова А. О., Хацкелевич А. Н., Ежова Л. С. Перспективы создания «умных городов» в России: систематизация проблем и направлений их решения // Вестник ПГУ. Серия: Экономика. 2018. Т. 13, № 1. С. 75–90. EDN: YVHXSW. DOI: 10.17072/1994-9960-2018-1-75-89.
2. Головенчик Г. Г., Сюе Цяньвэнь, Беликов С. Н. Опыт строительства платформ City Brain в умных городах Китая и возможность его использования в Республике Беларусь // Бизнес. Образование. Право. Ноябрь 2022. № 4 (61). С. 116–120. EDN: HMZQRK. DOI: 10.25683/VOLBI.2022.61.463.
3. Куратова Л. А. Особенности развития икт в условиях пандемии COVID-19 // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2022. № 2. С. 142–163. EDN: AEGDXL. DOI: 10.15593/2224-9354/2022.2.10.
4. Масцевая Т. С. Инновации в области экологии: новые технологии и практики // Вестник науки. 2023. № 7 (64). С. 358–362. EDN: MHFJOS.
5. Медведева Л. Н. Стратегический консорциум: «Зеленые» и «Умные» города — будущее России // Россия: тенденции и перспективы развития. 2019. № 14-1. С. 847–854. EDN: ZEHWZN.
6. Мишуринов В. В., Червонцева М. А. Основные характеристики «умного города» // Вестник Московского информационно-технологического университета — Московского архитектурно-строительного института. 2023. № 2. С. 18–23. EDN: AINYGF. DOI: 10.52470/2619046X_2023_2_18.
7. Gracías J. S., Parnell G. S., Specking E. [et al.] Smart cities — A Structured Literature Review // Smart Cities. 2023. No. 6 (4). P. 1719–1743. DOI: 10.3390/smartcities6040080.
8. Hui C. X., Dan G., Alamri S., Toghraie D. Greening Smart Cities: An Investigation of the Integration of Urban Natural Resources and Smart City Technologies for Promoting Environmental Sustainability // Sustainable Cities and Society. 2023. Vol. 99. P. 104985. DOI: 10.1016/j.scs.2023.104985.
9. Thomas G. A. S., Muthukaruppasamy S., Kumar S., Krishnan S. A Review of Green IT, Computing-Enabled, Sustainability-Based Cities. In: Green Computing for Sustainable Smart Cities. 2024. P. 20–37. DOI: 10.1201/9781003388814-2.
10. Xie L., Tan-Mullins M., Cheshmehzangi A. Political Ecology of Chinese Smart Eco-cities. Palgrave Macmillan, Singapore, 2019. P. 57–78. DOI: 10.1007/978-981-13-3350-7_4.
11. 谢逸. 基于文献计量学的绿色智慧城市研究动态综述[J]. 现代商贸工业. 2024, 45(16): 15–17. DOI: 10.19311/j.cnki.1672-3198.2024.16.006. [Xie Y. A Dynamic Review of Green Smart City Research Based on Bibliometrics // Modern Commerce and Industry, 2024. No. 45 (16). P. 15–17. DOI: 10.19311/j.cnki.1672-3198.2024.16.006.] (In Chinese).
12. 李友东, 闫晨丽, 赵云辉, 等. 互利共赢, 还是独善其身? “双碳”目标下绿色智慧城市建设的分析[J]. 系统管理学报, 2024, 33(01): 259–274. [Li Yudong, Yan Chenli, Zhao Yunhui [et al.] Mutual Benefit and win-win or Self-Sufficiency? Analysis of Green Smart City Construction under the “Double carbon” Target // Journal of System Management. 2024. No. 33 (01). P. 259–274.] (In Chinese).
13. 卢东琪. 推动绿色智慧城市建设 助力提升国家治理能力现代化[J]. 中国经贸导刊, 2020(09): 59–61. [Lu Dongqi. Promoting the Construction of Smart Green Cities and Assisting in Improving the Modernization of National Governance Capabilities // China Economy and Trade Guide. 2020. Vol. 9. P. 59–61.] (In Chinese).
14. 卢亚灵, 王廷玉, 蒋洪强. 国内外生态环境智慧治理比较及对我国的启示[J]. 环境保护, 2023, 51(20): 67–71. DOI: 10.14026/j.cnki.0253-9705.2023.20.005. [Lu Yaling, Wang Tingyu, Jiang Hongqiang. Comparison of Reasonable Ecological Environment Management at Home and Abroad and Its Significance to My Country // Environmental Protection. 2023. No. 51 (20). P. 67–71. DOI: 10.14026/j.cnki.0253-9705.2023.20.005.] (In Chinese).
15. Janice Jin. 中国智慧城市ICT市场预测(2024–2028年). IDC. 2024年11月. [Janice Jin. China Smart City ICT Market Forecast (2024–2028) // IDC. November 2024. URL: <https://www.idc.com/getdoc.jsp?containerId=CHC51517324&isAdvancedSearch=true>.] (In Chinese).
16. 王璐, 毕盈. 基于SWOT分析的生态城市与智慧城市建设研究[J]. 建筑与文化, 2024(05): 132–134. DOI: 10.19875/j.cnki.jzywh.2024.05.043. [Wang Lu, Bi Ying. Research on the Construction of Eco-City and Smart City Based on SWOT Analysis // Architecture and Culture. 2024. Vol. 5. P. 132–134. DOI: 10.19875/j.cnki.jzywh.2024.05.043.] (In Chinese).

Об авторах:

Лю Ин, аспирант юридического института кафедры публичной политики и истории государства и права Российского университета дружбы народов (Москва, Россия);
e-mail: ly6086805@163.com; ORCID: 0009-0009-1529-4770

Степанов Сергей Александрович, профессор кафедры публичной политики и истории государства и права Российского университета дружбы народов (Москва, Россия), доктор исторических наук, профессор;
e-mail: stepanov-sa@rudn.ru; ORCID: 0000-0003-4682-0445

References

1. Veselova, A. O., Khatskelevich, A. N., Ezhova, L. S. Prospects to Create "Smart Cities" in Russia: Classification of Problems and Their Solutions // Perm University Herald. Economy. 2018. Vol. 13, No. 1. P. 75–90. (In Russ.). EDN: YVHXSX. DOI: 10.17072/1994-9960-2018-1-75-89.
2. Goloventchik, G. G., Xue, Qianwen, Belikov, S. N. Experience in Building City Brain Platforms in Smart Cities in China and the Possibility of Its Use in the Republic of Belarus // Business. Education. Law. 2022. No. 4 (61). P. 114–120. (In Russ.). EDN: HMZQRK. DOI: 10.25683/VOLBI.2022.61.463.
3. Kuratova, L. A. Features of ICT Development during the COVID-19 Pandemic // PNRPU Sociology and Economics Bulletin. 2022. No. 2. P. 142–163. (In Russ.). EDN: AEGDXL. DOI: 10.15593/2224-9354/2022.2.10.
4. Mascevaya, T. S. Innovations in the Field of Ecology: New Technologies and Practices // Science Bulletin. 2023. No. 7 (64). P. 358–362. (In Russ.). EDN: MHFJOS.
5. Medvedeva, L. N. Strategic Consortium: "Green" and "Smart" Cities — the Future of Russia // Russia: Development Trends and Prospects. 2019. No. 14–1. P. 847–854. (In Russ.). EDN: ZEHWZN.
6. Mishurin, V. V., Chervontseva, M. A. The Main Characteristics of the "Smart City" // Bulletin of MASI. 2023. No. 2. P. 18–23. (In Russ.). EDN: AINYGf. DOI: 10.52470/2619046X_2023_2_18.
7. Gracias, J. S., Parnell, G. S., Specking E. [et al.] Smart cities — A Structured Literature Review // Smart Cities. 2023. No. 6 (4). P. 1719–1743. DOI: 10.3390/smartcities6040080.
8. Hui, C. X., Dan, G., Alamri, S., Toghraie, D. Greening Smart Cities: An Investigation of the Integration of Urban Natural Resources and Smart City Technologies for Promoting Environmental Sustainability // Sustainable Cities and Society. 2023. Vol. 99. P. 104985. DOI: 10.1016/j.scs.2023.104985.
9. Thomas, G. A. S., Muthukaruppasamy, S., Kumar, S., Krishnan, S. A Review of Green IT, Computing-Enabled, Sustainability-Based Cities. In: Green Computing for Sustainable Smart Cities. 2024. P. 20–37. DOI: 10.1201/9781003388814-2.
10. Xie, L., Tan-Mullins, M., Cheshmehzangi, A. Political Ecology of Chinese Smart Eco-cities. Palgrave Macmillan, Singapore, 2019. P. 57–78. DOI: 10.1007/978-981-13-3350-7_4.
11. Xie, Y. A Dynamic Review of Green Smart City Research Based on Bibliometrics // Modern Commerce and Industry, 2024. No. 45 (16). P. 15–17. (In Chinese). DOI: 10.19311/j.cnki.1672-3198.2024.16.006.
12. Li, Yudong, Yan, Chenli, Zhao, Yunhui [et al.] Mutual Benefit and win-win or Self-Sufficiency? Analysis of Green Smart City Construction under the "Double carbon" Target // Journal of System Management. 2024. No. 33 (01). P. 259–274. (In Chinese).
13. Lu, Dongqi. Promoting the Construction of Smart Green Cities and Assisting in Improving the Modernization of National Governance Capabilities // China Economy and Trade Guide. 2020. Vol. 9. P. 59–61. (In Chinese).
14. Lu, Yaling, Wang, Tingyu, Jiang, Hongqiang. Comparison of Reasonable Ecological Environment Management at Home and Abroad and Its Significance to My Country // Environmental Protection. 2023. No. 51 (20). P. 67–71. (In Chinese). DOI: 10.14026/j.cnki.0253-9705.2023.20.005.
15. Janice, Jin. China Smart City ICT Market Forecast (2024–2028). IDC. November 2024. URL: <https://www.idc.com/getdoc.jsp?containerId=CHC51517324&isAdvancedSearch=true> (accessed: 03/17/2025). (In Chinese).

16. Wang, Lu, Bi, Ying. Research on the Construction of Eco-City and Smart City Based on SWOT Analysis // Architecture and Culture. 2024. Vol. 5. P. 132–134. DOI: 10.19875/j.cnki.jzywh.2024.05.043. (In Chinese).

About the authors:

Liu Ying, PhD Student in the Law Institute, Department of Public Policy and History of State and Law, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia);
e-mail: ly6086805@163.com; ORCID: 0009-0009-1529-4770

Sergey A. Stepanov, Professor, Department of Public Policy and History of State and Law, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russia), Doctor of Science (History), Professor;
e-mail: stepanov-sa@rudn.ru; ORCID: 0000-0003-4682-0445

Молодежь стран — членов ЕАЭС объединяется для содействия здоровому долголетию

В Институте демографических исследований ФНИСЦ РАН и Научном совете «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» при Отделении общественных наук РАН в первом квартале 2025 г. была организована работа молодежной секции Научного совета, которая завершилась дискуссией с элементами деловой игры на тему «Социальный и правовой механизмы предупреждения телефонного мошенничества в отношении пожилых граждан в ЕАЭС». Предварительную аналитическую работу на протяжении трех месяцев провела группа молодых и опытных ученых. А 28 марта 2025 г. был реализован итоговый, презентационный этап. В мероприятии были задействованы участники из Армении, Беларуси, Казахстана, Китая, Колумбии, Кубы, Кыргызстана, Молдовы, России и Узбекистана.

Сценарий деловой игры имел в виду следующие цели: проанализировать причины распространения телефонного мошенничества в отношении пожилых граждан в государствах — членах ЕАЭС; изучить социальный и правовой механизм профилактики телефонного мошенничества в отношении пожилых граждан в ЕАЭС; разработать эффективные социальные и правовые меры подавления телефонного мошенничества в отношении пожилых граждан в ЕАЭС. Он предусматривал четыре самостоятельных элемента: инсценировку реального эпизода мошенничества, брифинг с представителями СМИ, презентации с результатами аналитической работы команд и заседание экспертного совета по данной теме.

Частью игры стал брифинг представителей СМИ, в ходе которого были заслушаны различные мнения о причинах и мерах борьбы с телефонным мошенничеством. На стульях в свободных позах рассажены «журналисты» — участники брифинга представителей СМИ. У каждого — бумажный картуз, лента во круг лба или табличка на груди с надписями представляемого органа массовой информации: ТАСС, РИА, МК, «Правда», КП, РГ, «Лента», РБК. В высказываниях, как всегда, не обошлось без крайностей и резких оценок. Но в целом все сошлись в том, что проблема действительно назрела, нужны эффективные меры борьбы с этим новым, народившимся злом — телефонным мошенничеством. В ходе игры команды представили свои презентации. В экспертную аналитическую работу включились несколько команд:

- «Юристы» (руководитель: В. Б. Исаков, профессор факультета права, Национальный исследовательский университет — Высшая школа экономики, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук);
- «Сотрудники правоохранительных органов» (руководитель: В. Ю. Волчков, старший научный сотрудник ИНИОН РАН, ответственный секретарь Координационного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума, кандидат исторических наук);
- «Государственные служащие» (руководитель: И. В. Лескова, заведующий кафедрой политологии и права, Государственный университет просвещения, доктор социологических наук, кандидат политических наук);
- «Врачи» (руководитель: К. А. Шуклина, врач-кардиолог ГБП «Поликлиника Троицкая ДЗМ»; аспирант кафедры организации здравоохранения и общественного здоровья, Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы);
- «Социальные работники» (руководитель: Я. Б. Якубович, преподаватель кафедры общественно-социальных институтов и социальной работы, Российский государственный социальный университет);

- «Члены домового комитета» (руководитель: А. И. Димитрюк, старший преподаватель, аспирант кафедры социологии и социальных технологий, Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко);
- «Родственники» (руководитель: М. В. Рославцева, младший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, заместитель председателя Молодежной секции Научного совета «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» при ООН РАН);
- «Консультанты по искусственному интеллекту» (руководитель: Е. Н. Бессмольная, доцент кафедры естественнонаучных дисциплин, Московский Международный университет, кандидат технических наук).

Руководители команд не только сопровождали работу команд, но и представили свои собственные разработки. Так, участники команд в течение трех месяцев собирали у пожилых людей кейсы, представляющие реальные ситуации. «Консультанты по искусственному интеллекту» подготовили по данным кейсам короткие информационные видеоролики по теме мероприятия.

Подводя итог, эксперты «Центра оценки проектов» дали комплексную характеристику докладам команд. В презентациях команд были затронуты вопросы взаимосвязи интеграционных процессов и демографической проблематики, связанной с содействием здоровому долголетию и повышению продолжительности жизни населения на пространстве ЕАЭС.

С приветственным словом к участникам расширенного заседания Молодежной секции обратились директор Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, кандидат физико-математических наук М. Н. Храмова, и. о. заведующего Отделом исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, заместитель Председателя Научного совета «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» при ООН РАН, доктор социологических наук Т. Н. Юдина.

Вдохновителями игры являются главный научный сотрудник Отдела исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, председатель Молодежной секции Научного совета «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» при ООН РАН, доктор социологических наук О. А. Волкова, профессор факультета права Национального исследовательского университета — Высшая школа экономики, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук В. Б. Исаков, старший научный сотрудник ИНИОН РАН, ответственный секретарь Координационного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума, кандидат исторических наук В. Ю. Волчков.

Организационную работу по проведению мероприятия осуществляли младший научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, заместитель председателя Молодежной секции Научного совета «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» при ООН РАН М. В. Рославцева, преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки ФГКОУ ВО «Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И. Д. Путилина» И. А. Тюрин и аспирант Российского государственного социального университета Д. А. Бесфамильный.

В конце игры ее участники были проинформированы о только что принятом Государственной Думой Федеральном законе «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который предусмотрел ряд новых актуальных мер по борьбе с телефонным мошенничеством.

1. *Создание единой платформы для борьбы с мошенничеством.* Она поможет еще эффективнее предотвращать и пресекать телефонное и онлайн-мошенничество, в том числе оперативно реагировать при выявлении фишинговых сайтов.
2. *Мессенджеры для госучреждений и банков.* Сотрудникам госучреждений, банков и операторов связи запрещается использовать иностранные мессенджеры для внешнего рабочего общения

с гражданами. Нововведение также затронет компании с преимущественным госучастием. Для личного общения сотрудники организаций по-прежнему смогут использовать любые мессенджеры.

3. *Идентификация и маркировка на маркетплейсах.* Цифровые платформы смогут предложить пользователям возможность дополнительной защиты аккаунта при помощи биометрии. Продавцы смогут при желании пройти верификацию через Госуслуги. Их учетные записи на цифровых платформах будут помечены специальным визуальным индикатором. Функция позволит покупателям отличить надежных поставщиков от мошенников.
4. *Запрет на отправку СМС во время разговора.* Теперь во время телефонного соединения отправка СМС от Госуслуг при авторизации или смене пароля станет невозможной. Сообщение будет доставлено только после завершения звонка.
5. *Ограничение на спам-звонки.* Массовые телефонные вызовы будут осуществляться только при условии получения предварительного согласия абонента, а при направлении отказа оператору связи возможность их получения будет исключена, кроме таких вызовов от органов власти и организаций по определенному Правительством перечню.
6. *Самозапрет на оформление сим-карт.* Согласно новому закону, граждане смогут через Госуслуги или МФЦ установить самозапрет на заключение договоров об оказании услуг связи без личного присутствия. Это защитит от мошенников, которые регистрируют номера на чужие имена.
7. *Установление доверенных лиц для банковских операций.* Можно будет назначить доверенное лицо, к которому банк сможет обращаться для подтверждения финансовых операций, например, при переводе денег на чужой счет. Его будет назначать сам гражданин.
8. *Маркировка звонков.* При входящем звонке на экране телефона будет отображаться, какая организация звонит, например банк или служба доставки. Это поможет гражданам отличить официальные вызовы от мошеннических.
9. *Передача сим-карт исключительно близким родственникам.* Пользоваться сим-картой сможет только ее владелец. В исключительных случаях она может быть передана близким родственникам: супругам, детям, родителям, дедушкам, бабушкам, внукам, а также родным и сводным братьям и сестрам. Так у телефонных мошенников не будет шансов воспользоваться чужим номером. Перечисленные меры направлены на защиту граждан от мошенничества и усиление безопасности в цифровой среде. Некоторые из них были спрогнозированы и обсуждались в презентациях экспертных групп на деловой игре.

По итогам проведенного мероприятия намечены планы по аналитическому и научно-исследовательскому сотрудничеству Молодежной секции Научного совета «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» при ООН РАН и молодежных научных сообществ, занимающихся вопросами демографии и интеграции. Организаторы провели международную аналитическую игру в третий раз, и это становится хорошей традицией.

Волкова О. А.,

д. соц. н., Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Исаков В. Б.,

д. ю. н., Высшая школа экономики

Волчков В. Ю.,

к. и. н., Координационный совет Евразийского информационно-аналитического консорциума

Тюрин И. А.,

Белгородский юридический институт МВД России им. И. Д. Путилина

ПРАВИЛА
оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией
международного научно-аналитического журнала
«ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА»

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей должен быть не более 40 000 знаков, но не менее 16 000 знаков с пробелами.

Оригинальность статьи должна быть не менее 65%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

2. Каждая статья должна быть сопровождается сведениями об авторе(-ах) (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город и страна.

3. Рукопись статьи должна содержать реферат (аннотацию) и ключевые слова.

Статьи без реферата (на русском и английском языках) не рассматриваются.

Реферат не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем — 250–300 слов. В реферате обязательно указываются: **Цель, Задачи, Методология, Результаты, Выводы** (по 1–2 предложения для каждого пункта), в английском варианте, соответственно, **Aim, Tasks, Methods, Results, Conclusion**.

4. Рукопись статьи должна содержать ключевые слова — 5–7 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов.

5. Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

6. Список литературы в конце статьи дается в алфавитном порядке. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод. В тексте дается ссылка в квадратных скобках, например [7, с. 625].

7. Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи.

8. Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов WordArt в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования).

Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

2025. Том 19, № 2

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА**

Международный научно-аналитический журнал

Выходит 4 раза в год

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Выпускающий редактор
Е. А. ЛЫСУНЕЦ
lysunets-ea@ranepa.ru

Верстка
А. Л. СЕРГЕЕНОК

Дата выхода в свет 30.06.2025.

Подписано к печати: 15.06.2025

Формат 84×108 ¹/₁₆, Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 12,125. Тираж 100 экз.

Заказ № 2/2025.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-72803 от 25 мая 2018 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-72